

Н О В Ы Й
М И Р

Н О В Ы Й
М И Р

1

1975

1975

Н О В Ы Й М И Р

ЛИТЕРАТУРНО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И НАУЧНЫЙ
Ж У Р Н А Л

1

1 9 2 5

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЯНВАРЬ.

№ 1.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Н. Никандров.—Гурты, из повести „Скотина“	3
С. Басов-Верхоянец.—Лубок, из поэмы „Калинов-Город“	36
Вд. Лидин.—Рыбаки, повесть	40
Пант. Романов.—Буква „И“. Домовой, рассказы	72
В. Брюсов.—Юношеские стихотворения	78
С. Шпицер.—Жизнеописание Н. А. Некрасова	81
Н. А. Некрасов.—Автобиография	83
А. Луначарский.—Анатоль Франс, статья	91
Ю. Стеклов.—Российские царисты и германские империалисты (из истории германской интервенции)	100
Ю. С.—Наследие Ленина, статья	124
В. И. Ленин.—О диктатуре пролетариата. (Неопубликованная рукопись)	131
Вас. Каменский.—По Советской земле: По Пермским деревням, очерк	146
Проф. Н. Никольский.—Астрономический переворот в исторической науке, статья	157
Проф. Мультиановский.—Наводнения в Ленинграде, статья	176
Проф. Б. Лобач-Жученко.—Последние достижения науки и техники	184

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИЗВЕСТИЙ ЦИК СССР и ВЦИК“
МОСКВА — 1925.

НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1925 г.

№ 1

Январь, 1975 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР»	7
К ЧИТАТЕЛЯМ	9
Г. ГОЛИКОВ — <i>Неиссякаемый источник вдохновения</i>	11
✓ ВЛ. ЛИДИН — Рассказы	25
✓ ИЗ ПОЭЗИИ «НОВОГО МИРА» ЗА 50 ЛЕТ	35
ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
ЛЕОНИД ШИНКАРЕВ — <i>Большой чертеж Сибири</i>	147
ПУБЛИЦИСТИКА	
НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ	
М. ТРОИЦКИЙ — <i>На новом этапе</i>	169
<i>К 150-летию восстания декабристов</i>	
Г. НЕВЕЛЕВ — <i>Царизм — перед судом истории</i>	180
В МИРЕ НАУКИ	
А. БЕРГ — <i>Непрерывность технического прогресса</i>	197
ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВ — <i>Откровения и наука</i>	203
ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	
✓ ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ — <i>Неизданное</i>	211
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД	227
✓ В. ЖДАНОВ — <i>Большая жизнь Некрасова</i>	229
ВАДИМ КОВСКИЙ — <i>Труд сеятеля</i>	238
✓ Т. МОТЫЛЕВА — <i>Анатоль Франс — классик XX века</i>	245

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

	Стр.
И. КОХНО — Обращено к современности	255
ОСИП РЕЗНИК — Основатель жанра. Несколько страниц о Сергее Басове-Верхоянцева	259
ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОЛУВЕКА	263
КОРОТКО О КНИГАХ — И. Евгеньева. — Станислав Славич. Крымские повести. ✦ Михаил Поздняев. — Владимир Лифшиц. Избранные стихи. ✦ Б. Сарнов. — И.С. Немилова. Загадки старых картин	284
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	287

Редакции журнала «Новый мир»

Секретариат Правления Союза писателей СССР сердечно поздравляет редакционную коллегию, сотрудников, авторский актив «Нового мира» с полувековым юбилеем журнала.

«Новый мир» является одним из крупных литературно-художественных и общественно-политических журналов страны, сыгравшим большую роль в становлении и развитии советской многонациональной литературы.

С первых номеров, вышедших в 1925 году, журнал активно включился в созидание новой жизни, строительство новой, социалистической культуры. В «Новом мире» впервые были опубликованы неизданные рукописи В. И. Ленина о диктатуре пролетариата. В журнале выступали видные деятели Коммунистической партии и Советского государства М. И. Калинин, А. В. Луначарский, И. И. Скворцов-Степанов, В. Д. Бонч-Бруевич.

Журнал вправе гордиться тем, что на его страницах печатались произведения основоположников литературы социалистического реализма М. Горького и В. Маяковского, крупнейших мастеров слова М. Шолохова, К. Федина, А. Твардовского и многих других, чьи произведения вошли в золотой фонд советской литературы. И сегодня в журнале активно сотрудничают видные литераторы страны.

Продолжая свои лучшие традиции, творчески воспринимая пожелания общественности, учитывая критику негодатков, имевших место в его работе, журнал укрепляет связи литературы с жизнью народа, обращается к насущным проблемам коммунистического строительства, повышает требовательность к идейно-художественному качеству произведений, заботится о воспитании литературной смены.

Журнал ведет значительную работу по созданию художественной летописи девятой пятилетки. С размышлениями

о важнейших социально-экономических проблемах современности в «Новом мире» выступают партийные и государственные работники, передовики промышленности и сельского хозяйства, видные ученые и военачальники.

Секретариат Правления Союза писателей СССР от души желает журналу новых плодотворных свершений, больших творческих успехов в осуществлении ответственных и почетных задач, поставленных Коммунистической партией перед работниками литературы и искусства.

**СЕКРЕТАРИАТ
ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР.**

К ЧИТАТЕЛЯМ

Номер, предлагаемый вашему вниманию, необычен. Иногда полезно обратиться не только к течению реки, но и к ее истоку. Полувековой юбилей открывает такую возможность. Первый номер вновь открытого в 1925 году «литературно-политического и научного журнала «Новый мир» был интересно скомпонован. Проблемы, волновавшие читателя, получали яркое освещение. Центральным материалом номера стала не опубликованная к тому времени рукопись В. И. Ленина о диктатуре пролетариата. Помещение ее в первом номере «Нового мира» программировало идейно-политическую направленность журнала на долгие годы вперед.

Проза в первом номере 1925 года была представлена не так развернуто, как в последующих номерах, но произведения известных писателей тех лет нашли свое место на страницах «Нового мира». Ныне здравствует В. Г. Лидин, один из авторов первого номера нашего журнала, и мы спустя пятьдесят лет предлагаем читателю его рассказы.

Мы решили также рассмотреть развитие идей и проблем, поставленных перед читателем «Нового мира» в 1925 году, на протяжении полувека.

Почти каждому материалу январского номера «Нового мира» 1925 года соответствует сходная публикация в январском номере журнала 1975 года. Читатель сможет оглянуться далеко назад, увидеть и сравнить, сделать интересные и глубокие выводы. Вместе с тем он сумеет взглянуть и впе-

ред, обратив внимание на то, что проблемы, поставленные полвека назад, нашли позитивное решение в ходе государственного и культурного строительства Страны Советов.

Каждому разделу юбилейного номера предпослано краткое слово от редакции.

На последних страницах этой книжки вы сможете ознакомиться с названиями наиболее приметных произведений, опубликованных в «Новом мире» за пятьдесят лет.

Г. ГОЛИКОВ

★

НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК ВДОХНОВЕНИЯ

Когда мы пытаемся осмыслить великие свершения века, разгадать «тайны» истории, то прежде всего обращаемся к марксистско-ленинскому учению, которое несильно потому, что оно верно.

Ленинизм является могучим источником художественного творчества, теоретической и методологической основой литературы социалистического реализма, воспевающей во всем величии трудовой и ратный подвиг советского народа, под руководством ленинской партии впервые в мировой истории построившего развитое социалистическое общество.

Примечательно, что свой путь журнал «Новый мир» начал с того, что дал возможность читателям ознакомиться со статьей об идейном наследии В. И. Ленина, опубликовав ранее неизвестные рукописи Владимира Ильича о диктатуре пролетариата (1925, № 1).

Ленинская партия во всей своей деятельности исходит из того, что ленинизм есть теоретическая основа ее политики, решения сложнейших вопросов революционной борьбы по преобразованию мира на путях социализма и коммунизма.

Центральный Комитет КПСС проявляет постоянную заботу о собирании, изучении и издании великого идейного наследия Ленина, постоянно заботится о том, чтобы творения ленинского гения были доступны самым широким народным массам не только Советского Союза, но и трудящимся всех стран. Международное совещание коммунистов, проходившее в Москве в 1969 году, в своем Обращении заявило, что труды В. И. Ленина — это «неиссякаемый источник вдохновения для борьбы против реакции и угнетения, за социализм и мир».

Более полувека в Советском Союзе ведется работа по собиранию, изучению и изданию великого идейного наследия В. И. Ленина. В 1920 году IX съезд РКП(б) принял постановление об издании сочинений В. И. Ленина. Оно вышло в двадцати томах (двадцати шести книгах) и было завершено в 1926 году. На его страницах вместились немногим более тысячи пятисот произведений и документов. XIII съезд РКП(б) в 1924 году принял постановление об открытии Института В. И. Ленина. Он призвал всех членов партии и партийные организации передать институту документы и материалы, относящиеся к жизни и деятельности В. И. Ленина. «Первой и главной задачей Института XIII съезд считает вполне научное и самое тщательное издание Полного собрания сочинений Ленина и подготовку ленинской библиотеки для более широких масс рабочих из

избранных произведений В. И. Ленина на языках всех народностей, населяющих СССР».

В траурные дни января 1924 года II съезд Советов СССР принял постановление, в котором говорилось: «Лучшим памятником Владимиру Ильичу Ленину будет широкое массовое распространение его сочинений, которое сделает идеи коммунизма достоянием всех трудящихся. II Съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик поручает институту В. И. Ленина принять самые срочные меры к выпуску доступных народу избранных сочинений В. И. Ленина в миллионах экземпляров на различных языках... Вместе с тем институту В. И. Ленина поручается также срочно выпустить полное собрание сочинений товарища В. И. Ленина в строго научном духе».

Для того чтобы решить эту задачу, нужно было собрать воедино все огромное идейное наследие Ленина. И надо себе представить всю сложность подобной задачи. Ведь Ленину подолгу приходилось находиться в эмиграции, жить во многих странах, часто он пребывал на нелегальном положении, несколько раз — в тюрьмах и ссылке. Его произведения, обнаруженные полицией, уничтожались. В конспиративных целях Владимир Ильич подписывал свои работы более чем ста пятьюдесятью псевдонимами, а иногда публиковал их вообще без подписи. Ленин работал в библиотеках Москвы, Петрограда, Парижа, Лондона, Берлина, Женевы, Берна, Цюриха и других городов (учтено до пятидесяти библиотек мира). Он вел переписку, встречался с тысячами деятелей российского и мирового революционного движения, руководил съездами партии, заседаниями Центрального Комитета, Совета Народных Комиссаров, выступал на съездах, международных конгрессах. В его произведениях имеются ссылки на шестнадцать тысяч различных источников на двадцати языках. Труды В. И. Ленина появлялись в периодической печати и издательствах многих стран.

О сложности выявления некоторых ленинских работ можно судить по воспоминаниям Н. К. Крупской об Ильиче, которая писала: «В нелегальные времена он, будучи в России, никогда не хранил у себя никаких писем и документов по вполне понятным причинам. Во время первой эмиграции я была секретарем редакции «Искры», письма и документы разные хранились у меня. У Владимира Ильича были тетради с его заметками и выписками, рукописей своих он не хранил обычно. Когда в 1905 году мы уезжали в Россию, то перед отъездом разобрали все тетрадки, документы, письма, Владимир Ильич вложил все в конверты и их надписал собственноручно, вложены они были в чемодан, который отдан был на хранение в Женеве тов. Карпинскому... Во вторую эмиграцию (Женева—Париж—Краков—Берн—Цюрих) Ильич по-прежнему личных писем не хранил, рукописей также, заботливо хранил тетрадки с выписками, которые иногда перечитывал, делал на них отметки. Хранил также свои записи речей и планы выступлений. При переездах из города в город бралось также лишь самое нужное, материалы сдавались в редакции газет. При переезде из Поронина в Краков, а потом в Берн, пришлось бросить в Поронине не только вещи, но и материалы разные».

Партия проявляла постоянную заботу по сбору всего литературного наследия В. И. Ленина, стремясь сделать его доступным читателям Советского Союза и зарубежных стран, с тем чтобы на идеях ленинизма воспитывались новые и новые поколения борцов за светлые идеалы коммунизма. Усилия партии в этом отношении и обеспечили решение столь сложной задачи. В настоящее время в

Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС находится более тридцати трех тысяч произведений и документов В. И. Ленина. Среди них рукописи программных произведений В. И. Ленина, его статьи, письма, записки, заметки, телеграммы, подготовительные материалы к произведениям, стенограммы и записи докладов и выступлений. В архиве также находятся 800 книг с пометками Ленина, более 400 фотографий, 874 метра киноленты с его снимками, 15 граммофонных пластинок с записью 14 речей Владимира Ильича.

Но, как уже отмечалось выше, ЦК КПСС поставил перед Институтом марксизма-ленинизма задачу не только собрать ленинское идейное наследие, но и опубликовать, сделать его достоянием народа.

За минувшие десятилетия пять раз выходили собрания сочинений В. И. Ленина, тридцать семь ленинских сборников, многочисленные тематические издания и публикации отдельных его произведений. Общий тираж изданий только в Советском Союзе составляет колоссальную цифру — около полумиллиарда экземпляров. Большими тиражами собрания сочинений и сборники произведений В. И. Ленина выходят во многих странах. Они переведены на сто двадцать пять языков народов мира и занимают первое место среди литературы, переводимой на другие языки. «На свете не было и нет человека, — говорил в докладе о 100-лети со дня рождения В. И. Ленина Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — труды которого имели бы такое распространение, какое имеют произведения В. И. Ленина... Их читают, по ним учатся жить и бороться люди во всех странах, на всех континентах».

Из произведений В. И. Ленина, получивших наибольшее распространение, можно назвать следующие: «Что делать?» издавалось 160 раз в 37 странах; «Империализм, как высшая стадия капитализма» — 288 раз в 44 странах; «Государство и революция» — 356 раз в 51 стране; «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» — 300 раз в 49 странах. Это убедительное свидетельство того, как идеи ленинизма, преодолевая бешеное сопротивление антикоммунизма и ревизионизма, распространяются по всем континентам планеты, прокладывая путь к умам и сердцам миллионов и миллионов борцов. А это позволяет сказать: мир читает Ленина, у Ленина учатся революционеры бороться и побеждать классовых врагов.

Здесь уместно вспомнить слова английского публициста Айвора Монтегю, который, определяя революционную действенность идей ленинизма, заявил: «Написанное Лениным — не архив, а арсенал. Когда наступает час битвы, мы листаем страницы его книг точно так, как перед атакой набиваем патронами пулеметные ленты». Об этом говорят и пишут политические деятели и рабочие, всемирно известные ученые и писатели, художники и журналисты. Они отмечают величие ленинского гения, бессмертие и гуманизм его учения, объясняющего и преобразующего мир. Французский писатель-коммунист Анри Барбюс сказал, что Ленин — «человек, больше которого никто не сделал для людей». А поэтому, по словам выдающегося писателя и мыслителя Ромена Роллана, он «запечатлелся в сердцах людей и останется нетленным в веках».

Основной итог многолетней работы над изучением ленинского идейного наследия — это издание полного собрания его сочинений в пятидесяти пяти томах. В него вошло около девяти тысяч произведений и документов, из которых более половины не включались в предшествующие издания. В Полном собрании сочинений собрано ленинское литературное наследие, все известные и находящиеся в распоряжении Института марксизма-ленинизма произведения, которые

были опубликованы или предназначались Лениным для печати. Вместе с тем в это издание включены не только законченные работы, но и подготовительные материалы В. И. Ленина к произведениям и выступлениям (планы, тезисы, конспекты), а также его письма, записки, телеграммы и другие документы. В него вошли произведения, опубликованные в предыдущих изданиях сочинений, в Ленинских сборниках, протоколах съездов и конференций партии, периодической печати, а также ранее не публиковавшиеся материалы, в том числе и выявленные в последние годы.

Среди документов, впервые публикуемых или впервые вошедших в это издание, много статей и выступлений, написанные Лениным проекты постановлений Центрального Комитета РКП(б), Совета Народных Комиссаров, Совета Труда и Оборона и другие важные материалы. Здесь впервые печатаются сотни писем, записок и телеграмм. Новые работы и документы содержат важные положения и указания Владимира Ильича по истории партии, по вопросам строительства социализма и коммунизма, внешней политики Советского государства, отражают борьбу Ленина против оппортунизма, за единство международного коммунистического движения. Все богатство идей ленинизма сосредоточено в этом многотомном собрании сочинений вождя. Со времени завершения издания прошло десять лет. И все эти годы велась непрерывная работа по поиску еще не найденных ленинских работ, по изучению подготовительных материалов к его произведениям, его переписки, стенографических записей выступлений В. И. Ленина, которые он не успел просмотреть, велась сложная источниковедческая и археографическая работа по установлению авторства статей, опубликованных без подписи В. И. Ленина или подписанных еще неизвестными его псевдонимами.

Из различных стран (Польши, Швейцарии, Англии, Америки, Франции и других) из партийных, государственных и личных архивов Институт марксизма-ленинизма с 1966 по 1974 год, то есть за время после выхода в свет Полного собрания сочинений В. И. Ленина, получил свыше пятисот новых ленинских документов. Некоторые из них уже опубликованы в периодической печати — газете «Правда», журнале «Коммунист» и других изданиях. Основная же масса их печатается в Ленинских сборниках. О них следует сказать особо, ибо речь идет о той части ленинского идейного наследия, которая не вошла в изданные его сочинения.

К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина институт издал XXXVII Ленинский сборник, в котором опубликовано более пятисот новых ленинских документов. В совокупности они отражают многогранную деятельность Ленина, расширяют наши знания по важнейшим проблемам ленинизма, характеризуют его борьбу за создание марксистской партии нового типа, за единство ее рядов, борьбу против правого и «левого» оппортунизма в России и на международной арене. По этим вопросам в сборнике публикуется более ста ленинских документов. Большая же часть — это документы, которые раскрывают деятельность Ленина — основателя первого в мире Советского социалистического государства, организатора его защиты от антисоветской коалиции сил белогвардейцев и интервентов и руководителя внутренней и внешней политики. Каждая строка произведений и документов В. И. Ленина, будь то статья, письмо, записка, телеграмма, пометка, любой его автограф обогащает наши знания о Ленине — гениальном мыслителе и революционере, вожде, трибуне, человеке, раскрывает ленинскую творческую лабораторию, характеризует стиль его работы.

В сборнике помещено несколько документов, раскрывающих борьбу Ленина против оппортунизма на международной арене, за создание III, Коммунистического Интернационала, за творческое применение и развитие марксизма в новых исторических условиях. В их числе материалы к конференции в Кинтале (1916), письма Ленина в годы первой мировой войны. Особенно большой интерес представляют несколько работ периода создания Коминтерна и его первых шагов. Среди них: черновой набросок и первоначальный вариант плана доклада о международном положении и основных задачах Коминтерна на II конгрессе, заметки к речи на этом же конгрессе об условиях приема в Коммунистический Интернационал, выступления В. И. Ленина на заседании немецкой делегации III конгресса Коминтерна с членами ЦК РКП(б).

Документом большого теоретического и политического значения, который связан с известной работой В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», является интервью норвежскому архивариусу Я. Фриису, в котором рассматривается вопрос о тактике коммунистов.

Вот краткие выдержки из него.

«Фриис: Хотите ли Вы рекомендовать нам, например, начать теперь немедленно у нас в Норвегии сбор оружия? Наша тактика (в Норвегии) рассчитана на то, чтобы с помощью солдатских советов получить влияние в армии. Является ли это, по Вашему мнению, неверной тактикой?» «Нет, отнюдь нет,— ответил Ленин.— Необходимо использовать легальный путь, пока это только возможно. С другой стороны, я считаю, что «коммунистическая партия», ведущая исключительно легальную работу, не по праву носит свое имя. Что следует делать в каждом отдельном случае, вопрос практический... В общем мы всегда были за участие в выборах, однако, в исключительных обстоятельствах, например при выборах в I Думу, мы были за бойкот. Антипарламентаризм — одна из детских болезней коммунизма, против которой мне часто приходилось бороться».

В другом документе по этому вопросу говорится о беседе Ленина с английским коммунистом, одним из основателей Коммунистической партии Великобритании, Уильямом Полом, которая состоялась 6 октября 1920 года. В ней содержится изложение взглядов Ленина на тактику английских коммунистов в связи с предстоящими выборами в парламент, рассматривается вопрос об отношении коммунистической партии к лейбористам. В беседе раскрывается антидемократическая сущность буржуазного парламентаризма. Говоря о Советах, Ленин подчеркивает, что они являются «тем исторически сложившимся инструментом, который единственный может обеспечить реализацию воли масс». В беседе излагается вопрос о значении теории для практической деятельности коммунистической партии. «Подлинная проверка для коммуниста — это его понимание, [как], где и когда превращать свой марксизм в действие».

Названные и другие документы сборника характеризуют неуклонное проведение в жизнь В. И. Лениным принципа пролетарского интернационализма, борьбу за подлинное единство мирового коммунистического и рабочего движения, необходимость исправления ошибок, которые допускались тогда молодыми коммунистическими партиями. «...партия,— заявлял он,— должна соблюдать дисциплину и не должна страшиться вскрывать свои недостатки. Опасно, если мы будем умалчивать о наших недостатках». «Мы имеем подлинный Интернационал, который исправляет наши ошибки», а Интернационал — это «начало практического движения *армий* рабочего класса».

Каждое из названных положений, высказанных В. И. Лениным полвека тому назад, жизненно и актуально сегодня. Они находят свое воплощение в неуклонной борьбе КПСС за единство мирового коммунистического и рабочего движения, учитываются братскими партиями.

Основная масса документов сборника характеризует многогранную деятельность Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным в первые годы советской власти, в годы, когда советский народ вел гигантскую битву против объединенных сил мирового империализма и белогвардейской контрреволюции. И один из первых документов этого раздела — «Интервью с корреспондентом шведской газеты «Фолькетс Дагblad Политикен» (20 января/2 февраля 1918 года). В нем В. И. Ленин анализирует внутреннее и международное положение республики. «В отношении внутреннего положения в России Ленин был особенно полон надежд. На Дону мы хозяева положения. Киев — наш. Только что получено сообщение, что Оренбург взяли большевистскими войсками и что казаки под командованием генерала Дутова потерпели тяжелое поражение. 40 казачьих полков объявили Каледину войну. В один прекрасный день он, возможно, будет доставлен сюда как пленный.

В военном отношении мы имеем, таким образом, перевес повсюду в стране».

В. И. Ленин раскрывает важнейший источник триумфального шествия советской власти. На примере только что закончившего работу III Всероссийского съезда Советов он вскрывает соотношение классовых сил в стране и утверждает: «Что особенно важно отметить из результатов съезда Советов, так это то, что подавляющее большинство русского народа поддерживает революцию».

Интервью заканчивается вопросом корреспондента о здоровье Владимира Ильича, выполнявшего титаническую работу по руководству государством, утверждавшим право на жизнь в жестокой битве с многочисленными внутренними и внешними врагами. Его ответ звучит в духе безграничного ленинского оптимизма: «Чувствует себя прекрасно, несмотря на огромное бремя работы, которое почти не оставляет ему времени для сна. У меня есть только одна мечта, сказал он, отдохнуть хотя бы полчаса».

И за этим кратким и скромным ответом встает образ великого вождя революции — гуманиста, отдающего всю свою жизнь без остатка борьбе за освобождение угнетенных и эксплуатируемых народов от векового рабства.

Свой безграничный оптимизм В. И. Ленин подкреплял неустанной политической, организаторской работой, ибо он знал, что победа сама не придет. Ее нужно завоевать в беспримерно тяжелой борьбе. А для этого прежде всего нужны были сильная армия, хорошо организованный тыл, питающий всем необходимым фронт. На решение всего сложного комплекса вопросов, от которого зависела судьба советской власти, Ленин направляет все свои усилия, усилия партии и народа. Десятки документов — речи, интервью, письма, записки и др., характеризующие его деятельность в этом направлении, — печатаются в сборнике. Он разрабатывает принципы строительства Вооруженных Сил государства диктатуры пролетариата, создает учение о защите социалистического отечества, выступает творцом гениальных стратегических планов разгрома мощной коалиции сил империалистической интервенции (Англии, США, Франции, Японии и других стран) и белогвардейской контрреволюции (Колчака, Деникина, Врангеля, Юденича и прочих).

Речь Ленина по военному вопросу на VIII съезде РКП(б) 21 марта 1919 года содержит ответы на ряд этих вопросов и дополняет много-

численные, ранее опубликованные его работы и документы. Весь пафос этой речи направлен против так называемой военной оппозиции, выступавшей с защитой партизанских принципов строительства армии. Ленин отстаивал создание современной регулярной, строго дисциплинированной армии, решительно выступил за использование военных специалистов под контролем комиссаров и партийных организаций. Много внимания он уделил раскрытию руководящей роли партии в государстве и армии, деятельности ЦК РКП(б), заявляя: «На каждом заседании ЦК по каждому крупному вопросу стратегии, — не было ни разу, чтобы не было заседания ЦК, либо Бюро ЦК — ни разу не было, чтобы мы не решали основные вопросы стратегии».

Это заявление В. И. Ленина конкретизирует известное постановление ЦК РКП(б) о том, что политика военного ведомства не есть «продукт личных воззрений отдельных товарищей или отдельной группы... что политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее Центрального Комитета и под его непосредственным контролем».

Целая серия других документов раскрывает неутомимую деятельность Ленина по практическому руководству работой военных и гражданских ведомств Советского государства по организации обороны республики. Они касаются: передвижения войск, их концентрации и нанесения решающих ударов по врагу; мобилизации хлебных ресурсов и снабжения продовольствием Красной Армии, а также промышленных центров страны; работы военной промышленности и своевременной доставки оружия на фронт.

Читая документ за документом, наглядно видишь, как В. И. Ленин наряду с решением кардинальных вопросов стратегии и политики занимается бесконечным множеством «мелких» повседневных дел. Стало известно, что Троцкий, разъезжая по стране, злоупотребляет рассылкой во все концы страны телеграмм о движении его поезда. И сейчас же следует указание заместителю наркома по военным делам Э. М. Склянскому, наркому почт и телеграфов В. Н. Подбельскому: «...Запретите эту игру в телеграммы». А в другом случае и по другому поводу наркому Госконтроля К. И. Ландеру: «Контролеры злоупотребляют телеграммами. Умерьте их».

Таков диапазон и стиль деятельности В. И. Ленина.

Большое количество новых документов касается вопросов внешней политики Советского государства. Среди них немало писем, записок, поручений наркому иностранных дел Г. В. Чичерину. Все они свидетельствуют о том, что В. И. Ленин, вынужденный так много заниматься войной, всеми силами стремился к миру. Об этом, в частности, свидетельствует его интервью в связи с нотой министра иностранных дел Англии лорда Керзона (опубликовано в швейцарской газете «Бернер Тагвахт» 20 июля 1920 года). История с этой нотой хорошо известна из других источников. Но данное интервью на русском языке публикуется впервые. Характеризуя расстановку политических сил в Англии, В. И. Ленин сказал: «Может быть, английское предложение это всего лишь клочок бумаги... Английская политика не стабильна, она постоянно подвергается колебаниям. На одной стороне — Ллойд Джордж, на другой — Черчилль и между ними лорд Керзон, который хотел бы видеть Россию слабой. Однако рядом с ними стоит большая масса английского народа, с которой они должны считаться. И мы больше всего опираемся на эти массы. Мир между Англией и Россией находится в прямой зависимости от силы нашей Красной Армии и от стойкости английского пролетариата».

Журналист также спросил В. И. Ленина: «Прекратит ли Коммунистический Интернационал зарубежную пропаганду в случае установления взаимопонимания между Россией и Англией?» На это В. И. Ленин ответил: «Сам факт, что Советская Россия существует, является лучшей пропагандой коммунизма во всем мире».

С огромной силой это утверждение В. И. Ленина звучит в наши дни, когда успешно претворяется в жизнь Программа мира, выработанная XXIV съездом КПСС. Мысли о мирном сосуществовании двух различных социальных систем, о выгоде для них развития мирных политических и экономических отношений Ленин развивает в интервью американской журналистке Луизе Брайант (13 октября 1920 года). В этом заявлении сказано:

«В начале 1918 г. я говорил американцам, в частности полковнику Робинсу, что дружеское отношение к Советской России в интересах Соединенных Штатов. Уже тогда я указывал на желательность торговых отношений — как с нашей точки зрения, так и с точки зрения Америки...

Американские капиталисты превосходно знают, что им нужно. Они знают о предстоящей борьбе с Японией за господство на Тихом океане, они понимают, что в борьбе за преобладание на мировом рынке Америка должна будет бросить вызов Англии. Нравится это им или нет, Советская Россия — великая держава. После трех лет блокады, контрреволюции, вооруженной интервенции и польской войны Советская Россия сильна, как никогда прежде. Америке ничего не даст вильсоновская политика благочестивого отказа иметь с нами дело на том основании, что наше правительство им не по вкусу».

Нынешний этап советско-американских отношений — наилучшая иллюстрация к этому прозорливому предвидению В. И. Ленина.

Нам приходится ограничиться приведением некоторых кратких выдержек из ленинских документов, впервые опубликованных в XXXVII Ленинском сборнике. Идейное богатство, заключенное в них, и многогранная деятельность В. И. Ленина во всем объеме предстанут перед читателем, когда он, изучая документы сборника, поставит их в связь с произведениями и документами, ранее опубликованными в Полном собрании сочинений В. И. Ленина.

Институт марксизма-ленинизма стремится к тому, чтобы каждая строка бессмертных творений ленинского гения стала достоянием политических деятелей, исследователей, писателей, журналистов, самых широких масс читателей. За счет новых поступлений и изучения архивного фонда институт подготовил XXXVIII Ленинский сборник. В него вошло около пяти сот ранее не публиковавшихся работ и документов В. И. Ленина.

Сборник открывается записями содержания четырех выпусков журнала «Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение» под редакцией К. Маркса (1850). Их сделал Ленин в конце 1900—начале 1902 годов. С отдельными выпусками журнала Владимир Ильич был знаком и ранее. Об этом свидетельствуют ссылки в его работе «Капитализм в сельском хозяйстве», написанной в апреле — мае 1899 года (см. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 129). Позднее, занимаясь в Мюнхенской библиотеке, Ленин познакомился с имевшимися там четырьмя выпусками журнала и сделал запись их содержания. Во время работы над книгой «Империализм, как высшая стадия капитализма» Владимир Ильич изучил все шесть выпусков журнала (см. т. 28, стр. 612—616).

Эти записи — новое свидетельство того, с какой тщательностью постоянно изучал Ленин теоретическое наследие основоположников научного коммунизма. В этой связи уместно напомнить свидетель-

ство Н. К. Крупской: «Ленин прекрасно знал Маркса. Когда он в 1893 году приехал в Питер, он поразил всех нас, тогдашних марксистов, тем, как много он знал из произведений Маркса и Энгельса».

На протяжении всей своей жизни Владимир Ильич изучал, защищал, обогащал сокровищницу марксизма. В самых сложных ситуациях Ленин заявлял, что надо «посоветоваться с Марксом». Я помню, писала Крупская, как часто в разгар самой острой внутривнутрипартийной борьбы или в решающий момент гражданской войны, в момент осложнившегося внутреннего положения «зайдешь, бывало, в кабинет к Ильичу — смотришь, он сидит и перечитывает Маркса или Энгельса...». И далее: «...брать произведения Маркса, посвященные разбору *аналогичных ситуаций*, тщательно анализировать их, сравнивать с переживаемым моментом, выявлять сходство и различия — таков был метод Ленина».

Из публикуемых документов, посвященных Марксу и марксизму, следует особо остановиться на ленинской рукописи «Набросок плана статей к 30-летию со дня смерти К. Маркса». Ленин составил этот набросок плана в конце февраля 1913 года, когда революционная социал-демократия готовилась отметить в начале марта тридцать лет со дня кончины основоположника научного коммунизма.

«Набросок плана...» написан карандашом на листке бумаги, с многочисленными правками, сокращениями, группами цифр. Его прочтение представляло большую сложность. Но упорный труд опытных лениноведов сделал возможным публикацию этого важного по своему значению материала. В нем обозначено десять тем. По двум из них (первой и десятой) были написаны и тогда же опубликованы ныне широко известные ленинские статьи «Исторические судьбы учения Карла Маркса» и «Три источника и три составных части марксизма». Через год Владимир Ильич вернулся к проблематике этих произведений и создал фундаментальный труд «Карл Маркс», написанный для Энциклопедического словаря Гранат.

Читатель, знакомясь с новой публикацией, обращается к истокам ленинских замыслов, получивших воплощение в трех названных работах, которые по праву относятся к числу классических произведений творческого марксизма. В них Ленин раскрывает великую революционную силу учения Карла Маркса.

В статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса» Ленин раскрыл глубокий смысл и тех цифр, которые приведены в «Наброске плана...». Это пример марксистского подхода к периодизации исторического процесса. Владимир Ильич пишет, что со времени «Манифеста Коммунистической партии» всемирная история прошла три периода: первый — от революции 1848 года до Парижской коммуны (1871); второй — от Парижской коммуны до первой русской революции (1905); третий — от русской революции. «После появления марксизма, — указывает Ленин, — каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще больший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха».

Это гениальное предвидение Ленина полностью оправдалось. Через несколько лет после написания статьи в России победил Великий Октябрь, явившийся триумфом идей марксизма-ленинизма. Последующий ход мирового революционного процесса, возникновение и успешное развитие мирового социалистического содружества — новое убедительное свидетельство торжества марксистско-ленинского учения.

В XXXVIII Ленинском сборнике в общей сложности до ста документов, относящихся к жизни и деятельности Владимира

Ильича в дооктябрьский период. В их числе выступления Ленина на III и IV конференциях РСДРП в 1907 году. Первое из них было опубликовано в газете латышской социал-демократии «Циня». Касаясь тактики бойкота Булыгинской и I Государственной дум, Ленин говорил, что эта тактика в руках большевиков была средством преодоления конституционных иллюзий и способствовала вовлечению в революционную борьбу народных масс. Ленин делает важный вывод: «Бойкот уместен лишь во время движения широких масс, когда на повестке дня стоит вооруженное восстание».

Доклад В. И. Ленина о тактике социал-демократической фракции в III Государственной думе, с которым он выступил на IV конференции РСДРП («Третьей Общероссийской»), печатается по протокольной записи. Ранее этот документ публиковался в изложении по газетному отчету (см. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 169—171). Хотя протокольная запись несовершенна и отрывочна, тем не менее она значительно полнее, чем газетный отчет, передает содержание ленинского доклада. В этой публикации читатель впервые ознакомится с заключительным словом по докладу.

«Гвоздем вопроса,— говорил Ленин,— является выяснение классового состава Думы: как этот классовый состав относится к буржуазной демократии, к революции и к контрреволюции. Этот анализ должен быть положен в основу политики не только фракции, но и в отношении партии к Думе. В Думе два большинства. Каковы эти оба большинства? Из их анализа вытекает политика партии. Начну с цифр для этого анализа. Из 439 членов Думы: 16 — социал-демократов; 16 — левых; 48 — кадетов, 45 — близких к кадетам, 8 — беспартийных (101 — либерал); 96 — октябристов, 23 — близких к ним, 187 — правых. Что в Думе 2 большинства, видно из этих цифр. 220 = либералы + октябристы; 306 октябристы + правые».

Эти ленинские документы содержат принципиальные положения о думской, парламентской тактике пролетарской партии. Ленин подчеркивает, что политика бойкота выборов в представительные учреждения целесообразна при определенных конкретно-исторических условиях. Характеризуя отношение большевистской партии к III Государственной думе, линии думской фракции партии, Ленин указывает, что в основе их должен быть четкий анализ состава Думы, соотношения классовых сил в стране и позиций политических партий.

Большой интерес вызывает статья «Первое мая и рабочее движение в России», написанная Лениным в конце апреля 1914 года. История этого произведения такова. К депутату-большевику, избранному в IV Государственную думу от рабочих Владимирской губернии, Ф. Н. Самойлову, находившемуся в ту пору в Берне на лечении, обратился один из лидеров швейцарской социал-демократии, главный редактор газеты «Бернер Тагвахт» Роберт Гримм с просьбой написать статью для первомаяского номера. Из-за плохого состояния здоровья Самойлов не смог выполнить эту просьбу, и статью от его имени написал В. И. Ленин. Она начинается словами приветствия: «От имени рабочих России я шлю привет швейцарским рабочим и горячее пожелание дальнейших успехов в борьбе за социализм».

Далее в статье характеризуются бесправное положение рабочего класса России, тяжелые условия, в которых большевики вели огромную работу по сплочению революционных сил на борьбу за демократию и социализм. «Троякий революционный лозунг, с которым я встречался везде в России в среде сознательных рабочих,— говорится в статье,— следующий: 1) демократическая республика; 2) конфискация помещичьих земель в пользу крестьян; 3) 8-часовой рабочий

день». Российские рабочие видят выход из своего тяжелого положения только в «широкой классовой борьбе за социализм».

По свидетельству Ф. Н. Самойлова, статья поступила поздно и в то время не была напечатана. Лишь в 1966 году она появилась в «Швейцарском историческом журнале». Ныне она включается в XXXVIII Ленинский сборник.

В нем публикуется также письмо В. И. Ленина «Для Русского бюро ЦК и Петербургского Комитета РСДРП». Оно написано в 1916 году, в разгар мировой империалистической войны. В письме Ленин подчеркивает интернациональный характер борьбы рабочего класса России, несмотря на разгул шовинизма, несмотря «на всю бездну лжи», распространяемой русскими центристами — Мартовым, Чхеидзе и другими. Ленин шлет горячий привет питерским рабочим, выдающуюся роль которых вынуждены признать даже противники большевистской партии.

В. И. Ленин разоблачает социал-шовинизм и центризм в международной социал-демократии, подчеркивает, что «в борьбе против Вандервельде, Плеханова, Каутского и К^о, которые будут восстанавлять сгнивший Интернационал, роль ЦК и нашей партии очень велика. Не забывайте этого в трудные минуты жизни». Владимир Ильич рекомендует использовать не только нелегальные средства борьбы, но «стараться выступать и печататься также и легально». Письмо проникнуто заботой об установлении регулярных связей руководящих партийных органов в России с заграничным центром большевиков в Швейцарии.

История этого ленинского документа полностью еще не выяснена. Видимо, долгое время он находился в одной из скандинавских стран, а затем попал в Лондон и был приобретен бизнесменом А. Остемелем, имеющим давние деловые связи с торговыми организациями СССР. Он и передал это письмо в дар Советскому Союзу.

Большую группу документов составляют в основном ленинские письма о так называемых держательских деньгах. Они упоминаются в ряде работ В. И. Ленина, опубликованных в Полном собрании сочинений, и в некоторых других партийных документах. За последние годы институт получил дополнительные материалы по истории этого вопроса.

Несколько лет тому назад были приобретены документы из архива французского адвоката Дюко де ла Ай, и среди них очень важный для правильного понимания и объяснения сложной истории этих денег документ, названный В. И. Лениным «Изложение дела. Происхождение спорных денег», который написан в 1912 году. Еще двадцать две фотокопии ленинских писем за 1913—1914 годы были переданы в 1969 году Советскому правительству послом Швейцарии в СССР господином Жаном де Стуцем. Этот фонд пополнился и другими поступлениями.

В вышеназванном документе «Изложение дела. Происхождение спорных денег» В. И. Ленин пишет: «Московский социал-демократ — Шмидт, довольно богатый человек, был арестован во время революции и умер в одной из тюрем Москвы. Умирая, он завещал свое состояние большевикам. Само собой разумеется, это завещание, сделанное устно, не имело никакой юридической силы. Тем не менее сестры Шмидт, которые получили его наследство, хотели распорядиться им согласно воле своего брата и передали деньги большевикам. Передача денег может быть установлена на основании следующих фактов...» Далее излагаются многочисленные факты, связанные с историей этих денег.

В 1910 году на январском пленуме ЦК РСДРП большевики дали согласие передать принадлежащие им деньги на общие нужды РСДРП при условии, что меньшевики прекратят свои раскольнические действия. Для контроля и принятия решения на случай, если обязательства будут нарушены, назначили трех «держателей» (третейских судей) — К. Каутского, Ф. Меринга и К. Цеткин, которым и передали в 1911 году деньги из Национального учетного банка в Париже.

В связи с тем, что меньшевики нарушили постановление пленума ЦК, продолжая издавать свой фракционный орган, сохранили «свою» кассу, отказались содействовать общепартийным центрам в России и за границей, Ленин поставил перед «держателями» вопрос о возвращении денег их законным владельцам, то есть большевикам.

Вначале К. Цеткин считала, что так и следует поступить. В письме К. Каутскому 10 октября 1911 года она писала: «Товарищ Ленин весьма и весьма достойный человек и передал все имеющиеся в наличности деньги», что она «коротко и ясно решила бы дело в пользу большевиков. Мое личное мнение — формальное и действительное право на их стороне». Но затем под влиянием Каутского и лживой информации со стороны меньшевиков о положении дел в РСДРП Цеткин заняла непоследовательную позицию и предлагала поставить вопрос о возвращении денег на обсуждение всех фракций. Ленин высоко ценил Цеткин как видного деятеля германского и международного рабочего движения, но в эти годы он резко критикует ее за непоследовательность.

По словам Ленина, меньшевики, «сутяжничая из-за чужих денег», хотели «украсть» их у большевиков.

В создавшихся условиях Ленин считал возможным вынести этот вопрос на решение гражданского суда, в связи с чем обратился с письмами к адвокатам-социалистам Цграгену, Дюко де ла Ай, Гейнеману и другим, которых он рассчитывал привлечь к ведению дела. В письмах, проектах договоров от имени адвокатов «держателям» Ленин разоблачил раскольнические действия меньшевиков и в связи с конфликтом о «держательских» деньгах показал, что за этим делом стояла принципиальная борьба большевиков против меньшевиков за сохранение и укрепление марксистской партии. В ленинских документах содержатся важные положения и замечания по внутрипартийным вопросам и проблемам рабочего движения.

Враждебная пропаганда продолжает и до сих пор сочинять фальсифицированные версии о «держательских» деньгах. Публикация документов о «держательских» деньгах воссоздаст правдивую картину их сложной истории, разоблачит фальсификаторов.

Наибольшее число документов XXXVIII Ленинского сборника относится к советскому периоду деятельности Владимира Ильича — строителя нового мира. Среди них следует выделить стенограмму доклада о международном и экономическом положении Советской России, с которым выступил Ленин, на XVII Московской губернской конференции РКП(б) 13 марта 1920 года. Документ найден недавно и представляет собой стенограмму, не правленную Лениным. В этой связи перед исследователями возникло много сложных вопросов.

В. И. Ленин выступил в начале 1920 года, после того, когда Красная Армия одержала всемирно-исторические победы над армиями антисоветской коалиции интервентов и белогвардейцев, когда были разбиты Колчак, Деникин, Юденич и когда Советская республика завоевала кратковременную мирную передышку.

Историческое значение этого доклада состоит в том, что в нем намечена программа действий партии и народа в той исключительно

сложной и противоречивой обстановке, в которой тогда находилась страна. В нем дана всесторонняя характеристика международного положения Советского государства, раскрыта хищническая политика правительств империалистических стран, показана советская политика мира, дружбы и сотрудничества народов.

Доклад начинается с характеристики международного положения Советской республики. «Международное положение нашей Республики,— говорил Ленин,— никогда еще не было так хорошо, как в настоящее время,— как это ни странно сказать собранию людей, великолюбно знающих и чувствующих всю тяжесть современного положения, особенно когда конец зимы принес неслыханное обострение голода и всяческой нужды. Как это ни странно, факт совершенно объективно свидетельствует, что мы над всей Антантой, т. е. над всеми богатейшими капиталистическими странами, одержали самую серьезную победу».

Указывая источники победы, Владимир Ильич сказал: «Внешне они все сильны, на самом деле они бессильны, у них солдат нет». И далее: «Но мы говорим, что нет ни одной страны, где бы не знали слова «большевик» и слова «Совет» и где бы рабочие не стояли на стороне Советской власти. Это и лишило Антанту возможности воевать против нас. Вот к чему сводится международное положение».

Вторую часть доклада Ленин посвятил анализу внутреннего положения республики. Особенность мирной передышки того периода он видел в том, что военная опасность еще не миновала, продолжалась иностранная военная интервенция на Дальнем Востоке, в Закавказье, в Крыму. Учитывая это, Советская республика вынуждена была сохранить свою армию в боевой готовности. «Теперь весь опыт,— говорил Ленин,— который мы накопили за войну, мы должны перенести на фронт труда... Теперь [надо] победить разруху, это враг не менее смертельный, он несет голод и холод, и враг еще более опасный потому, что страна находится в еще более глубоком истощении, чем прежде. Война кончена на фронте кровавом, война продолжается на фронте бескровном. Эта война такая [же] беспощадная, жестокая, как всякая другая война...».

Наряду с другими мерами восстановления разрушенного войной хозяйства предусматривались: мобилизация квалифицированных рабочих, проведение трудовой повинности, использование как временной меры воинских частей для хозяйственных нужд. В речи Ленин подчеркивал, что «милитаризация труда является невыдуманной, она является необходимостью, продиктованной крайней степенью разорения».

Большое внимание в выступлении уделено организации управления производством, необходимости создания компетентного, твердого, энергичного руководства на основе единоначалия, привлечения к хозяйственному строительству старых специалистов.

В заключение доклада сказано, что «надо все те организационные навыки, всю ту силу сплочения, единство воли, которую рабочие и крестьяне выявили во время гражданской войны, во что бы то ни стало сохранить, все усилия напрячь против распада, который намечается в тяжелой форме — голод, холод, расстройство транспорта, — против всего этого устоять и вывести страну из него на благосостояние».

Вскоре после Московской партийной конференции собрался IX съезд РКП(б). Доклад Ленина на этой конференции во многом предвосхитил важнейшие решения съезда партии.

В сборнике большое количество ленинских документов, которые дополняют и конкретизируют основные положения доклада, особен-

но по вопросам обороны республики. В записке Реввоенсовету республики от 18 июля 1918 года Ленин проявляет заботу о «военной помощи, в которой нуждается Баку». Когда в 1919 году нависла угроза над Астраханью, Владимир Ильич требует принять «абсолютно все меры, чтобы не сдать Астрахани». «Подтверждаю необходимость величайшего напряжения всех ваших сил», — заявляет В. И. Ленин в связи с тяжелым положением на Украине.

Среди других публикаций можно назвать два письма В. А. Аванесову — тогдашнему заместителю наркома Рабоче-крестьянской инспекции. В письмах содержатся замечания на тезисы доклада Аванесова об опыте работы РКИ, с которым он должен был выступить на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 года. Ленин дает подробные рекомендации докладчику, с тем чтобы он учел соответствующие положения Программы партии: «Выбрать и процитировать сказанное в Программе РКП... Обдумать, систематизировать, *каждое* указание, *каждую* мысль Программы выделить в особый пункт».

В рекомендациях подчеркивается мысль о том, что необходимо совершенствовать государственный аппарат, упрощать и улучшать, всемерно развивать социалистическую демократию, привлекать самые широкие массы к управлению государством, к работе органов контроля. Акцентируя внимание на этой актуальной задаче, Ленин пишет:

«Выводы из принципиальных положений: задачи борьбы с бюрократизмом

- (1) упрощение аппарата
- (2) улучшение его
- (3) рабоче-крестьянский контроль *для этого*. Привлечение масс
- (4) перевод части чиновников на производительный труд
- (5) *шаги* к полному уничтожению бюрократизма: поголовное участие в управлении самих трудящихся».

Все богатство нового Ленинского сборника раскроется перед читателями, когда они ознакомятся с его содержанием полностью. Этот сборник — новое свидетельство неисчерпаемости сокровищницы идей ленинизма, освещающих путь в борьбе за мир, социальный прогресс, коммунизм.

Учение и дело Ленина — бессмертны.

ВЛ. ЛИДИН

★

РАССКАЗЫ

В первом номере «Нового мира», вышедшем в январе 1925 года, опубликована повесть Владимира Германовича Лидина «Рыбаки».

С тех пор в течение полувека Владимир Германович, активно работая в советской литературе, не порывает творческих связей с нашим журналом.

В первом номере юбилейного года мы публикуем два рассказа Вл. Лидина.

В медоносном краю

В другом веке, в другой жизни, за тридцать земель, в сказочном существовании начинающий писатель Костя Овчинников ехал на побывку к своему деду, знаменитому пчеловоду Константину Ксе-нофонтовичу Овчинникову, труды которого по пчеловодству хранились не в одной фундаментальной научной библиотеке.

Был жаркий июнь, насквозь звонкий от какого-то неясного гудения, может быть, пчел или шмелей, а может быть, этот нежный, торжественный гул производила сама природа, радуясь своей силе и близкой зрелости всего растущего на ее земле.

Поезд в Угланово пришел рано утром, а Угланово было маленькой станцией в той полосе России, где за черноземьем недалеко и до украинской земли, уже пахнувшей созревающими пшеницей и кукурузой. Ни одной попутной телеги или колымажки не оказалось в этот ранний час, и Костя Овчинников побрел налегке, с чемоданчиком в руке, а в чемоданчике вместе с бельем были два номера журналов с его, Кости, первыми рассказами «Прилет журавлей» и «Встреча».

За полями с клонящейся рыжеватой рожью пошел сосновый мачтовый лес, а за лесом лежал большак, пыльная широкая дорога, по которой до пчеловодческой опытной станции нужно было пройти еще несколько километров. Но что значили для него тогда километры, и вообще, что значило шагать по земле, лишь хватило бы пространства для молодых, крепких ног.

Пчеловодческая опытная станция, где работал дед, считалась одной из лучших в России, которую ныне и не вспомнишь прежней, деревенской, лапотной, с керосиновыми лампочками в избах, а в кабинете деда еще сохранилась новинка века в свое время — ацетиленовая лампа с белым, сильным, почти дневным светом. Так и запомнилась на всю жизнь эта ацетиленовая лампа на большом столе с книгами, образцами каких-то опытных сотов и портретом Метерлинка в рамке, которого дед почитал за его книгу «Жизнь пчел», хотя и не научную, но обращенную к кровному его делу.

Константин Ксенофонович был на пасеке, но Костя не решился пойти туда, где пчелы, привыкшие к деревенскому человеку, могли наброситься на городскую свежинку.

Позднее, сидя в кабинете деда, Костя отвечал на строгий дедовский допрос. Константин Ксенофонович, розовый высокий старик с двумя пучками белых волос вокруг коричневой лысины, с орлиным тонким носом и белыми щеточками бровей, лишь отснявших розовую молодость его лица, страстно хотел, чтобы внук стал естественником, хоть косвенно близким к его, Овчинникова, профессии. Но Костя поступил на филологический факультет, проучился всего два года, забрел как-то в редакцию одной из газет, и бывший школьный товарищ Ерошин, работавший в отделе информации, уговорил его попробовать силы в журналистике, дал для начала задание — написать заметку об открывшейся сельскохозяйственной выставке, и Костя добросовестно написал заметку, которую хоть и сократили почти вдвое, но все же напечатали, с этого и пошло.

Признаться, однако, деду, что из университета ушел, Костя не решился, и на строгий допрос: «Чем дышишь?» — достал из чемоданчика номера журналов и показал два напечатанных своих рассказа. Но рассказы только расстроили Константина Ксенофоновича, ему казалось теперь, что внук уже совсем ушел в сторону не только от естественных наук, но даже и от филологии...

— Так, — сказал Константин Ксенофонович тогда, — значит, «Прилет журавлей» и «Встреча». Интересно, куда же летят твои журавли и с кем была у тебя встреча?

— Дедушка, ведь это я не о себе... без выдумки ничего не напишешь.

— Допустим, — сказал Константин Ксенофонович, — допустим. Но все-таки какая у тебя цель в жизни?

Ответить на это Костя не мог — стать знаменитым или хотя бы известным писателем не так-то просто, — и он неопределенно сказал:

— Поживем — увидим.

Потом дед повел его на пасеку, и хоть на лице была сетка, а рукава снизу завязаны, Костя на всякий случай вжал голову в плечи. Ему показался тогда таким отъединенным от жизни этот мир деда, таким далеким от шумного, оживленного города, редакций газет и журналов, где, правда, Константину Овчинникову уже не раз возвращали его непринятые рассказы, однако два из них все-таки напечатаны...

И все же те недели, которые он прожил у деда, были такими счастливыми, такими полными солнца, цвели гречишные поля, несколько десятков ульев были специально вывезены на гречиху, да и поел он медку: правда, свежий мед еще не поспел, но был у деда в запасе дониковый, который поспорит с гречишным по нежному вкусу и запаху. Вернувшись в Москву, Костя привез матери кувшин этого меда, а прочел ли дед тогда его рассказы, Костя так и не узнал: три года спустя Константин Ксенофонович умер, и навсегда кончилось то, что было связано с дедом, только несколько написанных им книг стояли в книжном шкафу, а потом затерялись, может быть, при переезде на новую квартиру.

И все пошло дальше не так, как хотел Константин Ксенофонович, пошло, может быть, и не так, как хотелось сначала начинающему журналисту, потом начинающему писателю, а там и немолодому писателю Константину Овчинникову: многое из задуманного он не написал, многое не получилось, и хоть теперь на книжной полке стоял не один десяток написанных им книг, все же приходили нередко на память слова поэта: «Я вас не писал никогда!» — обращенные к написанным им книгам...

Порастерялось многое и в жизни: жена, с которой он прожил тридцать семь лет, и каждый страшился, лишь бы не пережить один другого,— жена умерла, и он все же пережил ее, привык постепенно к одиночеству, дочь Кира давно замужем, живет с мужем в Киеве, иногда в Москву приезжает внук Валентин, окончивший институт кинематографии, два его первых коротеньких документальных фильма недавно показывались, и знаменательным было, что один посвящался колхозной пасеке, а врач подробно рассказывал о целебных свойствах меда...

Как дед Константин Ксенофонтович, неодобрительно отнесшийся некогда к непрочной профессии внука, так и он сам, ныне дед, отнесся с некоторым недоверием к профессии кинорежиссера, которому, как и литератору, нужно не одно десятилетие, чтобы понатореть, пока выберешься на дорогу.

— Чем дышишь? — допросил он внука в один из его приездов, как в свое время допросил Константин Ксенофонтович.

— Работаю в кино, дедушка, — ответил Валентин, долговязый, в темных очках, с бачками по моде и девичьим полуovalом волос на затылке. — Наверно, один из моих фильмов будут показывать по телевизору. У тебя ведь есть телевизор.

И он оглядел писательскую комнату деда с книжными шкафами, папками, какими-то памятными безделушками на столе, привезенными из заграничных поездок, вроде фигурки бравого Швейка, — оглядел, наверно, так же, как оглядел в свое время он, Костя, кабинет деда с образцами сотов и ацетиленовой лампой начала века на столе.

— Ладно, посмотрю, — пообещал Овчинников.

— Ищи в программе передачу из Киева.

— Поищу передачу из Киева.

И хотя литература и кино связаны, он все же пожалел, что внук не пошел по другой, более прочной дороге, а польни во всех видах искусства хватает. Однако, хоть и думая так, он вместе с тем признавался самому себе, что никакая другая профессия не заменила бы его тревожной, изменчивой, требующей всех сил души, но и одаряющей благоденствием профессии...

Внук прожил у него недолго и уехал в Киев, известил некоторое время спустя, когда состоится передача, и Овчинников посидел в этот день перед телевизором, а фильм внука показывали в перерыве между двумя периодами хоккея: съемки красот Карелии с водопадом Кивач в дыму от своего могучего спада.

Но смотря фильм внука, Овчинников вспомнил почему-то дни своей молодости и испытал вдруг страстное желание побывать в тех местах, где прожил несколько счастливейших недель в золотом, в ту пору только открывшемся перед ним и еще туманно обещающем мире...

В самом деле, поехать бы в это Угланово, взглянуть на ту пчеловодческую опытную станцию, которая носит ныне имя Овчинникова, отвезти книги для ее библиотеки, присоединить к ним и две его последние книги. И день спустя он написал в Угланово, что хотел бы побывать на станции имени своего деда, привезти книги для ее библиотеки, а если есть какие-нибудь пожелания, то он готовно выполнит их. Вскоре пришел ответ за подписью директора станции, что его приезду будут рады, заранее благодарят за книги и были бы особенно признательны, если бы он привез кое-какие диафильмы, связанные с пчеловодством или хотя бы с сельским хозяйством: по субботам обычно устраиваются для местного населения вечера с лекциями и показом диафильмов и это было бы лучшим подарком для станции.

Теперь Овчинникову захотелось непременно побывать на этой станции, вспомнить молодость, щедро, в память деда, навезти всего, и он накупил диафильмов, связанных не только с пчеловодством, но и с историей, и с минувшей войной, накупил и книг, присоединил к ним свои, сделав на титульном листе надпись: «В библиотеку пчеловодческой опытной станции имени Овчинникова от автора — внука К. К. Овчинникова», дал телеграмму о своем выезде, сел в поезд, а утром было и Угланово, ныне уже не маленькая, затерянная в российских полях станция, а с вокзалом, правда небольшим, но были в нем и газетный и аптекарский киоски, и ресторан, еще закрытые в этот ранний час. Поезд стоял уже не две минуты, а шесть, проводник помог выгрузить несколько пачек книг, и почти сейчас же подошел вежливый молодой человек, отрекомендовался сотрудником пчеловодческой станции Савиным, сказал: «Для нас большая честь ваш приезд» — и Овчинникову захотелось ответить: «Ну, не очень-то большая честь... внук — это все-таки не дед, а я только внук».

— У нас своей машины нет,— сказал Савин.— Но в райкоме, как только мы назвали ваше имя, предоставили.

И по другую сторону станции стоял выкрашенный в мутную зеленую краску, повывавший виды вездеход, дорога была уже не проселочная, а грейдерная, потом наплыли видения молодых лет, наплыл сосновый матчевый лес, за ним поля, был июнь, цвела гречиха, навстречу широкой волной шел ее нежный запах, вся земля вокруг, казалось, медоносила от этого запаха, а июнь гудел, словно вместе с цветущей волной шло и гудение пчел или самой природы в торжестве ее созревающих сил.

На пчеловодческой станции Овчинникова встретили почтительно, с благодарностью приняли книги и диафильмы, оказалась и совсем еще юная библиотекаря, девушка в очках, несколько возвышенно сказавшая:

— Я ваши книги читала. А книги Константина Ксенофонтовича у нас в особом шкафу хранятся, присоединим к ним теперь и ваши книги.

Потом Овчинников сидел в кабинете директора станции, краснощекого русачка Елистратова, влюбленного в свое дело и как бы всего пропахшего и гречихой, и медом, и всем тем, что составляло существо этого цветущего мира.

— Вы когда же в последний раз побывали здесь? — поинтересовался Елистратов.

Овчинников задумался.

— Пятьдесят один годик назад... полвека с гаком, как говорится.

— Порядочно,— признал Елистратов.— Конечно, станция наша уже не та... есть и хорошая лаборатория и свои печатные труды.

А в конференц-зале, где обычно происходили лекции с показом диафильмов, рядом с портретом знаменитого пчеловода Прокоповича висел большой портрет деда — Константина Ксенофонтовича Овчинникова.

— Позднее покажу вам наше хозяйство,— пообещал Елистратов.— А кабинет Константина Ксенофонтовича мы сохранили в том виде, в каком он был при нем.

И тоже, как видение молодости, возник кабинет деда с образцами сотов, ацетиленовой лампой и портретом Метерлинка в рамке, только никто не допросил на этот раз: «Чем дышишь?» — а если бы и задали такой вопрос, пришлось бы ответить: «Пишу книги помаленьку»; но понадеялся: «Поживем — увидим» — было уже поздно...

— Вы сейчас, наверно, заняты, а я поброжу немного,— сказал Овчинников.— Столько всколыхнулось во мне всякого...

— Хотите, с вами наш сотрудник пойдет? — предложил Елистратов.

— Нет, лучше побуду один.

— А если на пасеку заглянете, захватите эту шляпу.— И Елистратов дал ему большую соломенную шляпу с сеткой.— Кстати, вы на вашего деда очень похожи, если судить по портрету.

И вправду, и высокой фигурой, и орлиным тонким носом, и седыми волосами вокруг начинавшейся лысины походил он, наверно, на Константина Ксенофонтовича.

Овчинников вышел из здания станции, широкий простор полей открылся вскоре перед ним, солнце уже поднялось высоко, и звенящий и гудящий мир снова возник в жаркой своей прелести.

Овчинников пошел по дороге, справа голубели улья пасеки, и он сменил свой берет на шляпу с сеткой и вошел в снующее, озабоченное пчелиное царство. А возле одного из ульев стоял старик с красноватым, словно дубленным лицом и ватной белой бородой, сквозь которую просвечивал розовый подбородок, доставал из улья рамку, пчелы ползали по его рукам и лицу, но он не смахивал их, а лишь как бы отодвигал в сторону по временам.

Старик взглянул на него, спросил коротко:

— Тебе чего?

И Овчинников объяснил, что ему — ничего, а приехал он, внук Константина Ксенофонтовича Овчинникова, побывать в тех местах, где побывал когда-то, не так чтобы очень давно, но все-таки пятьдесят лет назад, да еще и с гаком.

Они отошли в сторону и сели на скамеечку возле шалаша.

— Так,— сказал старик,— значит, внук Овчинникова? Я его помню — ничего, сурьезный был человек, да и трудов его для всех нас хватило. Это, между прочим, тоже нужно суметь, чтобы твоих трудов и для других хватило. Мое, скажем, дело — совсем малое, конечно, однако будешь чай с медом пить, когда прозяб или в груди заложило,— смотришь, от моей пчелиной семьи мед, я за этой семьей наблюдал. Значит, не совсем в тираж я вышел. Тебе сколько годов сейчас?

— Семьдесят четвертый пошел.

— Мой возраст. Нам с тобой до края немного осталось.

— Нет, хочется еще пожить! — сказал Овчинников.

— Одно твоего хотения мало, нужно еще, чтобы настройка в твою пользу была... а это как придется. Ты чем занимаешься?

— Книги пишу.

— Ну, книги — это останется. Я, между прочим, почитать люблю.

— Могу дать одну свою книжку, я захватил с собой.

— Что ж, почитаю и свое мнение выскажу.

И хотя за короткий срок пребывания здесь и не придется услышать это мнение, все же хорошо было бы услышать его, и Овчинников вспомнил, как привез в свое время кувшин с донниковым медом, который дал ему дед, и целую зиму в их с матерью квартире пахло запахом цветов и пчелиных усилий...

Ему казалось теперь, что всю жизнь, целых полвека представлял он себе тот день, когда снова приедет сюда, вдохнет полной грудью полевой воздух, заново убедится в том, что все в жизни так или иначе повторяется, и в этом, может быть, и заключена ее высшая мудрость. В сущности, Валентин со своим коротеньким фильмом о водопаде Кивач повторял его молодость с первыми напечатанными рассказами, а в том, как молоденькая библиотечка унесла, прижав к груди, его

книги, чтобы присоединить их к книгам деда, было как бы заключение того, что началось здесь когда-то.

— Нет, хочется еще пожить! — повторил он.

— Что ж, я тоже не против, — согласился старик. — На погосте успеем належаться. Давай-ка свежим медком угощу тебя. Мы, правда, еще не качали, но я взаимы взял немного у пчел.

Он достал из шалаша плошечку с медом, и для Овчинникова так нежно и так утешно прошло все заново в воспоминаниях...

И они поговорили еще о том, что лучше жизни нет все-таки ничего на свете, нужно только, чтобы от твоих трудов досталось и другим, и тогда всё с тобой... даже пчела, хоть и с ноготок она, понимает, где добро в ее пользу, и никогда не укусит.

Третье окно от угла

Маленькая подслеповатая старушка, на вид вся столь деревенская, что не один встречный предположил, наверно, — попала она в город впервые, робко и неуверенно зашла в большие железные ворота, за которыми белели корпуса клинической больницы. На ногах старушки были новые башмаки, видимо сберегавшиеся для особых случаев, а тут был не то что особый случай, но и вовсе страшный...

С неделю назад сын Василий прислал письмо, в котором, кроме поклонов, было как бы между прочим сказано: «Сейчас я нахожусь в больнице, повредился немного на заводе, как станет получше — напишу подробно». Внизу следовал адрес той больницы, в которой лежал сын Василий Струков, слесарь пятого разряда, а до этого разряда пришлось не один год идти и идти.

Но что значит — повредился, и Пелагея Саввишна пришла к председателю колхоза Ефремову, бывалому человеку, прошедшему сквозь войну, с двумя ранениями, ему-то уж знакомо это слово.

— Не знаю, что и сказать тебе, Саввишна, сын твой на металлическом заводе работает, а когда с металлом — всякое может случиться.

Пелагея Саввишна сидела по другую сторону его стола сжавшаяся и подавленная, в таком страхе за сына, что Ефремов, подумав, добавил:

— Отлежится, наверно, раз сам письмо пишет... пошли ему чего-нибудь для твоего материнского успокоения. Лепешек, например, ржаных испеки, городские с деревенскими и не сравнятся.

Пелагея Саввишна сидела опустив голову, водила пальцем по краю стола, потом сказала:

— Не обойтись мне этим, Степан Никитич... съезжу повидать его. До Москвы, говорят, десять часов всего, вечером соседка поможет сесть на проходящий, а утром буду в Москве, да и на поезд хоть раз в жизни изнутри погляжу.

— Что ж, дело твое правое, материнское, — отозвался Ефремов. — А со средствами колхоз поможет маленько.

— Мне Вася каждый месяц посылает, так что насчет средств не беспокойтесь, Степан Никитич.

С этим она ушла, а на другой день поздно вечером соседка — мать погибшего на войне Сережи Беспалого, знающая, что такое сын, а когда потеряла его, не жила вовсе, только по привычке хозяйствовала, но лицо у нее осталось навсегда каменным, — на другой день поздно вечером соседка помогла сесть в поезд, и только на минутку потепело ее лицо: может быть, подумала, что у Пелагеи Саввишны есть все-таки сын, хоть и случилась с ним беда, а ее Сережа словно и не жил никогда...

И вот она, Пелагея Саввишна, бредет среди больничных корпусов, мимо проходят девушки в белых халатах и мужчины в белых халатах и брюках — наверно, врачи,— и стоят машины с красным крестом на кузове. В сумке у Пелагеи Саввишны были ржаные лепешки, все-таки успела испечь, помидоры, баночка с медом, завернутые в большие листья лопухов соленые огурчики, а в угол сумки засунут был букетик васильков, которые нарвала внучка Беспаловой Нюра, васильки хоть и без запаха, но с голубым их цветом целиком деревенские...

Она нашла нужный корпус, внизу в большой застекленной приемной сидела за вязаньем дежурная, строго посмотрела на нее:

— К больному? Прием посетителей от шести до восьми.

— Я прямо с поезда, не знала здешних порядков.— повинилась Пелагея Саввишна.— А сейчас сколько же времени?

— Сейчас всего одиннадцатый час. Поезжайте отдохните пока.

Но куда поехать отдохнуть, и Пелагея Саввишна вышла в парк, села в глубине среди сосен на скамейку, и вся ее жизнь поплыла и постепенно проплыла перед ней. Мужа убили на втором году войны, Васе не было тогда и двух лет, и с той поры все пошло только с сыном, все было с ним и ради него...

После окончания школы Вася уехал в Москву, поступил на завод, стал попутно учиться в профтехникуме, сообщал иногда в письме, что его повысили или наградили, а раз прислал снимок с Доски почета, и среди других фотографий была и фотография Василия Струкова.

Она сидела, сложив между колен коричневые, потрудившиеся на своем веку руки, и какая-то женщина, взглянув на нее, прошла сначала мимо, а потом вернулась и под села.

— Навестить кого-нибудь? — спросила она.

И Пелагея Саввишна ответила:

— Сына. Только не вовремя явилась, не знала порядков.

И они поговорили сначала как две посетительницы, а потом и как две матери: у женщины в одном из отделений лежала дочь, почти девочка, только год назад пошла в институт, но что-то случилось с почками, о которых в ее годы и не думают...

— Нам, матерям, все пережить положено,— сказала Пелагея Саввишна, а женщина смотрела куда-то вверх, за окном третьего этажа ей махала рукой, наверно, условилась с дочерью, что та в назначенный час подойдет к окну, чтобы хоть издали поглядеть друг на дружку. Потом женщина написала в воздухе цифру «шесть», это значило, что придет еще, когда начнут впускать посетителей, дочь понимающе закивала головой, и на этом их утреннее свидание кончилось.

Оставшись одна, Пелагея Саввишна достала из сумки кусок хлеба, выбрала самый маленький огурчик, а до шести часов был еще длинный день впереди, куда пойдешь, сюда-то добиралась, расспрашивая встречаемых, а многие и не знали, где эта больница. Деревья вокруг шумели, и чтобы не заснуть под этот шум, Пелагея Саввишна поднялась, пошла по дорожке, на площадке стояли машины с надписями «Медицинская помощь», и «Скорая медицинская помощь», и «Медицинская служба», няни катили тележки с бельем или несли что-то на носилках, такой длинный и без всякой пощады день, но теперь, наверно, до шести часов уже не так-то много осталось.

— Сколько времени сейчас? — спросила она у шофера одной из санитарных машин.

— Четверть второго, мамаша,— ответил он, взглянув на свои ручные часы.

Значит, походить еще немного — и будет два, дальше посидеть где-нибудь в стороне несколько часиков, а там начнут впускать посетителей, и Пелагея Саввишна еще походила немного, потом в самой

глубине парка села на скамейку и заснула, а когда проснулась, уже впускали посетителей, и дежурная, узнав ее, сказала:

— Теперь наш порядок помните.

И Пелагея Саввишна ответила:

— Буду помнить.

Она поднялась на второй этаж, сын написал, что лежит в сорок первой палате, и она долго ходила по коридору, прежде чем нашла ее. В палате двойным рядом стояли койки по три с каждой стороны. Пелагея Саввишна слепо вглядывалась в незнакомые лица, а потом увидела сына на самой ближней койке.

— Мать! — сказал он только.

И она подалась к нему.

— Зачем ты приехала?

— К сыну приехала, — сказала Пелагея Саввишна с твердостью.

Она присела на краешек его койки, хотела казаться оживленной, рассказала, как удачно получилось: ехал в Москву председатель колхоза Ефремов, захватил ее с собой, дорога и не дальняя вовсе, а поездом она никогда прежде и не ездила...

— Ну, что с тобой приключилось, сынок? — спросила она осторожно.

Вася смотрел перед собой невидящим взглядом, потом сказал:

— Я, мать, ступню левой ноги потерял.

Пелагея Саввишна охнула, теперь уже нельзя было изобразить, что приехала она в Москву без всякой крайности, просто захватил с собой председатель, и слезы текли по ее лицу.

— Что же теперь будет, Васенька? — спросила она.

— Стану протез носить. После войны тысячи людей протезы носят.

Но она думала не о тысячах людей, а о нем, сыне...

— Ты где же остановилась? — спросил он.

— Мы со Степаном Никитичем вместе, в колхозном общежитии, что ли.

И она, вспомнив, стала доставать из сумки то, что привезла.

— Ржаные твои любимые лепешки испекла, огурчиков прихватила соленьких, в этом году огурцы крепенькие, меду с пасеки Ивана Кузьмича, только начал качать его, а яблоки еще не поспели, в нашем садике поздние сорта.

Она доставала из сумки все свое, деревенское, а жениться Вася еще не успел, была на примете одна хорошая девушка, но будет ли он нужен ей теперь — без ступни?

— Как же это случилось с тобой, Васенька?

— Поторопился, да и техника безопасности у нас не на уровне.

Она сидела скорбно, не могла представить себе своего здорового, крепкого сына инвалидом, с какой-то кожаной ступней, как у конюха Стахеева, у которого нога скрипит и стучает, когда он ходит.

— Теперь руками поздно разводить, теперь по-новому нужно научиться жить, — сказал Вася. — Ради тебя хотя бы нужно научиться по-новому жить.

Пелагея Саввишна достала из сумки примятые цветы.

— Васильков тебе Нюра, внучка тети Даши, нарвала, велела кланяться, и тетя Даша велела кланяться.

И она перечислила тех, кто просил кланяться или мог бы попросить. Один из больных налил в бутылку воды, и васильки вскоре ожили. Потом Пелагея Саввишна рассказала сыну все деревенские новости, рассказала, что председатель колхоза Ефремов сразу же предложил поехать с ним в Москву, он хорошо, Степан Никитич, понимает

беду другого, сам хлебнул горя в войну. А наутро они вместе поедут обратно.

— Я могла бы и сегодня с ночным уехать, но хочу завтра хоть одним глазком еще повидать тебя. Ты с постели-то поднимаешься? — И она поглядела на его костыль возле койки.

— Понемногу встаю.

— Тогда завтра утречком, часиков в десять, подойди к окошку, я тебе хоть рукой помашу. А потом прямо на вокзал... я теперь дорогу знаю.

И Вася сказал только:

— Спасибо, мать. Третье окно от угла на втором этаже.

Она посидела до той поры, когда нужно было уходить, поцеловала сына, в дверях оглянулась на миг, он смотрел ей вслед, и показалось, что глаза его блестят, или от собственных слез показалось это...

Пелагея Саввишна вышла в парк, потерянно побрела к воротам, а чуть впереди шла та женщина, у которой лежала здесь дочь с большими почками.

— Ну как, повидали сына? — спросила она, приостановившись.

— Так хорошо мы с ним свиделись и завтра еще повидаемся. Не знаете ли, милая, какое-нибудь общежитие поблизости? Мне только одну ночь переночевать, а на вокзале, говорят, не позволяют.

— Не знаю я общежития поблизости. — Женщина поглядела на нее, о чем-то подумала, потом сказала: — Одну-то ночь можете у меня переночевать, я недалеко отсюда, на Хорошевском шоссе, живу, а сейчас одна совсем.

— Да ведь совестно обременять.

— У вас — сын, у меня — дочь, авось пойдем друг дружку.

И Пелагея Саввишна не нашлась что ответить.

Женщину звали Полина Ивановна, работала она в сберегательной кассе, и они поехали на Хорошевское шоссе, провели вечер вместе, рассказали о своей жизни, выпили чаю, потом Полина Ивановна постелила постель на диване, на котором спала обычно дочь, и Пелагея Саввишна легла тихо, как мышь, и спала тихо, как мышь, и утром встала тихо, как мышь.

— Такая благодарность вам, милая... мы с сыном условились, что ровно в десять подойдет он к окошку, хоть издали, но повидаемся еще. А это на память возьмите, внучка соседки ягоды нанизала... они, как камешки, твердыми стали. Невелико украшение, но наше, деревенское.

Пелагея Саввишна сняла с шеи свои из ягоды рябины бусы, которые подарила ей к Новому году Нюрочка.

— Прелесть какая. Никто и не подумает, что это не камешки.

И Полина Ивановна взяла на память бусы.

Пелагея Саввишна доехала до больницы, прошла к знакомому корпусу, в третьем от угла окне на втором этаже сразу же увидела сына, он уже ждал ее, и они помахали друг другу рукой, а на окне стоял в бутылке ее букет васильков, и Вася наклонился и понюхал цветы, пахнувшие деревней, детством, матерью, ее сердцем — всем тем, без чего нельзя жить; и что в сравнении с этим могла значить потерянная ступня?

А полчаса спустя Пелагея Саввишна уже шла к воротам, и, наверно, по тихой радости на ее лице встречные могли бы предположить, что выздоравливает кто-то из близких этой старушки. Все-таки она, Пелагея Саввишна, несмотря ни на что, немного счастлива, дважды повидала сына, и теперь можно унести это с собой и запрятать в себе, чтобы никто никогда и не узнал об этом.

Она вышла из ворот, дождалась нужного автобуса, а к семи часам вечера была уже дома.

— Так понравились Васе твои васильки, так понравились,— сказала она Нюрочке сразу же.— А бусы, которые ты подарила мне, я одной доброй женщине отдала, приютила меня на ночь, не пришлось где-нибудь в парке на скамейке ночевать. Вася тебе поклон посылает.

И Нюрочка была довольна, что Вася посылает ей поклон и что ее бусы достались одной доброй женщине, а осенью, когда поспеют ягоды рябины, она еще нанижет.

— Ну как он, Вася? — спросила соседка тетя Даша.

— Повредился немного на работе, а так ничего,— сказала Пелагея Саввишна, и ей самой казалось теперь, что Вася лишь немного повредился, а так ничего... и она выберет еще время, съездит к нему снова, к поезду и автобусам не привыкать теперь, да и к горю не привыкать, если уж пришло оно, нужно и с ним научиться по-новому жить, для сына жить, как он пообещал хотя бы ради нее научиться по-новому жить...

ИЗ ПОЭЗИИ «НОВОГО МИРА» ЗА 50 ЛЕТ*

В юбилейном номере редакция предлагает вниманию читателей наиболее памятные поэтические произведения, опубликованные за полвека на страницах журнала «Новый мир».

ВЛ. МАЯКОВСКИЙ

★

Разговор с фининспектором о поэзии

Гражданин фининспектор!
Простите за беспокойство.
Спасибо...
не тревожьтесь...
я постою...
У меня к вам
дело
деликатного свойства.
О месте
поэта
в рабочем строю.
В ряду
имеющих
лабазы и угожья
И я обложен
и должен караться.
Вы требуете
с меня
пятьсот в полугодие
И двадцать пять
за неподачу деклараций.
Труд мой
любому
труду
родствен.
Взгляните —
сколько я потерял,
какие
издержки
в моем производстве

* Все стихотворения печатаются по журнальной публикации.

съешь
 и сотней папирос клуби,
 чтобы
 добыть
 драгоценное слово
 из артезианских
 людских глубин.
 И сразу
 ниже
 налога рост.
 Скиньте
 с обложенья
 нуля колесо!
 Рубль девяносто
 сотня папирос,
 рубль шестьдесят
 столовая соль.
 В вашей анкете
 вопросов масса —
 были выезды?
 или выездов нет? —
 а что,
 если я
 десяток пегасов
 загнал
 за последние
 15 лет?!
 У вас —
 в мое положение войдите —
 про слуг
 и имущество
 с этого угла.
 А что,
 если я
 народа водитель
 и одновременно —
 народный слуга?
 Класс
 гласит
 из слова из нашего,
 а мы,
 пролетарии,
 двигатели пера.
 Машину
 души
 с годами изнашиваешь.
 Говорят —
 в архив,
 исписался,
 пора! —
 Все меньше любитя,
 все меньше дерзается,
 и лоб мой
 время
 с разбега крушит.
 Приходит

ваше бессмертие,
 гражданин канцелярист.
 Через столетья
 в бумажной раме
 возьми строку
 и время верни!
 И встанет
 день этот
 с фининспекторами,
 с блеском чудес
 и с вонью чернил.
 Сегодняшних дней убежденный житель,
 выправьте
 в энкапез
 на бессмертье билет
 и, высчитав
 действие стихов,
 разложите
 заработок мой
 на триста лет.
 Но сила поэта
 не только в этом,
 что, вас
 вспоминая,
 в грядущем икнут.
 Нет!
 и сегодня
 рифма поэта —
 ласка,
 и лозунг,
 и штык,
 и кнут.
 Гражданин фининспектор —
 я выплачу пять,
 все
 нули
 у цифры скрестя!
 Я
 по праву
 требую пядь
 в ряду
 беднейших
 рабочих и крестьян.
 А если
 вам кажется,
 что всего делов —
 это пользоваться
 чужими словесами,
 то вот вам,
 товарищи,
 мое стило
 и можете
 писать
 сами!

Умер
 звонкий
 забулдыга-подмастерье.
 И несут
 стихов заупокойный лом
 с прошлых
 с похорон,
 не переделавши почти.
 В холм
 тупые рифмы
 загонять колом —
 разве так
 поэта
 надо бы почитать?
 Вам
 и памятник еще не слит,
 где он —
 бронзы звон
 или гранита грань? —
 а к решеткам памяти
 уже
 понесли
 посвящений
 и воспоминаний дрянь.
 Ваше имя
 в платочки рассоплено,
 ваше слово
 слюнявит Собинов
 и выводит
 под березкой дохлой:
 «Ни слова, о друг мой,
 ни вздо-о-о-о-ха».
 Эх,
 поговорить бы иначе
 с этим самым
 с Леонидом Лознгринычем!
 Встать бы здесь
 гремящим скандалистом:
 — Не позволю
 мямливать стих
 и мять! —
 Оглушить бы
 их
 трехпалым свистом
 в бабушку
 и в бога душу мать!
 Чтобы разнослась
 бездарнейшая погань
 раздувая
 тьмь
 пиджачных парусов,
 Чтобы
 врассыпную
 разбежался Коган,
 встреченных
 увеча
 пиками усов.

Дрянь
 пока что
 мало поредела.
 Дела много —
 только поспевать.
 Надо
 жизнь
 сначала переделать,
 переделав —
 можно воспевать.
 Это время —
 трудновато для пера,
 но скажите
 вы,
 калеки и калекши:
 где,
 когда,
 какой великий выбирал
 путь,
 чтобы протоптанней
 и легче?
 Слово —
 полководец
 человечьей силы.
 Марш!
 чтоб время
 сзади
 ядрами рвалось.
 К старым дням
 чтоб ветром
 относило
 только путаницу волос.
 Для веселия
 планета наша
 мало оборудована.
 Надо
 вырвать
 радость
 у грядущих дней.
 В этой жизни
 помереть
 нетрудно.
 Сделать жизнь
 значительно трудней.
 «Новый мир», 1926, № 5.

*Разговор на одесском рейде десантных судов:
«Советский Дагестан» и «Красная Абхазия»*

Перья облака,
 закат расканарейте!
 Опускайся,
 южной ночи гнет!
 Пара
 пароходов
 говорит на рейде:

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

★

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен.
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почтальон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был незнаком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с отливом в синь,
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе,
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И, как друга, введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом.

(1924)

«Новый мир», 1925, № 3.

Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне. Такая лунность.
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело,—
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз.
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, синий
На этих липах не цветы —
На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я — дружку,
И нам обойм все равно
Играть в любовь недорогого.

Но все ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуй.
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

30.XI.25.

«Новый мир», 1926, № 2.

Не гляди на меня с упреком,
Я презренья к тебе не таю,
Но люблю я твой взор с поволокой
И лукавую кротость твою.

Да, ты кажешься мне распростертой,
И, пожалуй, увидеть я рад,
Как лиса, притворившись мертвой,
Ловит воронов и воронят:

Ну и что же, лови, я не струшу.
Только как бы твой пыл не погас.
На мою охладевшую душу
Натыкались такие не раз.

Не тебя я люблю, дорогая,
Ты лишь отзвук, лишь только тень.
Мне в лице твоём снится другая,
У которой глаза — голубень.

Пусть она и не выглядит кроткой
И, пожалуй, на вид холодна,
Но она величавой походкой
Всколыхнула мне душу до дна.

Вот такую едва ль отуманишь,
И не хочешь пойти, да пойдешь,
Ну, а ты даже в сердце не вранишь
Напоенною ласкою ложь.

Но и все же, тебя презирая,
Я смущенно откроюсь навек:
Если б не было ада и рая,
Их бы выдумал сам человек.

1.XII.25.

«Новый мир», 1926, № 2.

.

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив.
Не смотря в лицо, от страсти млеешь,
Мне на плечи руки опустив.

Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала,
Сколько рук ты помнишь. Сколько губ.

Знаю я — они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,
Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи
И ты думаешь о ком-нибудь другом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспыльчивая связь, —
Как случайно встретился с тобою,
Улыбнись, спокойно разойдись.

Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.

И когда с другим по переулку
Ты пройдешь, болтая про любовь,

Может быть, я выйду на прогулку
И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,
Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»
Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь,—
Кто любил, уж тот любить не может,
Кто сгорел, того не подождешь.

4.XII.25.

«Новый мир», 1926, № 2.

.

Может, поздно, может, слишком рано,
И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон-Жуана,
Как заправский ветренный поэт.

Что случилось? Что со мною случилось?
Каждый день я у других колен.
Каждый день к себе теряю жалость,
Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце меньше
Билось в чувствах нежных и простых,
Что ж ищу в очах я этих женщин —
Легкодумных, лживых и пустых?

Удержи меня, мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой.
На душе холодное кипенье
И сирени шелест голубой.

На душе — лимонный свет заката,
И все то же слышно сквозь туман,—
За свободу в чувствах есть расплата,
Принимай же вызов, Дон-Жуан!

И, спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то ж —
Чтить метель за синий цветень мая,
Звать любовью чувственную дрожь.

Так случилось, так со мною случилось,
И с того у многих я колен,
Чтобы вечно счастье улыбалось,
Не смиряясь с горечью измен.

13.XII.25.

«Новый мир», 1926, № 2.

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин —
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам.
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальнойю
Видеть бедную, нищую Русь.

И внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

(1925)

«Новый мир», 1926, № 4.

Черный человек

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,

Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусавя надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забульги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек.
Черный, черный!

«Слушай, слушай,—
Бормочет он мне,—
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.

В декабре в той стране
Снег до дьявола чист,
И метели заводят
Веселые прялки.
Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.

Был он изящен,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину
Сорока с лишним лет
Называл скверной девочкой
И своею милою.

Счастье,— говорил он,—
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.

В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым —
Самое высшее в мире искусство».

«Черный человек!
 Ты не смеешь этого!
 Ты ведь не на службе
 Живешь водолазовой.
 Что мне до жизни
 Скандального поэта.
 Пожалуйста, другим
 Читай и рассказывай».

Черный человек
 Глядит на меня в упор.
 И глаза покрываются
 Голубой блевотой,
 Словно хочет сказать мне,
 Что я жулик и вор,
 Так бесстыдно и нагло
 Обокравший кого-то.

Друг мой, друг мой,
 Я очень и очень болен.
 Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
 То ли ветер свистит
 Над пустым и безлюдным полем,
 То ль, как рощу в сентябрь,
 Осыпает мозги алкоголь.

Ночь морозная.
 Тих покой перекрестка.
 Я один у окошка,
 Ни гостя, ни друга не жду.
 Вся равнина покрыта
 Сыпучей и мягкой известкой,
 И деревья, как всадники,
 Съехались в нашем саду.

Где-то плачет
 Ночная злоецающая птица.
 Деревянные всадники
 Сеют копытливый стук.
 Вот опять этот черный
 На кресло мое садится,
 Приподняв свой цилиндр
 И откинув небрежно сюртук

«Слушай, слушай! —
 Хрипит он, смотря мне в лицо.
 Сам все ближе
 И ближе клонится.—
 Я не видел, чтоб кто-нибудь
 Из подлецов
 Так ненужно и глупо
 Страдал бессонницей.

Ах, положим, ошибся!
 Ведь нынче луна.
 Что же нужно еще

Напоенному дремой мирику?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет «она»,
И ты будешь читать
Свою дохлую томную лирику?

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую,—
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.

Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...

И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину
Сорока с лишним лет
Называл скверной девочкой
И своею милою».

«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...

.

...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наоверкала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...

(1925)

«Новый мир», 1926, № 1.

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Я убит подо Ржевом

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налете.

Я не слышал разрыва
И не видел той вспышки,—
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна, ни покрывки.

И во всем этом мире
До конца его дней —
Ни петлички,
Ни лычки
С гимнастерки моей.

Я — где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я — где с облаком пыли
Ходит рожь на холме.

Я — где крик петушиный
На заре по росе;
Я — где ваши машины
Воздух рвут на шоссе.

Где — травинку к травинке —
Речка травы прядет,
Там, куда на поминки
Даже мать не придет.

Летом горького года
Я убит. Для меня —
Ни известий, ни сводок
После этого дня.

Подсчитайте, живые,
Сколько сроку назад
Был на фронте впервые
Назван вдруг Сталинград.

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю —
Наш ли Ржев наконец?

Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.

Неужели до осени
Был за ним уже Дон
И хотя бы колесами
К Волге вырвался он?

Нет, неправда! Задачи
Той не выиграл враг.
Нет же, нет! А иначе,
Даже мертвому, — как?

И у мертвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она —
Спасена.

Наши очи померкли,
Пламень сердца погас.
На земле на поверке
Выкликают не нас.

Мы — что кочка, что камень,
Даже глуше, темней.
Наша вечная память —
Кто завидует ей?

Нашим прахом по праву
Овладел чернозем.
Наша вечная слава —
Невеселый резон.

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам все это, живые.
Нам — отрада одна,

Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос,
Вы должны его знать.

Вы должны были, братья,
Устоять как стена,
Ибо мертвых проклятье —
Эта кара страшна.

Это горькое право
Нам навеки дано,
И за нами оно —
Это горькое право.

Летом, в сорок втором,
Я зарыт без могилы.
Всем, что было потом,
Смерть меня обделила.

Всем, что, может, давно
Вам привычно и ясно.

Но да будет оно
С нашей верой согласно.

Братья, может быть, вы
И не Дон потеряли
И в тылу у Москвы
За нее умирали.

И в заволжской дали
Спешно рыли окопы,
И с боями дошли
До предела Европы.

Нам достаточно знать,
Что была несомненно
Та последняя пядь
На дороге военной,—

Та последняя пядь,
Что уж если оставить,
То шагнувшую вспять
Ногу некуда ставить...

И врага обратили
Вы на запад, назад.
Может быть, побратимы!
И Смоленск уже взят?

И врага вы громите
На ином рубеже,
Может быть, вы к границе
Подступили уже?

Может быть... Да исполнится
Слово клятвы святой:
Ведь Берлин, если помните,
Назван был под Москвой.

Братья, ныне поправшие
Крепость вражьей земли,
Если б мертвые, павшие
Хоть бы плакать могли!

Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг.

О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне!

В нем, том счастье, бесспорная
Наша кровная часть,
Наша, смертью оборванная,
Вера, ненависть, страсть.

Наше все! Не слукавили
Мы в суровой борьбе,
Все отдав, не оставили
Ничего при себе.

Все на вас перечислено
Навсегда, не на срок.
И живым не в упрек
Этот голос наш мыслимый.

Ибо в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали,—
Были мы наравне.

И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу,

Чтоб за дело святое,
За советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.

Я убит подо Ржевом,
Тот — еще под Москвой...
Где-то, войны, где вы,
Кто остался живой?!

В городах миллионных,
В селах, дома — в семье?
В боевых гарнизонах
На не нашей земле?

Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...

Я вам жить завещаю —
Что я больше могу?

Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.

Горевать — горделиво,
Не клонясь головой.
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.

И беречь ее свято,
Братя, — счастье свое,—
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

1945—1946 гг.

«Новый мир», 1946, № 6.

Из лирики разных лет

(1936—1958)

22

Я полон веры несомненной,
Что жизнь — как быстро ни бежит,—
Она не так уже мгновенна
И мне вполне принадлежит.

Со всем ее живым и сущим
Отрадным светом и теплом.
С ее прошедшим и грядущим
Добром и горьким недобром.

Она дала мне дней задаток,
Ну что же, в дело обратим,
И как тот малый срок ни краток —
Он от нее неотделим:
Он ей самой необходим.

«Новый мир», 1958, № 7.

25

Вся суть в одном-единственном завете:
То, что скажу, до времени тая,
Я это знаю лучше всех на свете —
Живых и мертвых,— знаю только я.

Сказать то слово никому другому
Я никогда бы ни за что не мог
Передоверить. Даже Льву Толстому —
Нельзя. Не скажет — пусть себе он бог,

А я лишь смертный. За свое в ответе,
Я об одном при жизни хлопочу:
О том, что знаю лучше всех на свете,
Сказать хочу. И так, как я хочу.

«Новый мир», 1958, № 7.

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ

Русскому поэту

Я услышал твой зов издалика,
как олений раскати́стый крик.
Есть у каждого цель и дорога,
есть родной соловьиный язык.

Узы братства — древнейшие в мире,
древней истине будем верны!
Перед ней растворяются шире
с каждым годом сердца и умы.

Я на зов соловьиный примчался
в край, где любят и чтут соловьев,
где к бормочущим трелям причастны
звуки звонниц и свет куполов.

Дом бревенчатый гостеприимен —
славил гостя, себя не ронял...
Я с любовью глядел на Владимир,
перед Суздадем взоры склонял.

И яснее мне стало отныне
в этом тихом лесистом краю:
кто обидел чужую святыню —
оскверняет святыню свою.

Мы смотрели на древние храмы,
прозревали иные века,
понимая, что живы и правы
вековой правотой языка.

Было песен немало пропето,
и чурались тоски и алчбы
голоса соловьиного лета
в сердцевине народной судьбы.

Перевел с грузинского СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ.

«Новый мир», 1971, № 5.

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

* * *

Душа поэта —
Разъяренный лев,
Иль колесница, мчащая над бездной,
Иль древний Рим,
 где, все преодолев,
Найдут конец
 и царь и раб безвестный.

В какой руде
 Столь стойкий сыщешь нрав
 Иль, может,
 в камне
 или же в алмазе,
 Чтоб все принять,
 не сгинув, не пропав,
 Как свет Помпеи или свод Армази?

Чем **объяснить**,
 Что все жива душа,
 Когда ее приюта
 нет на свете,
 Что **не молчит**,
 как ныне Варахша
 Иль котлованы Ванские в Месхети?

Нет в мире бога
 Охранять твой сон,
 Нет в мире храма —
 за тебя молиться,
 Как нет **огня**,
 чтоб не сжигал бы он
 Тебя дотоль,
 доколе мир наш длится!

Кровавый ли поток
 Тебя вспоил,
 Арагвой Пшавской мечущийся яро,—
 Что не угас в тебе священный пыл,
 Как звуки —
 в мертвом городе Акбара...

Душа поэта —
 Рим былых времен.
 Сюда весь мир стремится, уповая
 На то, на се.
 Она ж — огонь, и стон,
 И вечный бой, и схватка мировая.

Перевел с грузинского ЮРИЙ РЯШЕНЦЕВ.

«Новый мир», 1971, № 5.

МАРГАРИТА АЛИГЕР

★

* * *

Бывают дни —
 ни голоса, ни смеха.
 Живу с трудом и двигаюсь с трудом.
 Как будто кто-то дорогой уехал
 и замерла душа моя, как дом.

Как дом, где мало солнечного света,
где ни к чему хозяйство и уют,
как дом, в котором чья-то песня спета,
где никого не любят и не ждут.

Я ненавижу собственную душу
в такие дни,

едва ее тяну.

И вот, когда я тишину нарушу,
раскрою окна, двери распахну,
и выбегу, и встану на пороге,—
увиду вдруг,

куда ни брошу взгляд,
что мир мой полон весточек с дороги
того, кто возвращается назад!
На облаках и на листве он пишет,
и на полянах и на глади рек,
и вся земля поет, цветет и дышит
тем, как он близко, этот человек.

Скорей за дело!

Труд мне будет сладок.

Мне весело глядеть на белый свет.
Я наведу в душе своей порядок
к приезду гостя.

Но его все нет.

Нелегко путь.

Задерживает что-то.

Но в ожиданье светится, как дом,
моя душа,

и спорится работа.

Ну что ж, дружок, спасибо и на том.

«Новый мир», 1961, № 1.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

★

Два сонета

I

История во мне, вся целиком,
Вся в путанице ложных аналогий,
Встает, как пращур из лесной берлоги,
Как мученица римских катакомб.

В чьей памяти, на языке каком,
Какой глагол в страдательном залоге
Звучит припевом в нашем диалоге
И к горлу подступает, словно ком?

5

Что ж это,
 что ж это,
 что ж это за песнь?!
 Голову
 на руки белые
 свесь.
 Тихие гитары,
 стыньте, дрожа:
 синие гусары
 под снегом лежат!

Декабрь 1925 г.

«Новый мир», 1926, № 3.

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

Снегопад

Снегопад свое действие начал
 и еще до свершения тьмы
 Переделкино переиначил
 в безымянную прелесть зимы.

Дома творчества дикую кличку
 он отринул и вытер с доски
 и возвысил в полях электричку
 до всемирного звука тоски.

Обманувши сады, огороды,
 их ничтожный размер одолев,
 возымела значенье природы
 невеликая сумма деревьев.

На горе, в тишине совершенной,
 голос древнего пенья возник,
 и уже не села, а вселенной
 ты участник и бедный должник.

Вдалеке, меж звездой и дорогой,
 сам дивясь, что он здесь и таков,
 пролетел лучезарно здоровый
 и ликующий лыжник снегов.

Вездесущая сила движенья,
 этот лыжник, земля и луна —
 лишь причина для стихосложенья,
 для мгновенной удачи ума.

Но, пока в снегопаданье строгом
ясен разум и воля свежа,
в промежутке меж звуком и словом
опротечиво медлит душа.

«Новый мир», 1968, № 5.

АННА АХМАТОВА

★

* * *

Подумаешь, тоже работа —
Беспечное это житье:
Подслушать у музыки что-то
И выдать шутя за свое.

И чье-то веселое скерцо
В какие-то строки вложив,
Поклясться, что бедное сердце
Так стонет средь блещущих нив.

А после послушать у леса,
У сосен, молчальниц на вид,
Пока дымовая завеса
Тумана повсюду стоит.

Налево беру и направо
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой
И все — у ночной тишины.

1959 г. Комарово. Лето.

«Новый мир», 1960, № 1.

Э. БАГРИЦКИЙ

★

Контрабандисты

По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.
На правом борту,
Что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки,
Папа-Сотырос.
А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,

Как двинет барашком
 Под звонкое днище,
 Чтоб гвозди звенели,
 Чтоб мачта гудела:
 — Доброе дело! Хорошее дело! —
 Чтоб звезды обрызгали
 Грудю наживы:
 Коньяк, чулки
 И презервативы...
 Ай, греческий парус!
 Ай, Черное море!
 Ай, Черное море...
 Вор на воре!

Двенадцатый час —
 Нехорошее время.
 Три пограничника,
 Ветер и темень,
 Три пограничника,
 Шестеро глаз —
 Шестеро глаз —
 Да моторный баркас...
 Три пограничника!
 Вор на дозоре!
 Бросьте баркас
 В басурманское море,
 Чтоб вода
 Под кормой загудела:
 — Доброе дело!
 Хорошее дело! —
 Чтобы по трубам
 В ребра и винт
 Виттовой пляской
 Двинул бензин...
 Ай, звездная полночь!
 Ай, Черное море!
 Ай, Черное море —
 Вор на воре.

Вот так бы и мне
 В налетающей тьме
 Усы раздувать,
 Развалясь на корме,
 Да видеть звезду
 Над бушпритом склоненным,
 Да голос ломать
 Черноморским жаргоном,
 Да слушать сквозь ветер,
 Холодный и горький,
 Мотора дозорного
 Скороговорку...
 Иль правильной, может,
 Сжимая наган,
 За воров следить,
 Уходящим в туман...

Да ветер почуять,
 Скользящий по жилам,
 Вослед парусам,
 Что летят по светилам...
 И вдруг неожиданно
 Встретить во тьме
 Усамого грека
 На черной корме...
 Так бей же по жилам,
 Кидайся в края,
 Бездомная молодость,
 Ярость моя,—
 Чтоб звездами сыпалась
 Кровь человечья,
 Чтоб выстрелом рваться
 Вселенной навстречу,
 Чтоб волн запевал
 Оголтелый народ,
 Чтоб злобная песня
 Коверкала рот,—
 И петь, задыхаясь
 На страшном просторе:
 — Ай, Черное море,
 Хорошее море!..

«Новый мир», 1927, № 3.

МИКОЛА БАЖАН

Из цикла «Мицкевич в Одессе»

Буря

Нависли низко туч глухие своды,
 И, задевая крыльями о них,
 Несутся чайки. Ропот непогоды
 Таится в тихих шорохах морских —
 Зловещий призрак предостереженья...
 Пора молчанья, сумрака, томленья.

Ветрило то спадает вяло с рей,
 То зло и резко тянет судно к цели.
 Угрюмы, хриплы выкрики людей,
 Как выдохи астматика в постели.
 Будь зорок, кормчий! Ветер кружит тут
 И поднимает волны Тарханкут.

Черна, как смоль, и, словно кровь, багряна,
 Ложится на востоке полоса
 На плиты волн. Шальная трамонтана¹,
 Прорезав даль, нагрянет в полчаса

¹ Трамонтана — северо-восточный ветер.

И над залитым пеною баркасом
 Пойдет плясать своим безумным плясом.

И все свое откроет существо
 Перед тобою наше Черноморье,
 И ты его увидишь торжество,
 Когда оно, бушуя на просторе,
 Разверзнет недра, яростно трубя,
 Чтоб испытать над бездною тебя.

Закутан в плащ, ты высишься над нею,
 Прижавшись к мачте, с волн не сводишь глаз.
 Ветрило рвет и выгибает рею,
 Свист, словно бич, сечет и бьет баркас.
 Все вниз спешат, в спокойную каюту,
 Лишь смелые на вахте в ту минуту.

Седой моряк, отважный рулевой,
 Кричит сквозь ветер: «Сударь, осторожней!»
 Так вой же, море, яростнее вой!
 Свое ль, чужое ль, вой еще тревожней!
 Твоих ветров неумолимый рев
 Напоминает шум иных боев:
 Скиталец видит, взявшись за перила
 И проникая тьму твою до дна,
 Как из куска простого полотна
 Рожает вихрь мятежное ветрило.

Перевел с украинского Н. ЗАБОЛОЦКИЙ.

«Новый мир», 1955, № 11.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

★

Добро

Эвенкская легенда

(Отрывок)

Бубен — звали его. Был он скромн и прост.
 Богатырскую силу имел он и рост.
 Промышляя в тайге, был отважен и сметлив.
 Богача не любил, с бедняком был приветлив.
 Всех отважных охотников к Бубну влекло.
 Они к Бубну придут, он их встретит тепло,
 В сани плотно усадит и — вес-то прикинуты! —
 По песку начинает те сани таскать.
 Двадцати бы оленям их с места не сдвинуть.
 Вот силач был, каких поискаты!
 Все охотники, знамо, смеются,
 Бубна щупают, диву даются.
 Сам старик Алгауль — чтили все старика —

Приговаривал, щупая Бубновы плечи:
— Велика в тебе силушка, ох, велика!
— Так-то так,— и другие, ворчливые речи
Раздавались порой,—
Бубну равного силой досель не бывало,
Нет и нынче, да только нам радости мало
Ото всей этой силы сырой:
Тяготы нашей жизни она не посбавит
И от бедности нас не избавит.

Скромный Бубен молчал, потемневши, как ночь.
Он видал, как живут все эвенки убого.
Думать стал, в голове мыслей много, ой, много,
Но одна больше всех: как эвенкам помочь?
И красы в Бубне много, и сила могуча —
Сколько, сколько по Бубне вздыхало невест! —
Но сидит он, бывало, как черная туча,
Днями молча сидит, и не пьет, и не ест.
Вдруг лицо его светом как бы озаряется,
Бубен скажет: — Хоть так беднякам помогу! —
И далеко,
Далеко в глухую тайгу
Он уходит и вовсе в тайге потеряется.
Долго нету ни духу ни слуху о нем.
Для храбрейших охотников редкостный случай —
Там пройти, где прошел уже Бубен могучий.
Раз, довольный на редкость удачливым днем,
Он лишь под вечер вспомнил: поесть хоть морошки,
Со вчерашнего дня в рот не брал он ни крошки.
Вдруг он видит, охотничьим пылом горя,
На огромном сосновом суку глухаря.
Бил он, Бубен, без промаха птицу из лука.
Лук схватил и теперь. Метит в сердце как раз,
Метит Бубен и видит: у птицы из глаз
Смотрит жалость и мука, смертельная мука,
Будто просит глухарь: «Не стреляй, пощади!»
— Что за чертова штука?
Птица плачет, гляди! —
Опустил Бубен лук и глаза протирает,
Но, протерши глаза, снова цель выбирает,
В сердце метит. Нацелился — во!
А глухарь на суку на сосновом
Все сидит,
Все глядит на него,
Клокчет Бубну — чудно таково! —
Человеческим словом:
— Бубен, слушай! Совет тебе дружеский мой:
Возвращайся домой.
На эвенков судьба ополчилась.
Поскорей, поскорей возвращайся домой:
Там беда приключилась! —
Из ослабнувших, дрогнувших рук
Уронил Бубен лук,
Полетел он к родным своим чумам стрелю.
Алгауля сыскал, старика,
Тормошить его стал за бока:
— Говори мне, какую бедою

Наши чумы постигнуты?

— Злою,—

Отвечал Алгауль,— небывалой бедой:
С разрешения грозного русского хана
К нам купцы понаехали из Турухана
И народ опоили водой
Шибко-шибко худою.

Одурманенный этой водою,
Запирающей дух, обжигающей рот,
Обезумел народ,
Падал наземь, орал, словно обданный варом.
Пили все сообща, старики с детворой.

А купцы той порой
Укатили с товаром,

Увезя всю пушнину с собою задаром.

— Как же ты, Алгауль, это все разрешил? —
Бубен тихо спросил, брови сдвинувши строже.
Алгауль отвечал: — Не таю. Согрешил.

Был без памяти тоже.—

С того дня было жалко на Бубна смотреть.

Богатырь стал приметно хиреть.

Точно осенью лист, все лицо пожелтело.

За какое б ни взялся он дело,

Не спорилось дело, валилось из рук.

Все же Бубен боролся с тяжелою хворью.

Но прошла уже Смерть у него по задворью.

Простучала костями: тук-тук!

Тук-тук-тук!

Услыхав этот стук,

Бубен вздрогнул, но все ж, овладевши собою:

— Нет,— сказал он,— я Смерти не сдамся без бою! —

Смерть ломилась к нему, как солдат на постой,

Исхитрялася, сон наводила густой,

Бубна сонного взять, задушить порешила,—

Как, иначе, его ни душила,

Не могла додушить. Стала тем донимать:

Принималась его и трепать и ломать.

Но конец наступал всем трепаньям, ломотам,

Повернется вдруг дело другим поворотом,

Бубен сон свой стряхнет,

Бой со Смертью начнет,

Весь покроется потом,

А не может он Смерти никак одолеть,

На какой-то там час он ее и отгонит,

А потом снова голову клонит,

Продолжает болеть.

Вот однажды, отбившись от Смерти на время,

Стал скликать он родное охотничье племя.

Набежало людей без числа.

Смотрят, эвона как Бубна хворь затрясла:

Богатырь был, а стал что убогий калека.

Жалко Бубна. Не сделал он зла на веку,

Был отзывчив он сердцем всегда к бедняку.

Где другого такого найти человека?

Трудно будет им жить, дознаваться одним,

Где надежна дорога, где — топко, где — склизко.
Опустили пред Бубном все головы низко
И прощались с ним.

.

Жизнь звенков в другие вошла берега.
Алгауля спросили: — Уверился, старче? —
Он уверился: жизнь стала краше и ярче,
Зажила по-иному тайга!
Груз последний стряхнув недоверья былого,
Алгауль вспомнил Бубна прощальное слово
О Владимире. — Вот,
Вот кто счастье звенкам кует,
Кто людей разлучил с прежним горем-кручиною!
Кто же больше? Он счастьем тайгу одарил!
Верно Бубен тогда нам о нем говорил
Пред своею кончиною! —
Стал по чумам ходить Алгауль с той поры.
Взрослых встретит людей иль среди детворы —
Новой жизни великую правду доказывает,
Про Владимира взрослым и детям рассказывает.

Весть худая пришла. Застонала тайга,
К небу вихрями буйно взметнула снега.
Шибко стало морозно и шибко метельно.
Вестью злой опечалились люди смертельно,
Все стонали, рыдали навзрыд:
— Ленин в землю зарыт!
Уж не скажет он слова Большому Совету!
— Умер Ленин Владимир!
— Владимира нету! —

Вздрыгнул вдруг Алгауль и потрянул головой.
— Бросьте вить, — он вскричал, — что за жалобный вой!
Солнце есть, раз его не лишили мы свету!
Слух о смерти Владимира лжив!
Есть приметы — любую возьмите примету! —
Что Владимир не умер. Он жив!
Его доброе сердце — оно не остыло,
Не сгорая, горит оно вечным огнем.
Все осталось, что при Владимире было,
Все цветет, как цвело и при нем.
Налицо те ж большие зимовья,
Те же честного торга условия,
То же школьное с вывеской красной крыльцо,
Та ж лечебница... Все налицо!
Бросьте вить, без причины горюя!
Ленин жив, говорю я!
Смерть меня и любого из нас заберет,
Но Владимир вовек не умрет,
Жить с простыми людьми будет жизнью единою
И творить то добро, что доселе творил.
Бубен так говорил пред своею кончиною.
Верно он говорил!

А все же первая пороша
Уже припудрила виски.

Глядишь, и ветви облетели,
Глядишь, и первый снегопад,
И ты стоишь, кольцом метели,
Как белым пламенем, объят.

Но ты, в свою не веря зиму,
Все думать о весне горазд,
Покуда час неумолимый
Жестокой стужей не обдаст.

С тобой мы в чем-то очень схожи:
И ты, пылающий, сквозной,
И я — проститься все не можем
С давно ушедшею весной.

*Авторизованный перевод с белорусского
Я. ХЕЛЕМСКОГО.*

«Новый мир», 1960, № 6.

КОНСТАНТИН ВАНШЕНКИН

Мальчишка

Он был грозой нашего района,
Мальчишка из соседнего двора,
И на него с опаской, но влюбленно
Окрестная смотрела детвора.

Она к нему пристрастие имела,
Поскольку он командовал везде,
А плоский камень так бросал умело,
Что тот, как мячик, прыгал по воде.

В дождливую и ясную погоду
Он шел к пруду, бесстрашный, как всегда,
И посторонним не было прохода,
Едва он появлялся у пруда.

В сопровожденье преданных матросов,
Коварный, как пиратский адмирал,
Мальчишек бил, девчат таскал за косы
И чистые тетрадки отбирал.

В густом саду устраивал засады,
Играя там с ребятами в войну.
И как-то раз увидел он из сада
Девчонку незнакомую одну.

Забор вокруг сада был довольно ветхий —
Любой мальчишка в дырки проходил, —
Но он, как кошка, прыгнул прямо с ветки
И девочке дорогу преградил.

Она пред ним в нарядном платье белом
Стояла на весеннем ветерке
С коричневым клеенчатым портфелем
И маленькой чернильницей в руке.

Сейчас мелькнут разбросанные книжки
(Не зря ж его боятся как огня).
И вдруг она сказала: «Там — мальчишки,
Ты проводи, пожалуйста, меня».

И он, от изумления немея,
Совсем забыв, насколько страшен он,
Шагнул вперед и замер перед нею,
Ее наивной смелостью сражен.

А на заборе дряхлом повися,
Грозя сломать немедленно его,
Ватага адмиральская босая
Глядела на героя своего.

...Легли на землю солнечные пятна.
Ушел с девочкой рядом командир.
И подчиненным было непонятно,
Что это он из детства уходил.

«Новый мир», 1951, № 6.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

★

Клятва на чаше

Брата я привел к тебе, на голос
Обращал вниманье. Шла гроза.
Ядра пели, яблоко кололось,
Я смотрел, как твой сияет волос,
Падая на темные глаза.

Голос брата неумел и ломок,
С вихрями грудными, не простой —
Ямщиковских запевал потомок,
Ярмарочный, громкий, золотой.

Так трехкратным подтверждением
славной,

Слыханной и прочной простоты,
 Тыщи лет торжествовавшей, явной,
 Мы семьей сидели равноправной —
 Брат, моя поэзия и ты.

Брат держал в руках своих могучих
 Чашу с пенным, солнечным вином,
 Выбродившим, выстоянным в тучах,
 Там, в бочагах облачных, шатучих,
 Там, под золотым веретеном!

Брат рожден, чтоб вечно отражалась
 В нем страна из гнева и огня,
 Он — моя защита и родня,
 Он — все то, что позади осталось,
 Все, что было милым для меня.

Чаша у тебя в руках вторая...
 Ты ее поднимешь вновь и вновь
 Потому что, в круг нас собирая,
 Вкруг нее горя и не сгорая,
 Навсегда написано: любовь.

Как легко ты эту держишь тяжесть —
 Счастье, основу, вечный свет!
 Вот он бродит, пенясь и куражась,
 Твой настой из миллионов лет!

Сколько рук горячих исходила
 Эта чаша горькая, пока
 И твоя в ней потонула сила?
 Я ее, чтоб ты сильнее любила,
 Поцелую в мутные бока.

Я клянусь. На чем мне больше
клясться?
 Нет замены, верен твой сосуд —
 Начиная плакать и смеяться,
 Дети, им рожденные, теснятся,
 Громко матерям соски сосут.

Ну, а я? На лица глядя ваши,
 Радуюсь, скорблю, но на беду
 Я средь вас, соратник ваш, без чаши...
 Где ее, скажите мне, найду?

Я стою пред миром новым, руки
 Опустив, страстей своих палач,
 Не познавший песни и науки.
 Позади — смятенье и разлуки,
 Хрип отцовский, материнский плач.

Впереди, с отставшим не считаясь,
 Часовые заняли места.
 Солнце косо вылетит. Шатаясь,
 Гибельная рухнет чернота.

Так смелей! Сомнения разрушу,
 Вместе с ними, молодость, вперед!
 Пусть я буду проклят, если струшу,
 Пусть тогда любовь мою и душу,
 Песнь мою, гранатой разорвет!

«Новый мир», 1934, № 12.

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

Прямые улицы Кургана

Кургана улицы прямые!
 Увидев вновь вас, понял я
 с особой ясностью впервые,
 что это родина моя.
 Все тот же дом, последний с края,
 все тот же тополь сторожит.
 Здесь дым младенчества витает
 и прах родительский лежит.
 Босыми шлепая ногами
 по теплой пыли городской,
 я здесь пронес сиротства камень
 и холодок любви мирской.
 Но я ничуть не укоряю
 ни мрак нужды, ни холод зим,—
 я все теперь благословляю
 и все считаю дорогим.
 Здесь знаю я любые вышки,
 любой забор, любой квартал,
 здесь я читал еще не книжки,
 а только вывески читал.
 Я здесь могу найти вслепую
 любое прясло с деревцом,
 любую лесенку, любую
 калитку с кованым кольцом.
 Здесь дождевой порою вешней
 на толстых сучьях тополей
 крепил я легкие скворешни,
 гонял со свистом голубей.
 Да, я люблю любовью давней
 без всякой ложной похвальбы
 и эти створчатые ставни,
 и телеграфные столбы,
 и крыш убранство жестяное,
 и звон бубенчиков в ночи,
 и в небо ввинченный ночное
 бурав пожарной каланчи.
 Прямые улицы Кургана!
 Я вновь и вновь на вас смотрю

и говорю вам без обмана,
как сестрам брат вам говорю:
двадцатилетняя разлука,
что разделила вас со мной,
во мне не выжала ни звука
из вашей музыки хмельной.
И если есть во мне хоть малость
того, что следует беречь, —
так это ваша власть сказалась
и отложились ваша речь.
И если ярость азиата
во мне, как брага, разлита —
так это ваша виновата
сквозная даль и прямота.

«Новый мир», 1946, № 4-5.

Е. ВИНОКУРОВ

★

О красоте

На небо взглянешь — звезд полных тыщи!
Что юности в блескучей высоте?
Но яростнее, чем потребность в пище,
Была у нас потребность в красоте.

Нам красота давалась понемножку...
По вечерам, когда шумел привал,
Сапожник ротный, мучая гармошку,
Ее для нас упорно добывал.

Она была минутной и не броской:
Мелькнет — и нет! Под утро вдалеке,
На горке — стеариновой березкой,
В ночи — луной, раздробленной в реке.

А то бывало: осень, взянут танки,
И чад, и гарь, и вдруг она возьмет —
И чистым взором познанской крестьянки
Из-под платка, лукавая, блеснет.

«Новый мир», 1955, № 2.

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Исповедь мореплавателя

Ну что тебе надо еще от меня?
 Чугунна ограда. Улыбка темна.
 Я музыка горя — ты музыка лада,
 ты яблоко ада, да не про меня!

На всех континентах твои имена
 прославил. Такие отгрохал лампы!
 Ты музыка счастья — я нота разлада.
 Ну что тебе надо еще от меня?

Смеялась: «Ты ангел?» — я лгал, как змея.
 Сказала: «Будь смел» — не вылезил из спален.
 Сказала: «Будь первым» — я стал гениален.
 Ну что тебе надо еще от меня?

Исчерпана плата до смертного дня.
 Последний горит под твоим снегопадом.
 Был музыкой чуда — стал музыкой яда.
 Ну что тебе надо еще от меня?

Но и под лопатой спую, не вина:
 «Пусть я удобренье для божьего сада,
 ты — музыка чуда, но больше не надо!
 Ты случай досады. Играй без меня».

И вздрогнули складни, как створки окна.
 И вышла усталая и без наряда.
 Сказала: «Люблю тебя. Больше нет сладу.
 Ну что тебе надо еще от меня?»

«Новый мир», 1971, № 9.

ПЛАТОН ВОРОНЬКО

Возрождение

Руины, руины, руины,
 Железом изрезана грудь...
 То — раны моей Украины,
 То — кровью забрызганный путь,
 То — память,
 А память крылата,
 Она не умрет никогда.

Семь лет на могиле солдата
 Лежит молчаливо плита.
 Молчанье, молчанье, молчанье.
 Сухие деревья у рва.
 Но солнца не меркнет сиянье
 И вновь зеленеет трава,
 И дождь пролетает певучий,
 И к морю стремятся ручьи,
 Сады расцветают на круче,
 Над пасекой вьются рои.
 Роится, роится, роится
 Та жизнь, что всегда молода.
 А память времен не боится,
 Она не умрет никогда.

2

Свистя, упала бомба в сад,
 И сад сгорел, пропал.
 Но вот пришел с войны солдат:
 Он яму закопал,
 Осколки вынул из земли,
 Повыкорчевал пни —
 И снова груши расцвели
 У тополей в тени.
 И дождь, как в прежние года,
 Дает плодам налив.
 Земля — она жива всегда.
 Когда хозяин жив!

Перевел с украинского П. ЖЕЛЕЗНОВ.

«Новый мир», 1951, № 6.

САМЕД ВУРГУН

★

Слово переводчика

Два года гнал я в гору вдохновенье,
 Покоя не дал мысли и руке,
 Чтоб зазвучало Пушкина творенье
 На сладостном Вагифа языке!
 Среди сынов народа сын народа,
 Я понял, как прекрасен русский стих,
 И трудное искусство перевода
 Бессонными ночами я постиг.
 Как с другом жизни, мы слиты с поэтом,
 И если говорю, что счастлив я,
 То это сердцем сказано, то это
 Любовь к поэту говорит моя!

Бывало, день, а ночь моя все длится:
 Свети, луна! Звезда, не догорай!
 Еще строфа — и встреча состоится
 Твоей Татьяны и моей Гумай!
 Талант мой слаб — с тобою нет сравнений,
 И в этом признаваться мне легко,
 Когда я понял, что такое гений,
 Как звание поэта велико.

Люблю тебя я с самых ранних лет,
 Люблю тебя с начальных строк «Руслана».
 Ведь учится у Пушкина Самед,
 Поэт советского Азербайджана.
 Я за перо в честь праздника берусь,
 Чтобы сказать друзьям чистосердечно:
 О, родина «Онегина»! О, Русь!
 Страна поэзии — ее ты любишь вечно!
 Да, правы дочери твои и сыновья,
 И повторить за ними счастлив я:
 Лишь тот поэт любим в своей отчизне,
 Лишь тем поэтом родина горда,
 Чей труд есть часть народного труда,
 Чья жизнь есть часть народной жизни!

*Вольный перевод с азербайджанского
 ИЛЬИ ФРЕНКЕЛЯ.*

«Новый мир», 1949, № 6.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ

Журавли

Мне кажется порою, что джигиты,
 С кровавых не пришедшие полей,
 В могилах братских не были зарыты,
 А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времен тех дальних
 Летят и подают нам голоса.
 Не потому ль так часто и печально
 Мы замолкаем, глядя в небеса?

Сейчас я вижу — над землей чужою
 В тумане предвечернем журавли
 Летят своим определенным строем,
 Как по полям людьми они брели.

Они летят, свершают путь свой длинный
 И выкликают чьи-то имена.
 Не потому ли с кличем журавлиным
 От века речь аварская сходна?

Пусть тебя не соблазняют схватки,
Не влекут бессонные дела —
Знаешь сам, что нервы не в порядке,
Что в крови убавилось тепла,

Что хотел бы к тем, кто помоложе,
Да не можешь дотянуться в ряд.
Сдал, видать, отяжелел, похоже,
В землю стал расти, как говорят!..

Сердце, ты напрасно разболталось,
Хоть и нету дыма без огня,
Подожди, повремени-ка малость,
Помолчи и выслушай меня.

Не святой глупец и не ханжа я,
И, какая б ни была она,
Жизнь моя мне вовсе не чужая,
А своя и позарез нужна.

Только, как ты ни кричи об этом
И в какой ни уличай вине,
Не хочу тащиться за кюветом
От большой дороги в стороне,

Не могу стоять затылком к бою,
Перед новым делом быть в долгу,
С ненавистью давней и любовью,
Плачь не плачь, проститься не могу,

На усталость жалобой моею,
Выходом из строя хоть на миг
Огорчить друзей моих не смею
И врагов порадовать моих.

Бейся ж, сердце, сколько можешь биться,
А когда почувствуешь беду —
Не проси меня остановиться,
Можешь разрываться на ходу!

«Новый мир», 1954, № 11.

СЕМЕН ГУДЗЕНКО

★

Год рождения

Я родился даже не в двадцатом,
Только по стихам да по плакатам
знаю, как заваривалась жизнь.
Знаю по словам киноэкранов,
знаю по рассказам ветеранов
первые шаги в социализм.

Нет,
 не довелось мне с эскадроном
 по лесным,
 по горным,
 по гудронным,
 по степным дорогам кочевать.
 ...Я родился даже не в двадцатом,
 и в Гражданскую одним солдатом
 меньше полагается считать.
 Но зато, когда в сорок четвертом
 стреляным,
 простреленным
 и гордым
 вышел полк на горный перевал,—
 немцы, побратавшиеся с чертом,
 сразу позавидовали мертвым,—
 ну, а я забыл, что горевал
 о своем рожденье с опозданием,
 что не смог в семнадцатом году
 рухнуть ночью
 на кронштадтском льду,
 выполнив особое задание.
 Полк идет.

Костер у каждой тропки
 озаряет пропасти и лес.
 Огонек, мигающий и робкий,
 загудел и вырос до небес —
 это осветили закарпатцы
 в каменных ущелиях проход.

...Был тогда сорок четвертый год.
 До конца еще полгода драться.
 Но на миг мы ощутили все
 мир в его невиданной красе.

В Рахове
 играли кобзари,
 в Хусте
 пели песни до зари,
 в Мукачеве
 заседала власть —
 в этот миг свобода родилась,
 как у нас в семнадцатом году!

Полк уже по Венгрии идет.
 И готов я на дунайском льду
 рухнуть ночью,
 выполнив задание,
 чтоб мой сын
 (солдат, а не поэт)
 погрустил через десяток лет,
 что родился тоже с опозданием.

ЕВГ. ДОЛМАТОВСКИЙ

★

* * *

Всегда я был чуть-чуть моложе
 Друзей — товарищей своих,
 И словом искренним тревожил
 Серьезную повадку их:
 На взрослых мы и так похожи,
 А время любит молодых.

А время шло в походном марше,
 И вот я постепенно стал
 И не моложе и не старше
 Тех многих, кто меня считал
 Мальчишкой и на Патриарших
 На узких саночках катал.

Мне четверть века. Я, конечно,
 Уже не самый молодой
 И больше не смотрю беспечно,
 Как над землею и водой
 Плывет таинственная вечность
 С далекой маленькой звездой.

Нет, мне великое желанно —
 Знать все, чего не знал вчера,
 Чтоб жизнь, как парус Магеллана,
 С собой наполнили ветра,
 Чтоб открывать моря и страны,
 Чтоб мир вставал из-под пера.

Я не грущу, что юность прожил,—
 Ведь время взрослых подошло.
 Таится у орленка тоже
 Под пухом жесткое крыло.
 А быть чем старше, тем моложе —
 Искусство, а не ремесло.

«Новый мир», 1940, № 7.

ЮЛИЯ ДРУНИНА

★

* * *

Я раздвинула шторы.
 Ночь закончилась, как оказалось.
 До чего ж ты легка,
 От бессонной работы усталость!
 Как сегодня светло
 На душе и в квартире!
 Не беда, что в итоге
 Останется строчки четыре...

Может, нет ничего
 Бескорыстней, чем это —
 Над бумагой всю ночь
 Просидеть до рассвета,
 Хоть никто не неволит
 Работать ночами,
 Хоть никто не стоит,
 Торопя, за плечами,
 Хоть в итоге останется
 Строчки четыре...

До чего же светло
 На душе и в квартире!

«Новый мир», 1959, № 12.

А. ЖАРОВ

★

* * *

Лишь у нас, молодых и счастливых,
 Наступило его торжество.
 На районных партийных активах
 Обсуждают творенья его.

Молодежь им по праву гордится.
 Паренек девятнадцати лет
 Говорит, не боясь ошибиться:
 «Пушкин — наш, комсомольский поэт».

«Новый мир», 1937, № 1.

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ

★

О красоте человеческих лиц

Есть лица, подобные пышным порталам,
 Где всюду великое чудится в малом.
 Есть лица — подобия жалких лачуг,
 Где варится печень и мокнет сычуг.
 Иные холодные, мертвые лица
 Закрыты решетками, словно темница.
 Другие — как башни, в которых давно
 Никто не живет и не смотрит в окно.
 Но малую хижинку знал я когда-то,
 Была неказиста она, небогата,
 Зато из окошка ее на меня
 Струилось дыханье весеннего дня.

М. ИСАКОВСКИЙ

★

Из новых стихотворений

Город мой...

Город мой над рекою Десною —
Разве ж я позабуду его?.. —
В этом городе древнем весною
Потерял я себя самого.

Теплым вечером, в час предзакатный,
В городском многолюдном саду
Потерял я себя безвозвратно
И никак до сих пор не найду.

Вам лишь только об этой печали,
Вам одной рассказал я тогда.
— Что ж, ищите, — вы мне отвечали, —
Коль случилась такая беда.

И хотя, покоряясь рассудку,
С вами в ряд продолжал я идти,
Но снести вашу горькую шутку
Невозможно мне было почти...

Через месяц я с вами простился
В том же самом саду, у берез...
Далеко я от вас очутился,
Далеко — за три тысячи верст.

Здесь теперь, на уральских заводах,
Все ищу я себя, чудака...
Я ищу уже целых три года,
Но — увы! — безнадежно пока;

В третий раз и пишу вам отсюда,
Болью сердца пишу своего...
Я в любое поверил бы чудо,
Лишь бы вы совершили его!

Внуково-Васильевское, 1967.

«Новый мир», 1968, № 2.

РИММА КАЗАКОВА

★

..*

Мы станем скупее на чувства.
Так надо. Пусть даже сперва
от нас отвернется искусство,
от нас разбегутся слова.

Потом —

от азов, словно дети,—
мы штурмом возьмем за двоих
премудрость своих арифметик,
взаимность грамматик своих...

О как мы бесчестно и слепо
пускали себя в оборот!
Вернемся к насущности хлеба
от наших нетрудных щедрот.

За то, что все реже и реже
бездумие легких растрат,
придет благодарная свежесть —
таланта и счастья сестра.

Придет и одним поворотом —
себе неизменно верна —
с порога пустую породу
небрежно отбросит она.

О скупость, высокая мера!
Сопутствуй и требуй всегда,
чтоб щедрость была неразменна,
строга и спокойно горда.

«Новый мир», 1960, № 2.

ВАСИЛИЙ КАЗИН

★

Мать

Нет, не в знак случайного желанья,
Не по доброй воле гайных сил —
Чтоб исполнить кровный долг сознанья,
Я тебя сегодня посетил.

День такой хороший, яснолицый —
Только б улыбаться и гулять!
Что же ты опять подбитой птицей
Там, в кровати, притаилась, мать?

Тихий мрак в твоём покорном взоре.
Уж не тень ли смертного крыла?
Как бы от такой тяжелой хвори
Ты в покой могилы не слегла!

Пусть мой стих хоть всю теплынь истратит —
Лишь бы биться сердцу твоему!
Если у меня тепла не хватит,
Я у солнца выпрошу, займу.

Как тебя не поддержать под старость!
 Я ль не помню с возраста мальчика,
 Как меня ты поддержать старалась
 После пьянок нашего отца.

Как, закапав скорбью слез украдкой
 Весь пустой отцовский кошелек,
 Шла к знакомым с совестной оглядкой,
 Чтоб добыть мне сахару кусок.

Я ль не помню, думой невеселой
 Все напасти прошлого кляня,
 Как себя мытарил ты школой,
 Сто целковых дравшей за меня.

Как, чтоб сын твой вышел в грамотеи,
 Чтоб не знал он тьмы подвальных мест,
 С теплою цепочкой, снятой с шеи,
 Ты несла в заклад последний крест.

Тяжкой жизни сгорбленный приемыш,
 Всех забот всклокоченною тьмой,
 Может быть, сама ты просто вспомнишь
 Миг своей улыбки золотой?

Но вот я, ей-богу же, ей-богу,
 Я ведь вот не вспомню, чтоб хоть раз
 Всю твою бессонную тревогу
 Вдруг смахнула радость с добрых глаз.

Что же тут поделаешь! Ведь жалость —
 Это над страданиями не власть.
 Лишь одно мне, милая, осталось —
 Это вновь тот старый мир проклясть.

Страшный мир тот с горем вспоминая,
 С той же жаркой яростью, как я,
 Прокляни и ты его, родная,
 Давняя страдалица моя!

«Новый мир», 1940, № 1.

ВАСИЛИЙ КАМЕНСКИЙ

★

Медвежий ров

(Отрывок из поэмы)

Лес уральский —
 Лес леснущий,
 Лесовущий
 Лес лихой.

Лес лесинный,
 Древесинный
 В гуще хвой.
 Лес глухой,
 Ой, глухой,
 Хоть по-волчьи вой.
 Ой-ой-ой.
 Это эхо лес,
 Как бес,
 Замотает до небес
 И капут. .
 Но тут,
 Но тут,
 В корнелапах,
 Кочевряжинах,
 В перепут,
 В седых овражинах,
 Жизнь живет!
 Жизнь живет
 Да недотронушка.
 Жизнь —
 Пермьяцкая сторонушка.
 Жизнь живет —
 Ржаной живот.
 Деревня —
 Сотня дворов.
 Зовут —
 Медвежий Ров.
 — Жили тут, жили
 С хлеба на квас.
 Тянули
 Мужицкие жилы.
 Никому не до нас.
 Каждый мужик
 Тут
 По-своему жил:
 С денька на денек,
 С пенька на пенек —
 Так и карабкались,
 Ползли, паренек.
 Кто побогаче —
 С брюхом большущим.
 Кто победнее —
 Рвал зубом щучьим.
 Где сена клок,
 Где вилы в бок.
 Каждый по-своему
 Жизнь волок.
 Кто в батраках —
 Тот в дураках.
 А у кого батраки —
 Жевал пироги.
 Я-то свое отбатрачил —
 Болят поясница.
 В царстве небесном
 Буду богаче —

Нам, дуракам,
 Только это и снится.
 У кого — нора,
 У кого — гора,
 А мне, старику,
 Спать пора.
 Охх-ххо-хо.

— Спи, мой пахарь, пахарек,
 Дам тебе я сухарек.
 Сухарек запей водой,
 Будешь сытым, молодой.
 Молодому все права.
 Ты расти, моя трава.
 А-а-а.

— Мамка, дай хлеба.
 — Хлеба нет и каши нет.
 Волки воют в тишине.
 Хлеб растет,
 И ты расти,
 Господи, тебя прости.

«Новый мир», 1933, № 4.

МУСТАЙ КАРИМ

★

О, любовь!

Сколько робких ты сделала смелыми,
 Взяв в мужчины вчерашних детей,
 Сколько каменных женщин ты сделала
 Мягче воска ладонью своей.

И каких краснобаев отчаянных
 Ты сумела молчанью обречь,
 И каким безнадежным молчалицам
 Ты дала соловьиную речь.

Сколько судеб безжалостно скомкала,
 Сколько жизней ты оборвала,
 Скольким смертным, став вечными строками,
 О, любовь, ты бессмертье дала!

Перевела с башкирского ИРИНА СНЕГОВА.

«Новый мир», 1947, № 6.

АЛИМ КЕШОКОВ

★

Лермонтову

Ты многих мне и ближе и дороже,
С тобою мы ровесники давно:
И я рожден в четырнадцатом то же,
Но позже на столетие одно.

Веленьем высочайшего указа,
Опальный друг,
 из северных сторон
Ты сослан был в ущелия Кавказа,
Ты к пуле горской был приговорен.

Но раздавались выстрелы в ауле,
А горец из укрыгтя своего
Кричал тебе:
 — Не опасайся пули,
Кавказцы знают целиться в кого! —

Моя сестра до солнышка вставала,
Тебе лепешки белые пекла.
Когда с коня ты спрыгивал, бывало,
Держал я стремя твоего седла.

И благодарен собственной судьбе я
За то, что там,
 где высятся снега,
Тебе рассказы Исмаила-бея
Переводил, присев у очага.

Просил тебя — побудь еще немного.
Но верной бурки черное крыло
Ты, весело откинув, у порога
Садился в кабардинское седло.

Ты скачешь по горам не иноверцем,
И, как мюриды,
 издавна верны —
Тебя я слева прикрываю сердцем,
Кайсын Кулиев — с правой стороны.

Вершины гор задумчивы и строги,
Звезда с звездой над ними говорит.
И молод ты, и нет конца дороге,
И пыль веков летит из-под копыт.

Перевел с кабардинского Я. КОЗЛОВСКИЙ.

«Новый мир», 1964, № 2.

БОРИС КОРНИЛОВ

★

Качка на Каспийском море

За кормою — вода густая,
 солонá она, зелена...
 Неожиданно вырастая,
 на дыбы поднялась она,
 и, качаясь, идут валы
 от Баку
 до Махач-Калы.

Мы теперь
 не поем, не спорим,
 мы водою увлечены —
 ходят волны Каспийским морем
 небывалой величины.
 А потом —
 затихают воды —
 ночь каспийская,
 мертвая зыбь,
 знаменүя красу природы,
 звезды высыпали, как сыпь,—
 от Махач-Калы
 до Баку
 луны плавают на боку.

Я стою себе успокоясь,
 я насмешливо щурю глаз —
 мне Каспийское море по пояс,
 ни о чем —
 уверяю вас.

Нас не так на земле качало,
 нас мотало кругом во мгле —
 качка в море берет начало,
 а бесчинствует на земле.
 Нас качало
 в казачьих седлах —
 только билась по жилам кровь,
 мы любили девчонок подлых —
 нас укачивала любовь.
 Водка, что ли, еще?
 и водка —
 спирт — горячий,

зеленый,

злой...

Нас качало в пирушках вот как —
 с боку на бок
 и с ног долой.
 Только звезды летят картечью —
 говорят мне:
 — Иди, усни...
 Дом, качаясь, идет навстречу,
 сам качаешься, черт возьми...
 Стынет соль девятого пота

на протравленной коже спины,
и качает меня работа
лучше спирта
и лучше войны.
Что мне море?
Какое дело
мне до этой зеленой беды —
соль тяжелого, сбитого тела
солонее морской воды.
Что мне
(спрашиваю я),

если

наши зубы,
как пена, белы
и качаются наши песни
от Баку
до Махач-Калы.

«Новый мир», 1931, № 2.

ДАВИД КУГУЛЬТИНОВ

★

* * *

Еще не зазвучавших песен звук,
Слова, еще не сказанные вслух,
Стихов грядущих первое дыханье —
Дары незримые...

В страну мечтанья

Я прячу вас, я создаю в ней
Чудесный город радости своей.

Они цветут, они шумят весной —
Владения моей былой печали...
О, чудо!.. Прошлое забыто мной.
Все — ярко, все — желанно, как вначале.
Как будто жизнь спокон веков — легка...
Да будет так на долгие века!

Перевела с калмыцкого ЮЛИЯ НЕЙМАН.

«Новый мир», 1965, № 11.

САЙФИ КУДАШ

★

* * *

Присвоив насильственно славу поэта,
Расплатишься рано иль поздно за это.
Ее, как любовь, не удержишь силком.

Она, если вовсе тебя не оставит,
 Измучит изменами, накруг ославит,
 И ты состраданья не встретишь ни в ком.

Но если поэтом зовешься по праву,
 Ты нежной подругой почувствуешь славу,
 Тебя ни на миг не покинет она.
 Ты сам, умирая, расстанешься с милой,
 Ты сам позабудешь о ней за могилой,
 И все же она тебе будет верна.

Перевел с башкирского М. ПЕТРОВЫХ.

«Новый мир», 1954, № 11.

АРКАДИЙ КУЛЕШОВ

★

Про осень

Смолкли птичьи, ушедшие к югу, кочевья,
 Осень в чащу приходит — пора тишины.
 Ярko вспыхнув, как свечи, пылают деревья.
 Это проводы лета, поминки весны.

Бродит осень и с леса срывает покровы,
 По-над елями тучи несет ветровей.
 Дует сивер, и листья в молчанье суровом
 Облетают с нагих, почерневших ветвей.

В жизнь влюбленный, не сдамся на милость
угрозам
 И на проводах тех, на поминках глухих,
 Выйду, в чаще не прячась, навстречу морозам,
 Сын лесов, не теряющий листьев своих.

Я с весны сохранял их и, впредь сберегая,
 До весны не развею, не брошу в беду,
 Дружным шелестом их новый май повстречаю
 И с единственной просьбой к земле припаду:

— Ты откликнись еще раз, весна, из-за речки
 Соловьем голосистым, кукушкой лесной
 И каштанов своих негасимые свечки
 Засвети над моей отшумевшей весной.

*Авторизованный перевод с белорусского
 ЯКОВА ХЕЛЕМСКОГО.*

«Новый мир», 1959, № 4.

КАЙСЫН КУЛИЕВ

★

* * *

Любой навет заранее приемлю,
 Но про меня, когда мой час пробьет,
 Сказать, что не любил родную землю,
 Едва ль на ум кому-нибудь придет.

Кто скажет, что в разлуке мне не снились
 Родимых гор снега и ледники,
 Что я не видел, как потоки бились
 И глыбы скал дробились у реки,

Что я на землю не глядел влюбленно,
 Не озираю родимые края
 Так, словно на ее пологих склонах
 В малинниках горела кровь моя?

Перевел с балкарского Н. ГРЕБНЕВ.

«Новый мир», 1961, № 12.

ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДЗЕ

★

* * *

Люблю я волн неистовую синесть,
 Когда на солнце море как в огне,
 И белой чайки яркости не вынести,
 Раскачивающейся на волне!

Со вздыбленного гребня, как с трамплина,
 Она взлетает вверх под облака.
 Прибоя выгнувшаяся пружина
 Ее бросает силою толчка.

Как это море в солнечном ожоге
 И волн расколыхавшаяся гладь,
 Душа всегда в волненьи и тревоге,
 Которых я не в силах передать.

Подбрасывая чайку, как игрушку,
 С ней возится и носится прибой.
 Не так же ли играем мы друг дружкой
 И толку не добьемся меж собой?

С добычей в клюве чайка мешковато
 Бьет по воде опущенным крылом.
 Порой в твоей улыбке виноватой
 Есть тот же ускользящий излом.

Особенно на чайку ты похожа,
 Когда, как ночью, черен кругозор,

И море бурно, небо непогоже,
И волны на просторе выше гор.

Когда, наволновавшись до упаду,
Решаешь ты сменить на милость гнев
И силой прояснившегося взгляда
Вдыхаешь жизнь в меня, повеселев.

Все предо мной тогда покрыто мраком,
На будущем — тумана пелена.
Тогда, как чайка, рея добрым знаком,
Ты тем белей, чем больше ночь темна.

Люблю я волн неистовую синесть,
Когда на солнце море как в огне,
И белой чайки яркости не вынести,
Раскачивающейся на волне.

Как это море в солнечном ожоге
И волн расколыхавшаяся гладь,
Душа всегда в волненьи и тревоге,
Которых я не в силах передать.

Перевел с грузинского Б. ПАСТЕРНАК.

«Новый мир», 1966, № 2.

В. ЛУГОВСКОЙ

★

Медведь

Девочке медведя подарили,
Он уселся, плюшевый, большой,
Чуть покрытый магазинной пылью,
Важный зверь
с полночной душой.

Девочка с медведем говорила,
Отвела для гостя новый стул,
В десять
спать с собою уложила,
А в одиннадцать
весь дом заснул.

Но в двенадцать,
видя свет фонарный,
Зверь пошел по лезвию луча,
Очень тихий, очень благодарный,
Ножками тупыми топоча.

Сосны зверю поклонились сами,
Все ущелье начало гудеть,

Поводя стеклянными глазами,
В горы шел коричневый медведь.

И тогда ему промолвил слово
Облетевший, многодумный бук:
— Доброй полночи, медведь! Здорово!
Ты куда идешь-шагаешь, друг?

— Я шагаю ночью на веселье,
Что идет у медведей в горах,
Новый год справляет новоселье.
Чатыр-Даг в снегу и облаках.

— Не ходи, тебя руками сшили
Из людских одежд, людской иглой.
Медведей охотники убили,
Возвращайся, маленький, домой.

Кто твою хозяйку приголубит?
Мать встречает где-то Новый год,
Домработница танцует в клубе,
А отца — собака не найдет.

Ты лежи, лежи, лежи в постели,
Лапами не двигай до зари
И, щеки касаясь еле-еле,
Сказки медвежачьи говори.

Путь далек, а снег глубок и вязок,
Сны прижались к ставням и дверям,
Потому что без полночных сказок
Нет житья ни людям, ни зверям.

«Новый мир», 1939, № 3.

МИХАИЛ ЛУКОНИН

★

Пришедшим с войны

Нам не речи хвалебные,
Нам не лавры нужны,
Не цветы под ногами —
Нам, пришедшим с войны.
Нет, не это. Нам надо,
Чтоб ступила нога
В хлебные степи,
В цветные луга.
Не жалейте,
Не жалуйте отдыхом нас:
Мы совсем не устали,
Нам — в дорогу как раз.

Не глядите на нас с умилением.
Не

Удивляйтесь живым,—
Жили мы на войне.
Нам не отдыха надо
И не тишины,
Не ласкайте нас словом
«Участник войны».
Мы трудом обновим
Ордена и почет.
Жажда трудной работы
Нам ладони сечет.
Мы окопами землю изрыли.
Пора

Нам точить лемехи
И водить трактора.
Нам пора
звон оружия —
на звон топора,

Посвист пуль —
на шипенье

Пилы и пера.
Ты прости меня, милая,
Ты мне жить помоги.
Сам шинель я повешу,
Сам сниму сапоги.
Я вернулся к тебе,
Но кольцо твоих рук —
Не замок,
Не веноч,
Не спасательный круг.

«Новый мир», 1946, № 10-11.

МИХАИЛ ЛЬВОВ

★

Товарищам

Мне не легко. Но легче мне не надо.
Пускай труднее будет нам вдвойне,
Нам, не забывшим вьюги Сталинграда,
Своих друзей, убитых на войне.
И за себя отныне жить нам надо,
И за погибших сверстников своих.
А легкость жизни, легкость слов и взглядов
Была бы оскорблением для них.

«Новый мир», 1948, № 10.

МАРК МАКСИМОВ

★

Дуб

Он шумит над ручьем. Нескончаемой поросли предок,
 Весь изъеденный мхом и сырими ветрами ночей.
 Он стоит над ручьем. И с надтреснутых временем веток
 Жар осеннего золота каплет, как время, в ручей.

Я не знаю — когда он пробился на солнце впервые
 И впервые вонзил оголенные когти корней.
 В узловатой коре зарубились года боевые,
 И рубцы от клинков пролегли, как сказания, в ней.
 И об этом я знаю.

Сюда соловьиным рассветом
 Их пришло только шесть — партизан из села моего,
 А седьмой — на лугу под разбитым остался лафетом;
 И могучие травы уже обступали его.

Он не видел, что шесть от всего их отряда осталось.
 Почерневшим виском к ледяному припав колесу,
 Он не видел, как шесть понесли свою скорбь и усталость,
 Чтоб у дуба сложить в окруженном врагами лесу.

...И когда от ручья оторвали иссохшие губы,
 Встал плечистый Андрей — дровосек по прозванью Гора:
 — Что, ребята, забыли, как память ведут лесорубы? —
 Он ударил клинком, и ответила соком кора.

И не ведал Андрей, что открыл с партизанами вместе
 Этой красной зарубкой утратам и горестям счет...
 Он друзьям говорил: — Пусть, как в дереве память о мести,
 В черном сердце врага нашу ненависть штык засечет! —

Но немецкие снайперы глаз на прицеле держали.
 И, когда по утрам смельчаки возвращались к воде,
 Загоралась на дубе, как свежая кровь на кинжале,
 И пылала царापина — повесть о новой беде.

Чем за каждую смерть отплатили врагам лесорубы,
 Помня сытые вороны, дымные помнят ветра...
 Но засечек уже было шесть на развесистом дубе,
 А у дуба один был привязан плечистый Гора.

Он смотрел на штыки. А над ним, как тяжелые слезы,
 Бесконечные звезды срывались в листву напрямик, —
 И когда б я не знал, что извечно белесы березы,
 Я поклялся бы вам, что они поседели в тот миг...

Он смотрел на штыки.

Кто придет?.. Кто на дубе крылатом
 Засечет его смерть?..

Только плюнул в глаза палачу.
 Офицер покачнулся и выхватил штык у солдата...
 Есть на дубе засечка,
 И я за нее отплачу!

О. МАНДЕЛЬШТАМ

★

* * *

Довольно кукситься, бумаги в стол засунем,
Я нынче славным бесом обуян,
Как будто в корень голову шампунем
Мне вымыл парикмахер Франсуа.

Держу пари, что я еще не умер,
И, как жокей, ручаюсь головой,
Что я еще могу набедокурить
На рысистой дорожке беговой.

Держу в уме, что нынче тридцать первый
Прекрасный год в черемухах цветет,
Что возмужали дождевые черви
И вся Москва на яликах плавает.

Не волноваться: нетерпенье — роскошь,
Я постепенно скорость разовью,
Холодным шагом выйдем на дорожку,
Я сохранил дистанцию мою.

«Новый мир», 1932, № 4.

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

★

Русский север

1. Кружева

Я не знаю — она жива
Или в северный ветер ушла,
Та искусница, что кружева
Удивительные плела.
В Кружевецком сельсовете
Над тишайшей рекою Нить...
Кружева не такие, как эти,
А какие — не объяснить.

Я пришел в Кружевной союз,
Попросил показать альбом,
Уверял я, что разберусь
Без труда в узоре любом.
Мне показывали альбом —
Он велик, в нем страницы горбом,
И, как древних сказаний слова,
По страницам бегут кружева.
Разгадал горностаевый мех,
Но узоров не встретил тех,
Что когда-то видал в сельсовете
Над тишайшей рекою Нить...

Кружева не такие, как эти,
А какие — не объяснить.

Я моторную лодку беру,
Отправляюсь я в путь поутру
Ниже, ниже по темной реке...
Сельсовет вижу я вдалеке,
Не умеют нигде на свете
Эти древние тайны хранить,
Как хранят их здесь, в сельсовете,
Над тишайшей рекою Нить!

Славен древний северный лес,
Озаренный майским огнем!
Белый свиток льняных чудес
Мы медлительно развернем.
Столько кружева здесь плели,
Что обтянешь вокруг Земли —
Опояшешь весь шар земной,
А концы меж Землей и Луной
Понесутся, мерцая вдали.
Славен промысел кружевной!

Только эти ли кружева?
Мастерица!
Она жива?
Да, жива!
И выходит она,
Свитой девушек окружена.
Говорит она:
— Кружева мои
Те же самые, те же самые,
Что и девушки, и молодухи!
Не склевали наш лен воробушки,
Не пожрали наш лен черны вороны,
Разлетелись они во все стороны,
Живы, цветики вы льняные!
Где ж вы, братья мои родные?
Встаньте, дети, на рассвете
Веселиться, брагу пить
В Кружевецком сельсовете,
Над рекой глубокой Нить.

— Почему ж твой голос гневен?
Потому, что я жива!
Я заморских королевен
Одевала в кружева.
Вот он, свиток мой льняной!
Я из сумрака лесного,
Молода, встаю весной.
Я иду!
Я на рассвете!
Встретьте девицу-красу
В Кружевецком сельсовете,
В древнем северном лесу!

«Новый мир», 1944, № 11-12.

С. МАРШАК

★

* * *

Сколько раз пытался я ускорить
 Время, что несло меня вперед,
 Подхлестнуть, вспугнуть его, пришпорить,
 Чтобы слышать, как оно идет.

А теперь неторопливо еду,
 Но зато я слышу каждый шаг,
 Слышу, как дубы ведут беседу,
 Как лесной ручей бежит в овраг.

Жизнь идет не медленней, но тише
 Потому, что лес вечерний тих,
 И прощальный шум ветвей я слышу
 Без тебя — один за нас двоих.

«Новый мир», 1955, № 2.

НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА

★

Водопад

Дышит осень незаметно
 На деревья и кусты,
 И от ветра, и без ветра
 Опадают с них листы.

И листом осенним с неба
 В море падает звезда;
 Не вернуться ей на небо,
 Не вернуться никогда.

А водопад —
 Он не то, что листопад:
 Не печалит он, а радует
 Там, где падает;
 Водопад не листопад,
 Водопад не звездопад —
 Он веселый от макушки и до пят.

Водопад,
 Падай всласть:
 Можно пасть, чтоб не упасть,
 И упасть, чтобы не пасть
 И все на свете не проклясть.

И грохочет водопад,
 И хохочет невпопад,
 Словно хочет в этой пропасти пропасть.

Ручеек стремится в пропасть —
 Грозный бездны патриот.
 Разве в пропасть нужен пропуск?
 Пропусти его вперед!

Но едва преодолееет
 Он запретную черту —
 Обомлеет,
 Обмелеет,
 Спрячет камешки во рту.

А водопад,
 Как веселый акробат,
 Вызываемый на «бис»,
 Летит, летит с уступа вниз:

Водопад не листопад,
 Водопад не звездопад —
 Он веселый от макушки и до пят...

Водопад,
 Падай всласть!
 Можно пасть, чтоб не упасть,
 И упасть, чтобы не пасть
 И все на свете не проклясть.

...Грохочет водопад,
 И хохочет невпопад,
 Силы жизни,
 Силы счастья в нем кипят.

«Новый мир», 1963, № 12.

ЭДУАРДАС МЕЖЕЛАЙТИС

★

* * *

О зеленая рощица детства,
 юных лет золотые леса!
 Не от них,
 не от их ли соседства,
 как черника, синеют глаза?

Здесь я в ранние годы пастушил,
 сок пахучий березовый пил,
 колокольчиков песню подслушал,
 лошадей навсегда полюбил.

Здесь я жил суетливо, как дятел,—
 самый малый кормилец семьи,
 понапрасну я время не тратил
 в эти ранние годы свои.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Солдат

— Солдатик мой, касатик мой,
Товарищ дорогой,
Я своего ждала домой,
А вот зашел другой.

Зашел: — Хозяйка, есть попить?
— Найдется, в добрый час.
Кого встречать, кормить, поить
Сегодня, как не вас!

— А можно валенки разуть,
У печки просушить
Да крепкой ниткой как-нибудь
Шинель в плече зашить?

Летела пуля — порвала.
И надо же задеть!
Как будто в поле не могла
Сторонкой пролететь.

— С утра в печи дрова горят,
Чтоб ты обсохнуть мог.
Садись к огню, сушишь, солдат,
Снимай, солдат, сапог.

Как дома будь в моей избе,
Давай шинель свою,
Я, как хозяину, тебе
Сейчас ее зашью.

И где-то он, хозяин мой,
Когда мне ждать его домой?..—

Присел солдат на табурет,
Солдата клонит в сон.
Трофейных пачку сигарет
С трудом вскрывает он.

...А шел солдат издалека,
И все с боями шел.
Была дорога нелегка
От городов до сел.

И было некогда ему
Ни есть, ни пить, ни спать.
Все надо было моему
Солдату воевать.

Его бомбили — он лежал,
К нему летел снаряд,
В него стреляли — он бежал
Вперед, а не назад.

— Чем дальше я пройду вперед,—
Мечтал солдатик мой,—
Тем больше хлеба в этот год
Засеем мы весной.

Чем больше немцев уложу,—
Смекал он на ходу,—
Тем раньше путь освобожу,
Скорей домой приду.

При немцах на моей земле
Мне не бывать в родном селе.—

И беззаветно потому
Солдат мой воевал,
И было некогда ему,
И он ночей не спал.

А то, что пачку сигарет
Он поднял на пути,
Так это просто мочи нет
Без курева идти!

Лежит солдат, храпит солдат,
Командует во сне.
Рукою обнял автомат —
Привык ведь на войне!

— Проснись, солдат, хоть сон глубок,
Как ни мягка постель.
Просушен валеный сапог,
Зачинена шинель.

— И то, встаю. Спасибо, мать!
Наспался за троих!
Мне не придется догонять
Товарищей своих! —

Хозяйка смотрит на стрелка:
— Когда ж войне конец?
— Определить нельзя пока,—
Ответствует боец,—

Но все же думается мне,
Что недалек конец войне...—

Сказал солдат, и вышел он
На улицу села,
А по селу со всех сторон
Дивизия текла.

Коням на гривы падал снег,
В степи мела метель.
Вперед шел русский человек,
Ремнем стянув шинель.

ДЖУБАН МОЛДАГАЛИЕВ

Двадцать пять

О молодость,
 Почему же ты не вернешься, перевалив сотню лет,
 Подобно тому,
 Как осень проходит и вновь возвращаемся к маю?
 О двадцать пять, не упрекну я вас, нет.
 Но что вы нашли, от меня отлетев,—
 я не понимаю!

Лучшее что-то нашли или наоборот?
 Много лет я не вижу вас,
 рядом вы не идете.
 В прекрасную ночь вы сказали «прощай» у ворот,
 И я остался один на крутом повороте.

На то, что случилось, не жалею все ж,
 Кто может ручаться, что это не постигнет другого?
 Молодость, ты догнать себя никому не даешь,
 Удастся немногим повидать тебя снова.

Молодость,
 Старым и молодым ты сияешь мечтой,
 Хотя еще нет человека, которого бы не покидала.
 Может, только снаружи ты прекрасна собой,
 А по сути обманчива и не постоянна нимало?

Двадцать пять, я зову, приходите опять,
 Вам пока возвращаться недалеко еще, право,
 Слышите, как зову вас, мои двадцать пять,
 Не думайте, что, если вернетесь, уменьшится слава.

Я не юнец, что не знает цены вам пока.
 Приходите!
 Я вас обниму.
 Мне поверьте:
 Вместе жить будем мы этой жизнью — века,
 Вот так, молодыми, и перекочем в бессмертье.

Перевел с казахского М. ЛУКОНИН.

СЕРГЕЙ НАРОВЧАТОВ

Костер

Прошло с тех пор немало дней,
С тех стародавних пор,
Когда мы встретились с тобой
Вблизи саксонских гор,
Когда над Эльбой полыхал
Солдатский наш костер.

Хватало хвороста в ту ночь,
Сухой травы и дров,
Дрова мы вместе разожгли,
Солдаты двух полков,
Полков разноименных стран
И разных языков.

Неплохо было нам с тобой
Встречать тогда рассвет
И рассуждать под треск ветвей,
Что мы на сотни лет,
На сотни лет весь белый свет
Избавили от бед.

И наш костер светил в ночи
Светлей ночных светил,
Со всех пяти материков
Он людям виден был,
Его и дождь тогда не брал
И ветер не гасил.

И тьма ночная, отступив,
Не смела спорить с ним,
И верил я, и верил ты,
Что он неугасим,
И это было, Джонни Смит,
Понятно нам двоим.

Но вот через столбцы газет
Косая тень скользит,
И снова застит белый свет,
И свету тьмой грозит.
Я пересекаю эту тень:
— Где ты, Джонни Смит?

В уэльской шахте ли гремит
Гром твоей кирки,
Иль слышит сонный Бирмингам
Глухие каблуки,
Когда ты ночью без жилья
Бродишь вдоль реки.

Но уж в одном ручаюсь я,
Ручаюсь головой,
Что ни в одной из двух палат

Не слышен голос твой
И что в Париж Александер
Не взял тебя с собой.

Но я спрошу тебя в упор,
Как можешь ты молчать,
Как можешь верить в тишь, да гладь,
Да божью благодать,
Когда грозятся наш костер
Смести и растоптать?!

Костер, что никогда не гас
В сердцах простых людей,
Не погасить, не разметать
Штыками патрулей,
С полос подкупленных газет,
С парламентских скамей!

Мы скажем это, Джонни Смит,
Товарищ давний мой,
От имени простых людей
Большой семьи земной
Всем тем, кто смеет нам грозить
Войной.

«Новый мир», 1946, № 10-11.

АЛЕКСЕЙ НЕДОГОНОВ

★

Башмаки

Открыта дорога степная,
К Дунаю подходят полки,
И слышно —
Гремит корпусная,
И слышно —
Гремят башмаки.

Солдат Украинского фронта
До нервов подошвы протер,—
В походе ему
Для ремонта
Минуту отводит каптер.

И дальше:
Добруджа лесная,
Идет в наступленье солдат,
Гремит по лесам корпусная,
Ботинки о камни гремят.

И входят они во вторую
Державу —

В котором стоят,
 Как живые
 Свидетели наших веков,
 Картины победной России
 И пара его башмаков!

«Новый мир», 1946, № 7.

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

★

Баллада о парламенте

Армиями оставленный,
 Веря в добро и чудо,
 Стоит капитан Остапенко —
 Один на дороге в Буду.
 Друзья его позабыли,
 Жизнь его стала былью.
 Белой походной пылью
 Годы его покрыли.

А за Дунаем синим
 С почтою голубиной,
 С молниями соборов —
 Сахарно-белый город.
 Красные трубы Пешта,
 Арки мостов чугунных.
 Стоит капитан безгрешный —
 Русоволосый, юный.

Ревут в сорок пятом танки,
 Пламя над всем Дунаем,
 А капитан, как ангел,
 Городу мир предлагает —
 В стираной гимнастерке,
 Один, даже без нагана.
 Восемь дивизий Хорти
 Целятся в грудь капитана.

Годы, праздники, будни
 Плывут себе по Дунаю.
 Пляшут мальчишки в Буде,
 И он им мир предлагает.
 Мир секретарше мэра
 В руке с угольком помады,
 Пенсионерам в скверах,
 Памятникам и оградам.

Где-то на дальних реках
 Снова бушует пламя...
 Мир предлагая веку,
 В камень врос сапогами —

Армиями оставленный,
С верой в добро и чудо,
Стоит капитан Остапенко —
Один на дороге в Буду.

«Новый мир», 1968, № 2.

БОРИС ПАСТЕРНАК

★

Кавказские стихи

1

Вечерело. Повсюду ретиво
Рос орешник. Мы вышли на скат.
Нам открылась картина на диво.
Отдышась, мы взглянули назад.

По краям пропастей куролеся,
Там, как прежде, под тем же углом
Совершало подъем мелколеся,
Попирая гнилой бурелом.

Там, как прежде, в фарфоровых гнездах
Колченого хромал телеграф,
И горел, и карабкался воздух,
Грабов головы кверху задрал.

Под прорешливой сенью орехов
Там, как прежде, в петливой красе,
По живому закату проехав,
Колесило и рдело шоссе.

Каждый спуск и подъем что-то чуял,
Каждый столб вспоминал про разбой,
И, все тулово вытянув, буйвол,
Голым дьяволом плыл под арбой.

А вдали, где, как змеи на яйцах,
Тучи в кольца свивались, грозней,
Чем бывшие набеги ногайцев,
Стлались цепи китайских теней.

То был ряд усыпальниц, в завесе
Заметенных снегами путей
За кулисы того поднебесья,
Где томился и мерк Прометей.

Как усопших восставшие души,
Ледники открывали лицо.
Солнце тут же японскою тушью
Переписывало мертвецов.

И тогда вчетвером на отвесе,
 Как один, заглянули мы вниз,
 Мельтеша, точно чернь на эфесе,
 В глубине шевелился Тифлис.

Он так полно осмеивал сферу
 Глазомера и все естество,
 Что возник и остался химерой,
 Точно град не от мира сего.

Точно там, откупаяся данью,
 Длился век, когда жизнь замерла,
 И горячие серные бани
 Из-за гор воевал Тамерлан.

Будто вечер, как встарь, его вывел
 На равнину под персов обстрел,
 Он малиною кровель червивел
 И, как древнее войско, пестрел.

Коджоры.

2

Пока мы по Кавказу лазаем
 И в задыхающей раме
 Кура ползет атакой газовой
 К Арагве, сдавленной горами,
 И в августовский свод из мрамора,
 Заламываясь, как гортани,
 Заносят яблоки адамовы
 Казненных замков очертанья...

Где две реки у ног горы,
 Обнявшись, будто две сестры,
 Обходят крутизну по кругу,
 За юбки ухватив друг друга.
 Меж ними крыш водоворот,
 Они их переходят вброд,
 Влегая грудью в древний город,
 Как в жернова тяжелый ворот.

А в высоте, вонзаясь в ширь,
 Как флюгера стоячий штырь,
 Вращает небо на шарнире
 Четырехгранный монастырь.
 В отставке рыцарской состаря
 Столбы обрушенных ворот,
 Парит обитель Мцыри — Джвари,
 И с поворота дрожь берет.

Но оторопь еще неожиданней
 Нас проникает до кости.
 Нам кажется, что рек слиянье
 Могло бы не произойти.
 Но происходит текста ради
 В одной из юнкерских тетрадей,
 Имея шансов до пяти
 Противу ста других, почти

Как происшествие в пути,
И совершается в пространстве
Как самая превратность странствий
И как случайность во плоти.

Шоссе уносит эту странность
За двухтысячелетний Мцхет,
Где Лермонтов уже не Янус
И больше черт двуликих нет.
Где он, как горы, дорисован
Не злою кистью волокит,
Но кровель бронзой бирюзовой
И пыльным малахитом плит.

Когда от высей сердце екает
И гор колышатся кадила,
Ты думаешь, моя далекая,
Что чем-то мне не угодила?
И там, у Альп, в дали Германии,
Где так же чокаются скалы,
Но отклики еще туманнее,
Ты думаешь — ты оплошала?

Я брошен в жизнь, в потоке дней
Катящую потоки рода,
И мне кроить свою трудней,
Чем резать ножницами воду.
Не бойся снов, не мучься, брось
Люблю, и думаю, и знаю.
Смотри, и рек не мыслит врозь
Существованья ткань сквозная.
Я верен всем былым мечтам,
А верен ли себе останусь,
Я сам узнаю только там,
Где Лермонтов уже не Янус.

Коджоры — Тифлис, дом Паоло.

«Новый мир», 1931, № 12.

ЛЕОНИД ПЕРВОМАЙСКИЙ

★

* * *

Ты видел обмеленье родника?
Причины сразу и не сыщешь вроде,
Но проступает донный слой песка,
Вода прозрачна, но уже мелка,
Мерцающий источник на исходе.

Что там стряслось в прохладной глубине?
Какая мощь незримая таится
В крошечной мгле, на том первичном дне,

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

Путешествие в молодость

Главы из поэмы

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия...

Пушкин.

Пролог

Родной народ передо мной сияет
Неугасимым огненным столпом
И сердце мне в ненастье согревает.

И я перед истории судом
Предстану — «птица малого полета»
И напоследок оглянусь кругом.

И спросит суд: «Завершена ль работа?
Ты не напрасно ль прожил на земле?
По чести говори, суд ждет отчета!

Ты ощущал ли на своем челе
Прикосновенье трудовой ладони,
Грозящей всякой ржавчине и тле?»

В своем допросе — чуждый беззаконий —
Меня он спросит: «Волос твой седой,
Быть может, знак неистовой погони

За радостью, довольной лишь собой,
За песнею, тебе лишь только милой?
Гордиться можешь ли хотя б одной

Страницею, в какой бы чувство было,
В труде бессонном, в длительном бою
Нас наполняющее новой силой?»

Отвечу так: «Я прожил жизнь свою,
И ошибался я неоднократно,
За что страданий чашу ныне пью.

Но не оставил я дороги ратной,
Призванья своего не утопив
В потоках лжи, обманщикам приятной.

Клянусь, что не был я себялюбив.
Мне вымыслов казалось мертвым море
И неживым мишурных грез разлив.

С народом радость я делил и горе,
По ровному пути и крутизне
С ним вместе шел, его напевам вторя,

Я предан был душой своей стране,—
Сказать о том, что душу согревало,
На склоне жизни захотелось мне.

Хотел я отразить хоть в капле малой
Прошедшее, о нравах давних злых
Сказав все то, что тут сказать пристало.

О тех, кого давно уж нет в живых,
Но близких сердцу, мне так сладко пелось,—
Я видел простоту их душ прямых.

Я знал, земля по-новому оделась
И прошлое весна не озарит,
Но я служил, чему служить хотелось».

Отвечу так. И суд меня простит.

Перевел с украинского Н. УШАКОВ.

«Новый мир», 1945, № 2.

Д. САМОЙЛОВ

Сороковые...

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Поют накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с Запада к Востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!

И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

«Новый мир», 1961, № 6.

М. СВЕТЛОВ

★

Перед боем

Я нынешней ночью
Не спал до рассвета,
Я слышал: проснулись
Военные ветры.
Я слышал: с рассветом
Знакомая рота
Стучала, стучала,
Стучала в ворота.
За тонкой стеною
Соседи храпели,
Они не слышали,
Как ветры скрипели.

Рассвет подымался
Тяжелый и серый.
Стояли усталые
Милиционеры.
Пятнистые кошки
По каменным зданьям
К хвостатым любовникам
Шли на свиданье.
Над улицей тихой,
Большой и безлюдной
Вздымался рассвет
Государственных будней.
И, радуясь мирной
Такой обстановке,
На теплых постелях
Проснулись торговки.

Но крепче и крепче
Упрямая рота
Стучала, стучала,
Стучала в ворота...

Я рад, что, как рота,
Не спал в эту ночь;
Я рад, что хоть песней
Могу ей помочь.

Я вижу, я слышу:
 Зовет на коней
 Мечтатель-хохол
 Из «Гренады» моей.
 Крепчает обида, молчит,
 И внезапно
 Походные трубы
 Затрубят на Запад.
 Крепчает обида.
 Товарищ, пора бы,
 Чтоб песня взлетела
 От штаба до штаба!

Советские пули
 Дождутся полета...
 Товарищ начальник,
 Откройте ворота!
 Туда, где бригада
 Поставит пикеты,
 Пустите поэта
 И песню поэта!..

Знакомые тучи!
 Как вы живете?
 Кому вы намерены
 Нынче грозить?..

Сегодня на мой
 Пиджачок из шевиота
 Упали две капли
 Военной грозы.

«Новый мир», 1927, № 9.

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

Крым

Как бой барабана, как голос картечи
 Звучит это грозное имя — Крым.
 Взрывом оно отзовется у Керчи,
 У Качи — трещанием крыл,
 Конским рыском по бездорожью,
 Криком
 пехотных
 атак,
 Горным эхом, степною дрожью,
 В которых сливаются пушка и танк.
 Гром! Искалеченные батареи...
 Гром! Батальоны поднятых рук...
 Но дальше, дальше! Быстрее, быстрее!

И разве угнали канал Балаклавы?
 Увезены призраки древних племен?
 Может быть, гул севастопольской славы
 Гитлером отменен?

Как хорошо, что не все на свете
 Можно прибрать к рукам!
 Запахи... Шорох прибоя... Ветер...
 Не покорились вы жадным врагам.

Те же утесы. Прежние чащи.
 «Синий» по-старому необозрим.

И если
 очень
 захочется
 счастья,
 Мы с вами поедem в Крым!

«Новый мир», 1946, № 3.

К. СИМОНОВ

★

Смерть друга

Памяти Евгения Петрова.

Неправда, друг не умирает,
 Лишь рядом быть перестает,
 Он хлеб с тобой не разделяет,
 Из фляги из твоей не пьет,

В землянке, занесен метелью,
 Застольной не поет с тобой
 И рядом под одной шинелью
 Не спит у печки жестяной.

Но все, что между вами было,
 Все, что за вами следом шло,
 С его останками в могилу
 Улечься рядом не смогло.

Наследник гнева и презренья,
 С тех пор, как друга потерял,
 Двойного слуха ты и зренья
 Пожизненным владельцем стал.

Любовь мы завещаем женам,
 Воспоминанья — сыновьям.
 Но по полям, войной сожженным,
 Идти завещано друзьям.

Никто еще не знает средства
 От неожиданных смертей,
 Все тяжелее груз наследства,
 Все уже круг твоих друзей.

Неси ж их груз, в боях кочуя,
Не оставляя ничего,
С ним вместе под огнем ночуя,
Неси его, неси его!

Когда же ты нести не сможешь,
То знай, что, голову сложив,
Его ты только переложил
На плечи тех, кто будет жив.

И кто-то, кто тебя не видел,
Из третьих рук твой груз возьмет,
За мертвых мстя и ненавядя,
Его к победе донесет.

«Новый мир», 1942, № 11-12.

БОРИС СЛУЦКИЙ

Первый день войны

Первый день войны. Судьба народа
выступает в виде первой сводки.
Личная моя судьба — повестка
очереди ждет в военкомате.
На вокзал идет за ротой рота.
Сокращается продажа водки.
Окончательно, и зло, и веско
громыхают формулы команды.

К вечеру ближайший ход событий
ясен для пророка и старухи,
в комнате своей, в засохшем быте,
судорожно заламывающей руки:
пятеро сынов, а внуков — восемь.
Ей, старухе, ясно. Нам — не очень.
Времени для осмысленья просим,
что-то неуверенно пророчим.

Ночь. В Москве учебная тревога,
и старуха призывает бога,
как зовут соседа на бандита:
яростно, немедленно, сердито.
Мы сидим в огромнейшем подвале
Елисейского магазина.
По тревоге нас сюда созвали.
С потолка свисает осетрина.

Пятеро сынов, а внуков — восемь
получили в этот день повестки,
и старуха призывает бога,
убеждает бога зло и веско.

Вскоре объявляется: тревога—
ложная, готовности проверка,
и старуха, призывая бога,
возвращается в свою каморку.

Днем в военкомате побывали,
записались в добровольцы скопом.
Что-то кончилось
у нас на время.
У старухи — навсегда, навеки.

«Новый мир», 1970, № 11.

ЯРОСЛАВ СМЕЛЯКОВ

Признание

Не в смысле каких деклараций,
не пафоса ради, ей-ей,—
мне хочется просто признаться,
что очень люблю лошадей.

Сильнее люблю, по-другому,
чем разных животных иных...
Не тех кобылиц ипподрома,
солисток кругов беговых.

Не тех жеребцов знаменитых,
что — это считая за труд —
на дьявольских пляшут копытах
и как оглашенные ржут.

Не их, до успехов охочих,
блистающих холой своей, —
люблю неказистых, рабочих,
двужильных кобыл и коней.

Забудется нами едва ли,
что вовсе в недавние дни
всю русскую землю пахали
и жатву свозили они.

Недаром же в старой России,
пока еще памятной нам,
старухи по ним голосили
почти как по мертвым мужьям.

Их есть и теперь по Союзу
немало в различных местах,
таких кобыленок кургуzych
в разбитых больших хомутах.

Недели не зная праздной,
 прошедшая сотню работ,
 она и сейчас безотказно
 любую поклажу свезет.

Но только в отличие от прежней,
 косясь, не шарахнется вбок,
 когда на дороге проезжей
 раздастся победный гудок.

Свой путь уступая трехтонке,
 права понимая свои,
 она оглядит жеребенка
 и трудно свернет с колеи.

Мне праздника лучшего нету,
 когда во дворе дотемна
 я смутно работницу эту
 увижу зимой из окна.

Я выйду из душной конторки,
 заранее радуясь сам,
 и вынесу хлебные корки
 и сахар последний отдам.

Стою с неумелой заботой,
 ослабив улыбкою рот,
 и глупо шепчу ей чего-то,
 пока она мирно жует.

«Новый мир», 1956, № 4.

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

Рядовой гражданин

Рядовой гражданин...
 А в наличии
 Есть советская власть у меня,
 И партийных заданий величие,
 И дорога,
 и цель,
 и броня,
 И страна,
 где в почете работники,
 И священное чувство одно,
 Что со мной,
 как на первом субботнике,
 Сам Ильич
 Поднимает бревно.

«Новый мир», 1956, № 4.

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ

★

.

...Птица малая лесная.

А. Пушкин.

Все чернила вышли, вся бумага,
Все карандаши.

На краю бузинного оврага
Стой и не дыши.
Сквозь туман просвечивает зелень,
Клейкая пока.
Где-то здесь, среди ее расселин,
Он наверняка.

Вот! Ни с чем, конечно, не сравнимый
Сколок с пеня льдин...
Первый, пробный, но неоспоримый.
Вот еще один.

Вот опять! Раскатисто и тесно.

Тишь... В листьях куста
Происходит перемена места —
Веточка не та.

И покуда тишь не раскололась
Льдиною на льду,
Есть во всем
Извечный давний голос:
«Что же ты, я жду».

Замиранье целого оврага,
Листьев и души.

Все чернила вышли, вся бумага,
Все карандаши.

«Новый мир», 1968, № 9.

ВЛАДИМИР СОСЮРА

★

.

Как море, дышит лес зеленый,
Куда-то мчится путь стальной,
Сверкает солнце с небосклона,
Денек не прежний — он иной.

Те берега, где мы с друзьями
 Росли, где детство провели,
 Теперь заводов корпусами,
 А не осиной заросли.

Я шлю привет зеленым водам,
 Где зорьки алой полоса,
 Где дым свой с содовым заводом
 Спели другие корпуса.

Доносит даль, что мне знакома,
 Дыханье трав с полей родных,
 Где селянин в работе новой
 Ведет в поля коней стальных.

Как море, дышит лес зеленый,
 Куда-то мчится путь стальной,
 Сверкает солнце с небосклона,
 Денек не прежний — он иной.

Перевел с украинского АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ.

«Новый мир», 1960, № 10.

АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ

Казачи за бугром

Из леса в степь на бешеном карьере
 Казачий полк летит на скакунах;
 Еще клинки в крови не побагтели,
 Но казаки стоят на стременах.
 И топот плотный по полю несется,
 Как с неба павший перекатный гром;
 Из края в край над степью раздается:
 — Эгей! Гей-гей! Казаки за бугром!

Мелькают в поле красные лампасы,
 Шнурки от бурок вьются на груди;
 И — перерезанная с легу насыпь
 Уже шуршит песками позади.
 Горит, как дом, немецкий бронепоезд,
 До неба пламя вздыблено ребром;
 Гремит в степи, в высоких травах кроясь:
 — Эгей! Гей-гей! Казаки за бугром!

У переправы на речном изломе —
 Железный стон и выкрики солдат;
 Дивизион немецкий на пароме,
 Звенит струной натянутый канат.
 Но где ты, левый, где ты, берег правый, —
 Канат рассечен, вниз идет паром,
 И над рекой встает у переправы:
 — Эгей! Гей-гей! Казаки за бугром!

Стоит печальный придорожный тополь,
 Ведет с дорогой долгий разговор...
 Но вот он слышит за холмами топот,
 Копытный стук, стремянный перебор,
 И он шумит от радости ветвями,
 Звенит над степью тихим серебром,
 Гудит корой и темными корнями:
 — Эгей! Гей-гей! Казаки за бугром!

Эгей! Гей-гей! Не скошены, не смяты,
 Гремят обвалом грозные полки.
 Встают восходы, падают закаты —
 В седле, в седле донские казаки.
 Поля, поля, широкие долины —
 Мы все пройдем, но с седел не сойдем,
 Пока не грянем громом под Берлином:
 — Эгей! Гей-гей! Казаки за бугром!

«Новый мир», 1944, № 3.

ВАСИЛИЙ СУББОТИН

Баллада о сверстнике

Мне десять лет. В селе Октябрьский праздник.
 Он нас в значки и ленты нарядил.
 А первый наш задира и проказник
 Со знаменем отрядным проходил.
 Летели листья высушенные с веток,
 И рвалось знамя из ребячьих рук.
 Наверно, самым важным человеком
 Вышагивал по улице мой друг.
 И, маленькие граждане, попарно
 Мы шли за ним, равняя сами строй.
 О, как мы все завидовали парню,
 Рябому парню с рыжей головой!

И вот сигнал бросает нас в атаку!
 Сосед поднялся первым под огнем.
 Я выросшего друга-забияку
 Узнал неожиданно в сверстнике своем.
 Потом был бой. И помнится такое
 Всегда с трудом: одни снега, снега.
 Мы водрузили знамя боевое
 На высоте, отбитой у врага.
 Нас разлучил с бойцом военный ветер,
 И ничего не слышно про него.
 Я будто юность собственную встретил
 В том пареньке из детства моего.

«Новый мир», 1947, № 3.

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

На привале

Росная вечерняя прохлада.
 Молодые сосны при пути.
 Как немного человеку надо —
 Сбросить скатку, дух перевести,
 Снять ботинки, размотать портянки,
 Развязать засаленный кисет...
 Кажется, что на земле полянки
 Краше и уютней этой нет;
 Кажется, что полной горстью милость
 Людям щедро раздает весна;
 Что тебе попритчилась, приснилась
 Злая пустоглазая война;
 Что земля и травы пахнут домом
 И соленым запахом морей.
 Добродушным уходящим громом
 Кажутся раскаты батарей.
 Ветровые синие просторы
 Всё бы ты душой своей впитал...
 Не вини товарища, который
 При пути портянки размотал.
 Помнит он, что спелых зорь алее
 Кровь на узких листьях камыша.
 Не размякнет, только станет злее
 Верная солдатская душа.

«Новый мир», 1943, № 5.

ТИЦИАН ТАБИДЗЕ

Стихи о Мухранской долине

В Мухрани трава зеленой изумруда,
 И ласточки в гнезда вернулись свои,
 Форели прорвали решетки запруды,
 И обе Арагви смешали струи.

И воздух в горах оглашают обвалы,
 И дали теряются в снежной пыли,
 И Терека было б на слезы мне мало,
 Когда б от восторга они потекли.

Я Гурамишвили, из сакли грузинской
 Лезгинами в детстве захваченный в плен.
 Всю жизнь вспоминал я свой край материнский.
 Нигде ничего не нашел я взамен.

К чему мне бумага, чернила и перья?
 Само несравненное зрелище гор —

Предчувствие слова, поэмы преддверье,
Создателя письменный лучший прибор.

Напали, ножом полоснули по горлу
В горах, на скрещеньи судеб и стихов,
А там, где скала как бы руку простерла,
Мерани² пронесся в мельканьи подков.

И там же и так же, как спущенный кречет,
Летит над Мухранской долиной мой стих,
И небо предтеч моих увековечит
И землю последователей моих.

1921 г.

Перевел с грузинского Б. ПАСТЕРНАК.

«Новый мир», 1956, № 7.

МАКСИМ ТАНК

★

* * *

Не верьте, что некогда
Был уже век золотой,
Что сладко жилось человечеству
В сказочном веке,
Что в пышных садах и дубравах,
В Аркадии той,
Под сенью деревьев
Струились молочные реки.

Нет, все это сон,
Что кому-то приснился в ночи.
Объездил я мир,
Видел знаки страданья людского.
В музеях с мотыгами рядом
Я видел мечи,
В соседстве с коронами царскими
Видел оковы.

Лишь только сегодня,
Ведомые давней мечтой,
К вершине ее
Поднялись мы на крыльях свершений.
Лишь только теперь
Открывается век золотой
И воздух грядущего свежестью пахнет весенней.

Перевел с белорусского Я. ХЕЛЕМСКИЙ.

«Новый мир», 1962, № 9.

² Мерани — мифический крылатый конь грузинского эпоса.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

★

1919 — 1941

1

Я помню ту осень и стужу,
Во мраке бугры баррикад,
И отблеск пожарища в лужах,
И грозный, как ночь, Петроград!

И в ночь уходили мужчины
С коротким приказом: вперед!
Без песен, без слов, без кручины —
Шел питерский славный народ.

И женщины рыли толпою
Окопы, о близких шепча,
Лопатой и ржавой киркою
В тяжелую землю стуча.

У них на ладонях темнели
Кровавых мозолей следы,
Но плакать они не умели —
Как были те люди горды!

И как говорили без дрожи:
— Умрем, не отступим назад.
Теперь он еще нам дороже,
Родной, боевой Петроград!

За каждый мы камень сразимся,
Свой город врагу не дадим...
И теми людьми мы гордимся,
Как лучшим наследьем своим!

2

Враг снова у города кружит,
И выстрелы снова стучат,
И снова сверкает оружие
В твоих августовских ночах.

И снова идут ленинградцы,
Как двадцать два года назад,
В смертельном сражении сражаться
За свой боевой Ленинград...

Их жены, подруги и сестры
В полдневный, в полуночный час
Киркой и лопатой острой
В окопную землю стучат.

Друзья, земляки дорогие!
Боев наших праведный труд

И рвы, для врага роковые,
В народную память войдут.

И вот от истока до устья
Невы пронеслося, как гром:
— Умрем, но врага не пропустим
В наш город, в родимый наш дом!

«Новый мир», 1941, № 11-12.

ААЛЫ ТОКОМБАЕВ,
народный поэт Киргизии

★

Мумиё

Это сок самой солнечной горной травы — мумиё.
Драгоценные капли стекают с камней, говорят.
Мумиё обновляет, второе дыханье дает,
Нет на свете лекарства ценней и верней, говорят.

Та трава под луною сияет; кто выпьет ее,
Девять раз по двенадцать лет проживет, говорят.
Кайберен³, если ранен, спешит отыскать мумиё,
Выше, в скалы инстинкт его мудрый зовет, говорят.

Зелье пил Улукман-врачеватель, и старость ему
Не встречалась на тысячелетнем пути, говорят.
Сотни лет черепаха живет на земле потому,
Что траву золотую способна найти, говорят.

Мне порою приходит на ум, что поэзия — как мумиё.
В чем секреты? Что слову и запах и цвет придает?
Сокровенное слово, где только тебя не искал!..
Мумиё над обрывом сочится из тяжести скал.

Перевел МАРК ВАТАГИН.

«Новый мир», 1974, № 10.

МИРЗО ТУРСУН-ЗАДЕ

★

Женщина

Если б женщина не горела —
мы остались бы без огня,
словно вина в чанах незрелые,
поднесенные свету дня.

³ Кайберен — общее название диких жвачных животных.

Если б женщина не дарила
 продолжение — и вечный путь,
 как бы в мире тропу торило
 наше имя — и наша суть?
 Если б сызмала мы не знали
 женской ласки, добра, тепла,
 как любовь бы сроднилась с нами —
 как бы жизнь без нее текла?
 Если б женщина не вносила
 нежность в грубый закон игры,
 как казнилась бы наша сила,
 натываясь на все углы!
 Если б женщина не пылала,
 был бы выстужен наш очаг
 и заря, что пылает ало,
 не светилась у нас в очах...

Перевел с таджикского АЛЕКСАНДР НАУМОВ.

«Новый мир», 1974, № 10.

ИОСИФ УТКИН

Гитара

Александр Жарову.

Не этой песней старой
 Растоптанного дня,
 Интимная гитара,
 Ты трогаешь меня.

В смертельные покосы
 Я нежил, строг и юн,
 Серебряную косу
 Волнующихся струн.

Сквозь боевые бури
 Пронес я за собой
 И женскую фигуру
 Гитары дорогой...

Всегда смотрю с любовью
 И с нежностью всегда
 На политые кровью
 На бранные года.

Мне за былую муку
 Теперь покой хорош.
 (Простреленную руку
 Сильнее бережешь!)

В борьбе для юных зримо
Лишь страстное вино,
Как в девушке любимой
Любимое одно...

Над степью плодоносной
Закат всегда богат,
И бронзовые сосны
Пылают на закат.

...Ни сена!
И ни хлеба!
И фляги все — до дон!
Под изумрудным небом
Томится эскадрон.

...Что пуля — пуля дура,
А пуле смерть — сестра.
И сотник белокурый
Склонился у костра.

И вот, что самый юный
(Ему на песню — дар!),
Берет за грудь певунью
Безусый комиссар.

И в грустном эскадроне,
Как от зеленых рек,
Повыпрямились кони
И вырос человек!

Над степью плодоносной
Закат всегда богат.
И бронзовые сосны
Пылают на закат...

Короткие кварталы —
Летучие года,
И многого не стало,
Простилось навсегда.

Сейчас дружеским скопом
Не спеть нам, дорогой,
Одни —
Под Перекопом,
Другие —
Под Ургой.

Но стань я самым старым,
Взглянув через плечо,
Военную гитару
Я вспомню горячо.

Теперь она забыта,
Она ушла в века

От конского копыта,
От пашки казака.

Но если вновь, бушуя,
Придет пора зари,
Любимая!
Прошу я,
Гитару подари!

«Новый мир», 1926, № 8-9.

ЯКОВ УХСАЙ

★

Облака

Набрав из Волги и Суры
Живой воды, клубясь слегка
И словно млея от жары,
Над нами встали облака.

Отмыты солнцем добела,
Они виднелись кое-где,
Как распростертые крыла
Поволжских чаек на воде.

Темнея быстро, обнялись
Они друг с дружкой, потом
На землю щедро пролились
Весенним радостным дождем.

Чтоб нивы ожили, в лесах
Цвели ольха и чернотал,
Вдруг где-то на густых басах
Веселый гром загрохотал.

Я, окна настезь растворив,
Смотрю на дымчатый поток,
Что, край чувашский напоив,
От нас уходит на восток.

Чтоб о дожде отрадном том
Оставить память у земли,
Над Волгой красочным мостом
Повисла радуга вдали.

Еще восток дымится мглой,
А гром, уйдя за небосклон,
Гремит уж над Йошкар-Олой,
Уж над Казанью ходит он.

И влагой той, что людям в дар
Дала чувашская земля,

Там, у марийцев и татар,
Обильно политы поля.

Пусть у соседей в добрый час
Трудом добытый урожай
Все закрома, как и у нас,
Зерном засыплет через край!

И в этот вешний день, когда
Такой кипучий дождь прошел,
Я в жажде сладкого труда
Писать стихи сажусь за стол.

Покуда я вожу пером,
Чтоб проторить дорожки строк,
Наверно, наш чувашский гром
Идет все дальше на восток.

Вы собирались, облака,
Над нашей волжской стороной,
Чтобы пролиться, как река,
И над башкирскою землей.

Когда же почву в тех краях
Насытит влагой ливень наш,
Стихи напишет, как и я,
О вас мой друг Сайфи Кудаш.

Перевел с чувашского Б. ИРИНИН.

«Новый мир», 1950, № 10.

Н. УШАКОВ

★

Патефон

Привычный путь игла свершает,
Пластинка —
больше ничего,
но голос по миру блуждает,
он ищет тела своего.

Певица спит в могиле тесной
под сенью траурных ракии,
а голос старины прелестной
по кругу черному скользит,
центростремительною силой
под сень
плакучих не зовет.
Как будто этот голос милый
над черным мрамором поет.

«Новый мир», 1946, № 1-2.

НАЗЫМ ХИКМЕТ

Старик на берегу

Стояли горы синими слоями,
сосновый лес и море шли на стык.
На берегу, на камушках, огромный,
один, закрыв глаза, лежал старик.

И в этот день сентябрьский, полный солнца,
весть затонувших кораблей издалека
и ветер синий, северный, спокойный
ласкали лоб и щеки старика.

Лежали руки — два упрямых краба,
как будто вползших греться на живот,—
безжалостная в панцире победа
большого путешествия его.

Соленые морщинистые веки
закрыты были, точно он заснул,—
но в этой тьме, где все тонуло в блеске,
старик не спал, он слушал моря гул,
гул длиннозубых рыб, громадных, хищных,
туманных горизонтов
и огней,
гул лодок и сетей,
рыбачьих хижин
и скал, которые цветут на дне...

Но, может быть, гудели эти сосны,
которым в тучах век свой вековать?
Он знал, что если снизу вверх посмотрит,
то может закружиться голова...

Стояли горы синими слоями,
сосновый лес и море шли на стык.
На берегу, на камушках, огромный,
один, закрыв глаза, лежал старик.

Перевела с турецкого М. ПАВЛОВА.

«Новый мир», 1964, № 3.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

Из цикла «Стихи к Пушкину»

1

Бич жандармов, бог студентов,
Желчь мужей, услада жен,
Пушкин — в роли монумента,
Гостя каменного — он,

Скалозубый, нагловзорый
Пушкин — в роли Командора?

Критик — ноя, нытик — вторя:
«Где же пушкинское (взрыд)
Чувство меры?» Чувство — моря
Позабыли — о гранит

Бьющегося? Тот, соленый,
Пушкин — в роли лексикона?

Две ноги свои — погреться
Вытянувший и на стол
Вспрыгнувший при самодержце,
Африканский самовол —

Наших прадедов умора —
Пушкин — в роли гувернера?

Черного не перекрасить
В белого — не исправим!
Недурен российский классик,
Небо Африки — своим

Звавший, невское — проклятым!
Пушкин — в роли русопята?

К пушкинскому юбилею
Тоже речь произнесем:
Всех румяней и смуглее
До сих пор на свете всем,—

Всех живучей и живее!
Пушкин — в роли мавзолея?

Уши лопнули от вопля:
«Перед Пушкиным во фронт!»

А куда девали пёкло
Губ, куда девали — бунт

Пушкинский? Уст окаянство?
Пушкин — в меру пушкиньянца?

Что вы делаете, карлы,
Этот, г о л у б е й о л и в,
Самый вольный, самый крайний
Лоб — навеки заклеимив

Низостию двуединой
Золота и середины?

«Пушкин — тога, Пушкин — схема,
Пушкин — мера, Пушкин — грань...»
Пушкин, Пушкин, Пушкин — имя
Благородное — как брань
Площадную — попугаи!

— Пушкин? — Очень испугали!

(1931 г.)

2

Станок

Вся его наука —
Мощь. Светло — гляжу:
Пушкинскую руку
Жму, а не лижу.

Прадеду — товарка:
В той же мастерской!
Каждая помарка —
Как своей рукой.

Вольному — под стопки?
Мне, в котле чудес
Сём — открытой скобки
Ведающей — вес,

Мнящейся описки —
Смысл. Короче — все.
Ибо нету сыска
Пуще, чем родство!

П е л о с ь как — поется
И поныне — так.
Знаем, как «дается»!
От тебя, «пустяк»,

Знаем — как потелось!
От тебя, мазок,
Знаю — как хотелось
В лес — на бал — в возок...

И как — спать хотелось!
Над цветком любви
Знаю, как скрипелось
Негрскими зубьями!

Перья на востроты —
Знаю, как чинил!

Пальцы не просохли
От его чернил.

А зато — меж талых
Свеч, картежных сеч,
Знаю — как стрясалось!
От зеркал, от плеч

Голых, от бокалов,
Битых на полу,—
Знаю, как бежалось
К голому столу!

В битву без злодейства:
Самого — с самим!
— Пушкиным не бейте!
Ибо бью вас — им!

(1931 г.)

«Новый мир», 1965, № 3.

ВЛАДИМИР ЦЫБИН

★

Я жду

Под тучей дождевой
мой день новорожденный
спеленат синевою,
тугой листвой зеленой.

Я жду, чтоб пела высь,
чтоб теплые, как бани,
подсолнухи зажглись
недвижные — от рани.

Куда меня несет
вдаль от бывшего берега,
вот-вот
и горизонт
проломится от бега...

Куда мои бега?
Туда ли, в самом деле,
где белые стога
на корточки присели...

Спешу — в глаза твои,
в твои глаза, где в стыни,
как у речной струи,
дрожит комочек сини...

Ни вспять, ни отдохнуть...
И мечен доброй метой
сквозь жизнь летящий путь,
спеленат далью этой...

Весь мир — моя родня,
я жду еще покуда,
что там, за кромкой дня,
живет, как аист, чудо.

И я мечту храню —
вот день мой
путь окончит,
и в эхо прозвеню,
как в школьный колокольчик...

«Новый мир», 1973, № 6.

СЕРГЕЙ ЧЕКМАРЕВ

★

..*

Гляди: уже по Лиственной,
Где институт мясной,
Тревожною, таинственной
Повеяло весной.
Уже ручьи забулькали
По всей аллее сплошь.
Отправившись за булками,
Не вытащишь калош.
Ворвался ветер в форточку
С заоблачных высот,
И умывает мордочку
На крыше серый кот.
Но виснет сердце гирею,
Лежит на сердце тень:
В далекую Башкирию
Я еду через день.
Средь гула, среди дыма я
Забудусь ли в тоске?
Но ты, моя любимая,
Останешься в Москве,
В Москве, где все закружено,
Где звон, где шум, где гуд.
В Москве, где шелк, где кружево,
В Москве, где столько губ.
Где все огнями залито,
Где окна жгут, манят,
Ты позабудешь за лето
Мой исподлобья взгляд.
В Москве, где молоды,
Где столько лиц и встреч,
Забудешь очень скоро ты

Мою простую речь.
 В Москве, где взгляды — омуты,
 Где жизнь кипит, как кровь,
 Другому ты, другому ты
 Отдашь свою любовь.
 Среди топота овечьего,
 Среди сосновых смол
 Однажды, синим вечером,
 Я получу письмо.
 И строки жгут больней огня:
 «Сереженька, прощай,
 Не мучь меня, забудь меня,
 Не плакать обещаю».
 Пускай тоской и пламенем
 Пахнет от этих строк,
 Но, с выраженьем каменным,
 Я буду сух и строг.
 Я высунусь на улицу
 И погляжу вперед...
 Грустится ль мне, тоскуется ль?
 Никто не разберет,
 Рукою не усталою
 Придвину микроскоп,
 К холодному металлу я
 Прижму горячий лоб.
 Она была б жена твоя,
 И вот ее уж нет.
 Так, сердце, рвись же надвое,
 Пылай, жестокий бред...

«Новый мир», 1956, № 1.

СИМОН ЧИКОВАНИ

Думы о Риони

Бывало,
 На корнях могучих дуба
 Сушу одежду, глядя с высоты,
 Как мчатся мимо,
 Связанные грубо,
 Твои, Риони, зыбкие плоты.

Бывало,
 Ты когтишь меня волнами,
 А я плыву,
 плыву,
 плыву,
 плыву,

На берег выйду
 И за валунами
 Валюсь в твою колючую траву.

Казалось мне,
Что ты и в самом деле
Передо мной покачивал слегка
Лежащие в зеленой колыбели
Поля,
Туманы,
Горы,
Облака.

Что на меня смотрел отцовским оком
И надо мной, расщедрившись, зажег
В грузинском небе,
Ясном и высоком,
Рассвета петушиный гребешок.

В рассветный час поры моей весенней
Ты сеть любви
Закинул в грудь мою
И окружил ветвями сновидений,
По милости которых я пою.

Моя любовь с твоей волною схожа:
Порывами восторга и тоски
Ворвалась в жизнь,
Ломая и корежа,
Удобный мост разрушив на куски.

Как на скрижалях,
На мосту разбитом
Я ревность вырезал,
Судьбу кляня.
Но юношеским бедам и обидам
Ты не позволил победить меня.

Ты одарил влюбленных гордой силой,
Ткемалей снег
Рассыпал на пути.
И камешки свои, как слезы милой,
Помог собрать мне
В бережной горсти.

Ты парус мой
Наполнил ветром свежим,
Дал опереться о свою волну.
К твоим, Риони, влажным побережьям,
Как ветка засыхающая, льну.

Не дай же мне увянуть раньше срока
Хотя бы потому, что я всегда
Туман твоих ущелий
Издаю
Улавливаю взглядом без труда.

Не дай же мне засохнуть, словно ветке,—
Окутай горло тучей дождевой
И для лесов
грядущей пятилетки

Каких-то книг.
 Тобой открытый образ?
 Он в безвестной
 Старинной книге
 Промелькнул на миг.
 Увы, все было, было в мире этом —
 Оттенок краски,
 Рифмы беглый звук...
 О непосильно тяжкий труд поэта,
 Призвание, исполненное мук!..

Перевела с армянского ЕЛЕНА НИКОЛАЕВСКАЯ.

«Новый мир», 1974, № 4.

АЛЕКСАНДР ЯШИН

★

Ностальгия

Для меня любые расставанья
 Не смертельны,
 Даже слез не лью.
 Если письма есть — и расстоянья
 Не страшны,
 Хоть и люблю семью.

Но когда я к отчему порогу
 Две весны подряд не загляну,
 Никакие письма не помогут
 Сохранить мне в сердце тишину.

Все болезни сразу подступают,
 Душит одиночество в углу.
 Вот когда ночей недосыпаю,
 На погоду зря кладу хулу.

Тянет в край, где я родился,
 К детству,
 В ягодные мшистые места,
 Где тайга с деревней по соседству
 И угар от прелого листа.

1948.

«Новый мир», 1973, № 7.

О ЧЕ Р К И Н А Ш И Х Д Н Е Й

«У нас уже построены три тепловоза... Один из них, построенный профессором Ломоносовым в Германии, теперь испытывается».

Так писал в статье «Последние достижения науки и техники», опубликованной в № 1 журнала «Новый мир» за 1925 год, один из крупнейших советских ученых профессор Б. Лобач-Жученко. Отмечая далее, что самым прогрессивным видом тяги на транспорте является электровоз, автор сообщал:

«За границей электрификация железных дорог достигла значительных успехов. В Соединенных Штатах имеются электрифицированные железные дороги, длина которых достигает до 1.000 км.».

Как далеки мы были в те годы от достижений капиталистического Запада в области науки и техники! Нам самим не под силу было построить тепловоз, а об электрификации железных дорог, имеющих для неоспоримой нашей страны особое значение, можно было говорить лишь как о далекой сказочной мечте. Трудно представлялось, что в этой области мы сможем когда-либо дотянуться до уровня Америки. Слишком неравным был старт экономического соревнования социализма и капитализма. Мы начали, когда экономика Запада была на многие десятилетия впереди нашей.

Электрифицированная линия Балтимор — Огайо в США протяженностью шестьсот пятьдесят километров, вошла в строй в 1895 году. У нас же первый пригородный участок на электротяге Баку — Сураханы длиной девятнадцать километров был построен в 1926 году и Москва — Мытищи такой же длины — в 1929 году. По этим линиям ходили лишь пригородные поезда, лишь моторно-вагонные секции наподобие трамвайных. Первые же магистральные электровозы появились у нас на сорок лет позже, чем в США. Мы отставали не только от США. В том же 1925 году, когда родился наш журнал, была пущена в эксплуатацию первая очередь Шатурской электростанции мощностью 16 тысяч киловатт. А близ Парижа вошла в строй электростанция «Женвилье», мощность первой очереди которой составляла 200 тысяч киловатт, в Германии была пущена электростанция «Клингенберг» с мощностью первой очереди 270 тысяч киловатт.

Так было.

В апреле 1974 года по-американски деловой и сдержанный заместитель министра транспорта США Р. Биндер, приезжавший к нам, в частности, для ознакомления с опытом электрификации железных дорог, заявил, что в этой области мы совершили «техническое чудо». Протяженность железных дорог земного шара составляет примерно 1 300 тысяч километров, а в Советском Союзе — 136 тысяч километров, то есть немногим более 10 процентов. А грузооборот наших железных дорог достигает 50 процентов мирового грузооборота. 99,5 процента перевозок осуществляется в СССР прогрессивными видами тяги: 51 процент электровозами и 48,5 процента тепловозами.

Сегодня нет в мире страны, которая могла бы сравниться с нами по протяженности электрифицированных линий, и нет в мире электровоза, как наш «ВЛ-80т» мощностью 6500 киловатт. Пять таких электровозов — это две Шатурские электростанции.

Сеть контактных проводов покрыто 37 тысяч километров железнодорожных линий. Магистрали Москва — Байкал, Ленинград — Ленинск, всю европейскую часть страны, высокогорные районы Кавказа, Крыма, Карпат обслуживают мощные пассажирские и грузовые электровозы.

Новая великая стройка — БАМ откроет второй путь от Байкала до Тихого океана протяженностью 3200 километров.

Об этом строительстве, о грандиозных промышленных комплексах, создаваемых вдоль БАМа, и рассказывает писатель Леонид Шинкарев.

БОЛЬШОЙ ЧЕРТЕЖ СИБИРИ

В поселке Звездном на трассе Байкало-Амурской магистрали не заметили, как появился этот старичок: то ли его высадил усть-кутский вертолет, дважды в день возникающий над крышами, то ли он последовал за ватагой «самоходов», приехавших соорудить рельсовый путь, ни с кем не условившись, без договорных бумаг. Когда в Усть-Куте этим людям предложили другую стройку, не такую громкую, они обиделись и бесстрашно двинулись в осеннюю тайгу, плутали несколько дней, пока не вышли к бамовскому поселку. Вот и старик шел мимо палаток, вагончиков, щитовых домов, сторонясь тяжелых самосвалов, учтиво уступая дорогу бульдозерам, и часто переключивал из одной руки в другую фанерный чемодан. По устланной елками, разбитой, хлипкой тропе он добрался до зеленого вагона — конторы строительства. Старик дал отдышаться, предложили из цветастого термоса чай. Он пил и благостно вздыхал:

— Чай индийский — расфасовка иркутская...

Наконец, раскрасневшись, он погладил клинышек бородки и объявил, что желает быть в первых рядах и т. д. — плотником на стройке.

— Ну и дед, — сказали ему, — мы-то думали, ты охотник. Ночевку обеспечим, а взять некуда, нет в палатках мест.

— Ишо чего, старику палатка, — возразил дед, — я избушку сооружу, ничего вашего не надо.

Он щелкнул замками чемодана и, обводя всех хитрющими глазами, приподнял крышку. Под замазанной тряпкой, меж инструментами, разложенные по кулям, лоснились новехонькие гвозди. Половые, штукатурные, вощанки, шиповки, однотесы — полчемодана гвоздей. Это как же он тащился с ними?

— Слушай, дед, — сгрудились все, кто был в конторке, — их на всю БАМ хватит!

— А чего же, случись перебои — я тут как тут, пособлю стройке века!

В лесу горят костры, громыхает мимо окон новейшая техника, от тяжелых гусениц подрагивает земля. Здесь, в конторке строительно-монтажного поезда № 266, хорошо прослушивается пульс большой стройки. Полторы тысячи человек рубят просеку на запад и на восток, собирают жилые дома, склады, магазины, размещают армады машин для устройства земляного полотна, принимают мосто-строителей. Тут все происходит на высоких скоростях, в небывалых ритмах, и как чудесно, что буквально с неба спускается на трассу представитель районной власти с алой лентой через плечо, ангел счастья с начесом «бабетта», спускается, чтобы соединить влюбленных узами брака. И я вижу, как старик, уже смекнувший, что его возьмут, никуда от него не денутся, тут же перестраивается на новый лад, начинает суетиться и с видом страшно занятого человека достает из кармана кацавейки трудовую книжку. Пока протягивает, успевает раскрыть и разглядеть и уже просит чистый лист бумаги писать заявление. Тут в воздухе носятся, что ли, микробы повышенных скоростей?

Всем своим обликом, особенно мятой валяной шляпой бурлацкого типа, старик походил на одного из миллиона ходоков конца XIX — начала XX века, ринувшихся по Великому Сибирскому пути искать землю для своих семей и сообщественников. Старик вызывал в воображении эпоху строительства первого рельсового пути, когда 80—90 тысяч крестьян, рабочих, арестантов, казаков, солдат, меццан лопатами, тачками, примитивными землекопными машинами, выписанными из-за границы, отсыпали земляное полотно через горные хребты, по болотам и по вечной мерзлоте, укладывали по насыпи шпалы и рельсы. По той «чугунке» длиной в восемь тысяч километров в переселенческих вагонах четвертого класса переместилось за четверть века на восток четыре миллиона человек. Население края

удвоилось. Крестьяне распахали землю сколько сумели, и поезда стали вывозить излишки сибирского хлеба на рынки России и Европы. В сибирские степи потянулись маслоделы. Скоро сибирское масло в кедровых бочонках появилось в Копенгагене, Гамбурге, Берлине, давая России в начале века больше золота, чем вся сибирская золотопромышленность. В Прииртышье, в ачинских и минусинских степях поселились овцеводы. По мнению современников, сибирское тонкорунное овцеводство было единственной надеждой на освобождение России от ежегодной дани скотоводам Австралии в размере 51 миллиона рублей. Вдоль трассы развивалась горнорудная промышленность (золотодобыча, цветная металлургия, угольные и соляные разработки), в тайге рубили лес, расширялось лесопиление, возникали небольшие обрабатывающие предприятия. С 1897 по 1917 год число городов в полосе влияния дороги выросло с 40 до 63. Рельсовый путь имел для россиян и великое нравственное значение, изменив традиционные взгляды на пространства за Уралом-камнем. Этот железный пояс оказал большое влияние на судьбы восточных районов, занимающих большую часть территории СССР и около 30 процентов площади Азии.

С той же эпопеей прокладки Великого Сибирского пути связаны и мучительные сомнения русских горных инженеров, инженеров путей сообщения, когда на берегах Байкала они решали, как рельсовому пути продвигаться дальше — южным берегом или северным. Заманчивым казался северный ход, он был короче и ближе к открытым тогда ископаемым ресурсам. Но пришлось идти югом — природные условия для строительства тут легче, да и край более населен. Тем не менее изыскания «северного варианта» были не напрасны, они послужили первым толчком к будущим проектным разработкам трассы Байкало-Амурской магистрали. Прежде чем определилась трасса первого рельсового пути, возникало множество проектов, реальных и фантастических. Я назову лишь один из них, вызвавший широкую дискуссию на страницах российской печати. Лойк де Лобель, представитель американского синдиката, предлагал соорудить Сибирь-Аляскинскую железную дорогу с тоннелем через Берингов пролив. Рельсовый путь, по его идее, должен был прокладываться концессионным способом, а синдикату предоставляются исключительные права на разработку недр в полосе шириной двадцать четыре версты вдоль всей железной дороги на девяносто лет. Созванное в декабре 1906 года в Иркутске совещание о путях сообщения в Сибири отклонило этот проект как «не отвечающий ни государственным, ни промышленным целям края».

Идея северного хода от Байкала до Тихого океана — это нынешняя трасса БАМА — продолжала волновать умы грандиозностью масштабов и задач. Воображение рисовало стальную петлю через семь горных хребтов (Байкальский, Северо-Муйский, Удоканский, Кодарский, Олекминский Становик, Туранский, Дуссе-Алинский) и шестнадцать крупных рек (Лену, Киренгу, Верхнюю Ангару, Витим, Олекму, Нюкжу, Зею, Нору, Селемджу и еще, и еще...). Над реками и сумрачными ущельями — сотни мостов и виадуков, гремящих под колесами тяжелых поездов. И это в крае, где под ногами вечномерзлые грунты, могущие расползаться в хлябь или овраги, чуть задень их поверхностный слой, где повышена сейсмическая опасность и есть районы «живой тектоники», где на склонах гор лежат громады камней, готовые сорваться. Если мысленно пройти эту горную страну, то даже без особых познаний в области транспортного строительства почувствуешь масштабы работ, за которые предстояло приниматься новому поколению.

Живы люди, которые помнят, как уже с начала 30-х годов на разных участках будущей магистрали велись изыскания, где окончательные, где предварительные, где рекогносцировочные, и создавалось Управление строительства Байкало-Амурской магистрали. С караванами навьюченных лошадей и оленей изыскатели пробирались сквозь таежные чащи. Когда не в силах были пройти завалы, поворачивали в сторону, искали новую тропу. На горных реках бечевою тянули лодки со снаряжением, плыли, отгалкиваясь шестами. И неделями сидели на какой-нибудь высохшей речушке, дожидаясь большой воды. Они разведали площади от Тохтамыгды до Тынды, от Тынды до Усть-Нимана, дальше до Комсомольска-на-

Амуре и до Советской Гавани. Изыскания разворачивались и на западном участке в районе Тайшета, Усть-Кута, Нижнеангарска, Муйской долины... Во второй половине 30-х годов сооружение магистрали поручили специальной организации. В Сибирь перемещались крупные контингенты рабочей силы, которые на новом месте сами обеспечивали себя всем необходимым и, почти не зная средств механизации, рубили просеки, наводили мосты, укладывали рельсы. Следы тех первых строителей видишь и сейчас, когда идешь просекой на лыжах и в глубине окруженного лесом пустыря, ровного как плац, встречаешь почерневшие бараки. Стоишь у старых канав, кострищ, могил, глотаешь тугой морозный воздух и вздрагиваешь, когда поблизости, где-то впереди, взывают бензопилы, режут бульдозеры, с грохотом рушатся деревья, поднимая над тайгой ослепительную белую пыль.

Технический проект Байкало-Амурской магистрали от Тайшета до Советской Гавани был готов в 1945 году. Дорогу рассчитывали на паровую тягу, на небольшую, по современным понятиям, пропускную способность. К тому же и природные условия местности тогда не были достаточно изучены. Предполагалось, что сейсмичность на трассе не слишком велика, не такова, чтобы принимать повышенные меры предосторожности. А теперь на некоторых участках, особенно за Байкалом, установлена сейсмичность до 8 и даже до 10 баллов. Жилые дома, большие мосты, ответственные сооружения в этом районе приходится проектировать с применением противосейсмических конструкций. Выбор вариантов на некоторых участках продолжается до сих пор, хотя основное направление магистрали уже сложилось твердо: от реки Лены на север Байкала, к Нижнеангарску, дальше на Чару, Тынду, Зейск, переход реки Селемджи в районе поселка Февральского, оттуда на Ургал, через хребет Дуссе-Алинь, с выходом у Комсомольска-на-Амуре. Новый технический проект Байкало-Амурской магистрали сейчас завершают три тысячи изыскателей и проектировщиков.

Через восемь или девять лет вся эта «нескладная громадина», «транзитная пустыня, безнадежная для культуры», как называли Сибирь некоторые дореволюционные публицисты, будет стянута вторым поясом железнодорожных станций, рабочих поселков, промышленных и сельскохозяйственных строек. По магистрали первой категории, оснащенной новейшими автоматическими устройствами, системой диспетчерской централизации и связи, пойдут пассажирские и грузовые тяжеловесные поезда.

Волнения мы испытывали и на прежних сибирских стройках, но на этой трассе ощущения особого рода. Строится не очередное крупное предприятие, даже не промышленный узел. Первый гудок электровоза или тепловоза возвестит начало нового сдвига народного хозяйства СССР на северо-восток, ближе к месторождениям ископаемого сырья, способного стать опорой технического прогресса. Это будет и следующий этап заселения пространства, столь обширного, что на нем можно проверять особые формы социально-экономической организации труда и жизни.

В истории мирового хозяйства давно замечается продвижение производительных сил в далекие, слабо освоенные районы, если они богаты природными ресурсами. Уровень развития экономики сильно расширил прежние границы рентабельности. От «лихорадок» прошлых времен развитые капиталистические страны переходят к поэтапному и комплексному освоению ресурсных территорий. Этот процесс происходит в США, Канаде, Австралии и в других странах. Вторжение в сырьевые области начинается со строительства хороших путей сообщения. На транспорт расходуют 50—70 процентов всех первоначальных затрат, необходимых для освоения новых территорий. Содержание железных дорог в пустынных местностях, где зимою сильные морозы или где случаются землетрясения, обходится дорого, иногда в течение долгих лет приходится терпеть убытки ради привлечения в перспективные районы крупных капиталов, ради создания сырьевых баз для важнейших центров индустрии.

У нас продвижение промышленности в Сибирь и на Дальний Восток, в

обширные малодоступные местности, к источникам энергии и природного сырья (тут две трети общесоюзных запасов угля, три четверти запасов древесины, крупные рудные месторождения и т. д.) происходит в условиях социалистического планового хозяйства, по заранее намеченным последовательным этапам, при иных стимулах. Ученые ищут оптимальные пути развития Северной Азии, стараясь сочетать актуальные задачи дня с решением завтрашних проблем, рассматривая в комплексе экономические, демографические, социально-политические и другие факторы, важные для жизни миллионов людей. Сейчас на территории от Урала до Тихого океана действует 6 тысяч промышленных предприятий. По сравнению с дореволюционным временем (1913 год) общий объем промышленного производства Сибири и Дальнего Востока увеличился почти в 450 раз. «Развернутое строительство коммунизма, — говорится в Программе КПСС, — требует все более рационального размещения промышленности, которое обеспечит экономию общественного труда, комплексное развитие районов и специализацию их хозяйств, устранив чрезмерную скученность населения в крупных городах, будет содействовать преодолению существенных различий между городом и деревней, дальнейшему выравниванию уровней экономического развития районов страны».

Байкало-Амурской магистрали выпало быть инструментом решения этих задач. И когда я вижу, как мой знакомый старик, сидя высоко на перекладине, покрывает шифером свою избу в двух шагах от будущей железной дороги, на пути индустриального продвижения в восточные районы, мне кажется, что над всем этим сквозь низкие облака, из глубины прошедших лет гулко тянется незримая-связующая цепь, сохраняя от опоры к опоре высокое напряжение.

1

На крыше брезентовой палатки в поселке Звездном написали масляной краской девиз, который хорошо виден с вертолета, когда он идет на посадку: «Иди за горизонт и все попробуй, иначе просто скучно будет жить!» Наверное, с точки зрения романтиков это звучит красиво. Идти — и никаких гвоздей. Но плановики и экономисты десятки лет изучают ситуацию, производят сложные расчеты, сопоставляют варианты, прежде чем соберутся все-таки идти «за горизонт». Каждому шагу в этом направлении предшествует постановка целей (зачем идти), проверка основного багажа (природные ресурсы, трудовые ресурсы, капиталовложения), выработка стратегии (какими хозяйственными, техническими, организационными путями продвигаться). Иначе, если этого не учесть, действительно скучно будет жить...

Историю освоения Сибири и Дальнего Востока можно рассматривать как поиск способов преодоления пространства. «Океан суши» площадью двенадцать миллионов квадратных километров, разрезанный могучими реками, горными хребтами, глубокими впадинами, где мягкие холмистые ландшафты чередуются с угрюмой, настороженной тайгой, с сухими степями, с арктической тундрой, требует подхода, сообразного с особенностями каждой из составляющих частей.

Обширность территории — преимущество или недостаток при освоении новых районов? С одной стороны, здесь можно идти на создание укрупненных промышленных зон и на широкие маневры ресурсами, применять технику повышенной мощности. Малоизученные земли оставляют надежды на открытие новых минеральных ресурсов. Здесь есть, наконец, возможность резервировать большие площади под природные парки и заповедники, под будущие зоны отдыха для всего общества. С другой стороны, нужны большие капитальные затраты для создания инфраструктуры (железных и автомобильных дорог, коммуникаций, жилых поселков и т. д.), дополнительные крупные средства, способные нейтрализовать или хотя бы смягчить суровость климата некоторых районов. Тут сравнительно мало населения, потому приходится экономить живой труд за счет применения особой мощной техники, приспособленной работать в условиях низких температур. Возникает потребность собрать эти частные обстоятельства маг-

нитом общей задачи, выделить крупную комплексную проблему и усилиями всего народного хозяйства разрешать ее этап за этапом.

В истории социалистического освоения Сибири есть опыт разработки трех долговременных общенародных программ.

Программа Урало-Кузнецкого комбината, возникшая в конце 20-х годов, решала не только проблему угля и металла, но и предусматривала важные хозяйственные и социальные перемены. «Здесь, на территории районов УКК, — говорил Г. М. Кржижановский, — мы, пожалуй, впервые пробуем оружие нашего планового социалистического строительства в масштабе, соответствующем его мировому значению... Это не простая уступка требованиям, вытекающим из необходимости приблизить производство к его сырьевым источникам, более рационально разместить промышленность по стране или учесть специфические условия нашей обороны. Разрешение проблемы УКК — это своеобразный ответ социалистического мира миру капиталистическому, это — великий показ новых методов борьбы за социалистическую культуру, новых методов пробуждения мощных человеческих массивов к социалистической жизни путем мощного вооружения их материальными и энергетическими ресурсами...»

На востоке страны была создана вторая угольно-металлургическая база, новый центр социалистической индустрии. Как же он оказался нам необходим в годы прошедшей войны! Здесь приняли и разместили многие предприятия, эвакуированные из западных районов, с ними вместе возмужавший Кузбасс сыграл важную роль в создании военно-экономического потенциала, который обеспечил победу. И теперь край весь в движении — набирают силу тяжелая промышленность, химические производства, транспорт, база строительной индустрии, легкая и пищевая промышленность, сельское хозяйство. Возникли исследовательские и проектные институты, высшие учебные заведения, экспериментальные предприятия. По плотности населения Кузбасс оставил позади многие развитые сибирские территории.

Программа УКК с самого начала носила широкий, всеобъемлющий характер: не только ориентировала экономику района на комплексное использование естественных богатств, но и предусматривала одновременно с развитием хозяйства рост городов и населенных пунктов, культурных центров, лучшие условия жизни. И хотя в Кузбассе еще есть над чем подумать и поработать, хочется обратить внимание, что программа тех давних лет, первая и пробная, уже увязывала экономические, социальные, демографические проблемы в один комплекс, требовала к себе «объемного» подхода. Эта черта — внимание ко всему комплексу проблем — стала обязательной при составлении последующих долговременных программ.

Программа ангаро-енисейского каскада гидростанций точно так же с самого начала разрабатывалась не как узкий проект энергетического строительства. Она была рассчитана на широкое вовлечение в народное хозяйство природных ресурсов края, на перестройку экономики, изменение условий жизни в бассейне двух великих рек. Из этого района, говорил известный ученый-экономист Н. Н. Колосовский, «пламя большой индустриализации должно распространиться на другие территории Восточной Сибири».

Мне знакома земля между Ангарой и Енисеем... Здесь мой дом, мои друзья, главные маршруты моих поездок. Новые гидростанции, лесохимические производства, гиганты цветной металлургии, молодые города возникали от первых пней, как говорится, на глазах. И сейчас на обеих реках, на великом пространстве между ними все от того же первоначального толчка, от разработанной в 30-е годы «программы АЕ», или, как тогда писали, «большого чертежа Восточной Сибири», неостановимо продолжается развитие индустрии, не только вширь, но и к собственному совершенствованию. Не все еще в этом комплексе получается так, как хотелось бы. Мы придиричиво изучаем уроки прошлого. Однако если посмотреть на опыт без предвзятости, то обнаружишь, что так или иначе, но шаг за шагом осуществляется продуманная стратегия освоения. В начале 30-х годов был популярен лозунг, сформулированный журналом «Будущая Сибирь» (1931, № 1): «Ни

одной рабочей семьи не должно быть, где не знали бы и не любили бы Ангару!» На первый взгляд в этом призыве лишь трогательная категоричность — максимализм первых пятилеток. Но если вдуматься, требование продиктовано особенностями долговременной общенародной программы, ее установкой на комплексное решение всех насущных проблем, касающихся сибиряков, да и не только их одних. А жизнь между тем идет вперед и вносит коррективы в прежние программы. Ученые создают новый ангаро-енисейский проект, он будет, наверное, пограндиознее предыдущего, но как бы ни менялись технические идеи, душа прежних проектов будет бережно сохранена — внимание ко всем важным аспектам и труда и жизни.

Программа развития Западно-Сибирского нефтегазового района стала третьим шагом в освоении ресурсов востока страны. Предстояло обеспечить формирование крупнейших промышленных очагов в отдаленных местностях, в зонах вечной мерзлоты. И снова, опираясь на опыт уже известных долговременных проектов, в новом районе предусматривается не только добыча и переработка нефти и газа, но комплексное использование других природных богатств — леса, строительных материалов, рыбы Обь-Иртышского бассейна.

На огромных пространствах (площадь низменности 2,6 миллиона квадратных километров), среди урманов и нехоженных древних лесов начинает вырисовываться новый промышленный район, создаваемый на высшем техническом и организационном уровне, с укрупненными производствами, с автоматизацией технологических процессов. По расчетам экономистов, на формирование этого народнохозяйственного комплекса потребуется 30—32 миллиарда рублей — это примерно в 8 раз больше средств, затраченных на создание Урало-Кузнецкого комбината. Долговременная программа освоения нефтегазоносной провинции учитывает потребность народного хозяйства страны в сосредоточенных здесь природных ресурсах. Варианты освоения предусматривают будущие экономические и социальные волны, которые разойдутся кругами от капитала, брошенного в глубины западносибирских лесов.

Нефтяной реке уготовано широкое русло не только в западном направлении, но также и в восточном — к берегам Тихого океана, и это обстоятельство связывает программу освоения Западной Сибири со строительством Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Таким образом, БАМ можно рассматривать как новую, четвертую программу развития восточных районов страны, как стержень формирования новой широтной полосы хозяйственного освоения Сибири и Дальнего Востока.

Рельсовый путь с локомотивным и вагонным парком, с обслуживающими железную дорогу предприятиями уже сам по себе станет самостоятельной крупной отраслью материального производства. На станциях, расположенных вдоль трассы через каждые пятьдесят—семьдесят километров, в четырех основных депо (Нижеангарск, Тында, Зейск, Ургал), на закрытых и открытых грузовых площадках, пакгаузах, складах, оборудованных новейшей техникой, в путевом и ремонтном хозяйстве, в системе связи и технического осмотра вагонов будет работать новый большой отряд железнодорожников, пополнение рабочего класса Сибири.

БАМ изменит старые представления о многих восточных районах и заставит громко заговорить о местностях, пока знакомых разве что эрудитам журнальных кроссвордов.

Вблизи месторождений (каменный уголь и железная руда Южной Якутии, медь Забайкалья, асбест севера Бурятии и т. д.) намечается сооружение горнодобывающих комбинатов с подъездными путями, энергетическими центрами, вспомогательным хозяйством, с большим и сложным миром инфраструктуры, где нечего делать, как говорят сибиряки, с малолитражным умом, а понадобится взгляд широкий. Очевидно, примыкающие к Байкало-Амурской железной дороге районы станут центрами главным образом добывающей промышленности и первичной обработки сырья. Отсюда будут уходить полуфабрикаты. Воплощаться в машины, станки, тепловоды, телевизоры и прочую продукцию «конечного потреб-

ления» им скорее всего предстоит в других местностях, более южных, где побольше народа, лучше условия жизни, где содержание каждого работника обходится не так дорого, да и ближе к районам, где эти товары будут находить преимущественный спрос.

Железная дорога пойдет через густые массивы тайги. Хотя в наш век появляются все новые материалы, способные заменить лесные палочки-выручалочки, тем не менее в большинстве развитых стран мира наблюдается повышенное потребление древесины, продуктов ее переработки, и, по заключению экономистов, этому процессу суждено развиваться еще по крайней мере двадцать—тридцать лет. В хвойных лесах по обе стороны от магистрали разместят леспромысловые, лесоперерабатывающие заводы, лесохимические производства. Пока трудно перечислить все виды продукции, какие будут вывозить на запад или на восток бамовские поезда. Наверняка пойдет целлюлоза, бумага, древесно-волоконистые плиты, фанера, кормовые дрожжи и все прочее, что дает глубокая переработка древесины.

Вдоль Киренги, Верхней Ангары, Витима, Зеи, Амгуни и других рек тянутся плодородные долины; земля здесь — первое и главное богатство. В Сибири уже сейчас производится на душу населения больше зерна, молока, мяса и шерсти, чем в среднем по стране, а резервы для увеличения производства очень велики и связаны не только с лучшим использованием возделываемых земель, но также и с вовлечением в хозяйственный оборот новых площадей, которые оставались до поры малодоступными. По железной дороге в самые глубокие местности можно будет доставлять сельскохозяйственную технику и удобрения, чтобы осваивать земли на высоком современном уровне. Вдоль трассы возникнут крупные аграрно-промышленные комплексы, способные полностью обеспечить местное население продуктами питания и дать излишек продукции для вывоза в районы Севера.

Байкало-Амурская магистраль принесет на огромную территорию свежий ветер технологических и социальных перемен. Народному хозяйству осваиваемой полосы предстоит развиваться по преимуществу за счет качественных факторов — глубокой и комплексной переработки сырья, применения крупногабаритных орудий труда с повышенной мощностью, широкого производственного комбинирования, более высокой электровооруженности труда. Необходимость использовать в новых районах интенсивные методы освоения предвидел В. И. Ленин, когда говорил, что «разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники даст основу невиданного прогресса производительных сил».

Возникший с помощью рельсового пути новый экономический потенциал Сибири создаст плацдарм для продвижения индустрии дальше, в районы Крайнего Севера, где богатейшие сырьевые ресурсы еще ждут своего часа.

Об этом думаешь, когда несешься на нартах по тундре Крайнего Севера, пряча в меховой воротник лицо, чтобы от летящих из-под копыт снежных комьев не было больно глазам, и погоняешь оленей горластыми выкриками, когда снега перед тобою кружатся ночь, день и снова длинную ночь. Вот тогда и приходит мысль, что возникающая вдоль трассы БАМа полоса нового экономического потенциала поможет современным формам освоения продвигаться в эти белые края, где слышно дыханье Ледовитого океана, к этому континенту-морозильнику, где природа хранит великие богатства. Созданные при прокладке рельсового пути базы строительной индустрии могут стать начальными пролегами воздушных мостов, по которым будут перебрасываться легкие утепленные панели и конструкции, готовые для быстрой сборки в арктических горах, на любом пятачке тундры и льда. Логика развития транспортной схемы приводит к мысли и о том, что сама Байкало-Амурская магистраль будет продолжена от Усть-Кута на Богучаны, пройдет вдоль Нижней Ангары до Абалакова на соединение с железными дорогами нефтегазовых районов Западной Сибири в одну Северо-Сибирскую магистраль. И меридиональная железная дорога Бам—Тында—Беркамит, по которой откроется движение в 1978 году, тоже не останется тупиковой, а выйдет в северном направлении на Алдан и Томмот, оттуда протянется до Якутска и резко повернет на восток, через реки Яну, Индигирку, Колыму до Магадана, образуя Северо-

Восточную магистраль. Так рисуется железный хребет третьего этажа индустриальной Сибири.

Движение промышленности к высоким широтам, постепенное, неуклонное, хотя и трудное, в последние два десятилетия на отдельных участках сменялось быстрыми и безостановочными бросками вперед. То были прорывы к районам золота, алмазов, олова, нефти, газа, леса. Наступление велось вертолетами, баржами по рекам, вереницами тракторов с прицепами по зимним дорогам. Ограниченные средства сообщения сильно затрудняют комплексное освоение территории, решение многих экономических и социальных проблем. Это иногда приводит к необъективным выводам о том, насколько эффективны капитальные вложения в районы нового освоения. Теперь, раздумывая о втором Транссибе, а вслед за ним и о третьем Транссибе, я вижу, хочу видеть, любимый северный край по обе стороны от будущей железной дороги с надежной сетью автомобильных, речных, трубопроводных путей, с благоприятными условиями для рассредоточенного размещения производительных сил, с процветающими городами и национальными парками, где жить людям будет много легче и радостней.

Производительные силы восточных районов СССР, расположенных на границе с сопредельными государствами Азии и открыто спускающихся к Ледовитому океану, где сошлись политические и экономические интересы разных стран, принимают на себя сверх всего дополнительную ношу — они обеспечивают внешнюю торговлю и культурный обмен со странами Азии, Америки, Европы, становятся одной из баз международных исследований Арктики и ресурсов Мирового океана. Сибирь и Дальний Восток давно участвуют в международном разделении труда — не только сырьевыми ресурсами, вывозимыми во многие страны, но также экспортом черных и цветных металлов, машин и оборудования, продукции химической промышленности, лесопереработки, приборостроения, строительных материалов и медикаментов. Больше 350 предприятий за Уралом выполняют заказы внешнеторговых всесоюзных объединений. И хотя промышленность развивается здесь бурно, по объемам экспортной продукции восточные районы пока еще сильно уступают западным районам страны.

Байкало-Амурская магистраль будет влиять на развитие внешнеторговых связей как транзитный короткий путь из Западной Сибири на Дальний Восток и обратно и как дорога к природным ресурсам и будущим предприятиям, которые станут участниками развивающейся международной торговли. По мнению плановиков, экспортные возможности многих районов на трассе БАМа значительно превышают нынешний объем советско-американской торговли.

Долговременная программа освоения районов Байкало-Амурской железной дороги соединит все эти глобальные расчеты с интересами каждой местности на трассе, с судьбами таежных селений, как бы ни были они малы и безвестны.

...Я ехал проселочной дорогой, кружащей по осенней тайге, на север от Нижнеангарска, мимо старых вырубок и топких марей, через селение Душкачан, навстречу зубчатым вершинам хребта Сынныр, к эвенкийскому поселку Холодному (Гельды), названному так по здешней горной речушке в 30-е годы, когда эвенки древнего киндигирского рода, потомственные забайкальские кочевники, согласились осесть и сами выбрали это место, окруженное соснами и укрытое горами от ветров. Здесь кончается проселок, дальше уходит в тайгу лишь охотничья тропа, в последнее время уже известная и самостоятельным туристам. С перевала можно увидеть разом все 67 изб, амбары и лабазы. У заборов белеют штабеля дров, кое-где видны близ калиток перевернутые вверх дном черные лодки, а на окраине покосилась ограда песцовой фермы, и ее не ремонтируют, не укрепляют, потому что как раз через ферму пройдет Байкало-Амурская магистраль.

Алексей Николаевич Ганюгин, председатель Киндигирского сельского Совета, высокий худощавый человек лет пятидесяти, воевал в частях 30-й Сибирской дивизии, освобождая Румынию и Чехословакию, был ранен. Он один из немногих холодненских эвенков, кто видел железную дорогу. Все другие знают самолет, знают вертолет, а на поезда смотрели лишь в стареньком клубе, куда раз в неде-

лю приезжает нижеангарский киномеханик и крутит фильм при стуке движка, слышимого за тихим поселком, даже в пойме реки. Мы сидим на бревне, смотрим на горы, беседа идет неспешно, подобно плывущим над крышами облакам. Среди эвенков, говорит председатель, сейчас самые распространенные слова — «салыма акта» («железная дорога») и «он очильдянат?» («что делать будем?»). Молодые охотники уже приходили в сельский Совет, просились на стройку. В Нижнеангарске, отсюда в двадцати километрах, обосновался тоннельный отряд. Работы, говорят, там много, заработки хорошие.

Эвенки из Холодного работали проводниками у геологов в забайкальской тайге и уже давно слышали о будущих поездах, но прежние разговоры у костра и под гитару им казались далекими от их собственной судьбы. А теперь, собравшись у сельсовета, они расспрашивают с живостью, им обычно не свойственной, про тепловозы, про рельсы, про насыпь. Старики одобряют железную дорогу, вытирают глаза набухшими черными пальцами и все повторяют — дожить бы, повидать бы, не одним же молодым по ней кататься, однако!

— Быстрый будет поезд; — вздыхает Ганюгин. — Птицу догонит.

— Да, в долине он быстро пойдет.

И безо всякого перехода Ганюгин спрашивает:

— Понимают ли, что решать надо все дела разом? Видят ли?

— Понимают, однако, — говорю я.

— Боюсь, не понимают. Зверь уйдет, соболь уйдет, рыба уйдет, как жить будем?

В простосердечном вопросе, а еще больше в щелках умных, выжидающих глаз Ганюгина, как бы безучастно обращенных к вершинам хребта, угадывался ход мыслей, мне уже знакомый по встречам с плановиками, и чувствовалось, что на различных уровнях и несхожими словами повторяется, в сущности, одна и та же озабоченность тем, как проект железной дороги увязывается со всем полноводьем хозяйственных и социальных последствий; будет ли она в общественном сознании лишь рельсовым путем или стержнем крупной общенародной программы развития Сибири, рассчитанной на долгий срок и предусматривающей все важные стороны экономической и социальной жизни?

...Солнце уже опустилось за хребет, когда я прощался с киндигирцами, рассказав им как умел и что знал про таинственную «салыма акта». Она обязательно пройдет по кочковатой захлавленной поляне, где за оградой мечутся в клетках голубые песцы. Песцов перенесут на другое место, построят им новые шеды, поставят высокий забор. И мелко задрожит земля, когда по стальному пути загрохочет, не останавливаясь и не сбавляя хода, тяжелый поезд. Ждать осталось недолго — может быть, пять или шесть раз будет таять снег на горах.

Поезд остановится через несколько минут в четырех километрах от Холодного, где на берегу горной речки будет станция Кичера — бетонированный перрон, киоски с газетами и со снедью, складские хозяйства, — а дальше, в хвойном лесу, рабочий поселок на полторы тысячи человек. В поселке собираются ставить уютные коттеджи с полным набором благоустройства, с центральным отоплением, горячей водой. Будет здесь свой культурный центр — школа; клуб, магазины, больница. Очень может быть, что 67 холодненских семей захотят переселиться на новое место. Расстояние для них пустыяк, со скарбом на оленях не будет и часа пути. Благо и за тем поселком продолжается тайга, где кочевали предки киндигирцев, где замшелые деревья до сих пор хранят зарубки, которые острием стрелы оставляли их деды и прадеды. Кто пожелает, может продолжать традиционные промыслы.

Но не исключено, что на новом месте киндигирцы предпочтут иной образ жизни или воспримут элементы другого хозяйственного уклада. Не берусь предсказывать. А речь веду о том, что долговременная комплексная программа развития районов, примыкающих к Байкало-Амурской магистрали, потребует особого социально-экономического раздела. Предстоит учесть широкий круг демографических, национальных, миграционных вопросов. У составителей будет исходная

информация, научные рекомендации и прогнозы, возможно, и личные наблюдения, впечатления, размышления, которыми тоже не стоит пренебрегать. Появятся, надо полагать, и социологические материалы, основанные на изучении мнения тех, кого так или иначе коснутся перемены.

Наше общество может решать самые сложные проблемы с чуткостью, размахом и умом.

2

В зоне влияния Байкало-Амурской магистрали открываются возможности проектировать не отдельные предприятия, даже не сумму их, а целостные индустриальные районы и зоны городских поселений, отвечающие современным представлениям о пространственных сочетаниях производительных сил. Мы уже знаем по опыту прежних сибирскихстроек, что в том или ином сочетании производств, населенных пунктов, транспортных связей заложена взрывчатая сила: при случайных группировках она разрушает эффективность хозяйства, зато при объединении связанных между собою элементов эта сила дает огромный добавочный выигрыш, называемый «эффектом комплекса».

Территориально-производственные комплексы (ТПК) намечаются вдоль железной дороги в районах, где уже разведаны и обчислены природные ресурсы, где есть площадки для размещения промышленных узлов и жилых кварталов. Экономгеографы только еще подступают к генеральной схеме районной планировки новой полосы освоения, и сейчас трудно назвать в точности число пространственных сочетаний, их характер и границы. Это будет зависеть от множества обстоятельств. Например, от состава и концентрации ресурсов, а также и от того, как они подготовлены к разработке, от структуры современного хозяйства, от численности населения и от условий жизни, от возможностей привлечения новых жителей, да с надеждой, что они останутся работать и не покинут, осмотревшись, чужие для них места. Однако некоторые ТПК на трассе Байкало-Амурской железной дороги уже проясняются, проступают в своих пределах, поворачиваются с успешным достоинством модели, чтобы предстать для обозрения той или другой стороной.

Не стану перечислять все подряд из намеченных территориально-производственных комплексов, как они сегодня понимаются, имея в виду, что еще будет довольно коррективов, а может, и важных изменений. Потому разговор пойдет о тех сибирских ТПК, которые более других определились, да и знакомы мне не понаслышке.

Верхне-Ленский ТПК, первый по ходу поезда с запада на восток, будет расположен в лесах Усть-Кутского и Казачинско-Ленского районов на севере Иркутской области, где по речным долинам древние, почерневшие избы сползают к реке, а на теплых возвышенностях, охраняемых старыми соснами, время сберегло заросшие осокою пашни, по которым ходил за плугом Ерофей Павлович Хабаров, первый хлебороб на ленских берегах. С той поры земледелие да еще промысловая охота со сворой лаек-соболятниц оставались главным занятием коренного населения. А потом затеяли судостроение, появился речной порт, пристани и затоны, сюда вышла наконец железная дорога от Тайшета через Братск на Усть-Кут: она-то и продолжится как Байкало-Амурская магистраль. Вместе с традиционными путями сообщения (водным, автомобильным, воздушным) новая дорога образует могущественную полимагистраль, пульсирующую артерию будущего территориально-производственного комплекса.

Можно предположить, что этот индустриальный пояс начнет складываться параллельно со строительством плотин на Лене или на Киренге: в реках поднимется уровень воды, улучшатся возможности судоходства и даже в самое сухое лето караваны с грузами будут продвигаться к северным стройкам. Если при плотинах разместятся еще и гидростанции — тут могут быть установки мощностью до двух миллионов киловатт, — то наверняка отыщутся площадки для современных электроемких производств, металлургических или химических. Мы пока

мало знаем о недрах района, хотя местные энтузиасты показывают карту, где старательно обведены кружочками залежи известняков и соли, находки железа, меди, свинца. А у меня до сих пор стоит перед глазами фонтан кембрийской нефти, который ударил весной 1962 года у деревни Марково на Лене. И хотя нефтегазоносная площадь оказалась, в конце концов, не столь щедрой, как обещала вначале, здесь живут надеждой и ожиданием. Поблизости, на границе Иркутской области и Якутии, уже разведаны перспективные структуры. Открытия нефти и газа в приленских районах могут произойти каждый день. Так предупреждают ученые. И если судьбе угодно будет оправдать их оптимизм, то характер Верхне-Ленского ТПК обретет устойчивые черты: нефтехимические, электроемкие, лесопромышленные производства, машинное сельское хозяйство и полимагистральный транспорт. БАМ и полноводная Лена в одной упряжке потащат за собой всю экологию края.

Поселок строителей Звездный, возникший весной 1974 года у старого охотничьего зимовья, где Ния сливается с Таюрой, оказался почти в центре будущего Верхне-Ленского ТПК. Щитовые домики и свежие сосновые избы на сваях летом были похожи на африканские хижины, а в первую же зиму стали ни на что не похожи — белыми сугробами скатывались с горы. Внизу присыпанные снегом бульдозеры, покачиваясь на разбитой дороге, шли к реке, словно гуси на водопой, проходили мимо столба, где метелью накренило деревянную стрелу с надписью «На Ленинград!». Стрелу вытесал режиссер одной киносъемочной группы, приколотил стрелу для фона в той части берега, где снимали сюжет про ленинградских ребят. Приезжали другие творческие коллективы, после них на деревьях сохранились направления «На Минск!», «На Донецк!», «На Саранск!» и куда-то еще. Сюжеты сняли, а стрелы остались как напоминание про жаркую съемочную весну, когда корреспондентский корпус мог бы выставить две-три сборных по футболу против любой сборной Звездного.

Поселок живет железной дорогой, все рвутся на просеку, торопятся отсыпать земляное полотно, уложить рельсы. Приезжающая молодежь хмуро слушает предложения поработать на других участках. И дело не только в том, что основные работы более денежны. Они более престижны. Даешь БАМ! — это на куртках, на плакатах, в газетах. Парни, получившие направление на просеку, с чувством пресохлости смотрят на тех, кому достались вспомогательные работы. Эту гордость не сужу, ее понимаю. Но убежден: даже наиболее самолюбивые, которым выпал напереднейший край, когда-нибудь поймут, что и другие люди, где бы ни работали, если это делают хорошо, имеют не меньше оснований быть также облаканными обществом.

Мне вообще не по душе, когда в Сибири противопоставляют «передний край» остальным стройкам, как будто они расположены сбоку или позади. Я давно замечал, что в среднем или малом городке строить какую-нибудь мастерскую бытового обслуживания или районную парикмахерскую не так уж легко. Нет рядом крепкого коллектива со старыми или новыми традициями, никто особо не хлопочет, чтобы создать условия для твоего культурного развития, чтобы обеспечить тебя спецодеждой да и всем остальным — даже кирпичом, стеклом, гвоздями; другой вокруг стройки общественный климат. А ведь все нужно — и мастерские, и магазины, и школы, и коровники, и клубы. Чем дальше, тем больше всего этого будет требоваться. И замечательно, что больше. Уверен — нет никаких оснований обижать строителей на огромном сибирском пространстве, если они строят что-то не слишком великое. Сапожная мастерская или хоть баня для тех, кто их строит, — это их БАМ, их Братская ГЭС. И наше тоже. В детстве мы знали стихи, очень близкие тому, о чем идет речь: «БАМы всякие нужны, БАМы всякие важны!» Это, кстати, имеет отношение к формированию новых ТПК на трассе Байкало-Амурской магистрали...

Рядом с Верхне-Ленским возникнет Северо-Байкальский ТПК, уже иного характера, я бы сказал, из всех здешних комплексов самый «человечный» — он может быть ориентирован главным образом на индустрию туризма и отдыха.

Между соседними территориально-производственными комплексами не существует ограды, и пассажир поезда, стоя у распахнутого окна, наверное, не обратит бы внимания, что попал в расположение Северо-Байкальского ТПК, да он нигде в другом месте и не заметит перехода, а тут ему напомнит о границе комплексов синий внезапный Байкал. Но еще раньше будут мелькать в просветах между деревьями кунермские рыбные озера, речки Гоуджежит, Гранма, Тья, множество ручьев с названиями не случайными (ручей Дикий, ручей Вредный...), и, может быть, повезет увидеть, как в чистой воде талитися и выныривает черный хариус. Поезд пройдет по долине, где сквозь туман темнеют зеленые мшистые валуны, остатки ледниковой эпохи. Затем сбавит ход и нырнет в полутьму семикилометрового тоннеля сквозь Байкальский хребет под седлом Даван, и скоро снова брызнет в окна солнечный свет, потянет бодрящей сыростью лесов — поезд выйдет к устью Тьи, к скалистому мысу Курла, к перрону новой станции Нижнеангарск-1, расположенной на триста сорок втором километре пути, в двадцати пяти километрах от нынешнего районного центра Нижнеангарска. Промелькнут деповские мастерские, службы пути, рабочий поселок на 15 тысяч человек, песчаный пляж... После короткой остановки поезд четверть часа будет идти берегом Байкала, прижатый к отвесным скалам.

На берегу Байкала, у подножья мыса Курла, стоят харьковские метростроевцы. Их лагерь пока еще мал, несколько щитовых домиков и вагончиков ОП («общезитие передвижное»). Каждый вагончик на шесть человек, с койками одна над другой, и внутри похож на матросский кубрик. На баржах и в лодках прибывает пополнение. Здесь соберется 5—6 тысяч рабочих, которым пробивать расположенный в пятидесяти километрах отсюда тоннель через Байкальский хребет. А пока они расчищают просеку для подхода к тоннелю, возвращаются в лагерь поздним вечером и по радиации связываются с Нижнеангарском, чтобы узнать, нет ли каких новостей.

Мы шли с проектировщиками по берегу озера, тропами под угрюмыми скалами, то опускаясь к прибрежному песку, то поднимаясь снова в горы; мне хотелось знать, как пройдет железная дорога среди этих скал. Было три варианта. Первый — пробить в скалах четыре коротких тоннеля. Вторым — взорвать часть скалы и расчистить над озером «полку» под рельсовый путь. Выбрали третий — не трогать скалы, а сбросить в озеро пятитонные—семитонные глыбы кварцита, устроить под отвесным берегом искусственную насыпь протяженностью двадцать километров, достаточно устойчивую против прибоя, разрушительных волн, надвигки тяжелых льдов. Насыпь моделировали в новосибирском Институте инженеров водного транспорта. Это оказался самый экономичный вариант. Мне хочется думать, что не только расчет повлиял на выбор, но и желание проектировщиков сохранить природный байкальский комплекс. И если это так, пусть это будет так, то можно надеяться, что современный подход к решению инженерных вопросов, проявленный в самом начале работы, будет сопутствовать проектировщикам и дальше, до Комсомольска-на-Амуре.

Северо-Байкальский территориально-производственный комплекс совпадает с границами существующего под тем же названием района Бурятской АССР, где на площади 65 тысяч квадратных километров (полторы Швейцарии) живет 7 тысяч оленеводов, земледельцев, рыбаков, охотников за соболем и нерпой. Здесь-то, в глубине тайги, обитают и уже знакомые нам киндигирские эвенки. Геологи нашли на реке Холодной свинец и цинк. Выявлены Чайское и Байкальское проявления медно-никелевых руд и другого ископаемого сырья, но еще предстоит подсчитать запасы. Между тем Швейцария упомянута не столько ради сравнения площадей, сколько из желания вызвать устойчивые ассоциации с озером, лесной идиллией, снежными шапками гор. Территория Северо-Байкальского района, это царство гор и тайги, может оказаться частью проектируемого Национального парка СССР на Байкале. Лиственный лес, зазубренные вершины хребтов, высокогорная тундра и альпийские луга, бурные речки, заброшенные золотые прииски, поющие пески — природное окружение, если его сохранить, могло бы с проведением железной дороги привлечь в этот край первоклассные туристские базы. Сюда потянут-

ся советские и иностранные туристы. Есть расчеты, согласно которым в перспективе на Байкале могут быть созданы базы на 150 тысяч мест. Это позволило бы принимать в год около миллиона человек. По-видимому, будут здесь и крупные здравницы. Такой минеральный источник, как Хакусы, расположенный на северо-восточном берегу, в зарослях кедрового стланика, по составу воды точь-в-точь как пятигорский, а дебит его больше, чем у всех 40 источников Пятигорска. Туристские базы и курорты могли бы стать отраслью специализации этого территориально-производственного комплекса. Наверное, так со временем и случится, ведь чем дальше, тем больше будут уставать люди от старых, привычных мест отдыха, все сильнее станет тяга в районы новые, дикие, неизведанные. Байкало-Амурская железная дорога сделает доступными многие из прежде неведомых мест.

И я представляю, как некоторые киндигирские эвенки — те из них, кто и сейчас, освободившись от дневных забот, шьет берестяные гуски или кумаланы из оленьих шкур, и делает это с прекрасным вкусом, с большой старательностью, — будут рады возможности заниматься ремеслами не между делом, не по случайной просьбе очередного знакомого из райцентра, а по договору с художественным комитетом Национального парка. Декоративно-прикладное искусство народов Сибири — изделия из рога оленя, вышивка бисером, аппликации мехом, изделия из дерева и камня — украшает лучшие музеи мира, и как было бы хорошо, если бы каждый, кто пожелал, мог приобрести эти маленькие шедевры, а не серийные поделки ширпотреба. По прогнозным оценкам, существующие ресурсы могут обеспечить истинный расцвет сибирского сувенирного творчества. Между тем по тундре валяются тысячи оленьих рогов — я сам находил их во множестве, — в снегах годами пропадают шкуры, которые не могут вывезти в поселок... Пишу эти строки, а передо мной на письменном столе курительная трубка из березового капа, подарок старого эвенка. Он знал, что я не курю, и преподнес мне ее как сувенир. Когда я смотрю на трубку, на ее пластичные формы и думаю, как много в народе талантливых людей и как обидно мало мы используем собственные возможности, мне хочется закурить!

По соседству с Северо-Байкальским ТПК, на территории Баунтовского района Бурятии, высоко на склонах Южно-Муйского хребта, где все лето под зелеными травами сверкают ослепительные ледяные забереги Дядиног ключа, начнут добывать хризотил-асбест. Месторождение Молодежное признано уникальным по запасам асбеста текстильных сортов, но затевать строительство высокогорного комбината до сих пор было трудновато — ближайшая железнодорожная станция Чита в пятистах километрах от месторождения. С постройкой БАМа здесь начнется рождение промышленного узла. Он может стать базой цементно-шиферной индустрии Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Дальше потянется цепь гигантских горнопромышленных ТПК, возникающих в районе главных природных ресурсов Восточной Сибири: угля, железной руды, цветных металлов, газа, леса.

Поезд минует сумрачный пятнадцатикилометровый коридор, пробитый в Северо-Муйском хребте, вырвется на просторы голубой долины, оберегаемой от туч снежными горами, и будет долго петлять у стены царственных сосен. Наконец под колесами коротко прогрохочет мост через Витим, и, если успеешь, заметишь в туманных даялях, как тянется на плесе связка старинного типа карбасов с сеном. На сибирских реках карбасы давно не строят, а тут редкий случай увидеть посудины, на которых ходили наши предки триста лет назад. Несколько часов спустя взору откроются вершины хребта Кудар и хребта Удокан, поезд попадет в область беспорядочно разбросанных гор. Бывалый проводник, если он к тому же из местных жителей, станет рядом у окна, чтобы опережить это чувство дикой природы и внутренней освобожденности. Может быть, он расскажет, поддавшись торжественным картинам, как после войны в каменистой пустыне у подножья грозного хребта иркутский геолог Е. И. Бурова и ее товарищи нашли зеленоватую медную руду.

Места тут суровые даже по сибирским меркам: зима в котловине длится семь месяцев, а выше, в горах, в узких глубоких каньонах, холода господствуют десять

месяцев в году. Край отдаленный, развитый слабо, тут не знали дорог шире охотничьей тропы, не ведали транспорта надежнее оленей, а частые подземные толчки, иногда сокрушительной силы, наводили на мысль о том, что и впредь этот горный район будет доступен разве что для альпинистов, изредка поднимающихся на ослепительные ледники Кодара. Разведка Удокана и Байкало-Амурская магистраль меняют ситуацию. Здесь возникнет крупнейший комбинат по добыче меди. Мне рассказывал И. С. Витковский, главный специалист по Удокану института ВНИИпромзолота, как он сам был взволнован, когда стали обозначаться оптимальные размеры промышленного комплекса. Оборудование будет под стать месторождению — экскаваторы до восемнадцати кубов, бульдозеры мощностью до пятисот лошадиных сил, укрупненные самосвалы. Мельницы шарового помола, флотационные машины, железнодорожные рудные вагоны — все в особом исполнении, небывалых параметров и возможностей.

— Они будут на снегах, как... как мамонты! — горячился главный специалист, а он сорок лет в горнорудной промышленности и уже многое перевидал.

В южной части Чарской долины построят город на 50 тысяч жителей, город, хочется верить, с особой архитектурно-планировочной композицией, плод дерзкой градостроительной мысли, где будет специальная планировка квартир и благоустройство, какого не знают древние русские города. Тут хорошо будет тем, кому по душе строгая, величественная красота Севера. Эти люди, наверное, будут любить свой город, как любят Норильск или Магадан.

Байкало-Амурская железная дорога даст возможность уже в 1981 году приступить к строительству Удоканского горнорудного комплекса, а три года спустя добывать медную руду.

По меридиональной железной дороге Бам — Тында — Беркамит поезд ворвется в пределы Южной Якутии, в край лесотундры, где почти рядом, в каких-нибудь восьмидесяти километрах, находятся месторождения коксующегося угля и железной руды — основа для создания новой угольно-металлургической базы на востоке Советского Союза.

Алданское нагорье, эта огромная плита, разрезанная рекою Алдан, его потоками Тимптоном и Учуром на три полуовала, покрытых заболоченными марями и «пьяными» деревцами, нелепо торчащими в разные стороны, с 20-х годов стало приоткрывать ископаемое сырье, и чем дальше, тем доверчивей и щедрее. Тут выявили золотоносный район, вслед за ним разведали слюдяные месторождения, потом уголь, графит, железные руды, апатиты... Есть энергетические ресурсы, вдоволь чистой воды.

Прогнозные запасы угля составляют 40 миллиардов тонн. Многие площади угольного бассейна подготовлены для промышленного освоения, для строительства открытых разрезов, шахт, обогатительных фабрик. Раньше других построят Нерюнгринский разрез (мощностью 12 миллионов тонн), при нем обогатительную фабрику на 9 миллионов тонн угольного концентрата. В осуществлении якутского угольного проекта участвует Япония. Она предоставила Советскому Союзу кредит на 450 миллионов долларов. По соглашению между СССР и Японией, заключенному в июне 1974 года, кредит будет погашаться начиная с 1983 года поставками коксующегося угля.

Алданский железорудный район (месторождения Таежное, Пионерское, Сиваглинское) хранит 2,5—3 миллиарда тонн руды с хорошими технологическими и металлургическими свойствами. В руде до 40 процентов железа. Не так давно выявили Денисовское и Тит-Эргинское месторождения, там руда очень близко выходит к поверхности земли. А на расстоянии сто пятьдесят—четырееста километров к западу от поселка Чульман оказались два совершенно новых железорудных района — Чаро-Токкинский и Олекмо-Амгинский. Их сейчас подробно изучают. Независимо от окончательных подсчетов уже можно говорить о строительстве металлургического завода. При выплавке стали и чугуна предусматривается использовать газ Верхне-Вилойской нефтегазоносной провинции. Якутские домы озарят тундру новым индустриальным светом и вольют в экономику восточных районов особую, железную силу.

Возникает захватывающий по своим масштабам проект единого Алдан-Чульман-Удоканского территориально-производственного комплекса.

Формирование суперкомплекса выдвигает много проблем. Пока Министерство угольной промышленности проектирует создание базы строительной индустрии для «своего» угольного комплекса. Министерство энергетики и электрификации СССР намечает базу строительной индустрии для «своей» Нерюнгринской ГРЭС. Министерство цветной металлургии, конечно же, имеет в виду собственную строительную базу. Эта ситуация известна по опыту создания прежних сибирских территориально-производственных комплексов (Иркутско-Черемховского, Братского, Саянского), и было бы не по-хозяйски при освоении районов Байкало-Амурской железной дороги забыть поучительные уроки.

Сложность пространственной организации промышленности и городов в районах нового освоения естественно втягивает во взаимосвязи многие отрасли хозяйства, институты, учреждения. Логика подсказывает, что в таких обстоятельствах у территориально-производственного комплекса должен быть единый заказчик, способный совмещать полноту власти с ответственностью за судьбы всего комплекса. По мнению Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР, в качестве такого заказчика могла бы выступать плановая комиссия ТПК как основной орган управления процессом формирования комплекса. Предполагается, что эта комиссия должна руководить также формированием всей инфраструктуры и реализацией целевых программ.

Возможно, создание подобных комиссий внесет определенный порядок в формирование территориально-производственных комплексов. Но когда бываешь на предприятиях Братского ТПК, на строительстве Саянского ТПК и других сибирских комплексов, снова убеждаешься, что местные органы не имеют достаточно сильного научного аппарата и возможностей, чтобы квалифицированно решать крупные комплексные проблемы. Тем более что границы ТПК и административные границы не всегда совпадают. ТПК может оказаться на территории двух областей. Потому было бы разумнее на период строительства создавать орган — не важно, как его назвать, — который был бы подразделением необязательно какой-то одной организации или учреждения, а, может быть, нескольких сразу, где люди мыслили бы широкими обобщениями, планировали совокупности, отвечали за целое. Этот орган должен объединить административные права, научно-проектную мысль и организационно-плановые возможности, чтобы принимать решения по стыковке отраслевых интересов для гармоничного развития комплекса.

Мне уже приходилось писать в «Известиях», каким видится этот орган ТПК. Он должен быть не канцелярией, но как бы лабораторией специалистов высокого класса. Пусть их будет человек 30—40, не больше. Они держат в поле зрения развитие всего комплекса, сводят вместе нужных людей и организации, координируют действия ведомств. Они могут наложить вето на все, что отстывает от проекта комплекса, им разрешено перераспределять фонды капитальных вложений, чтобы не нарушать гармонии в застройке. Среди них есть инженеры, экономисты, архитекторы, географы, строители, экологи. В комиссии созданы условия для того, чтобы здесь собрались действительно знающие люди, может быть ученые. Независимость и широкие полномочия способны обеспечить быстрое решение проблем. Их первый помощник и опора — совет директоров крупнейших предприятий ТПК.

Когда перебираешь в памяти поездки по новым сибирским районам, встречи с проектировщиками, экономистами, хозяйственниками, в большинстве своем людьми «широкого экрана», способными к раздумьям, сомнениям и обобщению, то ловишь себя на печальной мысли о том, что существует некий устойчивый повтор одних и тех же просчетов, даже если территориально-производственные комплексы расположены за тысячи километров один от другого, в различных экономико-географических условиях и имеют свои, несхожие характеры. Не всегда получаются пока стыки отраслей в границах комплекса, а потому уже привычна

картина, когда технологически или иным путем связанные между собою производства вводятся в разные сроки, когда отстает строительство жилья, дорог, коммуникаций.

Заминки одного и того же характера приводят к выводу о том, что дело тут не в субъективных свойствах людей, причастных непосредственно к формированию индустриальных районов, а скорее в неких общих ситуациях, возникающих при недостаточном сочетании отраслевого принципа руководства с территориальным планированием. На необходимость такого сочетания указал XXIV съезд КПСС.

Новые территориально-производственные комплексы, проектируемые в связи со строительством Байкало-Амурской железной дороги, имеют возможность с самого начала, уже с предплановых исследований, формироваться продуманно, строго следуя заранее составленной и рассчитанной во всех вариантах генеральной схеме каждого ТПК. Такая схема даст отраслям и местным органам возможность опираться на единые исходные позиции, осуществлять поэтапное развитие элементов комплекса.

Крупные территориально-производственные комплексы станут объектами самостоятельного перспективного планирования, подобно тому как сейчас планируется развитие хозяйства республик, краев и областей. Тогда развитие отдельных отраслей в границах комплекса будет гармонизировать с формированием комплекса как целого. И это будет справедливо не только потому, что некоторые сибирские ТПК по объему капитальных вложений и по размаху строительных работ куда крупнее иных областей страны, но еще и потому, что именно такой путь позволил бы экономичнее осваивать новые районы, отвечал бы задаче совершенствования перспективного территориального планирования, наилучшему сочетанию интересов отрасли с интересами гармоничного развития территории.

ТПК на трассе Байкало-Амурской железной дороги внесут много нового в теорию и практику территориальной организации производительных сил и научат нас полнее использовать преимущества, заложенные в плановом хозяйстве.

3

Пожалуй, не было в мировой и отечественной практике случая, когда бы пришлось в одной работе осмыслить районную планировку и с нею конкретную социально-экономическую ситуацию на территории в миллион квадратных километров. По обе стороны от Байкало-Амурской магистрали скоро поднимется широтный индустриальный пояс с рациональной системой расселения. Здесь предстоит разместить несколько больших городов с населением до 200 тысяч человек, 40 крупных рабочих поселков, множество пристанционных селений. Градостроительные задачи учитывают высокие современные требования, проектировщики стремятся к тому, чтобы людям удобно было работать и жить, чтобы пришлось им по душе и природное окружение. Нецелесообразно, скажем так, было бы повторить ошибки строительства железной дороги Абакан — Тайшет, где некоторые поселки размещали так самонадеянно, что со временем, присмотревшись к микроклимату и к окружающей среде, люди стали покидать свои дома, переселяться в соседние места, где меньше сырости и больше солнца, где, может быть, получше у домика земля для огорода. И теперь, проезжая мимо, можно увидеть заколоченные окна поселков-призраков, оставленных в укор указующему персту, решавшему судьбу площадок.

На БАМе предстоит переосмыслить проблемы территориальной организации производительных сил, подойти к ним с современным планировочным мышлением. И если мы хотим, чтобы люди приезжали на новое место, будь то большой город или поселок горняков, чтобы обзаводились хозяйством, пускали корни надолго, а то и навсегда, то придется при выборе площадок держать в уме множество социальных факторов, иногда еще малоизученных — таких, как степень привлекательности мест для разных групп населения.

В Сибири и на Дальнем Востоке сейчас около 770 городов и поселков, из них 150 возникло за последние пятнадцать лет. На моих глазах от черного гусеничного следа на чистейшем снегу, от грохота первых поваленных сосен начинали расти Братск, Железногорск-Илимский, Дивногорск, Шелехов... Не все они одинаково радовали архитектурно-планировочным решением, уровнем благоустройства, и бывало обидно видеть, как в молодом городе на виду грандиозной плотины или крупнейшего современного комбината инженер, повелитель мощной техники, летит по ступенькам с пятого этажа, гремит мусорными ведрами, торопясь к машине-мусоровозке на пронзительный звон колокольчика, будоражащего жилой квартал. В ближайшей перспективе на сибирской земле построят или существенно расширят еще сотню городов, где условия труда и жизни должны быть выше, чем при расселении двадцати- или даже десятилетней давности. У нас больше стало ресурсов, и это дает возможность на огромных территориях, по-своему живописных, даже величественных, к тому же свободных от прежних градостроительных наслоений, воздвигать города и поселки совершенно нового уровня, где все вокруг, от облика улиц и домов до планировки квартир, до внутреннего убранства, до бытовых мелочей, будет учитывать особенности местности и психологию северян. Жить где-нибудь на берегу Окукикты под Казачинском и на берегу Хоролы под Миргородом — это разные вещи, и было бы несправедливо предлагать в обоих случаях одну серию домов и одинаковый набор благоустройства.

Экономгеографы рассматривают БАМ как второй могучий остов освоения Северной Азии. Территориальная организация производительных сил здесь будет опираться на сравнительно крупные города и рабочие поселки, предусмотренные вдоль трассы в лесных, горнорудных, металлургических центрах. От расположения и специализации района зависит величина населенного пункта, его облик, производственный и интеллектуальный потенциал. Может быть, общее, что объединит эти населенные пункты, связано с некоторой схожестью природной среды: всюду придется считаться с морозами, хоть в одних случаях, например, будут проектироваться здания с окнами в три зимние рамы, а другим довольно будет и двух. Почти все города и поселки придется возводить в условиях сложного рельефа, в местах повышенной сейсмичности и мерзлых грунтов. Возникнут одинаковые трудности с обеспечением водой или с отводом промышленных стоков. В каждом населенном пункте придется сразу или постепенно сооружать пекарни, ателье, всевозможные мастерские и т. д., чтобы сделать удобней жизнь и дать работу женщинам, которые не хотели бы сидеть дома, когда ребенок устроен в детский сад.

Лидером среди городов БАМа останется Комсомольск-на-Амуре (сейчас население 230 тысяч), легендарная стройка 30-х годов и истинный пионер Байкало-Амурской магистрали. В 1945 году от Советской Гавани, от берегов Тихого океана до Комсомольска-на-Амуре был проложен восточный участок БАМа протяженностью четыреста пятьдесят километров, с паромной переправой через широкий Амур. Сразу же после войны началась рубка просеки и укладка рельсов в западном направлении, на Тынду и дальше на Усть-Кут и Тайшет, но выйти тогда удалось лишь к поселку Дуки на реке Аргунь. Эта железнодорожная ветка длиной в двести три километра с тех пор используется как лесовозная дорога. Комсомольск растет, развивает черную металлургию, судостроение, заготовку и переработку древесины, его любят живущие в нем за особый аромат интеллигентности. Я смотрел статистику: население Комсомольска год от года увеличивается и, по всей вероятности, за ним сохранится роль бамовской столицы.

Города с населением от 120 до 200 тысяч возникнут в местах, где будет решено разместить медеплавильный завод, металлургический завод и другие подобные производства. Местные плановики уже затеяли спор о площадках, вычислительные центры ведут расчеты, и трудно понять, как у каждого города-претендента оптимальный вариант размещения выходит на его собственную и ничью больше площадку. Все-таки трогателен местный патриотизм, когда им охвачены даже электронные машины. Переработка удоканских медных концентратов скорее всего будет в Абакане, или в Тайшете, или в Зиме, а очень вероятно, что и в

Братске, близко от мощных энергетических установок. Пока же настойчивее других требуют медеплавильный завод сами читинцы, предлагая площадку под Нерчинском. Не будем предвосхищать решение экспертов: предстоит положить на экономические весы множество факторов и сопоставить достоинства претендующих городов, чтобы сделать окончательный выбор. Во всяком случае, где будет завод, там начнет разрастаться старый или возникнет новый индустриальный город и культурный центр.

Много претендентов и на металлургический завод, а с ним опять-таки на новый крупный город. Но тут бойчее и неуступчивей других держится Чульман, оказавшийся в границах бассейна якутских железных руд и коксующихся углей. Этот небольшой пока рабочий поселок расположен в двухстах пятидесяти километрах от районного центра Алдана, и если сюда придет железная дорога, подведут вилюйский газ, то вслед за металлургическим заводом возникнет коксохимия и другие химические производства. И на якутской земле на вбитых в мерзлый грунт сваях поднимется крупный город металлургов, красивая комбинация семизэтажных зданий, приспособленных к северным условиям и имеющих неповторимое лицо. Может быть, эти здания будут соединены теплыми переходами-утилизаторами, в которых расположатся торговые ряды, предприятия службы быта. В самый метельный день можно будет спокойно пройти утилизатором от квартиры до завода или до Дворца культуры, до школы, до плавательного бассейна. Вблизи поселка уже разведаны месторождения доломитов, есть гранит, кирпичная глина, гравий, а недавно после долгих исканий нашли и две линзы чистейшего промытого песка. Все есть, чтобы строить новый город, осталось подождать последнего слова проектировщиков.

...Вижу вдоль железной дороги компактные города и рабочие поселки на 20, а то и на 60—80 тысяч жителей, с общими чертами, свойственными поселениям ресурсных районов. А. Амфитеатров, известный в начале века литератор, зря прощепотствовал: «Сибирь золота и горных промыслов — на смертном одре». Сибирь способна многих, как здесь говорят, сумустить, то есть сбить с толку. Геологические открытия следуют одно за другим, уже не ошеломляя, а только оправдывая ожидания. Природное сырье все шире применяется в народном хозяйстве, вывозится на экспорт и еще долго будет основой научно-технического прогресса. Горная добыча приведет к росту городов — таких, как Нерюнгри на угольном разрезе, Удокан у медной горы, Молодежный на асбестовом месторождении. Примерно таких же размеров будут новые города у крупных лесопромышленных комплексов, подобных Братскому или Усть-Илимскому. Проектируемая в этих местностях система расселения примет во внимание расстояния от жилых кварталов до предприятия, предусмотрит новейшие виды внутригородского транспорта и вообще развитую социально-бытовую инфраструктуру. Горняки, лесники, железнодорожники, где это возможно, будут селиться в одном месте, в укрупненном городе, объединяя ресурсы для создания наилучших бытовых и прочих условий.

Эти городки могут стать опорными базами для небольших вахтовых поселков, выдвинутых далеко от рельсового пути, в глубь тайги или горной тундры, где поднимутся комфортабельные жилые корпуса для смены или вахты, которая придет на время, а потом уступит место следующей вахте. Такая форма расселения может быть оправданной там, где месторождения ценного сырья не рассчитаны на длительную разработку и было бы действительно расточительством затевать при них капитальное строительство. При вахтовом методе имеется в виду широко применять автоматизацию производственных процессов, мощную технику, позволяющую экономить живой труд и завозить к месту работы небольшую группу людей, в основном специалистов высокого класса. Преимущества вахтовых поселений в ресурсных районах доказывает опыт Аляски, севера Канады, Западной Сибири.

Возникает немало проблем и с существующими ныне городами. На одной из них, на мой взгляд принципиальной, хочу остановиться. Усть-Кут на Лене, основанный русскими казаками в начале XVII века у соляных источников, на пригодных для пашни землях, в красивом собольином крае, хранит древние лиственнич-

ные избы, которым по триста лет. Жители строили барки, служили гребцами на почтовых лодках, ямщиками на тракте, и теперь, когда проложена железная дорога от Тайшета до Лены, построен первоклассный речной порт Осетрово, сорокатысячный городок вытянулся на тридцать километров по левому берегу реки. Тут каждый третий — речник, каждый десятый — железнодорожник или строитель...

Александр Григорьевич Конотопец родом с Черниговщины, но давно привык к Усть-Куту, к окрестным грибным и ягодным местам и каждый отпуск проводит в тайге. Работал он начальником станции, теперь председатель городского Совета. На этом посту Конотопец прославился среди горожан в первый же год, когда свел вместе руководителей предприятий, уговорил их объединить средства на благоустройство города. Стали бетонировать улицы, а то такая бывала на дорогах пыль, что в середине дня машины ходили с зажженными фарами.

В 1967 году в Усть-Кут приехали проектировщики из Томска выбирать вариант прохождения трассы БАМа. Здесь начинается первый километр — стечение обстоятельств возложило на город потомственных транспортников честь открыть Байкало-Амурскую железную дорогу. Прошел год, и томичи привезли шесть вариантов прохождения трассы через Усть-Кут. По их материалам выходило, что дешевле и быстрее можно было бы осуществить якуримский вариант, при котором железная дорога идет по одной из главных улиц, разрезая центр города на две части. Усть-Кут воспротивился такому решению. В этом случае пришлось бы разрушать новые каменные дома, которых здесь и так немного, переносить школу и больницу. Если учесть эти расходы, то дешевизна варианта окажется мнимой. Главное же в том, что не желает город слышать днем и ночью на центральной улице грохот поездов, а когда дорога будет электрифицированной, обидно было бы из-за помех не видеть нормальные телевизионные передачи. Да и небезопасно иметь посреди города рельсовый путь, все же тут дети, старые люди... А случается, кто-нибудь и выпьет...

В мае 1969 года Усть-Кут послал Конотопца в Москву. Он попал на заседание секции изысканий и проектирования железных и автомобильных дорог технического совета Министерства транспортного строительства. Выступил, сказал что хотел, может быть, слишком горячо сказал, и потом, глядя вниз, на московскую улицу, вслушивался в доводы оппонентов. Передо мною протокол того заседания. «По предложенному якуримскому варианту железная дорога может быть широко использована для пассажирского движения по городу. Она даже явится элементом благоустройства города, а не неудобства... Действительно, нехорошо, что город рассекается железной дорогой, но в данном случае это неизбежный факт, если мы хотим получить экономию капитальных вложений... Усть-Кут — транспортный город, и, хотя имеет место некоторое неудобство для населения, придется мириться с неудобствами...» Это я выписал слово в слово.

Усть-Кут не хотел мириться с грядущими неудобствами. Шли годы, спор, казалось, поутих, о нем редко заходила речь, все были уверены, что проектировщики изучают и прорабатывают другие варианты. А весной 1974 года я сидел в Усть-Куте на совещании по проблемам новой железной дороги, слушал представителя Томгипротранса, как он снова излагал якуримский вариант, будто не было прежних споров, будто бы город согласился с ним. Томич смотрел в шумевший зал усталыми глазами.

— Да я все понимаю, но поймите и нас — поджимает время. На проработку нового варианта нужен год, а железная дорога ждать не будет. К тому же наш проектный институт включается в соревнование — выдать рабочие чертежи раньше срока.

Волею судеб Усть-Кут оказался первым городом на трассе Байкало-Амурской магистрали, дальше будут другие города, старые и совсем новые — сегодня существующие на ватманском листе, на фоне стриженных деревьев и безоблачного неба. Мне кажется важным уже здесь, особенно здесь, в городе, где будут столбики начальных километров, все поставить на свои места, понимая не только умом, но и сердцем, что железная дорога строится для людей, в том числе и для 40 тысяч

нынешних жителей Усть-Кута, и для тех 50 или даже 100 тысяч, которые будут здесь жить в перспективе, она осуществляется нашей партией во имя социально-экономических перемен в жизни нынешнего и будущего поколений. В этом главный смысл великой стройки. «Возросший экономический потенциал, потребности развития народного хозяйства делают возможным и необходимым более глубокий поворот экономики к решению многообразных задач, связанных с повышением благосостояния народа,— говорится в резолюции XXIV съезда КПСС.— Съезд считает, что наши кадры — хозяйственные, советские, профсоюзные, партийные — как в центре, так и на местах должны во всех делах, связанных с условиями жизни советских людей, проявлять самую высокую требовательность и ответственность».

...Вдоль трассы намечены десятки новых пристанционных поселков. На байкальском участке — от станции Кунерма до станции Чара, общей протяженностью около семисот километров,— возникнут в тайге и у подножья гор пять поселков с населением от 8 до 15 тысяч (Кунерма, Нижнеангарск-1, Муякан, Куанда, Чара) и десять маленьких, где будут жить не более полутора тысяч транспортников, лесников, охотников (Нижнеангарск-2, Кичера, Ангая, Янчукан, Ангаракан, Лапро, Таксимо, Витим, Сюльбан). Они названы по ближайшим русским и эвенкийским селениям, но не всегда будут расположены на их месте. По большей части рядом со старыми населенными пунктами появятся современные поселки с постоянным источником энергоснабжения, с центральным отоплением, горячей водой, канализацией и прочими удобствами, которые до сих пор оставались недоступными для мелких селений, разбросанных по тайге, в стороне ото всех дорог.

В Сибири и на Дальнем Востоке города, поселки, промышленные предприятия занимают площадь 30 тысяч квадратных километров, или чуть больше 0.2 процента территории. Казалось бы, куда ни глянь — широкий выбор новых строительных площадок. Увы, это не так: самые удобные территории уже обжиты и, чтобы найти подходящее место, способное устроить город или предприятие по всем важным показателям, приходится забираться в лесные чащобы, в северные болота, а то и посягать на сельскохозяйственные земли, имеющие в здешних условиях повышенную ценность. Между тем территория не везде используется экономично. Большие площади заняты домами в один и два этажа, расположены дома как попало, и плотность населения в иных районах так мала, что на квадратный километр приходится не десятые, а сотые доли человека. По строительным нормам и правилам для малоэтажной постройки предусматривается на тысячу жителей не более 7 гектаров территории, пригодной для жилищного строительства. А в некоторых сибирских селениях на тысячу человек приходится по 15, по 20, даже по 40 гектаров. И благо бы объяснялось это любовью к паркам, скверам, зонам отдыха. Нет, их тут маловато. Иные города так размахнулись, что состоят из обособленных поселков, и надо немало средств, чтобы на десятки километров между ними тянуть дороги и инженерные коммуникации. Широкая полоса, примыкающая к Байкало-Амурской магистрали, вся эта кажущаяся безбрежность тайги и гор, ждет своих «градоделателей», как называли в старину тех, кто выбирал площадки для будущего строительства. И хотелось бы, чтоб это были люди современных взглядов, не обманутые расстояниями, но умеющие беречь даже самую малость земли.

Еще о том пора сказать, что и поселки строителей, рассчитанные на пять-шесть и больше лет, все эти временные жилища не очень далеко ушли от легендарных «индий» и «нахаловок», возникших на стройках 30-х годов и обошедших едва ли не все сибирские стройки 50-х, 60-х, 70-х... Грустная преемственность. А глаз наш смирился, уже не замечает, будто иначе уже и мыслить себе нельзя начало больших работ. Между тем при нашем-то размахе строительства на обширных пространствах не пора ли создать в конце концов архитектуру мобильных передвижных поселков, способных быстро сняться с места, передвинуться на новый рубеж, но при этом чтобы жить в них было приятно и удобно, чтобы человека окружал весь набор современного жилищного благоустройства.

У народов Сибири существовала, хотя и на примитивном по нынешнему счету уровне, «кочевая архитектура», местами достигавшая истинных технических и художественных вершин. И если кочевые жилища нас сегодня никак не устраивают, то позаимствуем хотя бы ориентацию на создание удобных, быстрых в сборке и транспортировке, легких и теплых современных жилищ. Дать им электрический свет, горячую воду, паровое отопление, канализацию. Было время, а иные думают, что оно поныне продолжается, когда строители согласны были на минимум удобств и заранее знали, на что шли. Но сейчас-то профессия строителей воистину массовая, сотни тысяч людей вовлечены в эту кочующую жизнь, которая продолжается до старости, до пенсии, когда можно вступать в кооператив где-то в южном городке. Только зачем же, спрашивается, так долго ждать элементарных удобств в своем жилище? И если мобильность становится стабильным состоянием людей определенных профессий, то курс надо держать не на то, чтобы к старости переводить их, как говорится, на благоустроенную оседлость, а чтобы их подвижная и подвижническая жизнь уже в молодые годы проходила в условиях, соответствующих эпохе и уровню тех великих сооружений, с которыми они связали свою судьбу.

...Вечерами на трассе, когда лесорубы возвращались в палатку, и было тепло, и тихо гудела печь, не очень хотелось разговаривать — помолчать бы, отдохнуть, сладко вытянуть мокрые ноги ближе к огню. Но долгой тишины не получается, возникает в полутьме разговор, обыденные реплики усталых и вместе работающих людей. Мы были давно знакомы, и я уже знал, что ребята, во всяком случае некоторые, хотели бы и после стройки здесь остаться. Часть их так и поступит. Говорю об этом с уверенностью, припоминая опыт строительства Братска, где многие рабочие окончили техникумы и институты, стали машинистами на гидростанции, мастерами на алюминиевом заводе, технологами целлюлозного производства. Придут, конечно, и другие специалисты — населенные пункты вдоль железной дороги станут концентрировать интеллектуальный потенциал, от которого можно тут ждать ускоренных социальных перемен.

Замечу кстати, что опыт прежних сибирскихстроек наводит на мысль о предпочтительности заранее знать, в какие города и сколько специалистов высшей квалификации понадобится. Тогда можно подготовку этих кадров вести по особым программам — учить их не вообще как черпать экскаватором коксующийся уголь или варить сталь, а делать это в сибирских условиях, на особых машинах и с новейшей технологией. И, вероятно, уже сейчас пора вносить коррективы в программы учебных заведений, особенно на востоке страны, чтобы ко времени пуска «бамовских предприятий» молодые специалисты были бы готовы к новым условиям работы. Может показаться, что тут нет вопроса и дело за этим не станет. Но живущие на сибирской земле знают, что вопрос есть и он столь же сложен, сколь и деликатен. Сибирь — воистину студенческая земля, тут число учащихся высших и средних учебных заведений на 10 тысяч жителей выше, чем в среднем по стране. А кадров с высшим и средним специальным образованием меньше, чем во многих районах. Дело не в том, что сибирские учебные заведения выпускают мало инженеров и техников, — их хватило бы, если бы значительная часть специалистов, молодых и уже опытных, не переезжала в европейскую часть страны. Да, это факт — сибирская земля стала кузницей кадров высшей квалификации для многих районов. Сибирякам приятно, конечно, что здешние работники высоко ценятся везде, их приглашают, как правило, с повышением по службе. Как тут не восторгнуться, не возгордиться самолюбивому сердцу сибиряка! А по обеспеченности специалистами своего хозяйства «кузница» занимает одно из последних мест в стране. Это к тому разговор, что Байкало-Амурская магистраль, пробуждая к жизни миллион квадратных километров площади и созывая сюда полтора-два миллиона человек, заставляет о многом задуматься; в этом очерке обозначены лишь некоторые из возникающих проблем.

...Держу в руках обернутую дерматином тяжелую книгу «Байкало-Амурская железнодорожная магистраль», технический проект, отпечатанный в Комсомоль-

ске-на-Амуре в июне 1945 года, перелистываю фотографии, рисунки, схемы и думаю о подвиге тех, кто здесь прошел до нас, в 30-е и 40-е годы, и оставил нам сдержанную справку, ничего не говоря о том, какую ценой доставалось им каждое слово: «Разрешение транспортной проблемы вызовет к жизни громадный край, располагающий естественными ресурсами, способными обеспечить развитие мощной промышленности. До настоящего времени вследствие чрезвычайной трудности сообщения подавляющая часть территории Байкало-Амурской железнодорожной магистрали остается глухой, ненаселенной и почти неизученной. Отдельные открытия, носившие вследствие недоступности края по преимуществу случайный характер, говорят о значительном его богатстве».

За три десятка лет, прошедших с той поры, мы много больше узнали о Сибири и Дальнем Востоке, приобрели опыт освоения новых краев и теперь, принимаясь за сооружение Байкало-Амурской железной дороги, за осуществление одной из грандиозных программ в истории социалистического строительства, должны чувствовать великую ответственность и перед прошлым и перед будущим за каждый свой шаг.

Иркутск.

ПУБЛИЦИСТИКА

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ

М. ТРОИЦКИЙ,

секретарь Татарского обкома КПСС

★

НА НОВОМ ЭТАПЕ

Полвека назад на берегах Камы трудно было с первого взгляда обнаружить приметы новой жизни. Здешние деревни еще мало отличались от деревень предреволюционной поры. Но автор очерка «По пермским деревням», опубликованного в № 1 «Нового мира» за 1925 год, Василий Каменский отмечает разительные перемены в душах людей — камский крестьянин уже «начинает разбираться в различных делах советского строительства, обнаруживая яркую жизнеспособность и рост политического сознания». И хотя сознательных крестьян еще меньшинство, но «в будущем победа за ними».

Сегодняшняя явь камских берегов, где сооружается крупнейший в мире автозавод, подтверждает верность этого вывода. Гигантские корпуса КамАЗа возводят дети и внуки тех самых рабочих и крестьян, в чьих душах Октябрь пробудил сознательное, хозяйское отношение к жизни, для которых всякое дело, начатое народной властью, стало их личным, кровным делом.

Четвертый год «Новый мир» ведет на своих страницах литературную летопись КамАЗа. Сегодня, продолжая рассказ о строительстве гиганта на Каме, мы публикуем статью секретаря Татарского обкома КПСС Михаила Трофимовича Троицкого.

В один ничем не примечательный июльский день 1969 года из Казани в Набережные Челны вылетел спецрейсом самолет «ИЛ-14». На его борту находились: заведующий отделом машиностроения ЦК КПСС В. С. Фролов, министры СССР П. С. Непорожний и А. М. Тарасов, первый секретарь Татарского обкома КПСС Ф. А. Табеев, заместитель председателя Госплана СССР В. Д. Лебедев, председатель Совета Министров Татарии Г. И. Усманов, несколько ответственных работников различных республиканских и союзных ведомств и автор этих строк.

Цель нашей поездки была определена четко: еще раз осмотреть площадку, на которой предлагалось возвести автозавод, всесторонне обсудить вместе со строителями и проектировщиками тот вариант проекта, при котором весь комплекс основных предприятий автогиганта должен был располагаться в Набережных Челнах, сопоставить его с другими вариантами размещения, взвесить все за и против.

Нашей поездке предшествовала большая работа по изучению проблемы, многочисленные разработки и прикидки. К подготовке решения правительства о сооружении комплекса по производству большегрузных автомобилей были привлечены многие министерства и ведомства, научные учреждения, проектные институты. И хотя специалисты исследовали вопрос глубоко и всесторонне, прийти к единому мнению — где строить завод — не удалось. Челнинский вариант имел много сторонников, но были у него и весьма авторитетные противники.

Конечно, самый факт, что совещание назначили в Набережных Челнах, вселил в нас, убежденных «челнинцев», надежду. Однако еще предстояла серьезная дискуссия.

Правда, министр энергетики СССР Петр Степанович Непорожний, ярый сторонник челнинского варианта, был настроен оптимистически. Как только самолет набрал высоту и погасло табло «Пристегнуть ремни», он позвал меня и сказал:

— Давай, пока летим, подумай, как назовем автозавод. И вот еще что: скажи строителям, чтобы подготовили кран, экскаватор, несколько блоков для фундамента. На одном напишем, что здесь будет завод. Пусть он станет первым камнем. Надпись тоже надо сочинить.

— Ведь не решили еще, — возразил я.

Но Непорожний посоветовал не терять зря времени.

Я отошел от него несколько растерянный, а времени на размышления было в обрез — весь полет от Казани до Набережных Челнов занимает сорок пять минут. Впрочем, я сам не раз думал о том, как будет называться завод. И его имя складывалось как бы само собой. Если в Тольятти Волжский, значит, наш — Камский. Труднее было сочинять надпись на первом камне фундамента — несколько коротких и емких слов, выражающих и существо дела и величие момента. Я сначала подошел посоветоваться к председателю Совмина республики Гумеру Исмаиловичу Усманову. Перебрав с десяток вариантов, мы остановились наконец на таком: «Здесь будет построен Камский автомобильный батыр». Больше всего нам обоим понравилось слово «батыр», которое в переводе с татарского означает победитель, или гигант, или богатырь. Наш вариант одобрил первый секретарь обкома КПСС Фикрят Ахмеджанович Табеев. Понравился текст Петру Степановичу Непорожнему и другим товарищам. Но меня по-прежнему волновала предстоящая дискуссия.

На совещании получили возможность высказаться и сторонники и противники челнинского варианта. Мнение «античелнинцев» — некоторые из них прежде уже побывали на Каме в составе экспертной комиссии Госплана СССР — сводилось к тому, что в Набережных Челнах следует соорудить лишь завод по производству дизельных двигателей, а само автомобильное производство разместить в одном из сибирских городов. Поволжская плановая комиссия, существовавшая в то время, считала, что строить комплекс заводов в одном месте вообще нецелесообразно — лучше разбросать отдельные предприятия по различным городам.

Выступая на совещании, А. М. Тарасов с инженерной точки зрения, а П. С. Непорожний с позиции строителя последовательно и четко один за другим разбили аргументы «античелнинцев». Они убедительно доказали, что вариант строительства автогиганта на единой территории — и притом именно в Набережных Челнах — наиболее рациональный и экономически эффективный. Здесь уже имелась к тому времени своя база стройиндустрии, здесь легко решались энергетические проблемы, ибо почти в самих Челнах сооружается Нижнекамская гидроэлектростанция, рядом находится мощная Заинская ГРЭС. Здесь уже работали подразделения строителей Камгэсэнергостроя Министерства энергетики СССР. Эта организация могла стать (и стала) генеральным подрядчиком строительства автозавода.

Выгодно и географическое положение Челнов. Ведь сейчас почти вся автомобильная промышленность страны примыкает к Большой Волге — Москва, Ярославль, Горький, Ульяновск, Тольятти. Если к ним подключится мощный завод на Каме, крупнейшем волжском притоке, составит единый гигантский комплекс, который мы, «челнинцы», тогда назвали «Детройт на Большой Волге».

Водный путь очень удобен для доставки строительных материалов и конструкций из Тольятти, где в то время существовала база строительной индустрии Министерства энергетики, возникшая при возведении Волжской ГЭС и значительно расширявшаяся во время сооружения ВАЗа и города. Кроме того, на строительстве жилья в будущем автограде мы рассчитывали использовать отряд Главмосстроя, прекрасно показавший себя в Тольятти. И в этом случае Кама должна была сыграть роль важной транспортной артерии, ибо столичный отряд возводит дома из деталей, выпускаемых московскими домостроительными комбинатами. Как и в Тольятти, в Челны эти конструкции можно доставлять по воде.

Кроме того, водный путь связывает Набережные Челны с Уралом и Череповцом, а через канал Волго-Дон — с центрами металлургии юга Украины. И потому многие тысячи тонн металла, необходимого для производства большегрузов, можно перевозить не только железнодорожным, но и речным транспортом. Этими же путями пойдут готовые автомобили.

Был еще один важный аргумент в пользу челнинского варианта. К тому времени население Татарии уже составляло 3,2 миллиона человек. Почти половина населения жила в селах. Интенсификация сельского хозяйства республики привела к резкому повышению производительности труда на селе. И здесь стал появляться избыток рабочих рук. Ежегодно из сел Татарии в города страны мигрировало 30 тысяч человек. Строительство КамАЗа должно было повернуть на крайнюю мере часть этого потока в Набережные Челны.

Наконец, подготовку будущих автомобилестроителей можно было в значительной степени организовать в Казани, где сосредоточены многие заводы, научно-исследовательские институты, высшие учебные заведения.

Итак, на совещании челнинская точка зрения одержала верх. Тогда же и был заложен первый камень будущего завода.

Прошло более пяти лет с тех пор, как по воле партии и правительства в Набережных Челнах развернулось строительство автогиганта, строительство города.

КамАЗ — одна из крупнейших и важнейшихстроек девятой пятилетки. Ей постоянно оказывают внимание ЦК КПСС и Совет Министров СССР. Набережные Челны ежегодно посещает член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Андрей Павлович Кириленко, в начале строительства побывал здесь член Политбюро, Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин.

Строители КамАЗа и города Набережные Челны за четыре с половиной года освоили 1,3 миллиарда рублей капиталовложений, в том числе произведено строительномонтажных работ более чем на миллиард рублей. Государственное задание выполнено на 103 процента. По предварительным расчетам, генеральный подрядчик КамАЗа — Камгэсэнергострой — завершит свой пятилетний план к июлю 1975 года.

В Набережных Челнах построено 294 километра бетонных и асфальтовых дорог, 257 километров железных дорог, 12 мостов и 17 пешеходных тоннелей. Выросли корпуса автомобильного комплекса, заводы стройиндустрии, предприятия пищевой и мясо-молочной промышленности. Появились сложные сооружения инженерных коммуникаций и теплоэнергетического хозяйства. В мае прошлого года сдана государственной комиссии первая очередь ремонтно-инструментального завода (РИЗа), который вполне можно считать эталоном качества строительства. Создана Генеральная дирекция комплекса, осуществившая большую работу по формированию коллектива, заказу оборудования, выполнению проектных работ и началу производства инструмента и оснастки.

Рядом с комплексом заводов на берегах Камы вырос современный город. За короткое время введено в действие более полутора миллиона квадратных метров жилой площади. Построены школы, детские сады, больницы и поликлиники, Дворец культуры, летние и стационарные кинотеатры, столовые и рестораны, быткомбинаты, магазины. Действует скоростной трамвай. Работают филиал инженерно-строительного института и автомеханический техникум.

Высшую квалификацию будущие автомобилестроители приобретают на вновь созданном факультете Казанского авиационного института имени А. Н. Туполева и во втузе при заводе имени Лихачева.

Наряду со строительством автомобильного комплекса вокруг Набережных Челнов создается пригородная сельскохозяйственная зона.

Социалистические обязательства, принятые на 1973 год, коллектив строителей КамАЗа успешно выполнил. Решена главная тематическая задача: закрыты корпуса основных заводов и в них подано тепло.

Сверх плана было произведено строительномонтажных работ более чем на

40 миллионов рублей. 526 лучших участников строительства, работников сферы обслуживания награждены орденами и медалями Советского Союза.

Сейчас наступил новый этап в строительстве комплекса: сооружение в производственных корпусах фундаментов под оборудование, начало его монтажа и выполнение пуско-наладочных работ.

Закончился четвертый, определяющий год пятилетки. Важным политическим событием, имевшим решающее значение для осуществления годовых планов, явились документы декабрьского (1973) Пленума ЦК КПСС и Обращение Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу. Они определили программу всей нашей деятельности на 1974 год и были единодушно одобрены коммунистами и всеми трудящимися страны. Для участников строительства КамАЗа этот год особо важный. От него во многом зависел своевременный пуск первой очереди завода.

Этому вопросу был посвящен партийно-хозяйственный актив областной и городской партийных организаций, состоявшийся в сентябре прошлого года в Набережных Челнах. Такие собрания — на них обычно присутствуют ответственные работники ЦК КПСС, руководители министерств и ведомств, участвующих в сооружении КамАЗа, — стали традиционными. Они позволяют прямо на месте рассматривать ход строительства, решать многие оперативные вопросы. Актив, состоявшийся в сентябре, подвел итоги прошедших лет, наметил задачи на новый период.

Наряду, если можно так сказать, с материальными результатами строительства КамАЗа важный итог работы в том, что усилиями областной парторганизации, с помощью ЦК КПСС и правительства, заинтересованных министерств и ведомств удалось в небывало короткий срок создать почти сто тысячную высоко-механизированную армию камазовцев — в ее составе строители, монтажники и автозаводцы, — способную решить почетную и ответственную задачу.

Итак, небольшой, но яркий по своему размаху, масштабности и содержанию опыт строительства комплекса заводов на Каме можно назвать историческим, ибо В. И. Ленин писал: «...то, что происходит все с большей и большей быстротой перед нашими глазами, есть тоже история»¹. На XVII съезде комсомола Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев говорил о начале сооружения Байкало-Амурской магистрали: «Мы твердо уверены, что комсомольцы, молодежь внесут свой достойный вклад в эту грандиозную стройку. Эстафету Комсомольска-на-Амуре, Магнитки и Турксиба, Днепрогэса и целины, Братска и КамАЗа они пронесут по новым, еще не освоенным просторам Сибири». Камазовцы горды тем, что их стройка уже поставлена в один ряд с теми, которые представляют собой вехи в истории страны, и потому не жалеют сил, чтобы приумножить славу и трудовые достижения своего коллектива.

История КамАЗа примечательна не только гигантскими масштабами выполненных работ. За прошедшие годы обкомом КПСС, Набережночелнинским горкомом партии, партийными комитетами строительных подразделений и автозавода накоплен ценный опыт в создании и воспитании многоотрасльного многонационального коллектива строителей, монтажников, автозаводцев.

Партийные органы республики с помощью ЦК КПСС через печать, радио, телевидение провели огромную работу по пропаганде строительства КамАЗа. Ранее мало известное слово «КамАЗ» стало символом размаха, высоких темпов, больших масштабов строительства, вышло далеко за пределы нашей страны, стало международным символом сотрудничества, научно-технического прогресса. И принять участие в сооружении камского гиганта многие трудящиеся считают для себя большой честью.

Партийные организации стройки, городской комитет КПСС прилагают все усилия, чтобы поддерживать и воспитывать в камазовцах гордое чувство причастности к созданию крупнейшего в мире автозавода.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 632

Успех строительства КамАЗа зависит от творческого вклада каждого участника стройки в практическое осуществление решений партии. Именно этим руководствовались бригады Салахова, Филимонова, Мавликова, Дерибизова, Сабирзянова, Шатунова, Султановой и других, организовав соревнование за перевыполнение заданий каждый день, каждую неделю, каждый месяц на каждом объекте с высоким качеством работ. Их почин стал боевым лозунгом всех участников стройки.

К инициаторам соревнования, ко всем строителям КамАЗа с напутственным письмом обратились прославленные герои первых пятилеток Алексей Стаханов, Петр Кривонос, Мария Виноградова, Иван Гудов, Александр Бусыгин, лучшие люди Магнитки и Днепрогэса. Некоторые из них побывали на стройке. Посетил КамАЗ известный новатор в организации строительного дела Николай Злобин. Так зародилась переключка трудовых поколений.

ЦК КПСС, Совет Министров СССР, партийная организация нашей республики проявили большую заботу о строителях и автозаводах, старались сделать все, чтобы улучшить условия их труда и быта.

Гигантский размах строительства города (только в нынешнем году будет сдано 435 тысяч квадратных метров жилья) обеспечил камазовцам быстрый подъем по «челнинской лестнице» жилищного благополучия: угол в частном доме или вагончик-общезитие — комната в малосемейке — отдельная квартира. Многие проходили все ее «ступени» за два-три года. Каждый человек, проявивший себя мастером в своем деле, быстро продвигался и по «служебной лестнице». С помощью правительства РСФСР удалось хорошо наладить снабжение челнинцев продуктами и промышленными товарами, организовать широкую сеть предприятий общественного питания.

Конечно, учесть все многочисленные потребности камазовцев бывает нелегко. А просчеты и ошибки в этом деле довольно быстро сказываются на производстве. С такой цепочкой взаимосвязанных проблем мы столкнулись на примере детских садов и яслей.

Набережные Челны — молодежный город, здесь много молодых семей, детей рождается больше, чем в среднем по стране и в нашей республике. Только в 1974 году появилось около 10 тысяч новорожденных. А мы еще не добились в строительстве детских учреждений столь высоких темпов, какие достигнуты в строительстве школ. Молодые матери, не имея возможности устроить ребенка в ясли или сад, вынуждены после декретного отпуска брать так называемые административные отпуска. Стройка и завод лишаются многих ценных работников.

Обком партии и городская партийная организация принимают меры к тому, чтобы исправить положение. Поставлена задача — ускорить строительство дошкольных учреждений, создать широкую сеть их филиалов, чтобы за год-полтора удовлетворить потребность в детских садах и яслях. Результаты этой работы уже начали сказываться. Четыреста молодых матерей, имеющих профессию отделочника, очень дефицитную сейчас на КамАЗе, после устройства детей в дошкольные учреждения вернулись в свои коллективы.

Постоянная забота о быте и труде людей приносит свои плоды. Огромное большинство строителей, видя, что страна дает КамАЗу все возможное, отвечают на это ударным трудом. Но, к сожалению, бывают и обидные исключения.

За четыре с половиной года строительства автозавода я провел в Набережных Челнах не менее двух лет. Лично знаю не только руководителей крупных подразделений, но и многих мастеров, прорабов, бригадиров, рабочих. И вот несколько недавних встреч на стройплощадке навели меня на размышления о том, что, воспитывая коллектив КамАЗа, мы упускаем подчас из виду одну важную проблему. Все наши средства массовой информации показывают, что дает советская власть каждому труженику, и забывают сказать порой о том, что должна быть и отдача: ты — советской власти. Вернее, не забывают — это считается как бы само собой разумеющимся. Но опыт показывает, что так считать нельзя, что надо напоминать о двуединстве этой формулы. А то получается, что во время встреч непосредственно на рабочих местах иные строители или монтажники

больше говорят о том, что «уже два дня нет в магазинах редиски», чем о своем деле, о том, как лучше его организовать, как побыстрее закончить объект. Или еще: попадают люди, которые всем довольны — работой, жильем, обслуживанием, — и до того довольны, что не хотят расти, не хотят всего себя отдавать делу, но при этом озабочены одним: как бы при тех же затратах ума и сил получить побольше зарплату.

Потребительское отношение к жизни — отнюдь не безобидное явление, и оно выражается не только в настроениях и душевных движениях, но и прямо влияет на результаты производства. Мне кажется, что именно с этим связано то отношение к технике, с которым в ряде случаев приходится сталкиваться.

Уже много сказано и написано о том, что страна снабдила КамАЗ самыми разнообразными машинами. Наверное, нет другой стройки, которая обладала бы столь мощным техническим вооружением. Но всегда ли эта армия машин используется на полную мощность? К сожалению, не всегда. В ряде подразделений КамАЗа норма использования автопарка выполняется лишь на 90 процентов, машины редко работают в две смены, почти никогда в три. Да и к тому же из восьми часов сменного времени по два-три часа автомобили простаивают. Иные механизаторы плохо следят за своими машинами. Из-за этого экскаваторы, автомобили, бульдозеры раньше времени требуют капитального ремонта, а ремонтники не справляются с навалившимся на них объемом работы. Допускаемые простои техники приводят к тому, что по ряду объектов не выполняются намеченные планы строительства.

Словом, руководству стройки, партийным, комсомольским, профсоюзным организациям надо много сделать еще, чтобы воспитать в каждом — именно в каждом — строителе, механизаторе, монтажнике, станочнике чувство высокой ответственности за свое дело. В этом важный резерв повышения производительности труда, ускорения строительства. Если мы говорим, что КамАЗ — это кузница, где выковываются не только производственные корпуса, но проходят трудовую заковку, закалку и сами люди, созидающие автогигант, то нашей партийной заботой было и остается как можно меньше делать брака в том и другом деле. В этом нам должна помочь работа по практическому осуществлению постановления ЦК КПСС «О работе по подбору и воспитанию идеологических кадров в партийной организации Белоруссии».

КамАЗ стал большой школой руководителей самого разного ранга. Более того, можно сказать, что на его примере мы лучше стали понимать, каков должен быть современный руководитель производства. Прежде всего здесь удалась в короткий срок выработать целую плеяду отличных бригадиров. Иные из них приехали в Набережные Челны, имея уже богатый опыт работы на стройках, и сразу нашли свое достойное место в многотысячном коллективе. Но были и такие, кто до КамАЗа не имел даже строительной специальности. Это в основном молодые парни и девушки, люди с десятилетним образованием, пытливые и старательные. Солидная общеобразовательная подготовка, страстное желание «отчизне посвятить души прекрасные порывы» помогли им в короткий срок освоить новое дело, а навыки организатора, чаще всего полученные в комсомольской работе, быстро выдвинули их на посты бригадиров.

Я не стану говорить подробно об этой категории руководителей — о них много писали в газетах и журналах. Такого внимания они вполне заслужили.

Но мне обидно, что гораздо меньше пишут и говорят у нас о прорабах и мастерах. А ведь от труда этих людей зависит очень многое. На КамАЗе (едва ли не на каждом участке, особенно в построенных уже цехах) приходится осваивать новую технологию производства. И главные проводники новой технологии, те, кто доводит ее непосредственно до каждой бригады, до каждого рабочего, конечно же, прорабы и мастера. Дело это чрезвычайно сложное, ибо речь идет не просто о введении новых приемов работы — речь идет о перестройке инженерного мышления, «приемов обдумывания» поставленных задач. И многие наши мастера и прорабы — это талантливые люди, инженеры не только по диплому, но и по складу ума. В более крупных подразделениях функции руководства

разделены: есть директор или начальник — в первую очередь организатор производства, есть главный инженер — проводник технической политики. А в низовых подразделениях и за то и за другое отвечает мастер или прораб. Он и организатор производства и его «мозговой центр».

Некогда Александр Твардовский призывал девушек «обратить нежный взгляд к пехоте». Я призываю журналистов и писателей обратить свой взгляд к мастерам и прорабам. Все мы в долгу перед ними. До недавнего времени труд их не получал должного материального вознаграждения. Теперь это поправлено. Но для успешного завершения строительства КамАЗа, для успешной работы его заводов нам необходимо поднять и моральный престиж этой категории руководителей. И тут мы вправе надеяться на помощь литераторов.

КамАЗ позволил более ясно представить, каким должен быть современный руководитель крупного производственного подразделения. Обычно когда мы рассуждаем об этом, то в первую очередь говорим о компетентности, глубоком знании своего дела, широте мышления, профессиональном чутье. Конечно, без таких качеств современного руководителя представить невозможно. Но опыт КамАЗа еще раз показывает, что этого недостаточно. Там, где руководитель — технократ, человек замкнутый, труднодоступный для своих подчиненных, дело идет в лучшем случае средне. Для такого руководителя срыв плановых сроков — это всего лишь невыполненная техническая задача. Он не способен видеть ничего за пределами своего объекта. А в трудном случае руководитель должен уметь заечь людей, показать им не только техническое, но и политическое значение их труда, важность его для всей страны.

Про тех, кто обладает этим умением, мы нередко говорим — он владеет «тактикой бульдозера». Это выражение, как мне кажется, очень точно передает суть дела. Вы видели, как бульдозер толкает в гору груды земли? Сперва, пока грунта мало, он идет легко, без напряжения. Затем, когда груды земли перед ножом растут, движется все тяжелее и тяжелее, потом он замирает на месте, сотрясаясь от усилий. Кажется — все, дальше ему не сдвинуть непосильный груз, но механизатор делает какой-то маневр, используя все те же рычаги, и вот машина медленно, сантиметр за сантиметром лезет вверх, вытягивая, казалось бы, непосильную ношу. Почему лезет вперед бульдозер? Потому что механизатор нацелил его на одно — вытянуть грунт. Вся мощь его двигателя — только для этого. Ни одной десятой лошадиной силы не тратится на какую-то побочную цель.

Вот так и руководитель в каждом случае должен уметь все силы коллектива направить на решение той главной задачи, которая перед ним поставлена.

Словом, руководитель современного типа должен быть не только специалистом высшей квалификации, одаренным организатором, но должен быть и глубоко партийным человеком, способным с партийных позиций осмысливать работу своего коллектива, поставленные перед ним государственные задачи.

Обком партии с первых дней разворота работ на Каме нацеливал и нацеливает партийные организации и руководителей стройки на то, чтобы они умели оперативно принимать решения, оценивать их правильность, а иногда идти на грамотный, оправданный инженерный риск. «Поиск — находка — решение — риск» — эта формула с начала стройки была основным принципом руководства. Мы учим руководителей мыслить широко и масштабно, искать не пятак правды, а настоящую золотую правду. В тех условиях, в которых строится камский комплекс, это единственно верный, единственно оправданный подход, благодаря которому удалось добиться гибкой системы руководства.

Стройка на Каме стала настоящим университетом, который вырастил и растит немало талантливых руководителей. Впрочем, надо сказать, что КамАЗ многому учит не только тех, кто трудится на его строительных площадках, осваивает новое производство, но и проектировщиков, и поставщиков различного оборудования, и смежников. Мы не зря говорим о том, что КамАЗ строит вся страна. А потому университет этого гиганта — общесоюзный университет. Ведь ввод в действие камского завода — это новый этап в развитии нашей экономики. Каж-

дому есть чему здесь учиться. Должен признаться, что и я и мои коллеги тоже многое узнали на КамАЗе. Ибо прежде не было опыта партийного руководства такой огромной стройкой. Мы обрели его в процессе роста и становления КамАЗа.

КамАЗ уникален по масштабам, размаху, темпу строительных работ. Подобного не знала практика не только отечественного, но и мирового промышленного строительства.

При этом с самого начала было решено отказаться от классической схемы ведения работ, при которой строительство начинается лишь после того, как составлен, уточнен во всех деталях и согласован со множеством инстанций проект будущего сооружения. Если бы автозавод начали строить таким методом, то пуск его оттянулся бы на много лет.

Поэтому на КамАЗе был предпринят смелый эксперимент — строительство началось без технического проекта. Возведение корпусов шло параллельно с проектированием. Такого рода нарушение традиций на первый взгляд выглядит совершенно непродуманным шагом. Но это лишь на первый взгляд. На самом деле метод был неоднократно «просчитан» специалистами. И они пришли к однозначным выводам: его применение даст значительный выигрыш во времени.

Однако ясно и другое — издержки и ошибки при таком ведении строительства неизбежны. И поэтому строителям и проектировщикам постоянно надо работать дружно, рука об руку, чтобы во всех случаях находить рациональное решение, как только возникает спорная ситуация. Да, это означает, что в одних случаях придется переделать фундамент под станок или автоматическую линию, в других внести изменения в проект, но все это окупается более быстрым введением завода в строй.

Ошибки при определении общего объема работ и других параметров КамАЗа объясняются не только параллельным ведением стройки и проектирования. Они связаны еще и с тем, что нельзя было подобрать аналога для этого комплекса. Даже строительство такого современного и передового во всех отношениях предприятия, как ВАЗ, не годилось на роль образца. При возведении этого завода был заранее известен тип и конструкция будущих машин, технология их изготовления. На КамАЗе же и сами образцы машин и технология создавались одновременно со строительством.

Словом, здесь все было новым, необычным, экспериментальным — воистину пионерским. Поэтому КамАЗ уже сегодня обогатил практику отечественного промышленного строительства многими новыми методами и приемами работы.

О буро-набивных сваях писали уже не раз. Я лишь вкратце напомним, о чем идет речь. Обычно, перед тем как строить любое сооружение, роют огромные котлованы, в которые закладывается фундамент. Можно себе представить, каких гигантских затрат труда и времени потребовало бы рытье котлованов под предприятия КамАЗа, если вспомнить, что площадь иных корпусов 400—500 тысяч квадратных метров.

И вот был предложен новый метод — ставить корпуса на свайных фундаментах. Они не требуют обычного рытья котлованов, сооружаются намного проще.

Только применение буро-набивных свай вместо традиционных котлованов и столбчатых фундаментов позволило сократить срок строительства примерно на год.

Столь же успешно освоили строители КамАЗа конвейерный метод монтажа металлоконструкций. Впервые этот метод был применен при сооружении нового цеха на Горьковском автозаводе. На КамАЗе конвейерным методом с применением безвыверочного монтажа только за один 1973 год удалось смонтировать 142 тысячи тонн металлоконструкций. Напомню, что при сооружении ВАЗа было всего смонтировано в основных корпусах автозавода около 120 тысяч тонн. Это уже разница не только количественная, но и качественная.

Люди, знакомые с производством, хорошо знают, как далека дорога от опытного образца любой машины до ее серийного выпуска. Так вот на Горьков-

ском автозаводе, на ВАЗе конвейерный метод был своего рода «опытным образцом», на КамАЗе он вошел в серию. После стройки в Челнах он, как и буронабивные сваи, прочно войдет в арсенал отечественных методов строительства.

КамАЗ в целом еще раз продемонстрировал мощь советской экономики, способность ее решать гигантские задачи, которые, как отмечали деловые люди капиталистических государств, не под силу ни одной стране.

В то же время четыре с половиной года стройки, первые месяцы работы введенных в строй корпусов обозначили и некоторые нерешенные еще проблемы.

Что нам прежде всего мешает? Отсутствие системного подхода. Для того чтобы было понятно, о чем идет речь, приведу простой пример. Идут земляные работы. Поставлен на них экскаватор с объемом ковша, предположим, в два куба, а машина, которая отвозит грунт, имеет грузоподъемность один куб. Что получится при работе этих двух не созданных друг для друга механизмов? Получится, что половина мощности экскаватора будет расходоваться зря. Ему ведь придется подстраиваться под маломощного партнера и набирать в ковш только один куб земли. Наберет два — половина высыплется.

Еще раз оговорюсь, что привел пример нарочно упрощенный. Ибо на КамАЗе часто приходится иметь дело не с двухзвенной цепочкой машин, а с такой цепочкой, где пять, шесть, иногда и больше звеньев. И если они не подогнаны друг к другу, если где-то в середине хотя бы один маломощный партнер, то вся цепь работает вполсилы, непроизводительно, доставляя множество еще и других неприятностей тем, кто обслуживает машины.

Словом, для таких строек, как КамАЗ, нужно не просто много машин и механизмов — нужны системы машин, подобранных одна к другой.

Системности пока не хватает и проектировщикам. Часто они не совсем ясно представляют себе, как конкретно будут осуществляться их идеи, и потому поставляют документацию, не учитывая технологии строительства. Некомплектная поставка проектной документации уже не раз больно ударила по строителям. Летом прошлого года во многих корпусах КамАЗа должны были бетонироваться фундаменты под оборудование, прокладываться под землей каналы для различных коммуникаций. Часто эту работу приходилось вести методом, который строители окрестили «квадратно-гнездовым». То есть на один участок пола (где-то в середине огромного цеха) есть документация и ясно, какой требуется фундамент, а что будет по соседству — неизвестно. И вот один участок цеха уже готов — хоть немедленно приступай к монтажу оборудования, а соседний стоит нетронутый — как его бетонировать, пока проектировщики не высказались. Дальше — еще готовый фундамент, и снова голая земля. Работать приходится не точно, а выборочно. На плане корпусов эти готовые и неготовые куски пола — как шахматная доска. Действительно «квадратно-гнездовой» метод. Так строить, конечно, очень неудобно, и производительность труда от подобных «шахмат» снижается в несколько раз.

К значительному снижению темпов и удорожанию строительства приводит и беспорядочная поставка железобетонных конструкций. Пока еще не удалось добиться, чтобы и здесь четко и последовательно соблюдался принцип технологичности. Иногда плиты кровли доставляются на строительную площадку намного раньше, чем колонны. И железобетонные конструкции долгое время лежат мертвым грузом, а строители ждут, пока наконец придут долгожданные колонны.

По-прежнему острой остается проблема индустриализации строительства. Понятие индустрии включает в себя кооперацию, специализацию, унификацию, оперативное планирование и постоянное регулирование производства. Индустрия не может существовать без прямой и обратной связи всех звеньев. К такой организации строительства, когда все процессы — от изготовления железобетонных конструкций до монтажа здания и его отделки — связаны в единый конвейер, единый поток, мы сейчас еще только подходим. Подобный опыт применяется на строительстве жилья. Так работает в Челнах отряд Главмосстроя. Что же ка-

сейчас промышленного строительства, то здесь пока в полной мере индустриализации добиться не удалось.

Отсутствие единой системы, единого потока приводит иногда к весьма сложным проблемам. Вот сейчас, когда закончен монтаж многих зданий и сооружений автозавода и города, перед нами встала острейшая проблема отделочных работ.

На планшетах проектировщиков будущие помещения КамАЗа — и цехи, и бытовки, и административные корпуса — выглядят очень красиво. Впрочем, часть этих проектов уже воплощена в жизнь. Все, кто побывал на РИЗе, отмечали, сколь умело и современно отделаны все его помещения. Но беда в том, что заложенные в проект варианты отделки реализовать можно лишь с весьма ограниченной малой механизацией, больше вручную. И вот результат: по подсчетам специалистов, чтобы ввести в строй все намеченные на нынешний год корпуса, КамАЗу сегодня необходимо 12—15 тысяч отделочников. Конечно, руководство строительством, партийные организации подразделений, горком партии принимают меры к тому, чтобы подготовить этих дефицитных специалистов, создать им наилучшие условия труда и быта. Но это лишь временный выход из положения. Главное же — необходимо добиться индустриализации отделочных работ, применения прогрессивных отделочных материалов, декоративных конструкций и панелей. Такие вопросы самому КамАЗу не решить. Строителям должны помочь Госстрой СССР и Министерство энергетики.

Здесь снова мы сталкиваемся с той же проблемой системности. Стройки такого типа, как КамАЗ, должны развиваться как единый поток, подчиненный единой технологии, где в единую цепь связаны все подчас несхожие друг с другом звенья.

Я начал свою статью с дискуссии, которая возникла вокруг вопроса о том, как строить предприятие по производству большегрузных автомобилей — единым комплексом в одном месте или разбросать его по различным городам страны. Представляется ли теперь, с дистанции в пять лет, верным принятое тогда решение? На этот вопрос можно ответить вполне однозначно — да, безусловно. Если бы комплекс был разбросан по разным городам, сегодня вряд ли бы угадывались даже его будущие контуры.

Ссылки сторонников «рваного» метода на американский опыт, где различные детали и узлы автомобиля выпускаются на разных заводах, а потом доставляются на предприятие-сборщик, сейчас представляются еще менее убедительными, чем пять лет назад. Американцы вынуждены применять такой метод, ибо при частнокапиталистической форме собственности далеко не всегда возможно добиться концентрации капитала. Собственники сравнительно небольшого предприятия часто сопротивляются слиянию в единый концерн.

Для нас же сосредоточение всего комплекса предприятий в одном месте — это реальное использование преимуществ социализма с его общественной ответственностью на орудия и средства производства, с плановой системой хозяйства.

Конечно, опыт КамАЗа не единственное возможное решение таких проблем. Детальное изучение всех факторов производства в условиях нашей страны позволяет в каждом конкретном случае решить, что выгоднее — концентрация или кооперация. Но в данном случае концентрированное производство имело многие преимущества перед кооперированным.

Противники единого комплекса одним из важнейших аргументов в пользу своего варианта выдвигали идею, что разбросанные по стране предприятия помогут решить проблему нескольких малых городов, где сегодня есть избыток трудовых ресурсов. Но КамАЗ и в его нынешнем виде примет участие в решении этой проблемы. Ведь кроме продукции основных предприятий, сосредоточенных в Набережных Челнах, для производства большегрузов необходимы всевозможные комплектующие изделия, которые будут производиться в других местах. Вот эти небольшие (только в сравнении с гигантскими заводами основного комплекса) предприятия будут располагаться в малых городах. Чтобы мог работать камский

комплекс, нужно в автомобильной промышленности и в других отраслях народного хозяйства реконструировать или построить вновь 50 заводов.

Словом, КамАЗ убедительно показал перспективность комплексного метода. Об этом говорил в речи на предвыборном собрании избирателей Бауманского избирательного округа Москвы Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев:

«В перспективные планы будет заложено решение многих крупных проблем коммунистического строительства, что позволит далеко продвинуться по пути создания материально-технической базы коммунизма и поднять жизнь народа на качественно новый уровень.

Речь идет о всестороннем развитии производительных сил, об ускорении научно-технического прогресса и повышении на этой основе эффективности всей экономики. Будут развернуты работы по созданию новых крупнейших народно-хозяйственных комплексов.

Мы уже вступили на этот путь. Осваиваются богатейшие месторождения нефти и газа в Западной Сибири. Строится автомобильный гигант на Каме...»

Новым проявлением заботы партии и правительства о КамАЗе явились постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, направленные на обеспечение строительства объектов первой очереди камского комплекса, а также на ускорение строительства предприятий, которые должны обеспечить КамАЗ комплектующими изделиями. В этих документах четко и конкретно определены задачи министерств и ведомств, принимающих участие в сооружении автогиганта.

Для областной парторганизации и строителей КамАЗа эти документы — боевая программа действий. Главная задача камазовцев — своевременный пуск первой очереди автозавода. Подсчеты показывают, что если еще шире развернуть борьбу за организованность в строительстве, поднять накал социалистического соревнования, развернуть работу по приему встречных сроков выдачи документации, максимально ускорить монтаж оборудования, его пуск и наладку, то удастся получить первые детали и собрать из них первые большегрузы к XXV съезду нашей славной ленинской партии. Советские люди всегда приходили к форуму коммунистов с большими трудовыми победами. Не может стоять в стороне и стотысячная армия создателей КамАЗа, городская и областная парторганизации. Это мнение целиком и полностью поддержал прошедший в сентябре прошлого года в Набережных Челнах партийно-хозяйственный актив.

Таким образом, до выпуска первых автомобилей остаются считанные месяцы. Для осуществления намеченной программы должны быть проведены важные организационные и партийно-политические мероприятия, что уже осуществляется полным ходом. Все участники строительства КамАЗа должны жить и трудиться под лозунгом «Даешь первые автомобили к XXV съезду КПСС!».

Сейчас в подразделениях строителей и автозаводцев принимаются социалистические обязательства на весь период завершения строительства первой очереди автозавода. Рождается качественно новая форма трудового соперничества. Ведется большая работа по повышению его действенности и результативности. Об этом шел недавно разговор на пленуме обкома партии, который обсудил достижения и недостатки в работе по руководству социалистическим соревнованием.

На стройке все больше и больше становится передовиков производства, людей, работающих с могучей рабочей удалю. Раскрыть их лабораторию личного труда, сделать передовые приемы и методы достоянием всех, нормой жизни трудовых коллективов — вот что мы постоянно держим в центре внимания нашей многогранной организационной и политико-воспитательной работы.

Сейчас участники строительства КамАЗа напрягают все силы, чтобы завершить пуск первой очереди автозавода в 1976 году. Итак, камский батыр — на новом этапе.

Г. НЕВЕЛЕВ

ЦАРИЗМ — ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

В первом номере «Нового мира» были напечатаны материалы, раскрывающие историческую сущность русского царизма. Венценосные монархи за длительный период своего господства проводили в России, по замечанию историка В. Ключевского, свои династические, а не государственные интересы, «упражняли на ней свою волю, не желая и не умея понять нужд народа...». Это и привело в конце концов дом Романовых к неизбежному краху.

В статье «Российские царисты и германские империалисты» Ю. Стеклов, талантливый партийный публицист, видный советский издатель, возглавивший в 1925 году наряду с А. Луначарским «Новый мир», писал на его страницах о том, как благо разумно поступила советская власть, навсегда отняв у врагов русских грудящихся масс возможность спекулировать преступной семейкой Романовых и использовать ее в качестве орудия для угнетения русского народа.

Предлагаемый исторический очерк «Царизм — перед судом истории», продолжая тему, поднятую в первом номере журнала, рассказывает о том, с какой жестокостью эта династическая семейка подавила первую попытку революционного выступления в России — восстание 14 декабря 1825 года и расправилась с его участниками.

Очерк, посвященный «первенцам свободы» — декабристам, открывая год стоятидесятилетия со дня восстания на Сенатской площади, вновь подтверждает справедливость слов В. И. Ленина о том, что «монархия не могла не защищаться от революции, а полуазиатская, крепостническая, русская монархия Романовых не могла защищаться иными, как самыми грязными, отвратительными, подло-жестокими средствами».

Восстание 14 декабря 1825 года в Петербурге было подавлено. К шести часам вечера Сенатская площадь, прилегающие к ней улицы, Нева и набережные покрылись трупам. По подсчетам чиновника С. Н. Курсакова, количество убитых достигало 1271 человека...

Вечером 14 декабря, когда Сенатскую площадь очистили от «мятежников», в Зимнем дворце, в кабинете нового императора Николая I, началось расследование «возмутительного происшествия».

Зимний дворец на время превратился в полицейский участок. Со всех концов Петербурга сюда свозили арестованных. Их доставляли на главную гауптвахту к дежурному генерал-адъютанту для допроса. После доклада царю и дачи показаний арестант в зависимости от степени «прикосновения» к делу отсылался с фельдъегерем или в Генеральный штаб, или прямо к коменданту Петропавловской крепости с «высочайшей» запиской о режиме заключения: «содержать строго и хорошо», «содержать под строгим арестом», «строжайшее наблюдение», «содержать наистрожайше», «содержать как злодея».

Возглавив политический розыск по делу 14 декабря, новый царь, не доверяя никому, вникал во все мельчайшие подробности следствия, лично распоряжался судьбой каждого арестованного, точно определяя место и условия его заточения. Одних при допросе он запугивал, другим обещал полное прощение за откровенное признание. Искусной игрой, применением различных следственных приемов и разных условий заточения узников Николай стремился вскрыть действительные

причины «14 декабря», добраться до «корня зла», потрясшего российский престол и сделавшего начало его правления «позорным днем» царствующей династии.

Испуг, перенесенный Николаем на Сенатской площади 14 декабря, необычные обстоятельства его воцарения заставили нового императора в первые же минуты после подавления восстания лихорадочно искать такое «объяснение» петербургских событий, которое бы, подчеркивая законность его восшествия на престол и скрывая действительный страх и неуверенность царского правительства, представило в глазах общества все случившееся как досадное, но незначительное недоразумение.

Историограф Н. М. Карамзин, растерянный и встревоженный пережитым, не в состоянии был владеть пером. По его совету описание происшествия для всеобщего обнародования поручили вызванному во дворец вечером же 14 декабря Д. Н. Блудову. Николай приказал ему «сделать сие поспешно тут же, не выходя из его кабинета». Прежде слывший либералом, известный петербургский литератор, один из основателей общества «Арзамас», недавний приятель многих «бунтовщиков», Блудов с таким усердием выполнил эту высочайше возложенную на него задачу, положив на бумагу основные мысли официальной версии, что Николай I остался вполне доволен исполнением и, обняв писавшего, сказал ему: «Теперь ты мой».

На следующий день, 15 декабря, блудовский текст появился в виде прибавления к «Санкт-Петербургским ведомостям». Описывая «печальное происшествие» минувшего дня, правительство пыталось убедить общественное мнение в незначительности выступления декабристов. События 14 декабря преподносились как бунт горстки «безумцев», которыми «начальствовали семь или восемь обер-офицеров, к коим присоединилось несколько человек гнусного вида во фраках. Небольшие толпы черни окружали их и кричали: „Ура!“». Значительная часть правительственной реляции была посвящена доказательству антиобщественного и глубоко безнравственного характера событий, «зачинщики» которых, «пробыв четыре часа на площади, в большую часть сего времени открытой, не нашли себе других пособников, кроме немногих пьяных солдат и немногих же людей из черни, также пьяных».

Столь нелепое и карикатурное изображение восстания в первом официальном сообщении о «происшествии 14 декабря» отражало состояние крайней растерянности и страха, царившее при дворе. Так, в ночь с 14 на 15 декабря в обстановке всеобщего замешательства в Зимнем дворце, окруженном эскадронами кавалергардов, ротами Преображенского и Егерского полков с артиллерией, наспех была создана версия о «пьяных» солдатах, устроивших бунт в Петербурге.

Действительный характер событий на Сенатской площади открылся сравнительно быстро. Первые же показания «бунтовщиков» привели к «обнаружению страшнейшего из заговоров». 15 декабря Николай писал своему брату, цесаревичу Константину, в Варшаву: «Всего любопытнее то, что перемена государя послужила лишь предлогом для этого взрыва, подготовленного с давних пор и с целью умертвить нас всех, чтобы установить республиканское конституционное правление... Судя по допросам членов здешней шайки, продолжающимся в самом дворце, нет сомнений, что все составляет одно целое, и что также устанавливается определенно на основании слов наиболее дерзких, это — что дело шло о покушении на жизнь покойного императора, если бы он не скончался ранее того».

Убедившись в том, что возмущение на Сенатской площади и тайные общества с их «ужасными» планами перемены правления, введения безначалия и умерщвления царской семьи «составляют одно целое», Николай I, первоначально рассматривавший мятеж как выступление против себя лично и пытавшийся к стати еще и поэтому замять дело, изобразив события как «пьяный бунт», принимает решение дать следствию и предстоящему суду возможно большую огласку. «Я думаю, что это и долг, и хорошая и мудрая политика», — пишет он Константину Павловичу 28 декабря.

Замысел Николая заключался в том, чтобы, изобразив события 14 декабря как можно ужасней и в подробностях описав «бесчеловеческие умыслы» и «зверскую наружность» восставших, представить происшествие как крайне опасное, но лишенное всякого социального содержания, не имеющее никаких исторических корней и совершенно чуждое русскому народу революционное «злодейство» горстки антиобщественных элементов.

Пытаясь сделать предстоящую расправу над декабристами «делом всей России», Николай тем самым стремился еще тесней сплотить вокруг престола напуганных приближающейся революцией «верных сынов отечества» и, кроме того, сгладить неприятное впечатление, произведенное и в России и за границей явно затянувшимся диалогом двух братьев по поводу престолонаследия.

Намерение императора было быстро воспринято понятливыми царедворцами. С начала января 1826 года в правительственных кругах настойчиво утверждалось, что «именно вся Россия требует наказания преступления» и будто императору в этих условиях не остается ничего другого, как идти на поводу развивающихся событий и удовлетворить справедливые требования возмущенных верноподданных.

Николай I, со своей стороны, весьма успешно играл роль «жертвы обстоятельств», наложивших на него эти «страшные обязанности», столь чуждые его истинному призванию и душевным свойствам. «...Как тяжело для меня быть вынужденным на такие меры, — лицемерно писал он 4 апреля 1826 года в письме к графине Е. П. Потемкиной, сестре декабриста С. П. Трубецкого, — которые, при всей неизбежности их ввиду общего блага, погружают в отчаяние целые семейства, мне кажется, что я сам не менее их заслуживаю сожаления».

Обнародовав и разоблачив «все тайны ненавистной и гнусной шайки, все злодейские умыслы заговорщиков» и вызвав, таким образом, гнев людей благонамеренных и страх обывателей, Николай задумал превратить процесс над декабристами во «внушительный пример» обществу и «врагам внешним». В беседе с французским послом в Петербурге графом Ляфферонэ он заявил: «Это должно послужить примером и для России и для Европы».

Политическая обстановка внутри страны вызывала у Николая I серьезные опасения. События 14 декабря 1825 года произвели на русское общество, по словам современников, «потрясающее впечатление». По Петербургу ходили самые разнообразные слухи. Рассказывали, что число «всех замешанных простирается до четырех тысяч пятисот человек». В одном частном письме утверждалось, что «число схваченных превосходит... восемь тысяч. Множество генералов, штаб-офицеров...» Другой корреспондент сообщал, что «главных шестерых назначено расстрелять». «Петербург находится в каком-то оцепенении, — записал в свой дневник 22 декабря сенатор П. Г. Дивов. — Видимо, опасаются новой вспышки. Надзор учрежден весьма бдительный, но слишком явный... В арсенале изготовили несколько зарядов с картечью».

Москва того времени, по словам очевидца, «носила характер какой-то грусти, какой-то боязни и недоверчивости». «По улицам ходят патрули; полиция явная и тайная начеку», — писал из Москвы надворный советник Ф. Кристин. В городе распространилось тревожное известие о том, что к Москве с юга идет 2-я армия, а с Кавказа генерал Ермолов со своими войсками. Сообщения из Петербурга о массовых арестах и допросах еще более увеличивали всеобщее беспокойство. В провинцию сообщения о петербургских событиях пришли со значительным опозданием, только в последних числах декабря. «В Киеве полиция действует весьма сильно, — сообщалось в официальном донесении, — берут каждого под стражу за одно неуместное слово, распечатывают на почте все письма».

Среди дворовых людей, в передней и кабаках, в молочных лавках и присутственных местах шли толки о том, что «будет революция». Имущие слои общества охватил страх перед возможным «нападением черни». В Москве около аристократических домов выставляли охрану; купцы закрывали торговлю и уезжали из города. «Все умы жителей столицы нижнего класса, — сообщал московский

агент в своем донесении от 2 февраля 1826 года, — заняты ожидаемыми событиями... есть люди, питающие себя надеждою на бунт... Ходят слухи, что в Петербурге раскрыт новый заговор, да правительство не говорит о том».

5 января 1826 года в Петербурге получили сообщение о восстании Черниговского полка. Николай I в письме Константину просил его принять все возможные меры для того, чтобы воспрепятствовать распространению мятежа. Назначая цесаревича начальником 3-го пехотного корпуса, Николай допускал, что в Россию придется ввести войска польской армии, но умолял сделать это «лишь в крайнем случае». Пошел слух о том, что царь обратился к прусскому королю с просьбой послать «свою армию для усмирения возмущения войск».

В суматохе, царившей повсюду, чуть не забыли о погребении Александра I. Из Таганрога в Москву двинулась «печальная процессия». Стали поговаривать, что «якобы в Москве есть намерение злодеев в день вступления печальной процессии... начать грабежи и неистовства... и что злодеи сии будто имеют сношение с тульскими оружейниками».

В народе распространилась молва, будто «едва ли не отберут на весну всех крестьян от господ» и что помещиков отзовут в столицу, а крестьянам «дается вольность». В С.-Петербургской, Нижегородской, Псковской, Смоленской, Рязанской и других губерниях начались крестьянские волнения. Николай I издает 12 мая 1826 года специальный манифест, опровергающий «ложные слухи и злонамеренные разглашения». Разглашателей подобных слухов и сочинителей поступивших от крестьян просьб об освобождении приказывалось «предавать суду и наказанию по всей строгости законов».

Крестьяне прекратили исполнение крепостных повинностей, платежи казенных податей, подавали жалобы на помещиков. Крестьянское движение оказало влияние и на «работных людей». Начались волнения на уральских заводах, на золотых приисках Ярцева, на медеплавильном заводе П. А. Глазова в Оренбуржье, на бумажной фабрике князя Гагарина в Ярославской губернии.

Генерал-адъютант И. В. Васильчиков в своем донесении от 11 января 1826 года писал: «Все современное поколение заражено; нужно спешить исправить сие зло, действие которого становится уже так ощутимо». Проблема управления общественным мнением, заслонив на время все прочие дела, превратилась для правительства в важнейшую государственную задачу.

Был издан новый цензурный устав, получивший название «чугунного». Новые цензурные правила вменяли сочинителям в обязанность направлять «умы» согласно с настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства. Значительно усилился политический надзор. Под наблюдением оказались люди, зарекомендовавшие себя «либералами», те, кто читал «недозволенные» сочинения, получил образование за границей, а также родственники декабристов.

Наблюдательный современник чиновник министерства внутренних дел Н. Щукин писал об атмосфере в обществе после 14 декабря 1825 года: «Всеобщее настроение умов было против правительства, не щадили и государя. Молодежь распевала бранные песни, переписывали возмутительные стихи, бранить правительство считалось модным разговором. Одни проповедовали конституцию, другие республику, для примера указывали на Англию и Союзные Штаты. Из старших были и разумные люди. Они уверяли, что при крепостных крестьянах невозможна ни конституция, ни республика, что народ без царя быть не может... Над ними смеялись и называли отсталыми».

Несмотря на все старания царского правительства изменить «неприличный образ мыслей» и отвлечь общественное мнение от недавних событий, в обществе, доносили секретные агенты, «упорно» продолжали «анализировать причины, возбудившие взрыв 14 декабря». Не меньшее беспокойство вызывало у царского правительства и европейское общественное мнение. По свидетельству Н. М. Карамзина, который весь день 14 декабря провел в Зимнем дворце, вдовствующая императрица Мария Федоровна беспрестанно восклицала: «Что скажет Европа!»

Первые сообщения из Петербурга об обстоятельствах вступления на престол Николая вызвали сильную тревогу в европейских странах. Биржи откликнулись

на известия о восстании в Петербурге резким понижением котировочного курса облигаций русского займа 1822 года. В дипломатических кругах выступление 14 декабря в России восприняли как событие огромной важности. Правительства европейских стран, воздерживаясь от каких-либо заявлений, публиковали только официальные документы. Европейские газеты были наполнены всевозможными толками и догадками. Вокруг русских событий складывалась обстановка сенсационности.

В Петербурге приняли все меры к быстрому и самому широкому распространению в Европе правительственных реляций о мятеже. 15 декабря 1825 года министр иностранных дел К. В. Нессельроде сообщил всем иностранным послам и посланникам, аккредитованным при русском дворе, что «его величество составил описание вчерашних событий, но прежде чем его опубликовать, он желает, чтобы дипломатический корпус ознакомился с ним».

Назавтра Нессельроде зачитал послам циркулярную ноту о происшествии 14 декабря. Послы официально заверили русское правительство, что «эта реляция точна настолько, что совершенно не отличается от их собственных сообщений, которые они отправят по этому поводу для информации своих дворов».

Печатное объявление Блудова и нота Нессельроде были тотчас же отправлены в виде циркуляра русским посланникам за границей для передачи иностранным правительствам. Нессельроде указывал, что они предназначены для самого широкого оглашения. Однако, несмотря на, казалось бы, все меры, предпринятые русским правительством, европейское общественное мнение с недоверием отнеслось к официальной версии о «пьяных солдатах», устроивших бунт в Петербурге. «Нельзя представить себе ничего более забавного и более невероятного, чем официальный отчет о заговоре, опубликованный Санкт-Петербургской газетой», — писал впоследствии Н. И. Сазонов, русский эмигрант в Париже.

Официальная версия о «бунте пьяных», приготовленная в большей степени для «внешнего употребления», не только не достигла цели, но, напротив, нанесла существенный ущерб престижу русской монархии в Европе. Подобное освещение событий давало повод трактовать события 14 декабря как эпизод борьбы за русскую корону, а Николая I рассматривать как узурпатора, силой овладевшего престолом. С другой стороны, несмотря на все старания Петербурга, на глазах рушилась легенда о неприступности «девственной России» революционному движению. Придворным «историографам» предстояла нелегкая задача — найти такое объяснение событиям, которое сумело бы если не скрыть, то, во всяком случае, убедить русское общество и Европу в том, что 14 декабря хотя и представляло собой попытку революции, но тем не менее явилось совершенно случайным и минутным испытанием для русского престола.

В высочайшем манифесте, изданном 19 декабря 1825 года, царское правительство, утверждая случайность происшедшей революционной «вспышки», изо всех сил стремилось показать «всему свету, что российский народ, всегда верный своему государю и законам...», «неприступен тайному злу безначалия», и дать практический пример, «как истреблять сие зло и доказательство, что оно не везде неисцельно». Главную причину событий 14 декабря манифест усматривал во влиянии на мятежников западных революционных учений. «Сия зараза», извне занесенная в Россию, явилась источником всех действий злоумышленников.

Выступая 20 декабря 1825 года на приеме иностранных дипломатов, аккредитованных при русском дворе, Николай I настойчиво подчеркивал «особый» характер петербургских событий в отличие от революционных выступлений на Западе: «Восстание это нельзя сравнивать с теми, что происходили в Испании и в Пьемонте. Слава богу, мы до этого еще не дошли и не дойдем никогда... еще раз повторяю вам: то было не восстание».

Однако «успокоительная» речь Николая не смогла убедить европейских посланников в незначительности происшедших событий. «Я должен заверить вас, господин барон, — писал французский посол в Петербурге Ляфферонэ своему министру, — что я далеко не разделяю чувства беспечности, которую проявляет император в отношении только что развернувшегося заговора. Все, что

я узнаю от людей благоразумных и хорошо осведомленных о настроении умов, внушает мне еще более беспокойства относительно последствий этого крупного события... В области заговоров русские более ловки, чем мы... События, свидетелями которых мы были, предвещают еще более грозные последствия...»

Многие европейские газеты, публикуя официальные документы, изображали положение в Петербурге как состояние ужаса, страха и самого глухого молчания. В печати сообщалось о том, что в Петербурге боятся продолжать следствие. Русский посол в Париже К. О. Поццо ди Борго в депеше от 21 января писал в столицу, что некоторые французские газеты и журналы пытаются «предвещать катастрофы еще более страшные, бросать сомнения на самые достоверные сведения и, наконец, оправдать мятеж и измену».

В Зимнем дворце не могли без ужаса читать европейские газеты. Пытаясь воспрепятствовать проникновению за границу неофициальной информации о положении в стране, правительство предприняло ряд репрессивных мер против иностранцев, проживающих в России, и, возможно, очевидцев событий 14 декабря. В начале 1826 года они были взяты под надзор полиции, а некоторые иностранные подданные, замешанные в деле о злоумышленных обществах, тотчас высланы из России. Однако эта мера желаемого результата не дала: в Петербурге в то время, по официальным данным, проживало более десяти тысяч иностранцев.

Николай I вновь приглашает во дворец для дополнительных разъяснений французского посла Ляфферона. Царь старался убедить своего собеседника, а вместе с ним европейское общественное мнение в том, что «ужасное происшествие», случившееся в Петербурге, — ответвление одного общеевропейского заговора. При этом он особенно подчеркивал, что «дело идет не только о существовании России, но и о спокойствии всей Европы». Теперь Николай заинтересован в том, чтобы представить начавшееся следствие о злоумышленных обществах как значительную его услугу Европе.

Указывая на существование всеевропейского заговора, лишь случайно проявившегося 14 декабря 1825 года в Петербурге, русский царь рассчитывал запугать Европу «ужасающими последствиями» революционного движения и таким образом отвлечь внимание европейской общественности от оставшихся во многом непонятными для нее обстоятельств междуцарствия, от подробностей кровавого подавления восстания, а также, опираясь на поддержку европейской реакции, оправдать преследования и будущий суровый приговор участникам тайных обществ.

Беря на себя заботу о сохранении «порядка и законности» в Европе, Николай заявлял о том, что считает «долгом своей совести» предостеречь западные державы о возможных последствиях общеевропейского революционного заговора. Желая подсказать за границе нужный образ действий, он говорил шведскому посланнику Пальмшерне: «Если явилась бы необходимость, я приказал бы арестовать половину нации ради того, чтобы другая половина осталась незараженной».

Вечером 17 декабря в Зимнем дворце открыл свои заседания высочайше утвержденный Тайный комитет для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества. Царский указ от 17 декабря поручал Тайному комитету «принять деятельнейшие меры к изысканию соучастников сего гибельного общества... постановить свое заключение и представить нам как о поступлении с виновными, так и о средствах истребить возникшее злоупотребление». Этот указ остался необнародованным. Только 5 января 1826 года в «Санкт-Петербургских ведомостях» и 7 января в «Русском инвалиде» появилась небольшая заметка, в которой сообщалось об учреждении Тайного комитета для расследования открытого заговора, имевшего целью «истребление всей императорской фамилии, грабеж, расхищение имущества, убийство не принадлежащих к мятежничеству их обществу граждан...».

Первоначально в состав комитета согласно записке Николая, составленной им к концу дня 14 декабря, вошли военный министр А. И. Татищев, великий князь Михаил Павлович, генерал-адъютанты А. Ф. Орлов, П. В. Голенищев-Кутузов, А. Х. Бенкендорф. 16 декабря вместо вычеркнутого А. Ф. Орлова, брат

которого Михаил Орлов был привлечен по делу о возмущении, в список членов комитета включили генерал-адъютантов А. Н. Голицына и В. В. Левашова; позднее сюда вошли генерал-адъютанты А. Н. Потапов, А. И. Чернышев и И. И. Дибич. Правителем дел комитета стал военный советник А. Д. Боровков, состоявший чиновником по особым поручениям при военном министре.

Вначале заседания этого комитета, получившего потом название Следственного, происходили в Зимнем дворце, рядом с покоями царя; с 23 декабря допросы снимались в Петропавловской крепости, в комендантском доме; 18 марта комитет вновь перенес следствие во дворец. Показания в комитете давались устно и лишь иногда во время заседания записывались в журнал. Обычно после устного допроса арестованный давал письменные ответы на вопросы следствия, которые препровождались к нему в камеру. Полученные ответы проверялись членами комитета и затем приобщались к делу.

Николай I, стремясь поскорее кончить дело, всячески торопил Следственный комитет, и, уступая настояниям царя, в январе месяце решено было отказаться от практики «фронтальных» допросов. Сообразно обвинению стали готовить для каждого арестанта вопросы заранее, справляясь: а) об обществах вообще; б) о главных зачинщиках; в) об умысле на цареубийство; г) об участии в возмущении. Это изменение внесли по предложению генерал-адъютанта Чернышева, который в своем верноподданническом усердии превзошел, пожалуй, всех членов комитета. Допрашивая узников, он «приходил в яростное исступление, осыпал их самыми пошлыми ругательствами», чем заслужил высокую оценку государя — «превосходно вел свое дело и вообще работал лучше и больше всех», — и обеспечил себе блестящую карьеру, заняв впоследствии пост военного министра. Председатель комитета Татищев проявлял значительно меньшее усердие. Он лишь иногда замечал во время допросов: «Вы, господа, читали всё, и Детю де Траси, и Бенжамена Констана, и Бентама, и вот куда попали, а я всю жизнь мою читал только Священное писание и, смотрите, что заслужил», — показывая на два ряда звезд, украшавших его грудь.

Члены комитета, убежденные, что «в этом случае не следует ничем пренебрегать» и что «в подобном деле не может быть... речи о пощаде», вели дознание, используя различные способы нравственной пытки, доставляя физические страдания, «изнуряя голодом и обременяя цепями».

Декабрист А. Муравьев: «Все средства казались им хорошими. Они выдавали ложные показания за подлинные, прибегали к угрозам очных ставок, которых потом не давали. Чаще всего они уверяли узника, что его преданный друг во всем признался им. Обвиняемый, которого немилосердно и беспощадно терзали допросами, в оцепенении соглашался подписать показания. Когда же его друга вводили в зал заседаний, тот не мог ни в чем признаться, так как ничего не было. Обвиняемые бросались друг другу в объятия, к вящему смеху членов комиссии. Между тем их смертный приговор был уже подписан».

Декабрист М. Фонвизин: «Тайная следственная комиссия, составленная из угодливых царедворцев, действовала в... инквизиционном духе. Обвиняемые содержались в самом строгом заточении, в крепостных казематах и беспрестанном ожидании и страхе быть подвергнутыми пытке, если будут упорствовать в запирательстве... Против узников употребляли средства, которые поражали их воображение и тревожили дух, раздражая его то страхом мучений, то обманчивыми надеждами, чтобы только исторгнуть их признания... Царским именем обещали подсудимому помилование за чистосердечное признание, не принимали никаких оправданий, выдумывали небывалые показания, будто бы сделанные товарищами, и часто отказывали даже в очных ставках».

Декабрист В. Штейнгель: «Слуги нового властителя всегда бывают усердны, в угодливость порывам гнева его: и рвать готовы. В XIX веке комитет генерал-адъютантов, вмещавший царского брата, принял обряды инквизиции! К допросам водили под покрывалом, накидывая на лицо платок. По приводе в передний зал ставили за ширмы, поставленные в двух углах, со словами: «Можете теперь открыться». В этом ожидании за ширмами было слышно, как расха-

живали по залу плац-адъютанты, жандармы, аудиторы, вообще — вся военная субалтерия; стучали шпорами, рассказывали анекдоты дня, театральные замечания и хохотали, показывая полное безучастие к страдальцам... Когда надобно было весть в присутствие, плац-майор опять накидывал платок на голову и вводил за руку, как слепого! При этом царствовала глубокая тишина. Когда введенного останавливали, раздавался бас: «Откройтесь», и приведенный видел себя перед самым столом этого ареопага. Надо отдать справедливость, что не употребляли пыток, какими славилась омерзительной памяти «тайная канцелярия с ее Шенковскими». Но позволяли себе для вынуждения сознания налагать железа на руки и на ноги и определять в диету хлеб и воду; как будто это не то же. Прибавьте к этому помещение некоторых в смрадных, нечистых «номерях», наполненных всякого рода насекомыми... и скажите, что это не пытка.

Толстая крепостная стена отделяла казематы Петропавловской крепости от внешнего мира. Гнетущая могильная тишина, лишь изредка нарушаемая тихими шагами коридорной стражи да боем курантов Петропавловского собора.

Сырость в казематах — следствие случившегося в 1824 году в Петербурге наводнения — увеличивала страдания декабристов, вызывая сильные головные боли, простуду, атаки ревматизма. При топке печей вода лилась со стен потоками, так что за день из камеры выносили по двадцать и более тазов воды. Многие узники содержались в ручных и ножных кандалах. Декабрист А. Гангеблов вспоминал: «Кроватью мне служили нары, покрытые какой-то жирной, лоснящейся грязью. Низкий свод казематов был обвешан паутиной и населен множеством тараканов, стоножек, мокриц и других невиданных мною гадов, которые только наполовину высовывались из-под сырых стен».

Декабрист Поливанов умер в крепости. Декабрист Булатов разбил голову о каменную стену каземата. Декабристы Анненков и Фролов пытались покончить с собой. Декабрист Фаленберг сошел с ума. Андреевич, Батеньков, Михаил Муравьев-Апостол, Вранницкий, Фохт, Фурман были на грани умопомешательства. Понимая свою обреченность, декабристы заговорили в полный голос. Узников, по словам Штейнгеля, согревала утешительная надежда, «что потомство отдаст им хотя эту справедливость».

Декабристы были внутренне готовы к тому, что восстание 14 декабря может потерпеть неудачу и им придется встретить смерть. Еще накануне события у многих декабристов возникло сомнение в успехе предпринимаемого дела. К этому примешивалась мысль об исторической ответственности за свои действия перед обществом. «Я спрашивал самого себя, — признавался Е. Оболенский, — имеем ли мы право как частные люди, составляющие едва заметную единицу в огромном большинстве населения нашего отечества, предпринимать государственный переворот и свой образ воззрения налагать на тех, которые, может быть, довольствуясь настоящим, не ищут и стремятся к нему путем исторического развития».

Осознавая неподготовленность своего выступления и незначительность сил тайных обществ, декабристы смело пошли на открытое вооруженное восстание против «мерзостей» русской действительности. «Да, мало видов на успех, — говорил К. Ф. Рылеев, — но все-таки надо начать, принесем собою жертву для будущей свободы отечества».

В случае поражения предполагалось отступить к новгородским военным поселениям и «взбунтовать» их, если и это не получится, тогда «идти во внутренности России и объявить вольность крестьянам».

Потерпев жестокое поражение на Сенатской площади, убедившись в ошибочности избранной ими тактики «военной» революции, разочарованные и подавленные, декабристы переживали во время следствия глубокий идейный и нравственный кризис. Ненавидя самодержавие и рабство и в то же время испытывая страх перед «кровавыми ужасами» народного восстания, дворянские революционеры чувствовали себя совершенно одиноким, узким и лишенным общественной поддержки кругом единомышленников, дерзнувших восстать против деспотизма.

Часть декабристов, рассматривая неуспех восстания как естественное следст-

вне «преступления против законной власти», осудила путь борьбы, приведшей их на Сенатскую площадь. Большинство членов тайных обществ, испытывая боль и страдание при мысли о судьбе родины, воодушевилось возможностью обратить свое поражение и даже смерть на пользу обществу.

Протоколы допросов и очных ставок, письма и развернутые показания декабристов проникнуты стремлением сохранить саму идею движения, утвердить право на революционное восстание и не унести с собой в могилу свои планы социального и политического преобразования России, успеть передать их потомкам. Вот почему они так подробно рассказывали об истории тайных обществ, их организационной структуре, конституционных проектах, замыслах, зревших в среде лучших людей России первой четверти XIX века; обстоятельно отвечали на вопросы, что послужило причиной их вольномыслия; пытались вскрыть истоки декабристского движения. В своих ответах на вопросы следствия декабристы пытались раскрыть перед правительством всю глубину бедственного положения народа, внутренних неурядиц, неисчислимых злоупотреблений, царивших в стране. Они излагали свои взгляды и мысли о крепостном праве, положении различных сословий общества, о состоянии войск, о промышленности, торговле, просвещении, втайне надеясь, что их идеи оставят след в будущей правительственной политике. Это была своеобразная попытка «мирной» революции.

Становление дворянской (декабристской) революционности было мучительным процессом изживания у передовых представителей дворянства монархических, либеральных, просветительских иллюзий. Но это был обратимый процесс. Во время следствия у некоторых декабристов появилась надежда «договориться с властью», убедить правительство, и прежде всего Николая I, в справедливости основных лозунгов движения 14 декабря, в необходимости социальных и политических реформ. Этому немало способствовали лицемерие, искусное актерство Николая, который убеждал узников в том, что он и «есть первый гражданин отечества», думающий о счастье своих подданных. «Зачем вам революция?— говорил он на допросе декабристу Д. И. Завалишину.— Я сам вам революция: я сам сделаю все, чего вы стремитесь достигнуть революцией».

Хотя эти иллюзии быстро прошли и к концу процесса казались самим декабристам смешными, первое время они были достаточно сильны. «Умоляю ваше величество благом многих миллионов людей, коих вы нареклись отцом... не презрите моих наблюдений и сведений... Дерзаю представить обнаженную истину: она должна быть доступна престолу мудрого монарха, воспринявшего бразды правления с намерением жить для отечества»,— писал Николаю декабрист В. Штейнгель. К тому же призывал царя А. Якубович, обещая Николаю «прочную славу и благодарность подданных и любовь потомства».

«Уверенный, что вы, государь, любите истину, я беру дерзновение изложить перед вами исторический ход свободомыслия в России и вообще многих понятий, составляющих нравственную и политическую часть предприятия 14 декабря»,— писал во дворец Александр Бестужев.

Но «царю-реформатору» некогда было читать послания из Петропавловской крепости. В это время он разрабатывал план казни «заговорщиков», выбирал место для виселицы, обдумывал подробности предстоящего судебного процесса, снова и снова торопя Следственный комитет с окончанием дела.

Расследование продвигалось быстро. Уже 16 января 1826 года Николай сообщил Константину: «Теперь мы разобрались в ходе заговора, начиная с 15 года вплоть до дня 14/26 декабря». Через несколько дней он собственноручно, не ожидая завершения следствия, составил проект манифеста о раскрытом заговоре. Для редактирования нового акта был призван М. Сперанский, который был вновь приближен ко двору. Однако Сперанский в своей докладной записке от 22 декабря возразил против публикации манифеста, полагая, что «удобнее было бы отложить сей проект до того времени, когда дело созреет для суда, и тогда возвестить и суд и предметы его, следствием открытые». Преждевременность опубликования такого документа была очевидной, и Николай от его опубликования

воздержался. «Мне досадно, что не могу ускорить дела; — писал он Константину 28 января, — но это значило бы все испортить».

Однако мысль о необходимости хотя бы предварительного сообщения о сведениях, добытых Следственным комитетом, не оставляла его. 29 января в газетах публикуется без оглавления и подписи довольно обширное обозрение истории заговора, основанное на материалах, «почерпнутых из допросов и признаний самих виновных». Эта статья написана, по всей видимости, правителем дел Следственного комитета А. Д. Боровковым и представляла собой извлечение из его доклада о составе и цели тайных политических обществ, представленного Николаю I в середине февраля 1826 года.

Очерк Боровкова получил высочайшее одобрение, и ему поручили составить донесение Следственного комитета. Председатель комитета, военный министр Татищев, старик, крайне утомленный от «усердных» трудов по службе и желавший только одного — поскорее избавиться от новой должности «следователя» и уйти наконец в отставку, беспрестанно напоминал Боровкову о скорейшем завершении донесения.

В это время в комитет для составления статьи о тайных обществах по заданию министерства иностранных дел явился автор первого публичного объявления о восстании Блудов. Боровков предложил: «Если непременно надобно ускорить, так прикажите статью, подготовляемую Блудовым для журналистов, обратить в донесение. В ней немного нужно пополнить и переделать, и она достаточна будет, чтобы показать вообще ход дела и замыслы общества».

10 мая приговоренное таким образом «Донесение» было заслушано у Николая I в присутствии всех членов комитета. «Наше следствие закончено, за исключением кое-каких дополнений, — сообщает Николай Константину 21 мая. — Теперь составляют сводку всего материала, и я предполагаю, что к концу будущей недели все будет в моих руках и я смогу начать процесс».

Такое случайное происхождение «Донесения» в полной мере отразилось на его содержании. Декабрист Н. Тургенев, не знавший истории составления «Донесения», писал, что Блудов «дал рапорту вид литературного произведения, предназначенного подействовать более на толпу обыкновенных читателей, нежели на просвещенных и сведущих судей».

Основная цель «Донесения» состояла в том, чтобы «устрашить» злонамеренных, «успокоить» граждан мирных, преданных престолу и закону, и доказать, что «ничего страшного нет и бояться ни за границе, ни благонамеренной части русского общества нечего».

Не стремясь выснить сущность и действительный характер событий, комитет ограничился подысканием наиболее страшных слов, сказанных «бунтовщиками» во время следствия, и выставлял все действия декабристов или до крайности нелепыми, или немисливо жестокими. Выставив на первый план «самое ужасное» — умысел на цареубийство, в «Донесении» пытались исказить истинный смысл событий 14 декабря, тщательно скрыв от общественного мнения социально-политическую программу декабризма.

«Доклад вышел точно таким, — писал декабрист В. Штейнгель, — каким непременно должен выйти обвинительный акт, когда обвиняемые заперты и безгласны и когда обвинители в видах обеспечения будущности интересованы представить дело сколько возможно презрительно ужасным и с тем вместе хотят облечь свои действия искусною тканью лжи с отливом яркого беспристрастия».

Задолго до окончания следствия Николай I начал готовиться к суду над декабристами. Он поручил разработку процессуальной стороны дела многоопытному государственному деятелю М. Сперанскому. В последние годы царствования Александра I Сперанский находился в опале. События 14 декабря застали его в звании рядового сенатора. На первых порах он не вызывал доверия царя. Подозрения государя в значительной степени усиливались тем, что имя Сперанского достаточно часто упоминалось в показаниях декабристов.

Но у императора не было выбора. Его окружали добросовестные флигель-адъютанты, опытные генералы, хорошие следователи и надежные тюремщики, но

у него не было своего пера. На одном из свиданий с тяжело больным Карамзиным весной 1826 года Николай говорил: «Около меня, царя русского, нет ни одного человека, за исключением Сперанского, который бы умел писать по-русски, то есть был бы в состоянии написать, например, манифест. А Сперанского не сегодня, так завтра, может быть, придется отправить в Петропавловскую крепость».

Николай I прекрасно понимал, что только Сперанский мог, основываясь на несовершенных нормах русского судопроизводства, юридически оформить приговор декабристам, вынесенный во дворце. Император пытался создать видимость законности, соблюдения юридических норм, дабы убедить общественное мнение в своей непричастности к приговору суда. Надо сказать, что благодаря опыту и знаниям Сперанского это отчасти удалось. Николаю не пришлось самому подписывать смертный приговор.

В начале мая Сперанский составил черновик манифеста о Верховном уголовном суде и проекты по организации процесса. Царь велел внести в манифест «место, которое явится как бы обращением к нации с призывом видеть во всех этих событиях промысел божий, охраняющий Россию и допустивший подобные ужасы лишь для того, чтобы посредством их явственно доказать, сколь губельным является отклоняться от честного и законного пути наших предков и предаваться обольщениям наших дней». Подготовленные Сперанским документы обсуждались на специальном совещании у начальника генерального штаба барона И. И. Дибича. 29 мая председатель Следственного комитета Татищев сообщил Сперанскому: «Государю императору благоугодно, чтобы ваше превосходительство прибыли завтра в Царское Село так, чтобы быть после обеда у его императорского величества и представить бумаги по Верховному суду». На этой встрече были окончательно утверждены все бумаги, процедура и решения предстоящего суда.

1 июня 1826 года был объявлен манифест об учреждении Верховного уголовного суда. В состав суда вошли представители «трех государственных сословий»: 18 членов Государственного совета, 36 членов правительствующего сената, 3 члена святейшего синода, а также 15 «особ из высших воинских и гражданских чиновников», всего 72 человека. Столь представительный состав суда, по мысли Николая I, должен подчеркнуть общенародный характер предстоящего процесса и превратить его в глазах общественного мнения как бы в суд всего русского общества над людьми, угрожавшими ниспровержением основ империи. «Таковым устройством сего суда, — гласил высочайший манифест, — мы желали не токмо сохранить законную силу прежних примеров, но еще более желали означить, что мы всегда признавали сие делом всех истинных сынов отечества, делом всей России».

Председателем суда назначался председатель Государственного совета и комитета министров князь П. В. Лопухин, его заместителем — председатель департамента гражданских и духовных дел князь А. Б. Куракин. Министру юстиции князю Д. И. Лобанову-Ростовскому велено «исполнять в сем суде обязанности по званию генерал-прокурора». Для придания суду большей внушительности разработали особый порядок размещения его членов во время заседания: председатель суда и его заместитель располагались в центре, по правую сторону сидели члены Государственного совета, слева — члены синода. Второй ряд занимали сенаторы, за ними — представители синода и, наконец, назначенные императором высшие государственные чиновники.

В специальном рескрипте на имя министра юстиции говорилось, что так как «в деле толикой важности и в собрании столь чрезвычайном и многочисленном общий уголовный обряд не объемлет с точностью всех случаев, то в дополнение к оному и в явщее охранение порядка и свободы суждений» препровождаются особые статьи для ведения судебного процесса. Дабы исключить малейшую оплошность и устранить возможные процессуальные затруднения для председателя суда и генерал-прокурора. Сперанский предусмотрительно разработал «Приложения к дополнительным статьям о разных подробностях обряда».

Первое заседание суда состоялось 3 июня 1826 года. Верховный суд рассмотрел вопрос, «призывать ли подсудимых к подтвердительному допросу, как то

велит законный судебный порядок», постановил «нарядить к ним комиссию», полагая этот путь «равно достоверным, но по числу подсудимых более удобным». 9 июня ревизионная комиссия заседала в Петропавловской крепости. Опрос 121 обвиняемого происходил по отделениям в присутствии Чернышева, Левашова и Бенкендорфа.

Декабристам, не понимавшим смысла происходящего, предлагалось при этом подписать три вопросных пункта: 1) своей ли рукой подписаны показания, данные на следствии; 2) добровольно ли подписаны; 3) были ли даны очные ставки. «Нас приводили, показывали подписанные нами показания, — вспоминал декабрист Е. Оболенский. — Я не знал, что вместо следствия Верховный суд уже окончательно решил нашу участь; видел мои показания, отвечал, что признаю за свои».

На следующий день, 10 июня, Верховный уголовный суд, выслушав донесение ревизионной комиссии, выбрал новую комиссию для «установления разрядов разных степеней виновности государственных злоумышленников». Разрядная комиссия в пределах «главного умысла на потрясение империи, на ниспровержение всего государственного порядка» установила основные роды злодеяний: 1) царевубийство; 2) бунт; 3) мятеж воинский. Внутри каждого рода комиссия выделила виды преступлений: 1) знание умысла; 2) согласие в нем; 3) вызов на совершение его — и затем, «оставив их в порядке постепенности, из сложения и сопряжения их произвела начала разрядов».

Верховный суд в своем решении исходил из «общего правила, в самом начале единогласно им поставленного, а именно, что все подсудимые, без изъятия, по точной силе наших законов подлежат смертной казни». Оставив пятерых — К. Рылеева, П. Пестеля, М. Бестужева-Рюмина, С. Муравьева-Апостола, П. Каховского — вне разрядов, суд разделил остальных подсудимых на одиннадцать разрядов.

Наказания осужденных по делу о злоумышленных тайных обществах и мятеже 14 декабря по предложению суда распределялись следующим образом: первый разряд — «смертная казнь отсечением головы»; второй разряд — «положить голову на плаху, а потом сослать вечно в каторжную работу»; третий разряд — «лишение чинов и дворянства, ссылка в каторжную работу вечно»; четвертый, пятый, шестой, седьмой разряды — «лишение чинов и дворянства, ссылка в каторжную работу на определенное время и потом вечно на поселение»; восьмой, девятый разряды — «лишение чинов и дворянства, вечная ссылка в Сибирь»; десятый разряд — «по лишении чинов и дворянства написать в солдаты до выслуги»; одиннадцатый разряд — «лиша чинов, написать в солдаты до выслуги».

В заседании 29 июня голосовался вопрос о назначении наказания преступникам, оставленным «вне разрядов». За исключением адмирала Н. С. Мордвинова, предложившего — «лиша чинов и дворянского достоинства и положив голову на плаху, сослать в каторжную работу», и двух членов суда, подавших голоса за простую, неквалифицированную смертную казнь, остальные высказались за применение к преступникам 19-го артикула Воинского устава 1716 года, предусматривавшего смертную казнь четвертованием. 10 июля 1826 года Николай I утвердил доклад суда, заменив первому разряду смертную казнь на каторгу, а также сделав изменения в приговоре суда по другим разрядам. Тринадцатая статья царского указа гласила: «Участь преступников, кои по тяжести их злодеяний поставлены вне разрядов и вне сравнения с другими, предаю решению Верховного уголовного суда и тому окончательному постановлению, какое о них в сем суде состоится».

На следующий день суд заседал вновь. Из протокола Верховного уголовного суда 11 июля 1826 года: «Верховный уголовный суд, по выслушиванию Высочайшего Имянного Указа, в 10 день июля сему Суду данного, положили: ...сообразуясь с Высокомонаршим смягчением казней и наказаний, прочим преступникам определенный, Верховный Уголовный Суд по Высочайше предоставленной ему власти приговорили: вместо мучительной смертной казни четвертованием Павлу Пестелю, Кондратию Рылееву, Сергею Муравьеву-Апостолу,

Михаиле Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому, приговором Суда определенной, — сих преступников за их тяжкие злодеяния повесить». Такова внешняя канва событий, приведших к столь желанному для его императорского величества исходу процесса.

При внимательном рассмотрении хода дела нетрудно заметить весьма странное обстоятельство. Если Николай I был действительно единственным и полноправным руководителем процесса, в чем сомневаться, впрочем, не приходится, то почему в таком случае Верховный уголовный суд посмел самовольно принять решение о предании смертной казни четвертованием осужденных «вне разрядов», которое не получило затем высочайшего утверждения? Более того, передавая вопрос об участии этих осужденных вновь на «окончательное постановление» суда своим указом от 10 июля, Николай I официально заявлял об этой оплошности и, по неизвестным причинам уклоняясь от публичного выражения своей воли, что уже было совершенно несвойственно русскому императору, самым актом возвращения дела в суд как бы указывал на желательность пересмотра первоначального приговора на сей раз «окончательно».

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо заглянуть за кулисы Верховного уголовного суда. Прежде всего вопрос о смертной казни был решен Николаем уже в первый день допросов. 15 декабря он писал Константину: «...так как в данном случае речь идет об убийцах, то их участь не может не быть достаточно сурова». 20 декабря в беседе с французским послом в Петербурге графом Ляфферонэ Николай заявил: «Я начинаю царствовать под грустным предзнаменованием и со страшными обязанностями. Я сумею их исполнить. Проявлю милосердие, много милосердия, некоторые даже скажут, слишком много; но с вожаками и зачинщиками заговора будет поступлено без жалости, без пощады».

В начале января 1826 года царь, по недостаточной юридической подготовке не различавший к тому времени следствия от суда, проговорился публично. 7 января читатели «Русского инвалида» в «Прибавлении к подробному описанию происшествия, случившегося в Санкт-Петербурге 14 декабря 1825 года», могли прочесть следующее: «Касательно главных зачинщиков и заговорщиков, примерная казнь будет им справедливым возмездием за нарушение общественного спокойствия». На другой день в газете появилось «исправление»: «В № 5 «Русского инвалида», на странице 20-й, в строках 19-й, 20-й и 21-й надобно читать: примерное наказание, коего требуют справедливость, польза государства и общее мнение людей благомыслящих».

17 декабря Николай I писал Константину: «Впоследствии для суда я предполагаю отделить лиц, действовавших сознательно и предумышленно, от тех, кто действовал как бы в припадке безумия...» Письмо от 4 января 1826 года содержало уже конкретный план расправы: «Я думаю покончить возможно скорее с теми из негодяев, которые не имеют никакого значения по признаниям, какие они могут сделать, но будучи первыми, поднявшими руку на свое начальство, не могут быть помилованы... Я думаю, что их нужно попросту судить, притом только за самый поступок, полковым судом в 24 часа и казнить через людей того же полка».

6 июня царь сообщал в Варшаву: «...В четверг начался суд со всей подобающей торжественностью. Заседания идут без перерыва с 10 часов утра до 3 часов дня... Затем последует казнь — ужасный день, о котором я не могу думать без содроганья. Предполагаю произвести ее на эспланаде крепости». Константин, одобряя намерение брата, писал в ответ: «Если когда-нибудь необходим пример, так это теперь».

Сложность положения Николая состояла в том, чтобы, произведя казнь, при этом суметь «отстранить от себя всякий смертный приговор» и в то же время, смягчив наказания некоторым осужденным, выполнить обещание, данное им в беседе с Ляфферонэ, — удивить Европу своим милосердием. Это было тем более трудно, что в это время повсюду упорно носились слухи о предстоящем помиловании. Сообщения эти с ссылкой на авторитетные русские источники появились в английских и французских газетах. Многие были убеждены, что русский импе-

ратор в политических интересах должен отдать предпочтение милосердию перед строгостью.

Однако Николай, бывший на сей счет другого мнения, вышел из положения довольно просто. Доклад Верховного уголовного суда составили таким образом, чтобы право монарха на милосердие выглядело весьма ограниченным, ибо, утверждал суд, как бы настаивая вопреки воле государя на «особом» наказании осужденных «вне разрядов», «есть степени преступления столь высокие, с общою безопасностью государства столь смежные, что самому милосердию они, кажется, должны быть недоступны». Так поставленные «вне разрядов» оказались за пределами милосердия его императорского величества.

Хотя Николай I остался в целом доволен докладом Верховного уголовного суда, однако предложения суда были для него в определенной степени неожиданными. Весной 1826 года, когда разрабатывались процедура и проекты решений предстоящего суда, царь предполагал «между преступниками сделать следующее разделение: те из военных и гражданских лиц, кои явно изобличены в намерении разрушить общий порядок и спокойствие государства и в покушении на саму жизнь покойного государя императора... должны составить преступников первого разряда; те же... кои действия преступны против законной власти, не имеют ясных доказательств в намерении разрушить верховную власть и государственные законы... составляют преступников второго разряда».

Во время судебного процесса последовало высочайшее изменение классификации: «1-й разряд. Начальники заговора против правительств и лица государя и все согласившиеся и взявшие на себя исполнение. 2-й разряд. Знавшие про сии замыслы против лица государя и не объявившие. 3-й разряд. Дураки, увлеченные, но ни душой, ни телом не разделявшие и не знавшие даже про все дело».

Однако разрядная комиссия под руководством Сперанского вопреки высочайшей воле и постановлению суда о смертной казни всем трем разрядам разделила декабристов на одиннадцать разрядов и сверх того установила различные степени наказания. Доклад разрядной комиссии вызвал настоящую бурю в Верховном уголовном суде. Многие члены суда не считали возможной «такую перемену без высочайшего разрешения» и, кроме того, полагали, что, встав на путь «умножения разрядов», суд не выполнит своей «священной обязанности вселить в народе ужас и омерзение к преступлениям, угрожающим России гибелью». Противники разделения подсудимых на разряды предлагали ограничиться тремя видами наказаний: повешение, отсечение головы и расстреляние.

Но разрядной комиссии удалось убедить большинство членов суда в необходимости установления «постепенности» в наказаниях. Сенатор А. А. Перовский в особой записке на высочайшее имя, настаивая на отмене решения суда, писал о затруднительном положении «государя императора, которому в сем неразрешимом хаосе 11 разрядов и 27 видов, конечно, трудно отличить предполагаемые комиссией разные степени виновности подсудимых».

Однако Николай I без особого труда разобрался в системе разрядов. «Я получил сегодня утром доклад Верховного суда, — писал он Марии Федоровне 10 июля 1826 года, — он был хорошо составлен и дал мне возможность воспользоваться моим правом убавить немного степень наказания, за исключением пяти лиц».

Предоставляя участь этих лиц — пяти декабристов, возглавлявших список осужденных, — решению суда, Николай официально снимал с себя ответственность за смертный приговор. «Осуждены на смерть не мной, — подчеркивал он в письме великому князю Михаилу Павловичу 12 июля 1826 года, — а по воле Верховного суда».

10 июля, в день подписания царского указа Верховному уголовному суду, министр юстиции Лобанов-Ростовский обратился с записочкой к председателю суда Лопухину: «Государь изволил отозваться, что доклад и все предложения просмотрит и даст по оному свое повеление, но тут же присовокупил, что, если неизбежная смертная казнь кому подлежать будет, государь ее сам не утвердит, а уполномочит Верховный уголовный суд самому разрешить

тот предмет». В тот же день Лопухин получил дополнительные разъяснения в письме начальника генерального штаба Дибича: «В высочайшем указе о государственных преступниках на доклад Верховного уголовного суда, в сей день состоявшемся, между прочим в статье 13-й сказано, что преступники, кои по особенной тяжести их злодеяний не включены в разряды и стоят вне сравнения, предаются решению Верховного уголовного суда и тому окончательному постановлению, какое о них в сем суде состоится. На случай сомнения о виде их казни, какая сим преступникам судом определена быть может, государь император повелеть мне соизволил предварить вашу светлость, что его величество никак не соизволяет не токмо на четвертование, яко казнь мучительную, но и на расстреляние, как казнь, одним воинским преступлением свойственную, ни даже на простое отсечение головы и, словом, ни на какую смертную казнь, с пролитием крови сопряженную».

Несмотря на «глухоту» князя Лопухина и «глупость» князя Лобанова, которые, по мнению Николая I, «немало способствовали замедлению дела и нарушали декорум», Верховный суд успешно сыграл отведенную ему роль и после недолгих размышлений 11 июля 1826 года «избрал» форму смертной казни, столь любезно подсказанную императором накануне.

12 июля 1826 года Верховный уголовный суд провел последнее заседание в Петропавловской крепости, на котором приговор объявили осужденным.

Узников вывели из казематов и через задний двор проводили в дом коменданта. Встреча была неожиданной и радостной. Декабристы, впервые с момента ареста и заключения в крепость оказавшиеся все вместе, обнимались как воскресшие, спрашивая друг друга:

— Что это значит?

— Будут объявлять сентенцию, — отвечали знавшие.

— Как, разве нас судили?

— Уже судили, — был ответ.

Но первое впечатление так преобладало, что этим никто так сильно не поразился. Все видели, по крайней мере, конец мучительному заточению.

Первыми в зал, где разместились Верховный уголовный суд, для оглашения приговора ввели пятерых заключенных, поставленных «вне разрядов». «Я не заметил на их лицах ни малейшего смущения», — записал в свой дневник член суда сенатор П. Г. Дивов.

Затем по разрядам в судебное заседание стали вводить остальных осужденных. «Члены Верховного уголовного суда, — вспоминал декабрист А. Розен, — с любопытством рассматривали осужденных, которых они же осудили, никогда не видев их и никогда не говорив с ними до осуждения. Вся эта процессия и церемония продолжалась несколько часов среди глубочайшей тишины. Мы были не в суде, не пред судьями; тут нечего было и сказать и возразить: было бы то же, что спорить с конвоем или палачом».

12 июля Николай I пишет матери, императрице Марии Федоровне: «Приговор состоялся и объявлен виновным. Не поддается перу, что во мне происходит; у меня какое-то лихорадочное состояние, которое я не могу определить. К этому, с одной стороны, примешано какое-то особое чувство ужаса, а с другой, благодарности господу богу, коему было благоугодно, чтобы этот отвратительный процесс был доведен до конца». В этот день, накануне казни, Николай I вновь пережил весь страх, чувство беспредельного ужаса, которое он испытал на Сенатской площади 14 декабря 1825 года и за которое он так жестоко мстил.

Николай I подробно разработал обряд предстоящей казни. В особой записке петербургскому генерал-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову он писал: «В кронверке занять караул. Войскам быть в 3 часа. Сначала вывести с конвоем приговоренных к каторге и разжалованных и поставить рядом против знамен. Конвойным оставаться за ними, считая по два на одного. Когда все будут на месте, то командовать на караул и пробить одно колено похода; потом г. генералам, командующим эскадронами и артиллерией прочесть приговор, после чего пробить 2 колено похода и командовать на плечо; тогда профосам сорвать мундир, кресты

и переломить шпаги, что потом и бросить в приготовленный костер. Когда приговор исполнится, то вести их тем же порядком в кронверк; тогда взвести присужденных к смерти на вал, при коих быть священнику с крестом. Тогда ударить тот же бой, как для гонения сквозь строй, докуда все не кончится, после чего зайти по отделениям направо и пройти мимо и распустить по домам». О часе совершения казни Николай писал Дибичу: «Я полагаю назначить час вам вместе с Кутузовым; я считаю в 4 часа утра; так чтобы от 3 до 4 часов могла кончиться обедня и их можно было бы причастить».

Виселица была установлена на валу кронверка Петропавловской крепости. К 3 часам 13 июля 1826 года на крепостной эспланаде выстроились части войск от каждого полка гвардии. Приговоренные к каторжным работам и ссылке были выведены под конвоем из крепости на гласис кронверка для производства обряда разжалования. Палачи ломали над головами осужденных шпаги, срывали эполеты, мундиры, знаки отличия и бросали их в огонь.

Для осужденных из числа морских офицеров был разработан особый церемониал гражданской казни. Николай I в своем распоряжении от 1 июля приказал начальнику морского штаба приготовить яхту, «которая могла бы принять из крепости всех преступников, морскому ведомству принадлежавших, и потом вести их прямо, не заезжая никуда, на адмиральский корабль адмирала Кроуна, где и разжаловать их непременно в тот же день, то есть 13 числа, по обрядам морской службы».

Приговоренных к смертной казни провели по фронту войск. Пока палачи возились с виселицей, которая по нерасторопности начальника кронверка Петропавловской крепости В. И. Беркопфа не была готова, осужденные, по словам очевидца, сидели на траве и тихо беседовали. «Они были совершенно спокойны, — вспоминал наблюдавший за казнью помощник квартального надзирателя, — но только очень серьезные, точно как обдумывали какое-нибудь важное дело».

Около 5 часов утра были казнены поставленные «вне разрядов» Павел Пестель, Кондратий Рылеев, Петр Каховский, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин. Телегу с телами казненных поставили в здании училища торгового мореплавания; в следующую ночь трупы отвезли на остров Голодай, где находилась городская свалка, и тайно зарыли.

Донесение генерал-адъютанта Голенищева-Кутузова: «Экзекуция кончилась с должной тишиной и порядком, как со стороны бывших в строю войск, так и со стороны зрителей, которых было немного. По неопытности наших палачей и неумению устраивать виселицы при первом разе трое, а именно: Рылеев, Каховский и Муравьев сорвались, но вскоре опять были повешены и получили заслуженную смерть. О чем вашему императорскому величеству всеподданнейше доношу».

Из рассказа начальника кронверка: «Когда отняты были скамьи из-под ног, веревки оборвались и трое преступников рухнули в яму, прошибив тяжестью своих тел и оков насланные над ней доски. Запасных веревок не было, их спешили достать в ближайших лавках, но было раннее утро, все было заперто, почему исполнение казни промедлилось. Однако операция была повторена и на этот раз совершенно удачно».

«Два слова наспех, дорогая матушка, — писал Николай из Царского Села после приезда фельдъегеря, доставившего известие о казни, — чтоб сообщить вам, что все прошло спокойно и в совершеннейшем порядке. Презренные и вели себя, как презренные, с величайшей низостью».

На самом деле, однако, Николай был далеко не уверен, что все обойдется спокойно. Чувство страха и внутренней тревоги не покидало его. После краткой молитвы в дворцовой церкви он заперся в своем кабинете и торопливо писал начальнику генерального штаба Дибичу: «Прошу вас соблюдать сегодня величайшую осторожность и в особенности передать Бенкендорфу, чтобы он удвоил свою деятельность и бдительность, то же следует предписать и войскам».

14 июля 1826 года на Сенатской площади в Петербурге состоялся искупительный молебен. Посредине поставили алтарь, и митрополит Серафим, окроп-

ляя святой водой ту часть площади, где находились восставшие, очищал столицу от «посрамивших ее злодеяний». «Итак — конец этому адскому делу! — писал Николай I брату Михаилу Павловичу 12 июля. — 14 числа — молебен с поминкой на самом месте бунта; все войска, бывшие в деле, — в ружье, а стоять будут случайно почти так, как в тот день».

Этот молебен явился по замыслу русского императора заключительным актом очищения святой Руси от революционной «заразы», ее осквернившей, и того устрашающего «примера», который победивший монарх хотел дать своему народу и Европе.

19 июля 1826 года во время «очистительного молебствия» в Москве четырнадцатилетний Герцен, находившийся в толпе, «тут перед алтарем, оскверненным кровавой молитвой», поклялся «отомстить казненных и обрекал себя на борьбу с этим тронem, с этим алтарем, с этими пушками».

Восстание на Сенатской площади в Петербурге, следствие и суд над декабристами разбудили русское общество и значительно ускорили процесс его политического воспитания. Идеинное и нравственное воздействие выступления декабристов на русское общество было настолько сильным, что, несмотря на широкую пропаганду официальной версии и стремление правительства вырвать из истории «печальные» события 1825 года, декабристы вызывали восхищение и гордость передовых людей общества, оказали огромное влияние на последующие поколения освободительного движения в России.

Продолжатель дела декабристов А. И. Герцен писал: «Этот тупой тиран не понял, что именно таким образом виселицу превращают в крест, пред которым склоняются целые поколения... Безмолвию, немому бездействию был положен конец; с высоты своей виселицы эти люди пробудили душу у нового поколения: повязка спала с глаз».

В МИРЕ НАУКИ

А. БЕРГ,

академик, Герой Социалистического Труда

НЕПРЕРЫВНОСТЬ ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Вряд ли задумывался кто-либо из неспециалистов над, казалось бы, несложной проблемой — отсчете времени в масштабе развития человечества в связи с ростом потребностей цивилизации, точнее, в связи с научно-техническим прогрессом. Но, естественно, ученые не могли пройти мимо построения определенной схемы поэтапного развития науки и техники.

Установлено, что от момента создания простого рубила до первого орудия труда прошло ни больше ни меньше как шестьсот — семьсот тысяч лет. А от первого «универсального» орудия до специализированного инструмента примерно в двенадцать раз меньше — пятьдесят тысяч лет; чтобы пройти путь от специализированного инструмента до машины, человечеству понадобилось около тысячи лет, от машины же к автоматизации — только сто.

Эти сопоставления позволяют представить себе, какими темпами шло развитие технической оснащенности человечества.

Швейцарский инженер Густав Эйхельберг в книге «Человек и техника» иллюстрировал развитие техники остроумным приемом.

«Представим себе,— пишет он,— это движение человечества в виде марафонского бега на шестьдесят километров, который, где-то начинаясь, идет по направлению к центру одного из наших городов как финишу.

Итак, большая часть этого шестидесятикилометрового расстояния пролегает по весьма трудному пути — через рощи и девственные леса,— мы об этом ничего не знаем; ибо только в самом конце, после пятидесяти восьми — пятидесяти девяти километров мы находим наряду с первобытным оружием пещерные рисунки как первые признаки культуры, и только на последнем километре пути появляется все больше признаков земледелия.

За двести метров до финиша дорога, покрытая каменными плитами, ведет мимо римских укреплений.

За сто метров до финиша наших бегунов обступают средневековые городские строения.

До финиша остается еще пятьдесят метров; там стоял человек, умными и понимающими глазами следивший за бегом,— это были глаза Леонардо да Винчи.

Осталось только десять метров! Они начинаются при свете факелов и скудном освещении масляных ламп.

Но при броске на последних пяти метрах происходит ошеломляющее чудо: свет заливает ночную дорогу, повозки без тяглового скота мчатся мимо, машины шумят в воздухе, и пораженный бегун ослеплен светом прожекторов репортеров, радио и телевидения...»

Но, замечу, это наглядное сравнение было сделано двадцать два года назад. Предоставляю читателю возможность подсчитать, сколько тогда еще метров или сантиметров оставалось до нынешнего финиша.

Темпы технического прогресса ускоряются с каждым днем. Сегодня даже немислимо перечислить все, что дали наука и техника человеку в последнее время. Как правило, в орбиту внимания широких кругов людей, или, как принято теперь говорить, общественности, попадает лишь наиболее значительное, яркое, эффектное. Но научно-технический прогресс — это, конечно, совокупность тысяч и тысяч открытий, изобретений, усовершенствований, изменений, которые все вместе и создают его. И нельзя забывать, что главной движущей силой развития науки и совершенствования техники является потребность общества в материальных и культурных благах. А потребности нашего общества сегодня возрастают с каждым днем. Вот почему мы стали свидетелями бурного развития науки и техники и могучего роста производительных сил.

Маркс писал: «Благодаря тому простому факту, что каждое последующее поколение находит производительные силы, приобретенные предыдущим поколением, и эти производительные силы служат ему сырым материалом для нового производства, — благодаря этому факту образуется связь в человеческой истории, образуется история человечества, которая тем больше становится историей человечества, чем больше выросли производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения»¹.

Прогресс науки и техники сегодня приобрел особенности, позволяющие нам характеризовать его как научно-техническую революцию. Она охватывает и источники энергии и орудия производства. Она дает возможность освободиться от ограничений, накладываемых природой. И конечно, она превратила науку в непосредственную производительную силу. Наука проникла сегодня во все отрасли народного хозяйства — как производственные, так и не производственные.

Полвека тому назад, когда гипотетический бегун приближался к финишу своего марафонского пробега прогресса, в январской книжке «Нового мира» за 1925 год была напечатана статья профессора Б. Лобач-Жученко «Последние достижения науки и техники», в которой оценивались научные и технические завоевания того времени и строились прогнозы на ближайшее будущее. Автор писал:

«Глядя на современные блестящие успехи техники: скорые поезда, автомобили, океанские пароходы, самолеты, массовое производство на фабриках и заводах, электрификацию, успехи радио и т. д. и сравнивая все эти гигантские достижения современной техники за последние сто лет с ее младенческим состоянием в предыдущие века и тысячелетия, многие, естественно, задают себе вопрос — не достиг ли уже технический прогресс высшей кульминационной точки, остались ли еще на нашу долю и будущих поколений какие-нибудь крупные открытия и изобретения, или же им только придется, так сказать, отделять детали наших гигантских изобретений, совершенствовать их в мелочах?..

«К несчастью» или «к счастью», но работы нашей смены и грядущим поколениям осталось очень много, гораздо больше, чем сделано».

К статье пятидесятилетней давности можно и нужно относиться двояко. С одной стороны, в ней правильно схвачены основные тенденции развития техники того времени. С другой стороны, с позиций сегодняшнего дня удивляешься наивному удивлению людей, живших всего пятьдесят лет назад, их представлению о перспективах будущего.

Конечно, важны были и вопросы «переоценки ценностей техники на базе экономики», и проблемы повышения КПД паровозов и двигателей, и борьба за внедрение теплоходов и тепловозов вместо пароходов и паровозов, и весь комплекс задач самого молодого транспорта — авиационного, и трудности электрификации, и первые шаги массового применения радио, которое тогда воспринималось только как средство связи.

В те годы я закончил электротехнический факультет Военно-Морской академии в числе первых его выпускников по радиоспециальности. Можно сказать, что вся моя последующая деятельность была непосредственно связана с общим движением страны в направлении индустриализации и научно-технического развития.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 27, стр. 402.

Мы практически занимались, каждый по своей специальности, теми проблемами, которые автор статьи считал программой на будущее. Но вряд ли кто-либо из нас тогда, как и профессор Лобач-Жученко, мог сказать, что три великих достижения ознаменуют наше время: освобождение атомной энергии, выход в космос и рождение кибернетики. В наши дни две области науки оказывают наибольшее влияние на научно-технический прогресс — во-первых, физика, которая направляет естественные науки и технику; во-вторых, кибернетика, которая влияет на образ мышления людей и позволяет, опираясь на вычислительную технику, реализовать многие процессы переработки информации.

Естественным ходом событий (вместе с развитием радио, которое в 20—30-х годах показало себя как блестящее средство связи, а в начале 40-х, во время Отечественной войны, — как первоклассное оружие, а к концу 40-х годов дало внезапный выход — создание электронных вычислительных машин) я к 50-м годам пришел в кибернетику. Поэтому в статье я и буду говорить о кибернетике и ее месте в научно-техническом прогрессе.

Кибернетика возникла как чрезвычайно широкое научное и техническое направление. С одной стороны, ее рождение было связано с конструированием и применением сложных автоматов, автоматизацией производства, с электроникой и универсальными цифровыми машинами. С другой стороны, к кибернетике вели науки, издавна изучавшие процессы управления и переработки информации в конкретных областях, например наука о жизни. И, конечно, мощный комплекс математических идей и теорий.

Кибернетика обильно черпает накопленные знания из арсенала математики, теории информации, логики, электроники, автоматки и других наук. Она говорит свое веское слово о путях рационализации управления сложными системами и процессами. Она открывает новые перспективы повышения эффективности промышленности, транспорта, связи, строительства, сельского хозяйства. Она распространяет свое влияние на естественные и социальные науки. Образование и экономика, языкознание и право, другие гуманитарные науки — все они обращаются к средствам кибернетики.

Применение кибернетики во все большем круге наук и областей практической деятельности человека — знамение нашего времени. Она дает новые идеи и методы, которые постепенно меняют лицо многих научных дисциплин. Это касается даже наиболее «самостоятельной» из наук — математики. В самом деле, кибернетика и электронная цифровая техника сильно расширили возможности вычислительной математики. Но главное, они оказали серьезное влияние на развитие самих математических теорий. Практические потребности исследования конкретных процессов управления ставят перед математиками новые задачи, требуют продвижения в определенных направлениях существующих математических теорий, создания новых направлений. Например, большие требования предъявляют к математике экономическая наука и наука о жизни, требования, которые вообще не могли появиться до проникновения в эти области кибернетических идей. Развитие кибернетики обогащает весь комплекс естественных и гуманитарных наук. Это касается биологии, физиологии, теории эволюции, генетики, лингвистики, науки о праве и так далее.

Конечно, внедрение кибернетико-математических методов не всегда проходит гладко. Есть и трудности, есть и просто сопротивление: новые методы не всегда воспринимаются с должным пониманием. Но борьба за них идет уже несколько десятилетий, и результаты этой борьбы мы теперь видим все более явственно: кибернетические, математические, количественные методы внедряются во все области знаний и труда человека. Не за горами то время, когда противопоставление описательных — «качественных» — наук наукам «точным» будет представляться анахронизмом.

А пока кибернетика наступает на всех фронтах.

Кибернетика — подлинное богатство для ученого, философски осмысливающего действительность. Это станет очевидным, если попытаться уяснить тот вклад, который она внесла в научную картину мира, в методологию познания, в пути и тенденции практического изменения мира человеком. Главное, что кибернетика

ознаменовала собой новый мощный «прорыв» знания в еще не изученную область явлений. Это, как мы уже говорили, область процессов управления и информационных процессов.

До кибернетики идея о существовании общих закономерностей, относящихся к управлению и информации и действующих в качественно различных областях реальности, не получило научной разработки. Это создавало своеобразный вакуум, который старались заполнить идеализм и фидеизм. Понятно поэтому, какое значение для «достройки» научной картины мира имело появление новой науки. Ведь она впервые в истории знания вступила на путь объективного естественно-научного и математически точного изучения всего того, что связано с процессами управления и переработки информации в природе, технике и обществе. На этом пути она оказывает существенную помощь в решении кардинальных проблем науки, таких, как происхождение и сущность жизни и сознания. Тем самым кибернетика наносит сильный удар по несостоятельным догмам о непознаваемости психической жизни человека, по субъективизму и витализму.

Как известно, материальные процессы — это процессы переноса и преобразования вещества и энергии, протекающие в пространстве и времени. Кибернетика показала, что системы материальных объектов, вещественно-энергетические процессы, существующие в пространственно-временном непрерывном многообразии, являются вместе с тем в том или ином смысле источниками, носителями, потребителями информации. Не существует ни вещества, ни энергии, не связанных с информационными процессами. Это следует из кибернетической трактовки информации как меры разнообразия объектов реальности.

Информационные процессы пронизывают все акты функционирования живой материи. Информация проникает во все поры жизни людей и обществ. Человек живет на Земле в гравитационном поле, во всевозможных энергетических и радиационных полях. Это знали до кибернетики. Теперь же, с ее появлением и развитием, было осознано, что он живет и в информационном поле, непрерывно воздействующем на его органы чувств. Если бы живые существа не обладали органами чувств или иными «приборами», способными улавливать информацию, и если бы не существовало информационного поля, жизнь на Земле прекратилась бы. Человек не может жить ни в вещественно-энергетическом, ни в информационном вакууме.

Если попытаться дать самую общую характеристику сути деятельности людей, то можно сказать, что она заключается в сборе и переработке информации. В связи с этим особо следует сказать о роли электронно-вычислительных машин. Сейчас стало триумфом утверждение, что пути решения проблем нашего развития неразрывно связаны с широким применением вычислительной техники. Электронно-вычислительные машины открыли невиданные ранее возможности переработки информации. Нужно лишь соблюсти одно требование: информация должна быть закодирована на «понятном» для машины языке. Сегодня машинные методы сбора, систематизации, хранения, переработки и использования научной, технической, производственной, экономической информации приобретают гигантскую значимость. Например, к организации и управлению в нашей стране привлечены миллионы людей. Информация, полученная ими, осмысленная и преломленная с точки зрения стоящих задач, превращается в планы-задания, расчеты, в проектные сметы и так далее. Причем желательно, чтобы эти планы-задания, расчеты, сметы были оптимальны, были наилучшими. А находить оптимальные решения в современных условиях с помощью карандаша или арифмометра, безусловно, невозможно.

В настоящее время, время, в котором мы живем, глобальная — производственная, экономическая, военная, научная — мощь стран и государств зависит не только, скажем, от их производственных возможностей, но и от возможностей в информационной сфере, от их способности осуществлять управление в оптимальном режиме. Во всех экономически развитых странах быстро растет количество и повышается качество электронно-вычислительных машин и вычислительных центров.

Меняет ли это обстановку в области обработки и использования информации? Да, и при этом коренным образом. В наши дни электронные машины вторгаются во все области информационной деятельности человека несравненно быстрее, чем несколько сот лет назад книгопечатание. Теперь уже есть машины, выполняющие миллионы численных и логических операций в секунду против нескольких мыслительных операций в секунду, которые может осознанно выполнить человек. И возможности машин непрерывно нарастают.

Широкое практическое использование кибернетики во многом зависит именно от прогресса электронных машин. Кибернетика крайне заинтересована в том, чтобы добиться осуществления информационных процессов с наименьшими затратами вещества и энергии.

И эта ведущая черта кибернетики (стремление обеспечить управление процессами в оптимальном режиме) определяется самим содержанием новой науки — науки об оптимальном управлении сложными процессами, науки о достижении поставленных целей с наименьшими затратами труда, времени, материалов, энергии и информации.

Кибернетика — увлекательная наука, и кибернетики нередко увлекаются. Об одном из таких увлечений кибернетиков — прогнозировании — хотелось бы сказать особо, тем более что причиной написания этой статьи о научно-техническом прогрессе, и в частности о кибернетике, послужила статья Б. Лобач-Жученко, по сути дела прогностическая, автор которой пытался обрисовать некоторые черты техники будущего.

Современное прогнозирование — это составление прогнозов, высказываний о будущем на основе научной теории. Раньше тоже «прогнозировали». Например, средневековый философ Р. Бэкон писал еще в XIII веке, что «можно сделать такие приборы, с помощью которых самые большие корабли, ведомые одним человеком, будут двигаться с большей скоростью, чем суда, полные мореплавателей. Можно построить колесницы, которые будут перемещаться с невероятной быстротой без помощи животных. Можно создать летающие машины, в которых человек, спокойно сидя и размышляя над чем угодно, будет бить по воздуху своими искусственными крыльями наподобие птиц... а также машины, которые позволят человеку ходить по дну морскому». Конечно, это не прогнозирование, а случайное угадывание. Подлинный прогноз основывается на тщательном анализе тенденций развития техники, на ее логическом продолжении во времени, основанном на объективных законах.

И конечно, прогноз не может быть категоричен: будет так и только так. Сила прогноза в динамичности, в развертывании определенной картины, в показе многих звеньев цепи непрерывного процесса.

Если мы оглянемся в прошлое, то увидим, что жизнь человеческая протекала быстрее, нежели процесс накопления знаний. Поэтому, естественно, предсказание будущего не так уж и волновало людей — не было общественной необходимостью. Теперь же совсем другое дело. Стремительное развитие жизни — усложнение общественных процессов, рост энергетического потенциала, увеличение потоков информации — ставит перед обществом задачу дать ответ на вопрос: а что же будет завтра? В наше время практически невозможно развитие науки и техники, промышленности и культуры без прогнозов.

Вот почему партия и правительство признали необходимым, чтобы по важнейшим проблемам народного хозяйства впредь разрабатывались научно-технические прогнозы на длительный период.

Теперь наши научные учреждения наряду с пятилетними планами составляют и прогнозы развития перспективных направлений науки и техники на длительный период, так называемые долгосрочные прогнозы.

Сейчас в разных странах, в том числе и в Советском Союзе, разработано более двухсот методов прогнозирования. Даже кратко все их охарактеризовать не представляется здесь возможным. Но важно подчеркнуть, что все их многообразие сводится к тому, чтобы, во-первых — находить основные, отправные пункты прогнозирования, во-вторых — моделировать направление передачи науч-

но-технических знаний, в-третьих — определять не только то, как достигнуть цели, но и то, в чем эти цели должны состоять. И конечно, очень важно устанавливать так называемую обратную связь, то есть связь между вариантами предвидения и планирования действительного будущего.

Насколько это важно в современных условиях и насколько это ответственно, показывает резкое сокращение в последние годы временного разрыва между научным открытием и широким его применением. Оговорюсь, что беру близкие мне по специальности открытия.

От изобретения телефона до его применения прошло более полувека, у радио этот период длился тридцать пять лет, у электронной лампы — тридцать один год, у радара всего пятнадцать, а у транзистора только три года!

Вот почему с очень большой ответственностью надо относиться к тем изменениям, которые возникают в науке и технике. Например, революция в информации, которую мы сегодня переживаем и о которой я подробно говорил, связана с важными техническими аспектами, такими, как сверхбыстродействующие электронно-вычислительные машины. Можно наметить следующий этап на этом направлении: ЭВМ, легко «общающиеся» с человеком, ЭВМ, объединенные в общегосударственную сеть, и, безусловно, расширение связи с использованием миллиметровых радиоволн, лучей лазера и спутников.

При этом возникают возможности, о которых мы в той или иной степени знаем: широкое применение счетных машин в любой области деятельности человека, рост местного радиовещания и радиосвязи, всемирная служба погоды, использование спутников.

А вот глобальные аспекты при прогнозировании уже будут для многих неожиданными: ну, допустим, всемирное оповещение о новостях в момент их появления, машинный перевод с одного языка на другой, гигантские изменения в средствах связи, изменение характера библиотек, упразднения «бумажной» работы и машинисток.

Думаю, нет необходимости говорить о том, как важно не от случая к случаю, а систематически заглядывать в будущее, чтобы реально представлять его черты и, основываясь на всех достижениях настоящего, правильно выбирать путь, по которому направлять развитие научно-технического прогресса.

В свое время В. И. Ленин писал: «Все дело в том, чтобы не довольствоваться тем уменьем, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти *непрерывно* *дальше*, добиваться *непрерывно* *большого*, переходить непрерывно от более легких задач к более трудным. Без этого никакой прогресс вообще невозможен, невозможен и прогресс в социалистическом строительстве»².

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 196.

ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВ,
доктор исторических наук

ОТКРОВЕНИЯ И НАУКА

Известный революционер-народоволец Н. А. Морозов, выйдя на свободу после длительного заключения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости и в Шлиссельбурге (1881—1905), посвятил себя науке. Он занимался метеорологией, математикой, но прежде всего и больше всего астрономией и химией.

В 1907 году Морозов опубликовал книгу «Откровение в грозе и буре». В этой работе, дав астрономическое толкование символике евангельского «Откровения» Иоанна, Морозов доказывал, что «Откровение» было написано не в I веке нашей эры, как принято считать в науке, а 30 сентября 395 года и что автором его был якобы известный церковный деятель IV века нашей эры Иоанн Златоуст. Коренной пересмотр давно сложившихся взглядов стал настоящей сенсацией. Книга раскупалась нарасхват, залы ломались от публики, желавшей послушать лекции Морозова. Однако после того как многие русские и зарубежные ученые (прежде всего астрономы, историки) подвергли книгу резкой критике, интерес к ней упал. Когда через семь лет — в 1914 году — Морозов опубликовал новое исследование «Пророки», где, также используя для датировки астрономические расчеты, доказывал, что книги библейских пророков были написаны не за несколько веков до нашей эры, а в V—X веках нашей эры, его работа была встречена без особого интереса.

Но вот прошло еще десять лет — и появилась книга Морозова «Христос», первый из семи томов (1924—1932) обширного исследования, в котором все датировки мировой истории были пересмотрены заново и изменены, да и само понимание этой истории получило совершенно неожиданное истолкование. На основании все того же астрономического метода, то есть используя для датировок упоминание в древних документах различных астрономических явлений, а также данные других наук, Морозов пришел к выводам, которые можно назвать не только сенсационными, а прямо-таки сногсшибательными. Оказывается, представление о том, что человечество существует многие сотни тысяч лет, — сплошная ошибка. Люди живут на Земле менее двух тысяч лет. Каменный век начался в I веке нашей эры (а другой эры никогда и не было) и продолжался всего сто лет. Сменивший его во II веке бронзовый век также длился всего сто лет, а пришедший в начале III века железный век в конце этого столетия завершился созданием обширной латино-эллино-сирийско-египетской империи. Властители этой империи, вступая на престол, короновались четырьмя коронами, принимая в каждой из главных частей своего царства местное официальное наименование и титул. Таким образом, римские императоры, эллинские властители, библейские цари и египетские фараоны — это одни и те же люди. А значит, в римской истории, греческих хрониках, библейских сказаниях и летописях египетских фараонов описаны деяния одних и тех же властителей, но в разных государствах. На этом основании вся античная литература и наука объявлялись подделкой, продуктом творчества писателей эпохи Возрождения. Например, сочинения Иосифа Флавия написаны были якобы не в I веке нашей эры, а в середине XVI века.

Все события мировой истории как ураганом были сорваны со своих мест и перенесены в совершенно новые, неожиданные времена. Например, казнь Христа якобы произошла 20 марта 368 года. Вся мировая история сплюснулась, словно попав под

гигантский пресс, потеряла объемность и рельефность, стала тонкой, как пленка, плоской, единообразной.

Громкая слава Морозова — революционера, борца и мученика, уважение к нему как к незаурядной личности, его писательский талант, его неистовая увлеченность — все это способствовало успеху книги «Христос». Вместе с тем выводы книги находились в резком противоречии с работами тысяч ученых различных специальностей, со всеми теми достижениями и богатствами, которые выработала мировая наука за время развития человечества. Необходимо было разобраться в этой потрясающей основе мировой истории книге Морозова, и разобраться объективно, квалифицированно, вдумчиво. За это и взялся журнал «Новый мир» в первом же своем номере — № 1 за 1925 год. Столь серьезное и ответственное дело журнал поручил Николаю Михайловичу Никольскому. Следует признать, что редакция подобрала на редкость удачную кандидатуру. Никольский, в то время сорокавосемилетний профессор Белорусского государственного университета, был одним из самых знающих историков-востоковедов и находился в расцвете своих творческих сил. Сын выдающегося ученого, также востоковеда — М. В. Никольского, зачинателя русской ассириологии, Николай Михайлович рос в атмосфере научного творчества, бескомпромиссного служения истине. Крупный филолог, специалист по семитским языкам и клинописи, историк, много времени уделявший критическому изучению библейских текстов, различных проблем Древнего Востока, истории церкви, Н. М. Никольский был одним из блистательных ученых своего времени. И все же перед рецензентом «Нового мира» стояла на редкость трудная задача.

Высказанное Морозовым новое истолкование и передатировка мировой истории завоевали немало сторонников. Этому способствовал не только высокий и заслуженный авторитет Морозова. Критика его книги «Откровение в грозе и буре», построенной на тех же методологических приемах, что и «Христос», за семнадцать лет забылась. Завораживающе действовали на многих людей цифры и уравнения астрономических расчетов, приведенные в новой работе Морозова, точная не только по годам, но по месяцам и дням датировка им различных исторических событий. Наконец, революция, гражданская война, установление в России впервые в мире социалистического строя сопровождалось грандиозными потрясениями в экономике и политике. Для тех лет особенно характерно было ощущение глобальности, всемирности осуществляемых и грядущих перемен, и книга Морозова, казалось бы, как нельзя лучше соответствовала этим ощущениям. В то время происходил решительный пересмотр и ломка многих традиционных институтов и взглядов в самых различных областях. Необходимо было действительно очистить духовный мир людей от ряда обветшавших представлений и создать новые — более справедливые и верные. Критическому пересмотру, отбрасыванию старых, отживших представлений и построению новых, основанных на подлинно научных принципах, подвергались тогда многие области науки и далеко не в последнюю очередь история. И в этом отношении книга Морозова, радикально менявшая самое представление о сути и времени процесса исторического развития, была очень привлекательной. Ведь сознанием многих горящих нетерпением людей еще не были освоены во всей их глубине замечательные ленинские слова: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить». Да, нелегкая задача стояла перед Н. М. Никольским. Для ее решения нужны были объективность, мужество, принципиальность и знания подлинного ученого. Никольский начал с краеугольного камня, на котором строилось в книге Морозова все его новое истолкование и передатировка мировой истории, — с астрономического метода. Самое сложное в использовании его для истории и археологии — правильная постановка задачи. Никольский отметил, что описание различных астрономических явлений в древних документах можно разделить на три категории. Первая — самая редкая, но и самая плодотворная, когда текст не оставляет никаких сомнений в точности описываемого явления. В этом случае астрономический метод оказывает исторической науке неоценимые услуги. Именно так, на основании данных египетских документов эпохи Нового Царства о появлении Сириуса и новолуниях, была уточнена хронология древней египетской истории, на

основании астрономических наблюдений в древних вавилонских текстах удалось установить дату начала первой вавилонской династии и так далее. Вторая категория — упоминание чисто астрономических явлений, но неполное и неясное из-за пропусков или двусмысленных терминов, когда одним и тем же термином обозначались в разных случаях совершенно различные явления и планеты. В этом случае какие-либо выводы можно делать только при сопоставлении с другими данными или после доказательства того, о каком именно явлении или небесном теле идет речь. Наконец, третья — самая опасная категория, это такие древние тексты, в которых астрономические явления не названы и можно лишь предполагать, что различные существа, предметы, цвета являются их символами. Такая астрономическая и астрологическая символика действительно существовала, однако смысл и содержание различных символов менялись и, кроме того, часто вообще приписывание различным явлениям значения астрономических символов является весьма произвольным, гадательным, необоснованным — в лучшем случае одним из многих возможных толкований.

Никольский доказывает, что почти все тексты, на которые опирается Морозов, относятся к третьей категории, это автор произвольно утверждает, будто, например, кони — это символ планет, всадники — созвездий, отросток миндального дерева — кометы. Далее Н. М. Никольский разбирает все основные выводы Морозова именно с точки зрения примененного им астрономического толкования различных древних текстов и показывает искусственность, необязательность, субъективность этих выводов. Более того, проявляя завидное для историка знакомство с астрономией, Никольский берет исходные для Морозова данные, строит на основании этих данных совершенно иные схемы исторических явлений, хронологические определения и так далее, показывая условность и субъективность таких толкований. Разбирая уже не астрономические, а историко-филологические аргументы, приведенные в книге, Никольский показывает их полную несостоятельность. Он отмечает, что Морозов во многих случаях допускает искажения, пропуски и добавления в древних текстах, чтобы его построения казались более убедительными. Так, стремясь доказать, что библейские цари, египетские фараоны, греческие властители и римские императоры — это одни и те же люди, жившие в одно время и лишь по-разному титуловавшиеся в разных частях своих обширных империй, Морозов по своему усмотрению меняет, пропускает или добавляет годы к действительному времени правления.

Со дня опубликования книги Морозова «Христос» прошло более полувека, со времени опубликования статьи Никольского «Астрономический переворот в исторической науке» — ровно пятьдесят лет... В настоящее время вряд ли найдется в мире хотя бы один сторонник концепции мировой истории, высказанной Морозовым. И все-таки, как нам представляется, нельзя относить книгу «Христос» лишь к курьезам науки.

Во-первых, ученый имеет право на построение любых гипотез и на публичную их защиту. Во-вторых, Н. А. Морозов привлек внимание к возможности использовать астрономические методы для исследования истории. Сам принцип применения астрономии и других точных и естественных наук к изучению истории оказался весьма плодотворным, и Морозов был одним из пионеров этого ныне важнейшего направления в науке, хотя сам и применял эти методы неточно.

За последние десятилетия в историко-археологической науке произошел действительный переворот, выразившийся наряду с совершенствованием прежних традиционных приемов в широком применении методов естественных и точных наук. Этот переворот связан с общей тенденцией слияния и взаимовлияния различных наук, в частности сближения между гуманитарными и естественными и точными науками. Собственно говоря, археологи уже длительное время работали в тесном контакте с палеоботаниками, палеографами, почвоведом. Однако широкое применение естественных наук в археологии началось сравнительно недавно. В 1955 году в ленинградском отделении Института археологии Академии наук СССР создается лаборатория по внедрению методов этих наук в археологию. В 1959 году в «Вестнике Академии наук СССР» и в 1960 году в журнале «Вопросы истории» были опубликованы статьи Б. А. Колчина и А. Л. Монгайта, в которых рассказывалось о возможностях и перспективах применения методов естественных и точных наук в археологии, об имев-

шихся уже в этом отношении успехах и в Советском Союзе и за рубежом. Эти статьи привлекли внимание ученых различных специальностей и послужили как бы программой будущих работ. Соответствующие лаборатории стали возникать и разворачивать работу в различных городах России, Украины, Закавказья, Средней Азии, Прибалтики. Были переведены на русский язык и опубликованы работы, посвященные результатам подобных исследований в различных странах, такие, например, как книга М. Дж. Эйткина, профессора Оксфордского университета, «Физика и археология» (М. 1963), устанавливались и крепили связи археологов с учеными других специальностей. В настоящее время уже несколько десятков новых методов внедрено во все три основных цикла археологических работ: разведка, раскопки, обработка полученных материалов. На эту тему опубликовано много статей и книг, например сборник «Археология и естественные науки» («Наука», 1965).

В короткой журнальной статье нет возможности не только описать, но даже перечислить все те методы естественных и точных наук, которые в настоящее время применяются в археологии. Приведем несколько примеров. Широко применяется электро- и магнитная разведка. Она осуществляется различными способами. От саперов пришел к археологам прибор типа миноискателя, при помощи которого обнаруживаются древние железные предметы. Геофизики снабдили археологию потенциометрами, автоматическими компенсаторами, магнитометрами. Потенциометры определяют электропроводность или степень сопротивления прохождению электрического тока через почву. Установив при помощи воткнутых в землю железных штырей-электродов общее сопротивление данного участка почвы, можно, метр за метром проверяя сопротивление, обнаружить древние засыпанные ямы, скопления камней, глиняных изделий, завалов черепицы: сопротивление в них будет резко отличаться от обычного для данного участка почвы. С помощью потенциометров проведена эффективная электроразведка на сотнях археологических памятников. Так, например, до раскопок был составлен точнейший план сооружений древнегреческой виллы IV века до нашей эры на побережье Черного моря, на Тарханкуте в Крыму. Каменное здание виллы состояло из множества комнат различных размеров, стен разной толщины, соединяющихся под неодинаковыми углами. Благодаря электроразведке до раскопок были нанесены на план все эти комнаты, стены, углы и стыки стен, дверные проемы. Таким же способом определены местонахождения домниц для выплавки железа и печей для обогатительного обжига железной руды на древнерусском городище X—XII веков нашей эры Алчедар в Молдавии.

Магнитная разведка основана на том, что все предметы обладают магнитными свойствами, хотя и в разной степени. А предметы из глины, которые когда-либо подвергались сильному нагреву, обладают повышенными магнитными свойствами, вызывающими магнитные аномалии. Магнитометры регистрируют усиление магнитного поля над такими объектами, отмечают появление магнитных аномалий и позволяют таким образом обнаружить до раскопок древние гончарные горны, печи, скопления обожженной глины, остатки различных сооружений из нее, а также ямы, заполненные органическими остатками. Применение магнитной разведки на посаде древнерусского городища Изяславль, разрушенного в 1241 году татаро-монголами, позволило еще до раскопок определить местонахождение целого ряда сооружений и даже отдельных предметов. Нет нужды говорить о том, насколько методы электро- и магнитной разведки облегчают труд археологов и делают его более эффективным.

Все шире используются при археологических разведках и аэрофотосъемки древних сооружений (городища, ирригационные системы), методы звуковой геолокации при поиске объектов, погребенных на дне водоемов, методы сейсмической разведки, основанные на изучении упругих свойств археологических объектов, особенно пустот в культурном слое, отличающих их от упругих свойств окружающей среды. Применяется и фосфатная разведка. Она основана на том, что в местах длительного обитания человека образуется большое количество органических остатков, богатых фосфором. Фосфат от них проникает в почву, и его на местах древних поселений в десятки раз больше, чем на соседних участках. Произведя определение количества фосфатов в почве и регистрируя его изменения, можно без больших затрат времени находить древние поселения, определять их границы.

Важную роль в изучении древних изделий из железа, глины, стекла, бронзы, серебра и других материалов играет химико-технологическое макро- и микроструктурное исследование. С их помощью удается не только узнать структуру и технологию изготовления различных изделий, но и определить уровень производства, установить источники и базы сырья, районы сбыта готовой продукции, даже микрорайоны обитания различных древних племен. Самые значительные результаты при изучении состава и происхождения материалов, из которых изготовлены древние предметы, технологии их изготовления приносят спектральный анализ, металлография, петрография, рентгенография, химический и другие анализы. Все большее применение в археологии находят и математические методы: статистическая обработка массовых археологических находок, в частности керамики, математическое изучение процентных соотношений различных типов изделий в культурном слое, математические методы при выработке критериев сходства и различия массовых археологических материалов, применение кибернетики в археологии. Все эти методы позволяют не только осветить ряд специфических моментов древнего производства, но нередко позволяют и ответить на важнейшие для изучения древних обществ вопросы — уровень развития производительных сил, этническая история, культурные и экономические связи.

Немалое значение для понимания истории различных производств имеет моделирование применявшихся приемов труда — например, экспериментальное изготовление каменных орудий именно теми средствами, которыми располагал человек каменного века, выплавка железа в домницах сыродутным способом, применявшимся в средние века, и так далее. При определении смысла и значения найденных при раскопках материалов археолог, разумеется, должен полагаться прежде всего на самого себя. Прежде всего, но не только. Нужно быть готовым к консультациям и со своими коллегами, и с учеными самых различных специальностей. Приведу несколько примеров из своей практики. Из своей лишь потому, что за ними, как говорится, ближе всего ходить.

В первые века нашей эры на огромной территории от Черного моря до средних течений Днепра и Днестра и от Дона до Дуная была распространена необыкновенно интересная культура, названная археологами по месту первых находок у села Черняхово под Киевом черняховской. Вот уже три четверти века идут в науке ожесточенные споры о том, кем были в этническом отношении создатели этой культуры, когда они жили и каковы были их исторические судьбы. Все связанное с этой культурой представляет особый интерес для археологов.

В одном из могильников этой культуры, расположенном на берегу Черного моря неподалеку от Одессы, было найдено сто девять потемневших зернышек винограда на дне изящного кувшина, круглого, как шар, с высоким стройным горлом и одной небольшой ручкой. Кувшин по форме напоминал римские, но сделан был местными мастерами. Было в этом погребении и настоящее римское изделие — краснолаковое блюдо с какими-то процарапанными на дне знаками, смысл которых предстоит выяснить. Пока что по римскому блюду можно было точно датировать погребение IV веком нашей эры. Зернышки винограда IV века не такая уж частая находка. Я послал их на определение ученому-растениеведи З. В. Янушевич, которая не раз помогала археологам. Зоя Васильевна очень быстро ответила мне. Пропитирую часть ее ответа, который, как мне кажется, представляет интерес не только для специалистов: «Семена не обугленные, но и не истлевшие. Их темная окраска свидетельствует о том, что они находились в виноградном сусле, то есть в вине и, может быть, поэтому сохранились. По морфологии семена однотипны и принадлежат местному сорту, близкому к дикорастущему лесному винограду, который в прошлом в изобилии произрастал в поймах Днепра, Днестра, Прута, Буга и в Крыму. По-видимому, в могильнике был сосуд с вином (раздавленными ягодами), на дне которого остались семена... Находка эта принципиально интересна, так как многие считают, что виноград на нашем юге был лишь культурный, завезенный греками. Но, по-видимому, это не так. Первоначально и даже параллельно использовался и дикий, лесной. Он послужил основой местных винных сортов...» Вот к каким выводам позволили прийти сто девять потемневших зернышек винограда из древней могилы.

Еще пример. На сто с лишним гектаров раскинулся посад древнерусского горо-

дища X—XII веков нашей эры у села Алчедар в Молдавии. На посаде этом почти сплошь жили металлурги. Там найдены десятки домниц для выплавки железа, сотни глиняных сопел для дутья воздуха, сотни килограммов железного шлака, руды, железных криц — лепешек, полученных в домницах, древесного угля. Но вот мы нашли несколько странных печей. По размерам, форме, конструкции они резко отличались от домниц. Это были большие полушария со сводами из глины и необычайно мощным подом, который состоял из нескольких прослоек камней и глины. Прямо не под, а конденсатор тепла. Нелегко было, видимо, разогреть такую печь, но после этого долго благодаря такому поду сохранялась там стабильная температура. Какая — удалось выяснить по состоянию внутренней части свода — около шестисот градусов по Цельсию. Печи эти явно были связаны с металлургическим производством: в них и возле них были найдены куски железной руды, уже раздробленной, уголь. Но вот для чего они служили, было непонятно. Я обратился в Институт черной металлургии Академии наук к Б. В. Гесу де Кальве, хорошо знающему историю металлургии. Борис Владимирович долго и тщательно смотрел чертежи, читал описания, спрашивал, а потом без колебаний вынес определение. Печи эти служили для обогатительного обжига железной руды. Предварительно раздробленная, промытая и подсушенная железная руда томилась в этих печах, подвергаясь довольно длительному обжигу при температуре пятьсот — шестьсот градусов. При этом происходил процесс, называемый в металлургии ППП — потеря при прокаливании. Из железной руды — окиси железа, уходила кристаллическая влага, руда становилась более пористой. Это значительно облегчало выплавку железа в домнице, делало эту выплавку более скорой и качественной.

Одной из самых важных областей использования новых методов в археологии является хронология, датировка древних культур, отдельных сооружений, определение времени существования тех или иных памятников, изделий, поселений — словом, именно те проблемы, по которым столь эффектно выступил в свое время Н. А. Морозов и по которым прежде всего на страницах «Нового мира» полемизировал с ним Н. М. Никольский.

Отметим, что на протяжении многих десятилетий существования научной археологии были выработаны и проверены временем способы абсолютной и относительной датировки археологических объектов. Эти традиционные методы, постепенно совершенствуясь, применяются и поныне, остаются в археологии самыми универсальными и точными. Особенно важны два из них: стратиграфический и формально-типологический. Первый основан на том, что при постепенном наращении горизонтов культурного слоя, то есть слоя, содержащего остатки вещественной деятельности человека, при ненарушенности этого слоя вещи и остатки сооружений, лежащие в нижних горизонтах, являются более древними, чем лежащие выше. Это дает относительную хронологию, а при наличии в слое и точно датирующих предметов (монеты, четко датированные изделия) — и хронологию абсолютную. Второй — формально-типологический способ построен на том, что для данного общества и культуры изделия одного типа, сделанные из одних и тех же материалов, проходят обычно определенную эволюцию по форме, размерам и другим признакам. Выстраивая типологический ряд для каждой категории изделий, археолог может получить для этих изделий относительную датировку, а при надлежащих сопоставлениях и абсолютную. Сопоставление типологических рядов между собой и с данными стратиграфии часто позволяет точно датировать предметы и слои.

Применение новых способов для датировки древних изделий и хронологии, сопоставление их с данными, полученными в результате применения традиционных методов, открыли перед археологами широкие возможности.

Одним из самых эффективных и распространенных видов датировки является радиоуглеродный. Применяется он только к органическим веществам, основан на том, что количество радиоактивного углерода (C^{14}), усваиваемого из атмосферы растениями, а через них и животными, — величина постоянная. После смерти количество углерода в мертвых тканях начинает постепенно убывать, происходит распад этого радиоактивного углерода. Определяя степень распада, можно датировать время начала его (то есть гибели животного или растения) с точностью до нескольких десятков лет.

По этому признаку можно датировать органические остатки возрастом до пятидесяти тысяч лет. В настоящее время радиоуглеродный анализ применяется более чем в пятидесяти лабораториях мира, в том числе в четырех лабораториях Советского Союза, и сделано уже свыше десяти тысяч определений дат древних предметов. Подавляющее большинство из них относится к раннему железному веку (I тысячелетие до нашей эры), к эпохе бронзы (II тысячелетие до нашей эры) и к еще более раннему времени — неолиту и палеолиту. Таким образом, каждое из этих определений само по себе — убедительное опровержение датировок мировой истории, предложенных Морозовым. Перекрестная проверка радиоуглеродного и традиционных методов датировки для эпох неолита и бронзы Передней Азии и Юго-Восточной Европы, где традиционные методы дали очень четкую хронологическую шкалу, еще раз подтвердила точность радиоуглеродного метода.

Другой распространенный метод датировки органических остатков — дендрохронологический, при помощи его можно определить с точностью до одного года дату рубки дерева, если дерево хорошо сохранилось. Изучая годичные кольца у деревьев, срубленных в разное время, но находящихся в одном климатологическом районе, и сопоставляя их, можно установить возраст ряда древних изделий из дерева, а по ним датировать целые слои и памятники. Так, в Новгороде, где сохранилось несколько десятков ярусов деревянных мостовых, при помощи дендрохронологии датирован с большой точностью каждый ярус, а следовательно, и найденные на них вещи. Полученная детальная датировочная шкала различных изделий от X до XVIII веков стала в значительной мере эталонной для всех русских древностей. Изучая структуру и колебания годичных колец прироста древесины, археологи не только получают возможность судить о климате далекого прошлого и его колебаниях на протяжении тысячелетий, но и составить единую дендрохронологическую шкалу для больших пространств. Для значительной части центра и севера Восточной Европы такая шкала уже разработана.

Археомангнитный метод применяется для датировки изделий из обожженной глины, прежде всего печей и глиняной посуды. Этот способ дает возможность датировки с точностью до двадцати пяти лет. Метод основан на том, что, как уже упоминалось, если сильно — свыше шестисот градусов — нагреть глину, то находящиеся в ней мельчайшие частицы железа во время остывания намагничиваются и зафиксированное в них направление магнитных силовых линий остается неизменным. Магнитные силовые линии Земли меняются в определенной последовательности. Зная эту последовательность для изучаемой территории и сравнив зафиксированное в глиняном изделии направление магнитных силовых линий с современным или известным для определенной эпохи, можно установить дату, когда это изделие подвергалось сильному нагреву, определить время его изготовления.

Все новые и новые способы датировки проникают в археологию и закрепляются в ней. Например, древность костей и костяных изделий определяется по соотношению в кости минеральных и органических веществ (чем древнее кость, тем меньше в ней остатков органического вещества) или измерением скорости распространения звука — со временем скорость распространения звука в костях уменьшается. Интересен метод определения возраста стеклянных изделий, основанный на том, что у этих изделий, когда они попадают в землю, под влиянием влаги на поверхности ежегодно образуются микрослои иризации, которые можно подсчитать, а значит, и установить, сколько лет это изделие лежит в земле. Применяется в археологии геологическая датировка по ленточным глинам, слои которых ежегодно образовывались на озерах ледникового происхождения. Помогает археологам и палеоботанический споро-пыльцевой анализ, основанный на изучении состава и процентного соотношения пыльцы и спор различных растений и сопоставлении их с установленной уже шкалой их состава и соотношения для эпох палеолита и неолита. Датировка археологических объектов при помощи всех этих методов становится все более точной и надежной.

Пятьдесят лет назад Н. М. Никольский привел множество аргументов, чтобы опровергнуть датировки мировой истории, выдвинутые Морозовым. В настоящее время это с легкостью сделал бы в своей повседневной работе любой сотрудник лаборатории применения естественных и точных наук в археологии.

Сделанные за истекшие пятьдесят лет археологические открытия, совершенствование методов исследования неизмеримо обогатили наше представление о мировой истории, в том числе и о тех проблемах, которыми занимался Морозов. Так, открытие и изучение Кумранских рукописей позволило существенно пополнить знания о процессах исторического развития, которые происходили на рубеже нашей эры в Палестине, исследовать обстоятельства и факты, восходящие к истокам христианства. Осужденный на казнь «учитель справедливости», упоминаемый в рукописях Мертвого моря, видимо, был одним из прообразов Христа, категорическое отрицание существования которого как исторической личности перестало быть у нас непременным постулатом.

Существенно изменились и наши представления о неолите — новокаменном веке, в частности о времени возникновения земледелия и скотоводства, которые, как установлено теперь, возникли около десяти тысяч лет назад. Но самые грандиозные изменения произошли в представлениях о формировании человека и его древнейшем прошлом — палеолите. Великие археолого-антропологические открытия в Африке (Кения и Эфиопия) показали, что процессы антропогенеза (формирования человека) и сапиентизации (превращения примитивного человека в человека современного типа) начались гораздо раньше и происходили гораздо сложнее, чем это представлялось не только пятьдесят, но и десять — пятнадцать лет назад. Эти процессы вовсе не развивались лишь по восходящей прямой, а были сложными, многоплановыми, с ними связано не только поступательное движение, но и отступления и туиковые ситуации. Если еще совсем недавно считалось, что формирование человека началось около миллиона лет тому назад, то сейчас многие ученые утверждают, что уже два миллиона шестьсот тысяч лет назад человек умел изготавливать всевозможные орудия труда, а сам процесс формирования человека начался гораздо раньше.

Все более ясным становится, что изучение формирования и развития человека и человечества не может проводиться только в региональных рамках, а должно быть делом соединенных усилий ученых всего мира. В наш век сближения между странами и народами особенно сильно сказывается издавна присущая передовой русской гуманитарной науке глубокая заинтересованность судьбами мировой, в частности европейской, истории, чувство сопричастности с ней. Эти особенности присущи и книге Морозова и статье Никольского, хотя эти работы и написаны на разных уровнях. Конкретным проявлением старой доброй традиции на современном этапе в археологической науке стали опубликованные монографии, посвященные археологии Польши, Румынии, ряда других стран, и наиболее значительное и масштабное из произведений этого рода — двухтомная «Археология Западной Европы» А. Л. Монгайта.

Работа известного советского ученого, недавно скончавшегося, содержит такое описание современного состояния западноевропейской археологии, такую сводку истории материальной культуры от древнекаменного до железного века, равной которой по полноте, по учету всех современных научных достижений нет и в самой Западной Европе. Творчески переработав огромное количество литературы на европейских языках, преодолевая бесчисленные трудности, например, связанные с различным пониманием и даже наименованием одних и тех же явлений в разных странах, А. Л. Монгайт нарисовал, как он сам пишет, «общую картину развития человечества на нашем континенте, изложенную в археологических терминах и понятиях».

Книга мировой истории, которую Морозов пытался сократить до одного листа, книга и без того объемная, в результате стремительного развития науки за последние пятьдесят лет увеличилась едва ли не вдвое — так много оказалось в ней вновь прочитанных, еще совсем недавно неизвестных страниц.

Советские археологи могут гордиться тем, что немало этих страниц прочитано и зафиксировано ими.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

НЕИЗДАННОЕ

Брюсов принадлежал к писателям, которые руководились правилом, сформулированным еще в античные времена: «Ни одного дня без строчки». Не удивительно, что список написанных им художественных произведений, а также статей, обзоров, рецензий, заметок, переводов огромен. Из них далеко не все вошли в его многочисленные книги или появились на страницах газет, журналов и альманахов. Требовательный к себе и другим, Брюсов многое не печатал, отбрасывал, оставляя в рукописи. Еще больше его творческих замыслов сохранилось в незавершенном виде, в набросках и планах.

Вскоре после смерти Брюсова началась публикация его неизданных произведений и биографических материалов. В 1928 и 1935 годах вышли две книги неизданных стихотворений, а в 1934 году — «Неизданная проза». Неопубликованные тексты Брюсова появлялись и в периодической печати. Немало сделал для ознакомления читателей с ними, в частности, «Новый мир» начиная со своего первого номера.

Неизвестные материалы Брюсова были обильно представлены и в томе 27-28 «Литературного наследства» (М. 1937), посвященном русскому символизму. Более семидесяти стихотворений Брюсова впервые увидели свет в III томе последнего собрания его сочинений. Однако архив писателя остается далеко еще не исчерпанным.

В связи со столетием со дня рождения Брюсова редакция «Литературного наследства» вновь обратилась к его творчеству. В результате уже подготовлен к печати новый, 85-й том «Валерий Брюсов. Неизданное» (редакторы тома — А. Н. Дубовиков и Н. А. Трифонов, при участии Т. Г. Динесман). Ряд текстов из этой книги и предлагается сейчас вниманию читателей «Нового мира».

Если в упомянутом 27-28 томе значительное место уделялось ранним этапам литературной работы Брюсова, в частности его юношескому творчеству, его теоретическим статьям 1890-х годов о символизме и т. п., то для нового тома отбирались в первую очередь материалы, связанные с теми периодами творческого пути, когда уже отчетливо намечался конфликт Брюсова с буржуазной действительностью и отход его от позиций декадентско-модернистского искусства, когда в сознании поэта нарастал и усиливался духовный кризис, назревал перелом и когда великие исторические события заставили поэта, по его собственному признанию, «в самой основе, в самом корне пересмотреть все свое мировоззрение».

Первый раздел тома открывается стихотворным «Дневником поэта», отражающим его настроения периода Февральской революции. Самокритические раздумья автора чередуются здесь с краткими, но острыми характеристиками окружающей среды. В следующей за «Дневником» подборке неизвестных до сих пор лирических стихов Брюсова раскрываются противоречивые настроения и устремления поэта, поиски пути, которые привели его к преодолению эгоцентрической замкнутости и декадентских изломов.

Малозученной еще остается художественная проза Брюсова. В томе публикуются некоторые его прозаические опыты, в большей своей части оставшиеся незаконченными или даже только начатыми. Среди этих очень разнообразных по стилю и жанру произведений особенно значительны главы задуманного Брюсовым «романа из совре-

менной жизни», который в сохранившихся вариантах называется по-разному: «На мировом распутье», «Стекланная башня», «Стекланный столп».

Это должно было быть широкое социально-бытовое полотно предреволюционной поры — на рубеже первого и второго десятилетий XX века. Дошедшие до нас фрагменты свидетельствуют о том, какие большие возможности зоркого художника-реалиста были свойственны Брюсову, искавшему преодоления модернистских канонов на путях искусства большого общественно-познавательного значения.

Ниже мы помещаем два отрывка из разных редакций романа: начало первой главы, содержащее выразительную характеристику «безвременья, эпохи между двумя войнами и двумя революциями, тягостного десятилетия от седьмого до семнадцатого года», и главу «Дом Ходаковых», построенную в значительной степени на автобиографическом материале. Давая изображение купеческой семьи и происходящего в ней расслоения, столкновения двух поколений, эта глава как бы переключается с написанным позднее «Делом Артамоновых».

Из двух набросков Брюсова-прозаика, представленных в томе, очень современно звучит фантастическая повесть «Первая междупланетная экспедиция». Брюсов, еще в детстве мечтавший о возможности подобных полетов, а в послеоктябрьские годы серьезно интересовавшийся идеями Циолковского, первый в русской художественной литературе, опережая свое время, обратился к теме освоения человеком космоса.

Второй раздел тома посвящен Брюсову-критику. Здесь особенно актуальны статьи и высказывания революционных и послереволюционных лет. В предоктябрьские месяцы 1917 года Брюсов пишет статьи, в которых выражает глубокую неудовлетворенность тогдашней поэзией, обнаружившей полное бессилие перед лицом «событий важности неизмеримой». Критически отзываясь о своих недавних соратниках по символизму, он не ожидает теперь от них «ничего такого, что глубоко потрясло бы душу».

Через три года Брюсов находит возможным говорить уже о начале обновления и возрождения поэзии. Со всей силой звучит у него мысль о живительности и целебности для поэзии воздействия революции: «Прикасаясь к революции, поэт невольно расширяет свой кругозор, для него встают большие, мировые вопросы, и личные его переживания невольно связываются с чувствами и надеждами масс». В этих словах отражался, конечно, собственный опыт их автора.

В качестве приложения к этому разделу даются некоторые документы, отражающие деятельность Брюсова на фронте советского культурного строительства и за пределами литературы. Один из этих документов — записка об издании толкового словаря русского языка. Брюсов первый — очевидно, по заданию наркома просвещения Луначарского — начал работать над реализацией предложения Ленина о создании такого словаря.

Известно, что Брюсов вел обширную переписку, в частности со многими видными деятелями литературы и искусства. В нашем томе печатаются его письма к А. М. Горькому, Андрею Белому, Н. М. Минскому, С. А. Венгеру, А. Е. Грузинскому, Е. В. Аничкову и другим писателям, критикам, историкам литературы. В этих письмах Брюсов предстает как организатор литературного движения и редактор, как неутомимый пушкинист, как знаток и исследователь творчества Тютчева, как переводчик Данте, Шиллера, Байрона и других классиков мировой поэзии.

Очень существенны письма к Горькому. В 1900-х годах Брюсов и Горький находились в разных идейно-литературных лагерях, порой выступали как литературные противники, но каждый из них продолжал внимательно следить за творчеством другого. И крайне характерно, что Брюсов в своих письмах выражает глубокое уважение к личности Горького и к его творчеству, «уважение, которое, — по словам самого поэта, — с годами освобождается от примеси разных случайных чувств, растет и крепнет» (из письма 27 июля 1910 года). Все это подготавливало сближение между писателями в годы, предшествующие Октябрьской революции, когда Горький привлекает Брюсова к сотрудничеству в издательстве «Парус» и журнале «Летопись», к большой работе над сборниками армянской, латышской, финской, украинской и еврейской литератур в переводах на русский язык.

Нашли отражение в томе и связи Брюсова с зарубежным литературным миром. Из современных западноевропейских поэтов Брюсов особенно высоко ценил Эмиля Вер-

харна. Он гордился тем, что первый заговорил о нем в России и стал широко пропагандировать его творчество. Верхарн оказал на Брюсова несомненное влияние в разработке тем, связанных с современностью, и прежде всего урбанистической темы. Редакции удалось получить из Брюсселя фотокопии писем Брюсова к Верхарну, и в томе будет представлена длившаяся целое десятилетие дружеская переписка с бельгийским поэтом.

В книге собраны и некоторые воспоминания о Брюсове. Его товарищ по гимназии В. К. Станюкович рассказывает о Брюсове-подростке, о его первых литературных опытах. Известный историк русской поэзии И. Н. Розанов вспоминает о встречах с Брюсовым-студентом. В воспоминаниях близкой к декадентским кругам писательницы Нины Петровской Брюсов дан на фоне символистского окружения, литературной борьбы между двумя группами символистов. Мемуаристка опровергает традиционные представления о Брюсове как о сухом и холодном рационалисте-начетчике, якобы чуждом настоящей эмоциональности и энтузиазма. Ценность этих воспоминаний отметил еще Горький, рекомендуя их для публикации редакциям некоторых журналов. И наконец, в мемуарном повествовании В. В. Фефера, ученика Брюсова по одному из литературных учебных заведений начала 1920-х годов, носившему название профессионально-поэтического техникума, писатель предстает талантливым педагогом, заботливым воспитателем литературной смены.

Думается, что в целом новый том «Литературного наследства» дает возможность полнее представить сложный облик Брюсова и понять его нелегкий и противоречивый путь от позиций зачинателя и организатора символистской поэзии в России до перехода на сторону революции, до активного участия в строительстве новой, социалистической культуры.

И как дождем омытый колос,
Я выпрямляюсь под грозой! —

писал Брюсов в одном из стихотворений.

Помочь уяснению того, как происходило это выпрямление,— задача нашего тома.

Редакция «Литературного наследства».

Стихотворения

Вступление к поэме «Атлантида»

Тебе, мой брат, далекий друг,— тебе
Свои стихи несмело посвящаю,
В былые дни как близки были мы!
О долгие пленительные ночи,
Когда вдвоем по улицам, обнявшись,
Бродили мы под светом фонарей
Среди немых, недвижных, мертвых зданий!
У нас двоих была одна душа,
Дрожавшая таинственным восторгом;
Наш разговор так полон был без слов,—
И лишь стихи, заветные, святые,
Молитвенно звучали иногда...
Мой нежный брат, мой друг далекий, ныне
В стране чужой, среди знакомцев новых,
Внимая мне, поймешь ли ты меня?

24 июня 1897 г.

* * *

Среди укоров и приветствий,
Простертых рук и злобных слов —
Ты мне нужней, чем прежде, в детстве,
Звезда волхвов!

(8 июня 1905 г.)

* * *

Я в мире знал блаженство,
 Как раб и как король,
 Сознание совершенства
 И унижений боль.
 Холодный дым ущелий,
 Свободу высоты,
 И крик, и день веселий,
 И тишину мечты...

1904 г.

* * *

При лучах восхода как сверкают стекла,
 Как трава сверкает, что вечер поблекла!
 Небо снова чисто, как под взором Евы,—
 Стих неволью входит в старые напевы,
 Щебетом им вторят маленькие птицы...
 Здравствуй, день, встающий над тоской столицы!
 С лаской улыбаясь сумрачным прохожим,
 Сумрачным,— быть может,— на меня похожим.

4/5 мая 1913 г.

* * *

Мы на свете любим многое:
 Зелень свежую весны,
 Лето севера убогое,
 На снегу лучи луны.

Любим даже свет искусственный
 Наших ламп и фонарей,
 Нас влекущий к неге чувственной
 Резкой четкостью своей...

(1919 г.)

* * *

Как камушки мальчик рикошетом в воду,
 В воспоминаньях бросаю годы и годы;
 Не раз, ах, не два под ветер весенний
 Жизнь обновлял предо мной прибой поколений.

Дети тех матерей, чьи девичьи взгляды
 Меня когда-то кропили, как в небе Плеяды,
 Отцов, с кем враждой иль дружеством был я спаян,—
 Уже как искатели встали вековых тайн.

(1921 г.)

* * *

Над призраками и действительностью,
 Над всеми тайными соблазнами,
 Над обольщением ласк и неги,

Поэт! на всех путях твоих,
 Как семицветной обольстительностью
 Круг радуги лучами разными
 Сиял спасенному в ковчеге,
 Пусть высоко блистает стих!

(1918 г.)

Публикация Р. А. Щербакова.

**Ответное слово на торжественном заседании
 по случаю пятидесятилетнего юбилея,
 17 декабря 1923 года**

Председатель А. В. Луначарский: Список исчерпан, слово для ответа на приветствия предоставляется юбиляру.

Г о л о с: Привет от галерки.

Б р ю с о в: Товарищи, что же я могу сказать в ответ на все приветствия? Для меня ясно, что честь, оказанная мне, безмерно выше моих заслуг. Сам-то я, конечно, это знаю и чувствую лучше всякого другого. Что здесь говорилось о моих стихах в этом широком единодушии многих учреждений, которые захотели вспомнить обо мне как о поэте, это я могу объяснить только тем, что я посильно старался выражать мысли, чувства, стремления и желания определенных групп, которые поныне продолжают работать в нашей современности, и, поскольку умел, был голосом товарищей, которые были одного мнения со мной.

Но что касается тех приветствий, в которых меня называют поэтом-гражданином, то здесь мне было это стыдно слышать, стыдно, потому что то малое, что на этом пути, может быть, я сделал, было меньше моих прямых обязанностей.

Но, товарищи, тем более поэтому я, чувствую, глубоко, глубоко тронут сегодняшним днем. Он останется одним из самых дорогих воспоминаний моей жизни. Я приношу мою самую искреннюю благодарность всем пожелавшим почтить меня, всем пожелавшим примкнуть к этому маленькому юбилею. Повторяю, за мою жизнь я не сделал, товарищи, и сотой доли того, что я хотел бы сделать и что я, может быть, обязан был сделать. Но сегодняшний день, конечно, должен послужить стимулом для новой энергии, к новой работе. И если мне суждена эта новая работа, то я надеюсь, товарищи, написать и исполнить что-либо лучшее, чем то, что мною было сделано и что будет сколько-нибудь да стоять тех приветствий, которые я сегодня выслушал.

Л у н а ч а р с к и й: Валерий Яковлевич выразил желание прочесть свои стихи.

Б р ю с о в: Эта мысль мне пришла совершенно экспромтом, так как об этом я совершенно не думал. Но я чувствую, что не умею, не могу сказать то, что мне в ответ нужно и хотелось бы сказать. Мне захотелось чем-нибудь выразить вам свою признательность.

Я прочитаю стихи о Пушкине и Мицкевиче, вариация-подражание уважаемому моему сотоварищу Борису Пастернаку, вариация на тему «Медный всадник».

Стеклянный столл

(Из неоконченного романа)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Стояло безвременье, эпоха между двумя войнами и двумя революциями, тягостное десятилетие от седьмого до семнадцатого года, и именно его вторая, самая тяжкая, половина. Столыпин уже не было, но столыпинский дух еще был силен; общественные движения подавлены, лучшие надежды обесценены, воспоминания недавнего прошлого звучали далекой легендой. Прокатились и разошлись грязной пеной волны порнографии и пинкертоновщины, лиг любви и клубов самоубийц. Казалось: впереди ничего нет и ничего быть не может — тусклая беспросветная мгла, гнилой туман, в котором все светлы как бы гасли, все контуры сливались в общее пятно. И этот туман медленно, но властно окутывал всю Россию, столицы и провинции, верхи общества и самый народ. Не во что было верить, нечего ждать и не хотелось ни думать, ни действовать, ни бороться — жить день за днем, отдаваясь течению...

В эти дни, в этой тусклой мгле, самыми яркими огнями, которые одни преодолевали сырой сумрак, горели только фонари ресторанов, игорных притонов да публичных домов, все равно — роскошных или нищенских. К подъездам торжественных «отелей» с громкими названиями «Империял», «Интернациональ», «Метрополь» подкатывали вереницы авто; в скромные трактиры «Москва», «Лондон» или «Ливорно» вваливались уже пьяные чуйки и поношенные пальто; в кафешантанах этуали блистали со сцен тэтовскими и даже настоящими бриллиантами в ожидании шампанского и устриц, а в жалких «заведениях» пьяные Дины и Маруси хриплыми голосами выпрашивали пару пива; в изысканных салонах, содержатели которых наживали тысячи в сутки, проигрывались целые состояния и на карту шути ставилось сто тысяч, а в задней комнате подозрительной пивной полуграмотные шулера обыгрывали в подержанные карты пьяного чиновника на двенадцать целковых... Но разница была только в обстановке, во внешнем; содержание, душа были везде одинаковы: то был всероссийский гашиш, который, ценой здоровья, состояния, а часто и жизни, давал обывателю похмельное забвение от мучительной действительности. «Играй, гармошка! Дашка, пляши!», «Кекуок амэрикэн!», «В банке сто сорок тысяч, даю!», «Раздевайтесь, девочки, все: плачу!», «Братцы, он девятку из рукава вытянул! Бей мерзавца!» — эти голоса нарушали по крайней мере мертвое безмолвие общества, газет и всего беспредельного простора России. Казалось, лучше кричать «бей мерзавца!», чем слушать молчание приказанного свыше благополучия.

Среди таких огоньков, выступавших из мглистой сырости столицы, была и огромная электрическая дыня над подъездом с кариатидами, где дверь была украшена солидной медной дощечкой: «Собрание сельских хозяев и любителей правильного животноводства». Можно было ждть, что в числе основателей этого «Собрания» были какие-нибудь сельские хозяева и один или два животновода, но теперь среди членов трудно было бы найти господина, который сумел бы различить пшеницу от ячменя или козла от барана. Да, впрочем, и были ли подлинны «члены» в этом «Собрании»? По-видимому, подлинное общество сельских хозяев и любителей уже давно прекратило свое кратковременное бытие за отсутствием средств и надобности в своем существовании,

raison d'être, как пишут в газетах, а фирма была куплена ловкими предпринимателями, специалистами по содержанию клубов, открывавшими гостеприимно двери перед любителями не «правильного животноводства», а «девятки» или «двадцатки». При помощи надлежащих сумм, переходивших с зеленых полей в бумажники околоточных, приставов, полицеймейстеров и иных градоначальников, такие двери до поры до времени оставались широко распахнутыми. Потом наступал час, когда последние пределы приличия заставляли того же градоначальника, по докладу того же полицеймейстера, объявлять «клуб» закрытым. Но у гг. предпринимателей для этого случая и имелись, скупленные по дешевой цене, фирмы разных других «Обществ», «Собраний» и «Кружков». С двери в подъезде снималась одна медная дощечка и приколачивалась другая. А посетители продолжали входить на те же ступени, отдавать шубы тем же швейцарам и садиться за те же столы, нередко даже не замечая, что дощечка на двери переменена и что они формально сегодня находятся совершенно в другом учреждении, нежели вчера...

Глава (VI) II

Дом Ходаковых делился как бы на две партии. Конечно, глава семьи, теперь покойный Василий Тимофеевич, правил самодержавно, и его воле все кругом подчинялось. В часы гнева все трепетало, как рабы перед ассирийским владыкою. Но в обычное время младшие члены семьи составляли как бы особое автономное царство, к которому принадлежал до своего изгнания из родительского дома и Феодор.

Василий Тимофеевич жил на «своей половине», к которой относились парадные комнаты, большую часть пустынные, с мебелью, закрытой чехлами, и кухня с разными к ней примыкавшими помещенями. В этих же уютных, торжественно-пустых хорамах проводила жизнь и Матрена Тихоновна, вторая жена Ходакова, урожденная Кумачникова. Девятнадцатилетней «девкой» вышла она за вдовца, которому шел сорок пятый год, правда богатого и бездетного (дети от первого брака все к тому времени умерли), но крутого нрава и бравшего себе в дом новую хозяйку только затем, чтобы «порядку было больше» и чтобы «стало кому имущество и дело передать». Матрена эти требования послушно исполнила, хозяйство повела аккуратно и родила мужу троих детей, из которых в живых остались двое — Феодор и Анна, но своей воли не проявила ни на миг. Попав в богатый дом из семьи небогатой, застенчивая девочка Мотря сначала дрожала перед своим господином и повелителем, словно бы он властен был в любое мгновение испепелить ее, потом обжилась, располнела, приняла манеры степной купчихи, но так и осталась верной «старине», заветам старого Замоскворечья, в котором выросла, несмотря на все веяния новой жизни, проникшие в дом Ходаковых. Василий Тимофеевич по-своему любил жену и последние годы даже снисходил до того, что с ней в иных случаях советовался.

Вокруг стариков, Василия Тимофеевича, которому во втором десятилетии XX века пошел восьмой десяток, и Матрены Тихоновны, которой тоже подошло уже под пятьдесят, группировался целый мирок «своих людей», близких к ним по воззрениям и угрождавших им и низкопоклонничавших перед ними. Один за другим по разным поводам и под разными предлогами эти люди попадали в богатый ходаковский дом, оседали или как-то застревали в нем и уже оставались навсегда на положении «бедных родственников» и на правах «приживальщиков» и «приживалок». На первом месте тут была «тетя Феня», сестра Мотри, моложе ее на три года, замуж не вышедшая, кроткая и робкая

«старая дева». Поселилась она при более счастливой сестре после смерти отца, под конец совсем обедневшего, но, впрочем, оставившего дочерям какие-то крохи в наследство. Василий Тимофеевич великодушно отказался, за свою жену, от ее доли, а тетя Феня никогда никому не признавалась, сколько именно наскребла она по ликвидации отцовского дела: может быть, и до десятка тысяч. Деньги эти она держала в банке, а так как тратить ей было почти некуда, то капитал ее рос да рос, и это придавало ей в доме Ходаковых некоторую самостоятельность, которой во зло она не пользовалась.

Напротив, «дядя Костя», мужчина лет сорока, тоже проживавший у Ходаковых, по его собственному выражению, был «гол как сокол» и жил только подачками. По паспорту Константин Кондратьевич Клушин, дядя Костя, высчитывал, что Василию Тимофеевичу он приходится «внучатым племянником», но получил свой угол, конечно, не столько по родству, сколько по умению прислуживаться, когда — польстить, когда — позабавить. Однако водился за ним один грех: он запивал, и не раз в такие дни разгневанный Василий Тимофеевич грозил «вышвырнуть эту слякоть» на улицу, чтобы «и запаха ее не осталось»... Но запой проходил, дядя Костя являлся с повинной, и все вновь шло обычным порядком.

Третьим членом «партии стариков» была Лукерья Ниловна, совсем даже не родственница ни Матрене Тихоновне, ни Василию Тимофеевичу, хотя и пытавшаяся подвести какое-то свойство через его первую жену. Подлинный, ныне исчезающий тип «приживалки», Лукерья Ниловна, издавна навещавшая Ходаковых и получавшая на кухне остатки обеда, однажды, лет десять тому назад, попросила позволения под каким-то предлогом переночевать, да так и осталась в доме. Сначала перетащила к Ходаковым свой скудный скарб, потом выхлопотала себе каморку подле кухни, а там уже стала появляться за «хозяйским» столом: одним словом, втерлась в семью и незаметно стала ее членом, так что скоро уже стало невозможным представить себе у Ходаковых обеденный стол без черной фигуры Лукерьи Ниловны. «Дальняя родственница», — говорили про нее, и она сама, кажется, поверила наконец в это выдуманное ею же родство.

Наконец, таким же постоянным членом семьи была «странница» Серафимочка — тоже одна из «последних могиканш» своего рода. По внешности словно вышедшая из старой комедии Островского, она была, однако, куда более «культурной», чем ее прототип из «Грозы»: десятилетие сделало свое дело. Серафимочка не только не могла уверять, что паровоз — это запряженный дьявол, но и сама охотно пользовалась и железными дорогами, и телефоном, и даже очень полюбила тайно посещать кинематограф. Это не мешало ей длинно повествовать о своих «странствиях», как с паломниками побывала она во Иерусалиме-граде, и в Италии, в городе Баре, где мощи Николая-чудотворца, задушившего поганого еретика Ария, и в Киевских печорах, и в Соловках. И не только Матрена Тихоновна, но и сам Василий Тимофеевич способен был целыми вечерами слушать эти рассказы о заморских диковинках и святынях.

Четверо этих лиц поселились в ходаковском доме прочно, так что до последних дней, до самой смерти Василия Тимофеевича им, вероятно, перестал даже приходиться в голову вопрос: а по какому праву я здесь живу? Но, кроме них, беспрерывно в доме гостили другие личности, тоже какие-то «родственники» и «родственницы», «старцы», «странники», «монашенки», неизвестно откуда появлявшиеся, кто — пообедать, кто — переночевать, кто — провести день, два, а то и несколько недель или даже месяцев. В сущности, вся семья Ходаковых состояла из четырех-пяти человек, но со всеми проживающими в доме

редко за обед садилось меньше пятнадцати, а часто и больше. Летом же, когда Ходаковы выезжали на свою дачу в Сокольники, набиралось порой и до тридцати человек! Каждый день был словно званый обед.

За этими обедами «старики» встречались с «молодыми». Как возникла в суровом ходаковском доме, казалось бы закрытом от всех живых влияний извне, эта вторая партия «молодых», надо рассказать отдельно.

У Василия Тимофеевича была младшая сестра, Марья. Ее тоже почти девочкой, лет девятнадцати, выдали за сына богатого скорняка — Никифора Лукича Твердого. Семья Твердых была такая же ветхозаветная, московско-купеческая семья, как Ходаковы, Клушины и Кумачниковы. Но юность Никифора пришлось на горячее время — шестидесятые годы; он как-то сблизился с кружком студентов, стал читать книжки, учиться, даже сам поступил было в Петровскую академию... Увлечение это длилось недолго: после бурных ссор с отцом Никифор уступил, из академии вышел и, покорный родительской воле, женился на Марье Ходаковой. Однако одно у Никифора от периода его «эмансипации» осталось: уважение к науке. Когда у него родился сын Илья, он твердо, «по-твердовски» (ибо их род отличался упрямством) порешил — дать сыну образование. Деньги были, к Ильюше, несмотря на возражения деда, пригласили гувернанток и учителей; потом отдали Илью в гимназию, а потом он уже сам пошел в университет. Так во втором поколении Твердые из «замоскворецких» перешли в «интеллигенцию». Илье было двадцать два года, когда в 1888 году он встретил свою будущую жену, Евгению Ивановну Залужскую, бедную сироту, но девушку с характером посильнее, чем у всех Твердых, вместе взятых. Молодые люди поженились, и Илья, отказавшись от ненавистного ему скорняжества, получил место управляющего частной обсерваторией (он был математик и астроном). Дед Ильи, старик Твердый, к тому времени умер; отец, Никифор Лукич, видя, что сын не хочет продолжать родового дела, ликвидировал скорняжную мастерскую, выручив что-то до ста тысяч, и хотел доживать век на покое. Но тут-то и обрушились на Твердых несчастья.

Илья был женат уже лет семь; было у него две дочери — старшая Ольга, младшая Ириночка. Внезапно, простудившись, Илья заболевает воспалением легкого и через неделю умирает. Семья была еще под гнетом этого удара, как падает второй. Оказывается, что «дедушка», Никифор, поместил свои деньги, думая выручить больше процентов, в известный банк, о крахе которого в девятидесятых годах прошлого века с месяц говорила «вся Москва». Банк «лопнул», и от крупного капитала остались крохи. Никифор, которому было тогда под шестьдесят, не снес удара: говорили, будто старик наложил на себя руки, отравился, но, может быть, это и пустые рассказы. Но жива была еще бабка, Марья Тимофеевна, сестра Василия Тимофеевича. Она пошла просить помощи у брата. И так в доме Ходаковых поселилась целая семья: старуха Марья, ее золовка Евгения Ивановна и две ее дочери, Ольга и Ирина. С этого и вошло новое в дом Ходаковых.

Евгения была женщина, которая не теряется ни в каких обстоятельствах. Без копейки денег, с двумя малютками-дочерьми, принужденная жить из милости в чужом доме (и каком доме! — у Василия Тимофеевича Ходакова, которого его приказчики боялись как грозы божией), Евгения сумела не только завоевать себе самостоятельное положение, но даже оказывать свое влияние. Василий Тимофеевич в ту пору был уже лет двенадцать женат на своей Мотре, уже были в семье и Феодор и Анна. Молодая «учительша», как называли сначала у Ходаковых Евгению, словно околдовала старика: в первый раз ходаковская воля столкнулась с другой, не менее решительной. В один из

первых же дней после того, как Евгения поселилась у Ходаковых, вышло жестокое столкновение между ней и Василием Тимофеевичем. Тот вспылдил, у Мотри от ужаса язык отнялся, но «учительша» безбожно встретила все молнии грозного хозяина.

— Вы умный человек,— сказала она ему,— подумаете и сами увидите, что не правы. И вам самим стыдно станет, что вы понапрасну кричали. А меня пустым криком не напугаете.

Василий Тимофеевич остолбенел; посмотрел на Евгению, тонкую, чахоточную женщину, которая без всякого страха перечила ему, хотя во всем от него зависела,— посмотрел и удивился.

— Однако ж... Ты того — бой-баба! — вымолвил он наконец, помолчав.

Гнев его вдруг остыл, и с того часа Василий Тимофеевич стал испытывать новое для него чувство: уважение к другому лицу.

Евгения неторопливо, но решительно овладевала своей долей власти в ходаковском доме. Для себя, и для своих дочерей, и для бабушки Марьи она вытребовала совершенно отдельный флигель, куда назначили и отдельную прислугу. Мало того, Евгения потребовала, чтобы ее дочерям была взята гувернантка, и, к потрясющему удивлению всех, Василий Тимофеевич уступил.

— Разве вы не видите,— сказала ему Евгения,— насколько выгоднее быть человеком образованным. Оглянитесь вокруг, посмотрите, что делается даже в вашем мире, торговом...

Василий Тимофеевич действительно был человек далеко не глупый, и убедить его в пользе образования было не так трудно. Втайне и сам давно подумывал дать образование своим детям. Евгения только положила последнюю гирьку на чашу весов, уже готовую перевесить. И вот в ходаковском доме появилась m-lle Blanche, а за ней и разные учителя и наставники. Было решено, что Анна, Ольга и Ирина будут учиться вместе, так как они были одного возраста, а Феодора стали готовить в гимназию...

Так зародилась новая жизнь в ходаковском доме. Евгения была не жилица на свете: чахотка медленно, но беспощадно точила ее силы. Она прожила, однако, в доме Ходакова лет десять, занимая в нем совершенно особое положение. Ни в чем не позволяла она себе посягнуть на права Матрены Тихоновны, хозяйки, но едва ли не все кругом творилось по воле Евгении. Дом был заново отремонтирован, в комнатах появился великолепный рояль, прислуге пришлось во многом «подтянуться». Евгения, кстати, прекратила невероятное воровство, которое царило в доме, при всей расчетливости Ходакова, да, осторожно действуя, выселила пять или шесть приживальщиков, уже пустивших корни у Ходаковых: устояли только «тетя Феня», да «дядя Костя», да Лукерья Ниловна (Серафимочка водворилась уже позже). Зато с беспощадностью был изгнан «старец Ириней», занимавшийся пророчеством, но у которого нашли множество уворованных из дома вещей, а «блаженненький Ваня», тихий идиотик, иногда становившийся буйным и опасным, был помещен в психиатрическую лечебницу; с ними исчезли из кругозора еще какая-то «Лизавета», врачевавшая травами, майор Усатов, терроризировавший одно время робкую Мотрю, «племяша» Петя, втершийся в родство, и другие такого рода весьма «темные» личности.

Важнее было то, что прорвана была плотина, закрывавшая молодому поколению путь к образованию. Феодор поступил в гимназию и учился хорошо; Анна и Ирина вскоре последовали за Феодором и тоже стали ездить в гимназию на прекрасных рысаках Ходаковых. Ольгу почему-то отдали в закрытый пансион. Это послужило к ее гибели: девочка заразилась тифом и умерла на чужих руках, причем на-

чальство пансиона так долго откладывало известить родных, что мать уже не застала дочери в живых... Это несчастье сильно потрясло Евгению: она вдруг состарилась, даже утратила свою обычную энергию и через год последовала за дочерью, перед смертью взяв торжественную клятву с Василия Тимофеевича, что он даст возможность и своим детям и Ирине завершить образование. Старуха Марья скончалась еще года на три раньше; Ирина осталась в доме Ходаковых круглой сиротой, но ее уже считали «своей». Феодор и Анна любили ее как родную сестру, а Василий Тимофеевич, тряхнув головой, после смерти Евгении положил на ее дочь в банк тридцать тысяч.

— Ежели, значит, я что делаю,— заявил он,— так в полноту, а не напоподину!

Впрочем, злые языки и тут говорили, что для десяти миллионов, которыми исчислялось состояние Ходакова, тридцать тысяч была сумма довольно-таки скромная.

Эти трое «ученых», Феодор, Анна и Ирина, и образовали ядро партии «молодых» в ходаковском доме. После того как появилась в нем Евгения, они собрались вокруг нее и чуть ли ее не обожествовали: Анна ребенком была буквально влюблена в «тетю Женю» и ради нее готова была бы пойти на смерть и муки. Для самой Евгении единственным утешением в ее тяжелой жизни в доме Ходаковых было заниматься с детьми: она всячески заботилась о них, играла с ними, учила их, воспитывала их. По смерти Евгении дети остались верны ее памяти и долго в своих детских молитвах поминали ее имя, наивно повторяя: «И упокой, господи, тетю Евгению на небесах».

Как мальчик и как старший, Феодор, естественно, заступил после Евгении ее место, став, так сказать, главой партии. По обычаю дома, она постоянно пополнялась новыми рекрутами: Ольга, сестра Ириночки, умерла, но в доме постоянно гостили то подруги двух девочек, то товарищи Феодора. Кроме того, в доме осталась жить m-lle Blanche, дети выросли, но никто не предложил бывшей гувернантке покинуть ее место, а так как m-lle Blanche было буквально некуда деться, то она и осталась в обширном ходаковском доме в качестве не то экономки, не то дуэньи при Анне...

Матрена Тихоновна жила, окруженная своими приживалками и странниками; на ее половине служились молебны, слышались повествования о путешествиях по святым местам, горели лампадки перед огромными божницами. Во флигеле, куда понемногу перебралась вся молодежь, царило оживление и веселье. Там собирались зачастую целые маленькие митинги юношей и девушек, что-то читали, спорили, шумели, причем поедались неимоверные груды конфет, в которых никогда не было недостатка в доме Ходаковых. Важно было только, чтобы митинги эти происходили в будни и в те часы, когда Василий Тимофеевич находится в «анбаре». К шести часам все посторонние посетители исчезали, оставались лишь те, кто гостил в доме. За обедом молодежь чинно крестилась перед тем, как сесть за стол, сидела скромно, не вмешиваясь в речи старших. Потом, вечером, в своем флигеле еще долго шептались под покровительством на все смотревшей сквозь пальцы m-lle Blanche. А Феодор с товарищами запирался у себя «наверху» (ему был отведен второй этаж — ряд низеньких «антресолей»), где первые годы затевались разные проказы, а позднее, когда юноши подросли, тайно устраивался «банчок» и появлялись на столе бутылки с вином... Здесь покровителем молодежи был некий Евфим; он когда-то служил «в деле», но при одном несчастном случае потерял руку и был приставлен к «молодому барину», как говорила прислуга, хотя сам Василий Тимофеевич терпеть не мог этого выражения («Какие мы баре?» — негодуяще говаривал он).

Так шли годы. Долгое время каким-то чудом поддерживалась видимость полного согласия между двумя половинами дома, и грозный Василий Тимофеевич ничего не знал о том, как проводили жизнь его дети. «Учатся», — думал он и довольствовался этим убеждением. Но тайну можно было хранить лишь до поры до времени; то одно, то другое стало всплывать перед стариком Ходаковым, тем более что в добровольных шпионах в доме недостатка не было. Понемногу дошло дело до суровых разговоров между отцом и сыном и отцом и дочерью. На беду, Феодор склонен был покутить — широкая отцовская натура сказалась — и студентом познал сладость разных «Аркадий» и «Эрмитажей». Понадобились деньги, гораздо большие, нежели сколько отпускал отец... появились на сцену векселя... Вышло неприятное объяснение с отцом; Василий Тимофеевич разгневался очень, грозил сыну, что проклянет и прогонит из дому, но на первый раз смилостивился и заплатил долги — что-то около десяти тысяч: для студента, хотя бы и сына миллионера, сумма немалая. К несчастью, грех повторился. На этот раз Феодор сам сознал свою вину, раскаялся, просил прощения, дал клятву исправиться, и опять был помилован. После этого Феодор действительно «остепенился», стал работать, отстал от товарищей по кутежам. Но тут началась новая история.

Феодор увлекся своим проектом — построить свою «стеклянную башню», или «стеклянный столп», для сношений с другими планетами. Опять потребовались деньги, и гораздо большие, нежели на кутежи. Естественно, что отец не мог понять, на что сыну нужны тысячи и десятки тысяч рублей, чтобы строить какое-то нелепое сооружение близ их подмосковной фабрики. Он требовал, чтобы Феодор бросил свои глупости и занялся делом, так как сам старел и желал передать и фабрику и торговлю своему наследнику. Неожиданно Феодор заявил, что он не намерен продолжать отцовского дела, что пора дело ликвидировать и обратиться все в деньги.

— На что нам больше, папаша? — заявил он. — Я не знаю, конечно, вашего капитала, но, во всяком случае, на всех нас хватит. Вы уже довольно поработали и можете отдохнуть.

Отец, конечно, вспылал страшно. Когда же из разговора выяснилось, что план Феодора состоит в том, чтобы отец, ликвидировав дело и фабрики, теперь же выделил ему и сестре по миллиону, оставив все остальное себе, Василий Тимофеевич пришел в ярость. Для чего же он, Василий Тимофеевич, работал всю жизнь, собирал сначала по грошам, потом по рублям, потом по тысячам, десяткам и сотням тысяч, умножая капитал и расширяя дело? Зачем же он создал прославленную по всей России фирму Ходакова, чтобы по его смерти все пошло прахом? Вот к чему привело «учение»!

Феодор был молод. Будь на его месте человек постарше, он, может быть, ради перспективы в десять миллионов и сумел бы лицемерить, уверять отца, что дело будет продолжаться. Василий Тимофеевич был стар, ему в десятом году стукнуло семьдесят, а Феодор — молод, ему было всего двадцать пять лет. Но молодость не рассуждает: Феодор так прямо и заявил отцу, что его призвание иное, что с мануфактурой он ничего общего иметь не будет, что работать он намерен, и много работать, но совершенно на другом поприще, старику Ходакову решительно непонятном и неизвестном, да едва ли и не «сатанинском». Тяжелая распря длилась долго, несколько месяцев. Василий Тимофеевич любил сына, единственного наследника скопленных миллионов, которого он в мечтах всегда считал преемником фирмы Ходаковых; старик употребил все старания, все усилия, грозил и просил, то кричал, то пытался уговаривать, но Феодор остался непреклонен. И кончилось тем, что Феодор ушел из дома отца. Не то чтобы отец его «выгнал», но про-

сто им стало жить вместе невтерпеж. Так возникли странные отношения между отцом и сыном. Феодор жил отдельно, получая от отца ежегодно по тысяче рублей — скудное содержание для сына архимиллионера,— но упорно не хотел уступить. Старик грозил, что передаст все дело старшему приказчику, продувному и хитрому Капитону Осиповичу Сусурову (из родственников первой жены Ходакова), но втайне надеялся, что сын придет с повинной. Феодор поддерживал отношения с родным домом, зачастую ходил к отцу обедать, но стоял на своем.

В таком положении было дело, когда произошла катастрофа.

(1914—1917)

Публикация Ю. П. Благовоиной.

Письма

БРЮСОВ — М. ГОРЬКОМУ

Неаполь, 16/29 августа 1908 г.

Многоуважаемый Алексей Максимович!

Блуждая по Европе, забрел я (в первый раз) в Неаполь и, конечно, посетил Капри. С высоты мне показали ваш дом — villa di Massimo Gorki, di bravo uomo¹. Несколько минут я колебался, не посетить ли вас. Меня остановила мысль, что все русские, приезжающие на Капри, считают это своим долгом и, конечно, надоели вам своими посещениями. Но я не могу победить своего желания послать вам этот письменный привет. Пользуюсь случаем выразить вам свою неизменную любовь как писателю и человеку. Знаю, что обыкновенно мнения «Весов» отождествляют с моими, но это несправедливо. «Весы» говорят иное по соображениям тактическим². Я же всегда с интересом слежу за вашим творчеством, и последнее ваше произведение, «Исповедь», доставило мне много счастливых минут. Благодарю вас за него.

Верьте моему всегдашнему уважению.

Валерий Брюсов.

P. S. Если бы у вас нашлось несколько слов, чтобы написать мне, то мой летний адрес: St Jean de Luz (France, Basses Pyrenées, Hôtel Beau Rivage)³.

¹ Виллу Максима Горького, славного человека (итал.).

² Журнал «Весы» часто выступал с отрицательными оценками произведений Горького и современных писателей-реалистов демократического лагеря.

³ В ответном письме от 18/31 августа 1908 года Горький писал Брюсову: «Грустно, что Вы не зашли ко мне [...] Вы встретили бы у меня людей, которые и знают и ценят Вас. За отзыв об «Исповеди»—спасибо. Сам я очень недоволен ею—дидактично написано...» (М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 29, стр. 75).

Публикация Ю. А. Красовского.

БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ¹

Москва, 31 марта/13 апреля 1908 г.

Дорогой Мэтр!

Я читаю ваш новый том — «Герои» и, как всегда перед вашими книгами, склоняюсь почти благоговейно. Эссе роёт! Позднее будут говорить «век Верхарна», как теперь говорят «век Шекспира»,— вы это знаете лучше нас! Что значим мы перед все возрастающей громадой ваших творений, перед вашим неисчерпаемым воображением, перед вашей несокрушимой творческой энергией!

Позвольте мне оставаться вашим апостолом в России. Я прилагаю к этому письму программу моего доклада о вашей поэзии, который я повторил в московском Педагогическом собрании 4 марта и надеюсь в третий раз прочесть его в Петербурге. Сейчас приступаю, не без большого смущения, к переводу «Филиппа II». Не знаю, удастся ли мне эта дерзкая попытка.

Вы спрашиваете, знаю ли я «Монастырь». Конечно,— уже с 1900 года, с момента его появления! И я страстно люблю эту драму. Если я предпочел «Филиппа II», то по двум причинам: 1. Я знал, что «Монастырь» должен вскоре появиться в другом переводе (который я не замедлю послать вам). 2. Я был уверен, что русская цензура никогда не пропустит «Монастырь» на сцену. А я питаю надежду добиться постановки «Филиппа II» в Московском императорском театре.

Что до моего приезда во Францию, то мне все время приходится его откладывать. Это будет не раньше осени.

Верьте, дорогой Мэтр, моей сердечной преданности.

Валерий Брюсов.

¹ Тексты писем даны в переводе с французского.

² Вот поэт! (Лат.)

ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

Сен-Клу, 2/15 декабря 1908 г.

Дорогой друг!

Как я вам благодарен за ваши посылки! ¹ Конечно, мне очень нравится декоративный стиль Билибина, и я восторгаюсь широтой и мощью искусства Рериха. Но все же я предпочитаю К. Юона, его заснеженный город с проезжающими по нему санями. Эти три художника истые северяне; их мастерство несколько примитивно и тяжеловесно, даже грубовато, но мне они больше по душе, чем другие, так как кажутся мне очень самобытными. Я высоко ставлю также Борисова-Мусатова и наивную, почти детскую прелесть «Четырех времен года» Сомова. Теперь для меня особенно ясно и бесспорно, что там у вас, в России, стали на путь создания подлинной школы живописи, которая берет, правда, начало от французских импрессионистов, но не дает им поглотить себя. Врубель и Малявин обнаруживают великолепное своеобразие. Один только Грабарь слишком напоминает здешних художников. Вот к чему я пришел, рассмотрев разнообразные листы, любезно вами присланные. Они заставят меня и впредь заниматься вашей школой и следить за ее развитием. Благодаря вам я уже не невежда в ней. Как хорошо издан «Ган» Ван Лерберга, и как хорошо, что этим русским переводом вы позволили моему покойному другу занять его европейское место. Две другие книги я тоже получил и благодарю вас за них.

Можно ли просить вас, если случай представится, воспроизвести один из портретов, которые я вам дал, либо при статье, либо при переводе?

Жду конца перевода «Елены».

Вы получите в феврале две книжки, я не забываю и секретаря вашего журнала г. Лидеопулоса, если не ошибаюсь ². Если же я неверно пишу фамилию, то не могли ли бы вы написать ее в одном из ваших писем?

Ах, какое хорошее воспоминание осталось у нас от вашего посещения.

Еще раз спасибо.

Всецело ваш Эм. Верхарн.

Жена благодарит вас за милую записку.

¹ Брюсов, вероятно, послал Верхарну среди прочих книг «Картины современных русских художников в красках» (М., изд-во Кнебель, 1906).

² Секретарем редакции «Весов» был М. Ф. Ликиардопуло.

БРЮСОВ — ВЕРХАРНУ

Москва, 17/30 апреля 1910 г.

Дорогой Мэтр!

Я до сих пор еще не поблагодарил вас за присылку «Властительных ритмов». Это почти непростительно, но радость, какую я испытал, получив этот том и читая и перечитывая его, дает мне некоторое право на ваше прощение. «Ритмы» займут в вашем творчестве выдающееся место; эта книга незаменима в блистательном ряду, открывшемся «Лицами жизни» и продолженном «Мятежными силами» и «Многоцветным сиянием». И я уверен, что все ваши почитатели при чтении вашей последней книги испытали, подобно мне, чувство гордости, видя, как их учитель «непрестанно завоевывает все новые высоты».

Теперь я пишу уже давно обещанную для журнала «Русская мысль» статью о «Ритмах», где буду в то же время говорить и о всех ваших последних книгах, т. е. о двух драмах, о «Городках с островерхими крышами», о «Светлых часах» и о «Джемсе Энсоре». Я позволю себе, если вы не возражаете, поделиться кое-какими скромными воспоминаниями о ваших высказываниях, которые я имел счастье слышать лично от вас: об искусстве, войне и т. д. Надеюсь, что статья сможет появиться уже в майском номере. Само собой разумеется, что я поспешу прислать вам его¹.

«Весы» напечатали «Золото» — вы должны были получить номер журнала, а также и гонорар.

Что касается переиздания «Стихов о современности», то мы решили расширить план книги. Поскольку большое издание ваших произведений в русском переводе, выполненном разными переводчиками, все еще находится в состоянии подготовки, лучше сказать *in spe*², — я предложил составить, без других участников, том, который мог бы более или менее полно представить ваше творчество. Я хочу дать в моем переводе избранное из всех ваших основных книг, приблизительно 50—60 стихотворений³ и две драмы «Филипп II» и «Елена». В качестве предисловия я хочу поместить, с некоторыми изменениями, перевод брошюры Базальжета... Мне кажется, что это будет книга, которая позволит русской публике составить себе пусть неполное, но все же несколько более точное понятие о вашей поэзии и сможет внушить желание узнать ее поближе. Я постараюсь выпустить книгу в 1910—1911 гг.⁴

Вырезка, которую вы нашли при этом письме, — сообщение о посвященной вашей поэзии лекции, прочитанной в С.-Петербурге г-ном Львовым-Рогачевским.

Ваш неизменный почитатель, гордый именем друга, которое вы, дорогой Мэтр, мне столь снисходительно дарите. Не забудьте передать мой поклон госпоже Эмиль Верхарн.

Валерий Брюсов.

¹ Статья Брюсова «Новые книги Эмиля Верхарна» («Русская мысль», 1910, № 8).

² В проекте (лат.).

³ В ближайшее время я пошлю вам перечень этих стихов. (Прим. Брюсова)

⁴ «Собрание стихов» Верхарна в переводе Брюсова вышло в 1915 году.

ВЕРХАРН — БРЮСОВУ

Сен-Клу, 7 ноября 1911 г.

Дорогой друг!

Нынешней весной, будучи в Германии, я дал обещание прочесть ряд лекций. Боюсь переутомиться как до них, так и после. Вот почему я просил бы вас перенести на следующий, т. е. на 1913 год, ваше любезное приглашение. Кроме того, я попросил бы вас устроить дело таким образом, чтобы я мог выступить с лекциями и в С.-Петербурге, с тем чтобы несколько повысить свой гонорар, довести его до 2000 фр., не считая дорожных расходов.

Я горю желанием поехать в Россию, у меня там много друзей, которых я хотел бы посетить, начиная с вас, мой дорогой и верный Брюсов. Я хочу знать обстановку, в которой вы живете, чтобы, думая о вас, мысленно видеть вас ближе, дружественнее. Сло-

вом, я вовсе не отказываюсь от поездки в Россию, совсем наоборот, и надеюсь, что в 1913 году все превосходно устроится к общему нашему удовольствию.

Я получил вашу книгу «Der Feurige Engel»¹. Я листаю ее и пытаюсь, насколько могу, больше и лучше ее понять. Однако при моем невежестве в немецком языке для меня это трудная задача.

Не приедете ли в конце будущего лета во Францию и Бельгию? Кайу² привыкло считать вас своим гостем, и было бы чудесно, если бы на этот раз вас сопровождала госпожа Брюсова.

Г-н Гагарин в Сен-Клу. Вчера вечером он навестил меня, и мы очень дружески говорили о вас.

Мы оба, жена и я, шлем вам самый искренний привет.

Ваш вполне Э. Верхарн.

¹ «Огненный ангел» (нем.).

² Дачное местечко в Бельгии, где Верхарн обычно проводил летние месяцы.

Публикация Т. Г. Динесман.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

В начале номера воспроизведено содержание той гавней, самой первой книжки «Нового мира», с которой журнал начинался. Бросается в глаза, как велик среди материалов удельный вес работ, представляющих непосредственно критику, литературную науку: заметка-комментарий к подборке юношеских стихотворений В. Брюсова, обнаруженных в архивах «Русского обозрения»; публикация «Автобиографии Н. А. Некрасова» с обстоятельным вступительным словом, обозревающим актив некрасоведения, материалы к жизнеописанию поэта, статья А. В. Луначарского «Анатоль Франс».

Сказать о ней, что она написана с присущим Луначарскому стилистическим блеском и неотразима по силе аргументов, значит остаться еще только на уровне внешнего впечатления. Перед нами тот случай, когда сама широта историко-культурных экскурсов и параллелей, свобода и глубина авторских раздумий определяют не просто литературные достоинства статьи, но ее важнейшее программное качество.

Статья Луначарского всем своим строем противостоит тому размахистому отрицанию духовного опыта минувших эпох, которое в свое время было одним из опасных выражений «детской болезни «левизны» в коммунизме». «То, что прежде всего бросается в Анатоле Франсе в глаза нам, коммунистам, так сказать, в общественном явлении «Анатоль Франс», — это факт перехода по сю сторону баррикады одного из культурнейших людей, одного из самых тонких хозяев старой культуры, человека, всеми фибрами сросшегося с нею», — читаем мы в статье Луначарского, который говорит о жизни, о пути Франса как о впечатляющем примере глубокого вrastания старой, накопленной веками культуры в коммунизм. Эта мысль особенно выделена в статье.

Работа «Анатоль Франс» была прежде всего выступлением философа-марксиста, давшего развернутый анализ сложнейших явлений общественной жизни. Луначарский очерчивает перспективу исторически неизбежного процесса, говорит о закономерном наступлении такого этапа, «когда новый революционный класс анализирует старую культуру и отбирает в ней то, что может служить непосредственно на потребу ему или фундаментом для грядущего строительства». Вопрос об отношении к духовным ценностям прошлого получает подлинно классовое освещение. И главным уроком статьи оказывается прежде всего урок творческого марксизма в подходе к явлениям духовной культуры и социальной психологии.

Можно найти глубокую внутреннюю связь между теми литературно-критическими материалами, с которыми «Новый мир» в первом своем номере выходил к читателю. Хочется подчеркнуть: во многом эта организация, система взаимосвязей критических материалов вырастает как раз из памятного выступления А. В. Луначарского. Пафос этой статьи поддержан обращением редакции к творчеству Валерия Брюсова, в литературной и гражданской судьбе которого, помимо всего прочего, тоже (как и у Анатоля Франса) был исключительно важен «факт перехода по сю сторону баррикады», а также обращением к такой яркой фигуре, как Н. А. Некрасов, с именем которого в сознании читателя всегда связывались начала вдохновенной гражданственности в искусстве, верность революционно-демократическим идеалам, глубочайшая народность творчества.

Общепризнанные успехи литературы социалистического реализма тесно связаны с ее художественным новаторством, чуткостью к ведущим тенденциям современности и при этом — с бережным наследованием лучших традиций многовековой человеческой культуры. Марксистско-ленинская вооруженность, профессиональное мастерство, широта философского и эстетического кругозора на всех этапах существования нашего общества были важнейшими качествами всякого подлинного мастера советской культуры. Над воспитанием таких качеств неустанно работает партия, признающая своим верным помощником в этой работе нашу литературно-художественную критику. Среди требований, сформулированных в постановлении ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» (постановлении, трехлетие которого наша критика отмечает как раз в эти дни), в качестве одного из основополагающих звучит требование «глубоко анализировать явления, тенденции и закономерности современного художественного процесса... способствовать расширению идейного кругозора художника». Этот важный партийный документ зовет деятелей литературы к той широте художественного мирозерцания, к тому х о з я й с к о м у освоению культурного опыта поколений, которое естественно вытекает из самой природы марксистско-ленинского литературоведения.

Как и другие разделы этого номера, раздел литературной критики обращен сегодня к тем давним дням, к первой, «изначальной» книжке «Нового мира» — мы снова как бы проходим ее тропой. Некрасов, Брюсов, Анатолий Франс... Взгляд на ту же литературоведческую тему через полвека. Попытка заметить сквозь ее призму самое движение жизни, литературоведческих представлений, углубление нашего идейно-эстетического знания.

О сегодняшнем состоянии дел в отечественном некрасоведении рассказывает член редколлегии Краткой литературной энциклопедии литературовед В. В. Жданов, автор недавно — к стопятидесятилетнему некрасовскому юбилею — вышедшей книги «Некрасов». Видный специалист в области западных литератур, доктор филологических наук Т. Л. Мотылева рассматривает творческие проблемы, связанные с наследием Анатолия Франса. Творчеству замечательного автора той давней статьи об Анатоле Франсе посвящены заметки кандидата филологических наук И. П. Кохно о новой литературоведческой работе Н. А. Трифонова «А. В. Луначарский и советская литература». Брюсовская тема развивается в статье кандидата филологических наук В. Е. Ковского. О судьбе поэта С. А. Басова-Верхоянцева, выступившего в первом номере «Нового мира» за 1925 год со стихами, рассказывают страницы воспоминаний старейшего советского литературоведа О. С. Резника.

Авторы публикующихся здесь материалов стремятся особо подчеркнуть, что для нашей литературоведческой науки, для советской критики остаются священными задачи коммунистического воспитания трудящихся, сочетание острого чувства современности с бережным отношением к лучшим традициям мировой культуры.

В. ЖДАНОВ

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ НЕКРАСОВА

Это примечательный факт: в 20-е годы «толстый» литературный журнал, избравший себе наименование «Новый мир», готовя свой первый номер, счел нужным включить в него такую «старую» — некрасовскую — тему! В журнале была опубликована «Автобиография Н. А. Некрасова», записанная (точнее, продиктованная) в 1872 году по просьбе историка М. И. Севемского.

Это была важная публикация. Появление ее в первом номере журнала вряд ли можно считать случайностью: редакция, очевидно, стремилась сделать достоянием читателей подлинный документ, в котором великий поэт сам рассказывал о своей жизни; а в предисловии к публикации указывалось, что фигура Некрасова уже давно вызывает «напряженный общественный интерес». Нет сомнения, что первые редакторы журнала — А. В. Луначарский и Ю. М. Стеклов (кстати сказать, знаток некрасовской эпохи, автор книг о Чернышевском и Бакунине) высоко ценили Некрасова как народного поэта, участника литературно-общественного движения 60—70-х годов. Не менее вероятно и то, что в его лице они видели выдающегося редактора, создателя лучших русских журналов XIX века — «Современника» и «Отечественных записок».

Действительно, роль Некрасова как журналиста и редактора огромна, судьбы русской литературы непосредственно связаны с этой стороной его деятельности. Получив в свои руки «Современник», основанный еще Пушкиным, Некрасов упорно в течение тридцати лет развивал и укреплял традицию русского «толстого» журнала. В эту традицию входило и привлечение лучших писателей, и открытое стремление быть «с веком наравне», и создание обширных

отделов критики, публицистики, библиографии (эти отделы Некрасов вслед за Белинским считал «душою журнала»), а также отделов науки, очерков, переводных иностранных стихов и романов...

Журнал такого типа в России был создан именно Некрасовым, видевшим в этой сфере свое второе призвание. Его исключительную редакторскую одаренность и активность единодушно отмечали современники — и друзья и недруги. Один из них верно указал главную особенность Некрасова как редактора — он широко понимал задачи литературы и, обладая необходимым «практицизмом», строил, однако, успех журнала на идеях и талантах.

В этом и была суть дела.

Чтобы оценить заслугу Некрасова, надо вспомнить, чем был «Современник», когда его — после Пушкина — издавал профессор Петербургского университета П. А. Плетнев. Тоненькие книжки тощего содержания, «нейтрального» направления вызвали тогда же законный вопрос Гоголя: зачем он назван «Современником»? Плетнев старался заполнять страницы журнала преимущественно своими сочинениями, Некрасов же сделал его органом всей русской литературы. Подобно Белинскому, Некрасов был великим открывателем талантов. Уже в первых книжках его «Современника» появились имена молодых тогда, почти начинающих Тургенева, Достоевского, Герцена, Огарева, Гончарова, Григоровича, а также статьи Белинского, записки актера Щепкина, исследование Кавелина, зарубежные очерки Анненкова и Боткина. В 1852 году редактор «Современника» получил по почте пакет, в котором была рукопись безвестного кавказского офицера; он высоко оценил рукопись, называвшуюся «Детство» и «Отрочество», пригласил автора печататься,

ободрил его. Кто не знает теперь, что присланная рукопись принадлежала перу Льва Толстого! Но тогда Некрасов ничего об этом не знал.

Во все годы существования некрасовских журналов вокруг них собирались живые силы отечественной литературы. Здесь печатался Островский, позднее Салтыков-Щедрин, Успенский. Здесь, по сути дела, сформировалось основное направление нашей литературной критики и публицистики. Через несколько лет после Белинского критический отдел «Современника» перешел в руки Чернышевского и Добролюбова. Некрасов не только «открыл» и привлек этих начинающих литераторов, но сделал их идейными руководителями журнала. Своим авторитетом и опытом он обеспечил им возможность относительно свободного, разумеется в условиях цензуры, выражения своих мыслей. Об этом сохранилось прямое свидетельство Чернышевского: «Только благодаря его великому уму, высокому благородству души и бесстрашной твердости характера я имел возможность писать, как я писал».

Стремление строить журнал на «идеях и талантах» ясно выражено во всей редакторской деятельности Некрасова. Оно сказало и в той принципиальности, с которой он отстаивал чистоту направления своих журналов, и в подборе авторов, и в принципиальных оценках, какие он давал литературным произведениям, попадавшим к нему в руки. Множество рассказов об этом сохранилось в воспоминаниях современников. Все они сходятся на том, что Некрасов был прирожденным, идеальным и непревзойденным редактором. Он умел ценить даровитых людей и верить им; с необычайным вниманием относился к начинающим писателям и охотно помогал им всем чем мог; неутомимо писал письма неизвестным людям, показывая сотрудникам примеры удивительного трудолюбия. Словом, как говорит один из мемуаристов (П. Ковалевский), «лучшего редактора, чем Некрасов, я не знал, едва ли даже был у нас другой такой же. Были люди сведущее его, образованнее... но умнее, провицательнее, умелее его в сношениях с писателями и читателями не было никого».

Автобиография Некрасова, опубликованная полвека назад в «Новом мире», была первым документом этого рода, появившимся в печати. Еще в 1855 году Некрасову

пришла мысль записать рассказ о своей жизни, о чем он сообщил Тургеневу. Тот поддержал эту мысль: «Вполне одобряю твое намерение написать свою автобиографию; твоя жизнь именно из тех, которые, отложив всякое самолюбие в сторону, должны быть рассказаны — потому что представляют много такого, чему не одна русская душа глубоко отзовется». Однако только в последние годы жизни, когда поэт ощутил острую потребность обозреть все пережитое, рассказать о себе, о событиях своей трудной молодости, начал осуществляться его давний замысел.

Вслед за первым вариантом (он и был опубликован в «Новом мире») спустя несколько лет уже тяжело больной Некрасов продиктовал еще несколько автобиографических набросков¹. Люди, близкие к поэту, знали, при каких драматических обстоятельствах создавались эти итоговые документы. «Очевидно было, — писал Н. К. Михайловский в своих воспоминаниях, — страстное желание выложить всю душу, уже еле державшуюся в больном, изможденном теле; страстное, последнее в жизни желание раскрыть тайну этой жизни, может даже не вам, слушателям этой единственной в своем роде исповеди, а самому себе. Но умирающий не находил слов для выражения «той казни мучительной, которую в сердце носил». Он то хватался за какой-нибудь отдельный эпизод своей жизни, то пробовал подвести ей общий итог, запинался и опять начинал».

Похоже, что так оно и было. Некрасовские автобиографии невелики по объему, фрагментарны и не доведены до конца. Порой они просто конспективны, конечно потому, что он мог диктовать только в перерывах между приступами боли. И тем не менее они, бесспорно, сохраняют для биографа поэта значение первоисточника, дают основу для изучения многих страниц его жизни, особенно раннего периода, для суждений о его личности, духовном облике.

Все это, по-видимому, имела в виду редакция «Нового мира», публикуя один из вариантов автобиографии. В предисловии к ней было справедливо указано на то, что настало время заняться тщательной подготовкой некрасовских текстов и составлением «без недомолвок выполненной» биогра-

¹ Они опубликованы в первом из «некрасовских» томов «Литературного наследства», № 49-50, 1946.

фии поэта. Прошли десятилетия, но можно ли сказать, что эти разумные пожелания уже осуществились? Нет, этого сказать еще нельзя, хотя сделано очень много.

В 20-е годы углубленная работа над литературным наследием Некрасова, в сущности, только начиналась. Предстояло до конца освободить поэтические тексты от бесчисленных искажений и пропусков, от всех следов грубого вмешательства цензуры: известно, что автор «Кому на Руси жить хорошо» пострадал от нее больше, чем какой-либо другой русский писатель. Эту очистительную работу еще до революции начал К. Чуковский, выпустивший в 1920 году первое советское издание сочинений Некрасова (есть сведения, что В. И. Ленин в беседе с В. В. Воровским с особым удовлетворением отметил включение в собрание неизданных и запрещенных царской цензурой стихов). Однако дело, конечно, не только в цензуре. Опираясь на научные принципы советской текстологии, специалистам надо было обследовать огромные фонды черновых рукописей и вариантов, добиться окончательных решений, чтобы представить некрасовскую поэзию в ее подлинном виде. Но и теперь нельзя сказать, что эта сложнейшая работа доведена до конца. Достаточно напомнить, что до сих пор продолжают споры о том, как же следует печатать крупнейшее сочинение Некрасова — поэму «Кому на Руси жить хорошо», какова должна быть ее композиция, расположение частей.

Наиболее солидное издание Некрасова, вышедшее в 1948—1953 годах, называется «Полное собрание сочинений и писем». Однако в самом же издании (т. 11) имеется список писем, не включенных в соответствующие тома, а в списке этом значится около полутора ста писем! Причем некоторые из них входили в прежние издания (например, письмо Ф. А. Некрасову от 31 декабря 1862 года опубликовано в не претендующем на полноту «Собрании сочинений», т. 5, 1930), но позднейшим редакторам непонятная стыдливость не позволила сделать свое издание действительно полным. Впрочем, это относится не только к письмам, есть и стихи, не вошедшие в «полное» собрание (например, «Так, служба...»), не говоря уж о черновых вариантах.

Надо надеяться, что предстоящее новое собрание сочинений, задуманное Институтом русской литературы (Пушкинский дом), будет действительно полным и озна-

менует новый рубеж в разработке некрасовской текстологии. Тем более что новое поколение некрасоведов успело накопить большой опыт в этой области.

Теперь по поводу биографии, которую действительно надо писать «без недомолвок», но и без приукрашивания исторических обстоятельств. В наше время возникла потребность заново изучить жизненный путь поэта, создать правдивое, свободное от ложных наслоений жизнеописание одного из крупнейших деятелей русской культуры и журналистики XIX века. Эта задача осложнялась необходимостью документально опровергнуть бесчисленные наветы, почти всю жизнь преследовавшие Некрасова и дожившие — увы — до наших дней. Эти наветы, теперь превратившиеся в туманные слухи, репительным образом искажали репутацию поэта и человека, ложились на нее тяжелым камнем.

Необычность, исключительность фигуры Некрасова в литературной среде того времени — одна из причин его нелегкой, в сущности, трагической жизненной судьбы. У такого «характерного человека», отмечал еще Достоевский, не могло не быть врагов. Вражда и зависть, шепот и разного рода толки неумолимо вились над его головой, в том числе и нелепая сплетня о якобы проигранных в карты огаревских деньгах. Известно, что ее распространял Николай Успенский, обласканный и поддержанный Некрасовым, долго живший за границей на его деньги. Много говорил на эту тему и Тургенев, после разрыва с «Современником» сделавшийся усердным гонителем своего недавнего друга. В непонятном ослеплении он дошел до того, что печатно при жизни Некрасова заявил: «...я убежден, что любители русской словесности будут перечитывать лучшие стихотворения Полонского когда самое имя г. Некрасова покроется забвением».

Все это было источником постоянных нравственных страданий для поэта. В соответствии со своим трудным и замкнутым характером он не считал нужным защищаться или опровергать клевету. Он так и написал Герцену, введенному в заблуждение относительно роли Некрасова в так называемом огаревском деле: «...могу ли, нет ли оправдаться в этом деле, — перед Вами оправдываться не считаю удобным. Думайте, как Вам угодно» (26 июля 1857 года). И Некрасов молчал. Кажется, один только раз он выразил свою боль в стихах:

Что ты, сердце мое, расходилося?..
 Постыдись! Уж про нас не впервой
 Снежным комом прошла-прокатилася
 Клевета по Руси по родной.
 Не тужи! Пусть растет, прибавляется,
 Не тужи! Как умрем,
 Кто-нибудь и об нас проболтается
 Добрым словом.

И вот как ни странно, но даже в современной биографической литературе слухи, прилипшие к имени поэта, до сих пор по-настоящему и окончательно не опровергнуты. Больше того, и теперь авторы многих работ о Некрасове, как только речь заходит об «огаревском деле», не углубляются в это сложное и не до конца изученное дело, а обязательно отсылают читателя к книге Я. Черняка «Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве», вышедшей еще в 1933 году. При этом они забывают, что в названной книге, где опубликовано много ценных документов, великий поэт подвергся грубой вульгарно-социологической проработке. За свою издательско-просветительскую деятельность он назван «приобретателем и промышленником в полной мере», а его участие в «огаревском деле» поставлено в связь с «хищными навыками современной ему промышленной буржуазии». Ни больше ни меньше. Теперь это кажется просто неправдоподобным, тем более что уже есть основания со всей определенностью заявить о полной непричастности Некрасова к исчезновению огаревского наследства. И вот все-таки...

Еще Достоевский, как известно, не являвшийся единомышленником Некрасова, но хорошо его знавший, настойчиво утверждал: из всего, что говорили про Некрасова, по крайней мере половина, а то и все три четверти — чистая ложь, вздор и сплетни. Пришло время как следует разобраться во всем этом и создать обстоятельную, «без недомолвок», исторически объективную картину напряженной борьбы вокруг имени Некрасова, его деятельности.

Первый номер «Нового мира» вышел незадолго до пятидесятилетия со дня смерти Некрасова, и это было отмечено в предисловии к автобиографии. Теперь близится столетняя годовщина того же события. За прошедшие десятилетия издано огромное количество его сочинений — полных, избранных, одностомных. Написаны горы книг и статей о нем, выпущены три тома «Литературного наследства», периодически издаются «Некрасовские сборники», материалы научных кон-

ференций, труды кафедр университетов и институтов. Обстоятельно изучены не только крупные произведения (одной поэме «Кому на Руси жить хорошо» посвящено не менее десятка книг, в том числе обширный комментарий), но и многие стихотворения. В серьезных работах рассмотрено поэтическое мастерство Некрасова, изучены проблемы языка и стиля, особенности некрасовского стиха.

И вместе с тем, как это ни странно, еще нельзя сказать, что мы вполне знаем Некрасова, что мы научились понимать подлинную красоту его поэзии (речь идет, конечно, прежде всего о читателях, а не об узких специалистах или текстологах, которые знают все). Думается, совершенно прав В. Турбин, когда он в статье «Гражданин и поэт», опубликованной в «Новом мире» (1971, № 12), говорит о его поэтическом новаторстве, об удивительном жанровом своеобразии сатиры «Современники» и необычности эпопеи «Кому на Руси жить хорошо»: «...наше воспитанное на романы и повести сознание тщетно ищет в них признаков хорошо знакомых жанров, не находит таковых и, боюсь, все еще не может оценить величия этих поэм, их художественно пророческой роли».

Зато трудно согласиться с тем же автором, когда он безоговорочно утверждает, что «поэзия Некрасова по природе, по художественному устройству (?) своему есть поэзия, я бы сказал, газетная, и в этом, очевидно, таится секрет ее странного обаяния, ее неослабевающей внутренней силы и величия». Слишком многое (например, в лирике, в поэмах Некрасова) противоречит этому тезису, хотя автор доказывает его остроумно и со знанием предмета.

Да и зачем нам отдавать целиком Некрасова газете! Ведь и так часто приходится слышать разговоры: поэт был злободневен, да во многом устарел... Обычно это говорят те, кто не читает некрасовских стихов, кто живет давними впечатлениями, сложившимися еще на основе школьной программы. А программа долгое время (это надо сказать прямо) не могла создать для юношества подлинный, многогранный образ поэта. Его засушивали как могли, выхолощивая живую душу из этой разноголосой, цветущей всеми красками жизни поэзии. Из него — мудрого и доброго, ироничного и печального — делали почтенного, но унылого «певца народного горя». Удивляться этому не приходится, ибо сами методисты и теоретики в

области преподавания литературы в своих рекомендациях учителям далеко не всегда обращались к собственно литературной проблематике, ограничиваясь социологическими наблюдениями и характеристиками.

Вот пример. В интересном и содержательном «Некрасовском сборнике», вышедшем в Калининграде (1972), помещены материалы об изучении Некрасова в школе. Кажется, есть кое-что свежее и полезное в предложенных здесь методах проблемного обучения. Но итоги разработки одной из важных тем («Рождение поэта») вызывают явное беспокойство; оказывается, учитель должен подготовить учащихся к широкому обобщению — «качества гражданина и патриота, присущие Н. А. Некрасову, были типичными для всего поколения революционных демократов». Допустим, что это так. Но для «широкого обобщения» маловато. А где же поэзия Некрасова, где то, что отличает его от всего поколения? Есть ли необходимость с такой категоричностью и неприужденностью уравнивать великого поэта со всеми его ровесниками? Не сказала ли здесь недооценка того главного, чем дорог нам Некрасов и ради чего изучают его в школе?

Результаты такого подхода налицо. «Критики» Некрасова часто не знают лучших его сочинений, его зрелой лирики и сатиры. Среди «забытых» или «малопопулярных» вещей оказались «Последние песни»², буквально хватающие за душу, «Рыцарь на час» — трагическая исповедь и «песнь покаяния», прекрасные строки «Тишины» и элегия «Уныние», сатира «Балет», удивительная по замыслу и по выразительности стиха, и многое другое. Но суть, конечно, не в незнании отдельных произведений, а в том, что само это незнание не случайность. Еще со времен народническо-сентиментальной критики укоренилось представление о Некрасове только как о певце нищей деревни. Другие стороны его поэзии не интересовали критику тех времен. Однако можно ли забыть, что даже в своих «крестьянских» стихах (тема деревни действительно одна из важнейших у Некрасова) он не был ни пассивным «печальником», ни певцом темноты и бедности! Он всегда оставался художником-реалистом, писавшим правди-

вые картины жизни крестьянской страны, ее горе и радости, поэтизируя крестьянский труд и раскрывая — особенно через фольклор — светлые стороны народного мира, народного характера. Деревню он знал и любил как никто другой из русских поэтов, знал, можно сказать, в лицо ее людей-тружеников — пахарей, бурлаков, косарей, охотников. Кто, кроме Некрасова, мог бы оставить в записной книжке такой стихотворный набросок, сделанный, вероятно, «с натуры»:

Приятно встретиться в столице шумной
с другом
 Зимой,
 Но друга увидеть идущего за плугом
 В деревне
в летний зной,—
 Стократ приятнее.

И все эти деревенские жители заговорили в его стихах живыми голосами, каждый своим языком. Писал он не только о них, не только для них, но и от их имени. Из уст сельских своих знакомцев («Что ни мужик, то приятель») он выслушивал рожденные самой жизнью темы и сюжеты будущих стихов и поэм, составивших обширный цикл 60-х годов, посвященный крестьянству. В этот цикл, увенчанный великой поэмой «Кому на Руси жить хорошо», вошли и «Похороны» (эти стихи вернулись в народ в качестве песни «Меж высоких хлебов затерялся...»), и «Дума» (монолог крестьянского парня, в котором показаны яркие проявления народного характера), и «Крестьянские дети», и истинно народная поэма «Коробейники» — свидетельство верности пути, найденного к сердцу читателей. Не ограничившись точным воспроизведением живого крестьянского языка, поэт обратился к народно-поэтическому творчеству — песни, поговорки, приметы, шутки, выражающие народный взгляд на вещи, плотно вошли в словесную ткань поэмы и помогли автору поэтически выразить крестьянское мировоззрение.

Примечательно, что «Песня убогого странника» из поэмы «Коробейники» с ее знаменитым припевом («Голодно, странничек, голодно...»), как известно, помогла Чернышевскому обосновать — в подцензурной печати! — мысль о том, что крестьянину в новых, пореформенных условиях пора самому взяться за «дело», проникнуться сознанием своей силы. «Разве нельзя тебе жить сытно, разве плоха земля... Чего же ты смотришь?..» — восклицал публицист «Современника» в статье «Не начало ли перемены?».

² Недавно в серии «Литературные памятники» Академии наук вышло издание «Последних песен», подготовленное и широко прокомментированное Г. Красновым («Наука», 1974).

Демократический журнал «Русское слово», где работал Писарев, также обратил внимание на «Песню убогого странника»: «...что может быть безыскусственнее и проще этой песни! Но простотой-то она и сильна. Это великая и грозная своим величием простота. Дальше уже в этом отношении, мне кажется, поэту идти некуда... «Песня убогого странника» не должна быть пройдена равнодушием или невниманием, — нет, она должна быть подхвачена сотнями тысяч голосов».

Поэму «Коробейники» автор посвятил своему «другу-приятелю» по охоте Гавриле Яковлевичу Захарову, крестьянину деревни Шоды Костромской губернии; это его рассказы легли в основу сюжета поэмы. И не просто посвятил, а, по существу, печатно предложил свое сочинение на суд крестьянских читателей:

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу,
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу...

Это один из примеров многообразных связей поэта с народной жизнью. Еще больше подтверждений этому дает поэма «Кому на Руси жить хорошо» — всей своей эпической широтой, невиданным разнообразием крестьянских характеров, верой в силы народа она разрушает узкие представления о Некрасове. Это действительно энциклопедия русской народной жизни XIX века, национальная эпопея, в которой жизнь, думы и настроения российского крестьянства стали достоянием высокого искусства. Недаром западные исследователи отмечают, что «крестьянские» поэмы Некрасова не с чем сравнить в мировой литературе. Французский ученый Ш. Корбэ, автор большой работы о Некрасове, считает, что именно русский поэт впервые ввел мужика «в семью человечества».

Итак, без деревенской темы нет некрасовской поэзии. Но можно ли свести ее к этой теме? Нет ли здесь искусственного и ничем не оправданного сужения ее подлинного масштаба?

Припомним несколько фактов.

Некрасову принадлежит множество стихов, воплотивших мучительные раздумья о призвании поэта, о его долге перед обществом в условиях поавления социальной и нравственной свободы; это единственная в своем роде лирическая исповедь человека XIX столетия, предельно искренняя, эмо-

ционально напряженная, богатая мыслью (сюда относятся «Последние песни», «Рыцарь на час», «Уныние», «Последние элегии», «Умру я скоро»). Вспомним также, что Некрасов — несравненный певец любви и природы, его проникновенная лирика «памяевского» цикла, продолжая традицию русской поэзии, отмечена открытостью чувства, ясностью выражения, это «поэзия сердца» новых людей. Об одном из его стихотворений («Давно отвергнутый тобою») Тургенев писал: «Стихи твои... просто пушкински хороши...» А Чернышевский признавался по поводу тех же стихов: «...буквально заставляют меня рыдать».

Большое место в лирике Некрасова занимают образы его современников — Белинского, Добролюбова, Чернышевского («Пророк»), Писарева, Шевченко. В патетических стихах, в своеобразных лирических портретах он высказал свое преклонение перед идеалами лучших русских деятелей. «Братством, Равенством, Свободой называются они», — воскликнул он в «Песне Еремущке», где в сжатых формулах выражено основное умонастроение эпохи, намечена программа шестидесятников — революционеров и просветителей. Позднее, в 70-х годах, Некрасов поддержал дело революционной интеллигенции, стремившейся разбудить народ; к ней обращено стихотворение «Сеятелям» с его призывом: «Сейте разумное, доброе, вечное». Некрасов рисовал в стихах образы «народных заступников», откликался на политические процессы тех лет, внимательно следил за ними.

Некрасов первый у нас поэт большого города. Впечатления ранних лет, проведенных в трущобах столицы, навсегда запали в его память, позднее они соединились со зрелой мыслью и дали богатый материал для неприкрашенного изображения городской жизни. В некрасовских стихах-очерках сбиваются контрасты бедности и богатства, возникают разнообразные уличные сцены — похороны и гулянья, морозы и пожары, жалкие клячи и пышные кареты; мелькают характерные фигуры — бедные чиновники и столичные фаты с моноклем в глазу, гробовщики и солдаты, извозчики и «девы из Риги». И все это окутано пеленой дождя, сырыми туманами, мутным и промозглым воздухом зимнего Петербурга. Таков цикл стихов «О погоде», безрадостный по своему настроению, полный мрачных сцен, напитанный иронией. Чтобы ощутить это настроение, перечитаем несколько

строк из «Утренней прогулки» — рассказа о том, как автор во время похорон неизвестного чиновника решил отыскать забытую могилу Белинского:

Сделав даром три добрые круга,
Я у сторожа вздумал спросить.
Имя, званье, все признаки друга
Он заставил пять раз повторить
И сказал: «нет, такого не знаю;
А, пожалуй, приметку скажу,
Как искать: ты ищи его с краю,
Перешедши вон эту межу.
И смотри: где кресты — там мещане,
Офицеры, простые дворяне:
Над чиновником больше плита,
Под плитой же бывает учитель,
А где нет ни плиты, ни креста,
Там, должно быть, и есть сочинитель».

«Городские» мотивы у Некрасова близки многим страницам «петербургских» романов Достоевского, они нашли свое развитие в урбанистической поэзии XX века, особенно в городских пейзажах Брюсова и Блока. Ш. Корбэ отмечает: «Еще до Бодлера он сорвал некоторые из «цветов зла», процветающих в отравленной атмосфере столицы».

Важнейшая сторона некрасовского творчества — сатира. Его давнее тяготение к острокритическому изображению действительности привело в 60-е годы к появлению целой серии сатирических произведений — он создает новые жанры, пишет стихотворные очерки, поэмы-обозрения, задумывает цикл «клубных» сатир. Его мастерство социальных разоблачений, искусство сталкивать противоположные жизненные пласты, касаться самых злободневных вопросов, свободно переходя от памфлета к высокой патетике, от разговорных интонаций к приемам стихотворного фельетона, предопределило появление нового типа сатиры, какой еще не было в русской литературе. Язвительные портреты отживших свое крепостников, аристократических бездельников, «салонных якобинцев»-либералов в поэме «Недавнее время»; жуткий образ старого цензора-мракобеса, который усердно и всюду ищет крамолу, «с мысли автора краски стирает», — в сатире «Газетная»; обличение блестящего столичного общества и внезапно возникающая картина народного бедствия в поэме «Балет»; наконец, картина разгула капиталистического хищничества в России, гротескные портреты финансовых воротил, промышленников магнагов, прибирающих к рукам и власть и экономику страны, — в многоплановом сатирическом полотне «Совре-

менники»... Все эти вершинные проявления некрасовского гения стоят в русской литературе рядом с сатирической прозой Салтыкова-Щедрина, сурового обличителя язв и пороков старого общества.

К числу наиболее значительных произведений Некрасова принадлежат также исторические поэмы, в центре которых — реальные лица, причастные к движению декабристов. Несомненно, поэт обратился к декабристской теме в стремлении найти в прошлом героические характеры, воспеть русскую женщину — еще один вариант «типа величавой славянки». И эта задача удалась полностью.

Поэт сделал все, чтобы показать в декабристках черты русского национального характера, демократизм, свободолюбие, высокие нравственные качества. Он изучал исторические источники и, рисуя образы своих героинь, старался сохранить верность правде. При этом его исторические поэмы («Дедушка», «Русские женщины»), насыщенные подлинным драматизмом, всем своим существом, настроением, даже лексикой были явно обращены к своему времени, к современности. Русские женщины-революционерки 70-х годов с полным основанием могли видеть в Трубецкой и Волконской благодаря Некрасову живой пример самоотверженности, доблести, гражданского служения.

Размышляя о многогранном облике поэта, нельзя забыть, что Некрасов был выдающимся критиком и публицистом. О редакторской его деятельности мы уже говорили. А вот как критик он должен быть упомянут теперь, чтобы завершить рассказ о разносторонности его интересов. Критические статьи и рецензии занимают целый том в собрании его сочинений. Среди них есть суждения о русских писателях, о литературе вообще, о ее месте в обществе. Все они показывают, что Некрасов был озабочен созданием подлинно народной литературы, которая явилась бы могучим проводником «идей образованности, просвещения, благородных чувств и понятий...». Он звал к бескорыстному служению такой литературе и предавал позору тех, кто хотел бы обратить мысль и слово писателя в «орудие личных своих интересов и страстей».

В критических выступлениях Некрасова (цикл «Заметки о журналах» и др.) высказаны грезвые и тонкие суждения о литературе. Он писал о великом значении Пушкина в истории развития русского общества, призывал со страниц «Современника» чи-

тать Пушкина, учиться у него «любить искусство, правду и родину». В полемике с Писемским он раскрывал сущность творчества Гоголя. Он решительно отвергал провозглашенное защитниками «чистой художественности» противопоставление Пушкина Гоголю, приближаясь, таким образом, к историческому пониманию процесса литературного развития и оказавшись в этом смысле впереди многих.

Редкая критическая проницаемость Некрасова, безупречный эстетический вкус и понимание задач литературы сказались в его оценках писателей-современников. Заслуга воскрешения поэзии Тютчева, забытой в те годы, — это немалая заслуга. Он же ввел в литературу А. Толстого и первый определил его как художника-реалиста. В письме автору «Севастопольских рассказов» Некрасов писал: «Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда — правда, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе... Эта правда в том виде, в каком вносите Вы ее в нашу литературу, есть нечто у нас совершенно новое». Эти мысли Некрасова нашли развитие в известной статье Чернышевского о ранних рассказах Толстого. Точно так же замечания Некрасова о пьесах Островского и его борьба за освобождение драматурга от славянофильских увлечений позднее откликнулись в статьях Добролюбова («Темное царство» и др.).

Это значит, что Некрасов, в ряде случаев предвосхитивший концепции революционно-демократической критики, оказал существенное влияние на ее развитие, и не только как редактор передового журнала, но как литератор, как критик, энергично и талантливо пропагандировавший идеи реализма и народности, страстно поддерживавший все честное и передовое в отечественной литературе.

Теперь мы вправе сделать вывод об исключительном многообразии творчества Некрасова, охватившего едва ли не все стороны, все проблемы русской действительности. Поэзия крепостной деревни, впитавшая скорбь о ее страданиях, лирика высоких человеческих чувств, мрачные пейзажи большого города, революционная патетика, язвительная и беспощадная сатира, героические страницы прошлого, наконец критика и публицистика — вот из каких слагаемых складывается целостный образ подлинного Некрасова. Вот почему он стоял в центре литературно-общественного движе-

ния своего времени: он был крупнейшим выразителем национального сознания своего народа, великим художником слова, реформатором русского стиха, вобравшего все богатства народной речи, народной поэзии.

Если мы осознаем творческую деятельность Некрасова во всем разнообразии и единстве ее граней, если сделаем могучий образ национального поэта всеобщим читательским достоянием, то вряд ли будут возможны попытки ограничить его значение крестьянской тематикой. Так же, вероятно, окажутся излишними и попытки сузить его великое наследие до «газетных» масштабов.

Напомню слова А. В. Луначарского, сказанные в день столетия со дня рождения Некрасова: «Когда прочитываешь Некрасова вот теперь, зрелым человеком, выдавшим виды, читавшим почти всех великих поэтов мира, то недоумеваешь, как могут люди продолжать говорить о каком-то слабом поэтическом даре, о каком-то несовершенстве формы. Некрасов гражданский поэт, но это гражданский поэт, в том-то и вся сила... Прежде всего искусство должно быть искусством...»

Много лет прошло с тех пор, как сказаны эти слова, а споры о некрасовском поэтическом даре все не утихают. Луначарский глубоко прав: гражданские мотивы у Некрасова, облеченные в высокую художественную форму, стали явлением подлинно большого искусства. Когда «Современник» ратовал за социально-критическую направленность литературы, за высокую гражданственность большой поэзии, то это предполагало, органично включало в себя борьбу не только против идейных противников, но и против тех, кто пытался поддержать свою репутацию за счет «тенденции». «Тенденция может быть хороша, а талант слаб, я это знаю не хуже других...» — писал Чернышевский Некрасову. Сам же Некрасов, неизменно суровый по отношению к малоодаренным поэтам, рядящимся в «гражданские одежды», иронизировал над ними в стихах:

Эти не блещут особенным гением,
Но ведь не бог обжигает горшки,
Скорбность* главы возместив

направлением,

Пишут изрядно стишки!

Когда-то на это четверостишие, затерявшееся в одной из некрасовских рецензий,

* У Дала — скорбный умом, глупый.

обратил мое внимание А. Т. Твардовский. Он прекрасно знал и очень любил Некрасова. А приведенное четверостишие особенно нравилось ему своей живой и нестареющей мыслью, выраженной легко, даже весело и в то же время точно.

Кстати сказать, в вопросе о некрасовском понимании призвания писателя и общественного назначения литературы наши литературоведы успели кое-что напугать. Вот один только пример. В 1855 году Некрасов напечатал стихотворение «Русскому писателю», одну из первых своих поэтических деклараций. Там были такие строчки:

Служи не славе, не искусству, —
Для блага ближнего живи...

Прочитав эти стихи. Тургенев, естественно, удивился: как же писатель может служить «не искусству»? В письме Панаеву он выразил сожаление, что в «Современнике» «все еще попадаютс я опечатки», и предположил, что первую строку следует читать: «Служи не славе, но искусству». Некрасов понял и принял замечание Тургенева и в следующей публикации уточнил свою мысль. Теперь стихи звучали так:

Будь гражданин! служи искусству,
Для блага ближнего живи...

Казалось бы, все ясно. Но не тут-то было. Авторы некоторых работ о Некрасове использовали этот эпизод, чтобы осудить выходку Тургенева, пытавшегося по-своему, будто бы с либеральных позиций, «исправить» некрасовские стихи, придать им другой смысл. Зная, что Некрасов согласился с замечанием Тургенева, все-таки твердят свое. (Так, в комментариях к упомянутому письму Панаеву уже в наши дни читаем: «Предположение Тургенева о возможности опечатки в тексте «Современника» было ошибочным. Поправка, которую предлагал Тургенев, внесла бы противоречие в формулу Некрасова, выраженную, впрочем, не вполне ясно».) Некоторым толкователям Некрасова явно не хватает внимания к художественному содержанию текстов. Доходит до курьезов. Не так давно в одной газете появилось сообщение, что в

некрасовских краях, в Ярославле, состоялись вечера поэзии; выступавшие поэты читали свои стихи, а девизом их выступлений были известные строки Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Это ли не горестный результат привычки механически повторять давно знакомые строки, уже не задумываясь над их смыслом? Ведь очевидно, что чеканная поэтическая формула Некрасова по сути своей обращена к гражданину, который не обязан быть поэтом, а вовсе не к поэту, который обязан быть и гражданином и поэтом. Если же понимать дело иначе, то стоит ли вообще устраивать вечера поэзии?

В этих заметках, поводом для которых явилась публикация некрасовской автобиографии в первом номере «Нового мира», мне хотелось указать некоторые пробелы в изучении Некрасова, в пропаганде его наследия. «Напряженный общественный интерес» к фигуре поэта, о чем говорилось в предисловии к автобиографии, не иссяк с годами, а во много раз увеличился, стал несравненно более массовым. Удовлетворяем ли мы его в полной мере? Пожалуй, нет. Появилось и появляется множество работ по частным, порой очень узким вопросам жизни и творчества, они интересуют главным образом специалистов. Выходят книги и статьи об отдельных произведениях, но их мало. Интересные «Некрасовские сборники» Пушкинского дома издаются тиражом всего четыре — семь тысяч экземпляров. Одна из лучших книг последних лет — «Лирика Н. А. Некрасова» Б. Кормана опубликована в Воронеже тиражом две тысячи экземпляров и практически недоступна читателям.

Сложность фигуры Некрасова, общественный интерес к нему, обилие проблем, связанных с его изучением и далеко не полностью изученных, настойчиво напоминают: у нас еще нет итоговой обобщающей работы о творчестве великого поэта, нет и полной научной его биографии. Умножить творческие усилия в этой области — задача отечественного некрасоведения.

ВАДИМ КОВСКИЙ

★

ТРУД СЕЯТЕЛЯ

Первый номер «Нового мира», вышедший в свет полвека назад, был номером программным, а в программных номерах нет места случайностям. Далеко не случайным представляется и то, что среди других публикаций внимание журнала привлекли три юношеских стихотворения Брюсова.

Надо сказать, что брюсовский архив к 1925 году был еще совершенно не освоен. В предисловии к первому тому незавершенного «Полного собрания сочинений и переводов», предпринятого издательством «Сирин», поэт писал: «Приводимые мною библиографические заметки и варианты—составляют ничтожную долю того, что при желании сможет выискать их (библиографов.— В. К.) неустанное трудолюбие... Я вовсе не хочу лишать библиографов удовольствия открывать новые стихи Валерия Брюсова...» И действительно, после смерти поэта на протяжении 20—30-х годов вышло два объемистых тома неизданных стихов, причем оба они не исчерпали рукописного наследия Брюсова.

Конечно, к моменту появления первого номера журнала (Москва простилась с Брюсовым 12 октября 1924 года) библиографические разыскания только начинались. Однако, судя по опубликованным стихотворениям, редакция почерпнула из архива отнюдь не просто попавшиеся «под руку» страницы.

В связи с новомирской подборкой требуют комментария прежде всего два момента. Во-первых, то обстоятельство, что журнал обратился к раннему творчеству Брюсова. И, во-вторых, тот интерес, который вызывало у редакционной коллегии само имя Брюсова...

Брюсов начинал в 90-е годы прошлого века с сознательного нарушения традиций, с шумной известности «декадента». На протяжении 900-х годов он выступал под «знаменами» символизма. Тем не менее все эти

обозначения применимы к его поэзии весьма условно. Для реалистов — «декадент» и «символист», для символистов — «позитивист» и «рационалист», для модернистов 1910-х годов — «арханст», Брюсов, на протяжении предреволюционного десятилетия все более тяготевший к серьезному социальному осмыслению действительности, встретил Октябрь, если воспользоваться словами А. Блока, сказанными о нем еще в 1906 году, «полным большим русским поэтом, который пытается разрешить тяжкие узы, завещанные русской литературой».

Ранний Брюсов, Брюсов первой половины 90-х годов, когда и были написаны помещенные в «Новом мире» стихотворения, и поныне известен и исследован, быть может, менее всего. Дело отчасти в том, что творческая продуктивность Брюсова в юношеском возрасте была огромной, а печатался он не часто. По собственным подсчетам Брюсова, к 1893 году им было создано около двух тысяч стихотворений. Эта цифра не покажется преувеличенной, если вспомнить заметку в дневнике от 31 октября 1894 года («Вернувшись от Бальмонта в 3 часа ночи... я написал 11 сонетов и 2 поэмы...»), внушающую, кстати, весьма сдержанное отношение к качеству столь интенсивного стихопроизводства.

Но ранний Брюсов не просто не изучен текстуально. Недостаточно ясными представляются до сих пор и сами взаимоотношения его с декадентством.

С одной стороны, очевиден искусственный, преднамеренный характер брюсовской связи с декадентством — многократно цитировалась дневниковая запись от 4 марта 1893 года: «Талант, даже гений, честно дадут только медленный успех, если дадут его... Мне мало. Надо выбрать иное... Найти гугевольную звезду в тумане. И я вижу ее: это декадентство... ложно ли оно, смешно ли, но оно идет вперед, развивается и буду-

ще принадлежит ему, особенно когда оно найдет достойного вождя. А этим вождем буду Я!»

С другой, в ранних стихотворениях Брюсова, собранных в сборниках «Юношеское», «Шедевры» и «Это — я», признаки декаданского сознания, несомненно, присутствуют: в них есть не только эпатирующая поза, но и отчетливо выраженные черты крайнего индивидуализма, эстетизма, демонстративного ухода от реальности.

Тем не менее сегодня становится все более очевидным, что произведения этого периода крайне неоднородны и неравноценны. В названных сборниках есть стихи высокого социально-гуманистического звучания, такие, как «Подруги» («Идут они, грязные, пьяные, поют свои песни, ругаются... И горестно церкви туманные пред ними крестами склоняются»); есть прекрасный «Сонет к форме», идея которого Брюсов оставил привержен на протяжении всей своей жизни; есть прозрачные лирические зарисовки («Холод ночи; смерзлись лужи...») и т. д.

Больше того, в ранних стихах Брюсова уже намечены образы, мотивы, интонации, которые получат серьезное развитие в последующем его творчестве (именно как в творчестве «подлинного большого русского поэта»), а также — через Брюсова — в поэзии младших символистов, прежде всего Блока и Белого: я имею в виду тему исполненного раздирающих противоречий мира буржуазного города с его соблазнами и обманами («В вертепе», «Белые клавиши», «Продажная»), неотвязные размышления о высоком предназначении искусства и уделе художника, нарастающий интерес к страницам прошлых эпох...

С этой точки зрения опубликованные в первом номере «Нового мира» стихотворения довольно любопытны. «Первое свиданье» появилось в сборнике «Шедевры» под названием «Одна»; в «сибирском» собрании сочинений оно уже называлось «Дума девицы». Последний заголовок, вероятно, наиболее точен: полюбившая девушка молится об искуплении своего греха. Поэтически оно выглядит в подборке слабее двух других, содержание его замкнуто банально «изложенным» чувством раскаяния.

Об этом стихотворении не стоило бы подробно говорить, если бы его мотив не варьировался в другом стихотворении, тоже названном Брюсовым «Одна» и помещенном по этому в «Шедеврах» в «стык» с первым. «Молитва» превращена здесь в «вопрос», произ-

несенный достаточно резко («Неужели эти встречи — только сети, только грех?»), причем сама любовь ощущается «искрой рая» «в тусклых днях унылой прозы, нежеланного труда». Смирение «Первого свиданья» в этой «Одной» становится возмущением, из соседства стихотворений высекаются дополнительные эстетические эффекты.

Оба стихотворения в целом еще вполне традиционны и даже несколько «пасторальны», но в них уже зреет зерно внутреннего конфликта, который определит впоследствии «мучительную», а подчас и сознательно эпатажную интонацию брюсовской любовной лирики, нередко звучащей, подобно «Первому свиданью», от лица женщины.

Во втором стихотворении, опубликованном журналом и не входившем в книги Брюсова, ни содержание, ни форма тоже не блещут новизной, хотя стих его более сложен и крепок. Обращает внимание здесь главным образом первая строка, вводящая читателя в совсем не традиционную для лирического переживания обстановку: «За карточным столом, среди холодных дам...» «Холодные дамы» за игрой в карты — это уже из выморочного городского мира, мира масок. В «Замкнутых» поэт скажет о нем: «Но где в глаза живым я мог, живой, взглянуть? Там, где игорный дом, и там, где дом публичный!» Но здесь, в юношеском стихотворении, иллюзии еще не вполне утрачены, и он допускает возможность обнаружить «былую красоту за красками румян» и «смело подтвердить минувшего мечты»...

В значительной мере не случайно для Брюсова и третья, вызвавшее интерес «Нового мира» стихотворение — «Колумб», находящееся где-то в начале длинного ряда лирических произведений, посвященных «любимцам веков» — завоевателям, первопроходцам, «вождям» («А он не слышит злобной брани и, вдохновением влеком, плывет в безбрежном океане еще неведомым путем»), фигуры которых в зрелом творчестве Брюсова несколько поблекнут, отступят в тень перед концепцией исторического прогресса в целом. Думается, что «Колумб» гораздо более характерен для дальнейшей поэзии Брюсова, чем цепь стилизованных «исторических» виньеток, собранных в цикле «Шедевры» под вычурным названием «Холм Покинутых Святынь».

Таким образом, за брюсовскими страницами в «Новом мире» вставала некая конкретная историко-литературная задача — редак-

ция словно бы ставила под сомнение сложившийся взгляд на «декадансность» раннего Брюсова, выделяя в нем тенденции совсем иного плана.

Однако этой историко-литературной задачей смысл публикации не исчерпывался.

Имя Брюсова в момент создания «Нового мира», спустя всего лишь три месяца после смерти поэта, еще не успело отодвинуться в прошлое — оно было именем живого и действительного участника литературной борьбы и литературного процесса 20-х годов. Болезнь застигла Брюсова в обычном состоянии, «на бегу», в не прекращавшемся ни на минуту кипении творческих планов и работ, в размахе колоссальной культурно-организационной деятельности. Нетрудно предположить, что доживи Брюсов до января 1925 года, он участвовал бы в первом номере нового журнала, столь близкого ему по своему замыслу и общекультурным задачам...

Стихи раннего Брюсова были для «Нового мира», несомненно, поводом, я бы сказал, «знаком» литературной ориентации, возможностью еще раз, уже как бы на языке истории литературы, заявить о позиции, занятой журналом в литературном процессе 20-х годов: позиции вне группировок, руководствующейся интересами развития всей советской литературы, задачами борьбы за ее высокий художественный уровень.

В этом отношении Брюсов был полным единомышленником А. В. Луначарского, подписывавшего вместе с Ю. М. Стекловым в свет первый номер «Нового мира». Вспоминая о поэте вскоре после его смерти, Луначарский точными и емкими словами охарактеризовал Брюсова как деятеля культуры: «...когда он первый раз со мной встретился, он был озабочен серьезностью шага, который он намеревался сделать, шага, порывавшего — по крайней мере, в то время — с широкими кругами интеллигенции и связывавшего судьбу поэта навсегда с новой властью, властью рабочих, казавшейся в то время многим эфемерной. Брюсов вел переговоры со мной в высокой степени честно и прямо... В своих первых революционных произведениях он приветствовал грядущих варваров... Но если Брюсов готов был сам лечь под копыта коня какого-то завоевателя, несущего с собой обновление жизни человеческой, то для него было, конечно, несравненно приемлемее встретить в этом завоевателе осторожное и даже любовное отношение к основным массам старых культурных ценностей». Это любовное отношение Брюсов встретил

в Луначарском и взволнованно откликнулся на него в своей первой, по существу, «октябрьской» поэтической книге — сборнике «В такие дни»:

Пусть пьянил победителей смелых
Разрушений божественный хмель,
Ты провидел, в далеких пределах,
За смятеньем конечную цель.

Стоя первым в ряду озаренном
Молодых созидателей, ты
Указал им в былом, осужденном,
Дорогие навеки черты.

«Божественный хмель» пьянил временами и самого Брюсова, который, как художник удивительно чуткий к общественным переменам, ко всему новому, что время несло на волнах своих, был захвачен стихийной мощью народного движения. В самом начале века он заключил, быть может, наиболее значительное и до сих пор недооцененное свое произведение — поэму «Замкнутые» — замечательными строфами:

...И по земле взойдет неведомое племя,
И будет снова мир таинственен и нов.

В руинах, звавшихся парламентской палатой,
Как будет радостен детей свободных крик,
Как будет весело дробить останки статуй
И складывать костры из бесконечных книг.

Освобождение, восторг великой воли,
Приветствую тебя и славлю из цепей!
Я — узник, раб в тюрьме, но вижу поле,
поле...
О солнце! о простор! о высота степей!

В этих строфах, как и в «Мятеже», написанном уже после революции и посвященном памяти Эмиля Верхарна, «поэта и друга», нетрудно увидеть переключку с пролеткультовскими настроениями, но Брюсов в конечном счете всегда делал акцент не на разрушении, а на созидании:

Разрушается старое, значит, поднимется новое.
Разрываются цепи, значит, будет свободнее.

Призыв В. Кириллова «сжечь Рафаэля» был Брюсову «внятен», но глубоко чужд. Великий мастер и хранитель культуры, он знал, что

Путь широк по векам! Ничего ему,
Если всем — к тем же векам, на пир:
Где-то в Пушкинской глуби по-своему
Отражен, склон звездистый, Шекспир.

Этой позицией диктовалось и отношение Брюсова к сложным, порой резко конфликтным процессам, протекавшим в советской поэзии первой половины 20-х годов. По сви-

детельству Луначарского, он «в революционный период своей жизни с любовью отмечал всякое завоевание молодой пролетарской поэзии, но вместе с тем он был связан всеми фибрами своего существа и с классической литературой и с писателями дореволюционными».

Связанный с символизмом, Брюсов, однако, одним из первых понял его изжитость, увидел в нем вчерашний день русской поэзии. Ни в коей мере не разделяя формалистических ухищрений футуристов, а затем левовцев, под градом колкостей и обвинений в «архаике» (чего стоила, например, только статья Б. Арватова «Контрреволюция формы!»), он по достоинству оценивал талант Маяковского, Асеева и других поэтов, особенно ярко выражавших характер эпохи. Понимая все слабости и несовершенства молодой пролетарской поэзии, обучая пролетарских поэтов мастерству, он усматривал в них «наше литературное завтра».

И словно с благословения Брюсова под «крышей» «Нового мира» собираются во второй половине 20-х годов Асеев и Маяковский, Александровский и Кириллов, Кирсанов и Пастернак...

Вопрос о творческом взаимодействии Брюсова с советской поэзией гораздо шире вопроса о его отношении к советским поэтам. Как крупная творческая индивидуальность, находящаяся внутри литературного процесса новой эпохи, Брюсов и обогащал поэзию и обогащался ею. Я уже упоминал о неожиданных перекличках, которые импульсивно возникали между Брюсовым и пролетарской (точнее даже — пролеткультовской) поэзией в те моменты, когда Брюсова захватывала стихия «мятежа». Но этим связи не ограничивались. При всех отличиях проникнутой естественнонаучным пафосом брюсовской «космогонии» и абстрактно-метафорического космизма пролетарских поэтов, их роднил а с т а б мироощущения, усиленный или непосредственно заданный Октябрьской революцией. Похвала в адрес малозначительного поэта А. Крайского: «В замыслах у него есть широкий размах, почти космический угол зрения» — в устах Брюсова звучала не случайно.

Брюсову импонировала «ставка на мастера» у пролетарских поэтов эпохи «Кузницы», предполагавшая овладение уже достигнутым поэзией профессиональным уровнем. Вместе с тем по самым глубинным и органическим свойствам своей поэтической натуры он был искателем, реформатором, новатором. Мало

кто сделал в русской поэзии так много по расширению ее метрических и ритмических возможностей, культивированию новых для нее размеров и строфических форм, наконец, по разработке «слова как такового».

Брюсов имел полное основание, обращаясь к футуристам, воскликнуть: «Милые мальчики, вы от меня узнали об этом...» Не будет натяжкой сказать, что именно брюсовский урбанизм, открывший новые страницы в русской поэзии, стал «почвой» для футуризма, что многие его образы предвосхитили образность футуристическую (вспомните: «Дремлет Москва, словно самка спящего страуса...»; или: «Как горящие головы темных повешенных, фонари в высоте...»). И ведь это Брюсов задолго до того, как прозвучал лозунг Маяковского «Улицы — наши кисти. Площади — наши палитры», записал в дневнике 1897 года: «Художник, найди красоту в магазинах, в лестницах, в трубах!» (Из широкого брюсовского «рукава» вышел, кстати говоря, не только футуризм: из него кокетливо выпорхнул и так называемый эгофутуризм: весь Игорь Северянин, в своих наиболее броских интонациях, уже предсказан мистификаторской книжкой, выпущенной Брюсовым в 1913 году под названием «Стихи Нелли».) Редактор «Нового мира» В. Полонский в брошюре «О Маяковском» заметил: «Поэтическое мировоззрение Маяковского было как бы антисимволизмом». Но на волне «антисимволизма» возник не один футуризм, ставший в творчестве Маяковского еще и «антифутуризмом». Тяготение к «вещности», предметности, противостоящее идеалистической «знаковости» символистов, стало, например, одной из определяющих черт акмеизма. Акмеисты предъявляли к Брюсову свои претензии, и с этой точки зрения любопытно проследить, как символизм, в свое время ревизовавший русскую литературу, сам стал объектом постоянной критики со стороны модернистских течений в русской поэзии 1910-х годов...

Однако сегодня нельзя не видеть, что и акмеизм, подобно футуризму, не был в этой критике самостоятельным, что «антисимволизм» зародился в недрах символизма, причем в наиболее последовательной и законченной форме, конечно же, у Брюсова, «матерьялиста и позитивиста», поэта, о котором Блок писал: «...так иступленно любит мир с его золотой тяжелой кровью и истерзанной в пытках плотью».

Не следует думать, будто Брюсов только «влинял», — не менее важным было и то, что

на него влияли, что поэтический слух этого «мэтра» дореволюционной русской поэзии чутко воспринимал новые мелодии, откликался на них с доверчивостью просто-таки поразительной. Подобная «доверчивость», впрочем, имела для Брюсова принципиальный эстетический характер, она порождалась постоянной установкой на движение, изменение, учебу, совершенствование:

Я сеятеля труд, упорно и сурово,
Свершил в краю пустом,
И всколосилась рожь на нивах; время снова
Мне стать учеником.

Эта установка в какой-то мере объясняет, почему поздний Брюсов в поисках новых творческих путей, новых тем и жанров (в частности, связанных с идеей «научной поэзии») начал столь решительно ломать свой стиль и свои творческие пристрастия, приближаясь чуть ли не к раннему Маяковскому, и почему так много прекрасных, но «традиционно» написанных стихов последнего периода он оставил в архиве.

Век взвихрен был; стихия речи
Чудовищами шла из русл,
И ил, осевший вдоль поречий,
Шершавой гривой заскорузил...

Взаимоотношения Брюсова с советской поэзией (и современной ему и последующей) изучены далеко не достаточно. Известно, например, как страстно и мучительно был увлечен одно время Брюсовым Блок, как сильно повлияла лучшая поэтическая книга Брюсова «Граду и Миру» на «городскую» лирику Блока. Быть может, без цикла «Песни» этой книги по-иному звучала бы и поэма «Двенадцать», глубоко впитавшая их ритмы в свою музыкальную стихию. Есть еще целый ряд сложных, иногда косвенных, иногда почти текстуальных переключек, заслуживающих пристального внимания. Ну, скажем, брюсовское стихотворение «В ресторане» — откровенная вариация одноименного блоковского, однако само знаменитое стихотворение Блока обнаруживает близость с «Обрядом ночи», написанным Брюсовым пятью годами раньше. От «Незнакомки» без труда протягиваются нити ко множеству брюсовских сюжетов и ритмов, от брюсовской эротики — к циклам Блока «Кармен» и «Черная кровь» и т. д.

Читая Брюсова, мы то наталкиваемся на строки, которые много лет спустя отзовутся у Есенина («Густеют и редют тени. А торжествующая медь зовет и нас в чреде мгновений мелькнуть, побыть и умереть»); или: «Глупое сердце! о чем же печалиться!»), то

слышим напряженную, захлебывающуюся в потоке образов скороговорку Пастернака («Брел дождь, расчетливо-скупой, а тучи смачно висли брюхом, чтоб ветер вдруг рванул скобой, вдруг взвизгнул по санным краюхам»), то с изумлением обнаруживаем отлетевшее уже совсем далеко, к Белле Ахмадулиной: «В саду... где вечности и влажности венчанье...»

Пастернак, которого Брюсов высоко ценил и которому «почтительно посвятил» свои «Вариации на тему «Медного всадника», в стихотворении, присланном в день брюсовского юбилея, писал:

Что мне сказать?..
...Что спавшему «гражданскому» стиху
Вы первый настезь в город дверь открыли,
Что ветер смёл с гражданства шелуху
И мы на перья разорвали крылья?
Что Вы дисциплинировали взмах
Взбешенных рифм, тянувшихся за глиной,
И были домовым у нас в домах
И дьяволом недетской дисциплины?
Что я затем, быть может, не умру,
Что до смерти теперь устав от гили
Вы сами, было время, поутру
Линейкой нас не умирать учили?

Без Брюсова трудно представить себе советских поэтов, унаследовавших от него традицию «интеллектуальной лирики», — Н. Заболоцкого, П. Антокольского, Л. Мартынова, трудно представить гекзаметр П. Васильева, верлибры А. Яшина или Е. Винокурова. Но роль Учителя не исчерпывалась и до сих пор не исчерпывается воздействием индивидуальной творческой манеры Брюсова или проложенными им формальными путями.

На рубеже веков искания Брюсова способствовали процессам «деканонизации лирики» (выражение Л. Гинзбург), возникновению новой, современной поэзии XX века. При всей своей кажущейся традиционности, Брюсов был целой лабораторией этой поэзии, «испытателем» ее идей, образов, тем.

В то же время в период революционной ломки и переоценки ценностей, когда все перевернулось и только укладывалось, Брюсов высокими творческими идеалами, подвижническим служением искусству, верностью классическим, пушкинским, заветам, всей прочностью, авторитетностью своего поэтического имени и своей личности как бы расширял сферы духовной жизни народа, подчеркивал непреходящий характер завоеваний человеческой культуры в целом.

Роль Брюсова в русской (в том числе и советской) поэзии не может быть до конца понята без решения вопроса о самом характере прихода поэта к революции и к рево-

люцию. Подчеркивая безоговорочное приятие Брюсовым Октября, вступление в Коммунистическую партию, мы до сих пор еще по-настоящему не вскрыли собственно эстетического смысла, внутренних закономерностей этого резкого поворота — поворота не только в личной и общественной, но прежде всего в творческой судьбе поэта. С 20-х годов сделанный Брюсовым выбор отмечается с уважением и некоторым даже удивлением, как у В. Полонского: «Буржуазный поэт с мировым именем, глава поэтической школы, тесно связанный с буржуазной литературой и буржуазным обществом, рвет кровные нити, разрывает дружеские связи, отвергает общество, вскормившее и воспитавшее его, мужественно примыкает к рабочему классу, входит... в его партию, вызывая этим шагом в своих старых друзьях, сторонниках и почитателях взрыв ненависти, клеветы, издевательства...»

Все это сухая правда. Но ведь за ней стоят не просто характерные особенности самой личности Брюсова, а сложный многолетний процесс дифференциации и изживания символизма, борьбы в нем разных философских, идеологических, общекультурных устремлений, движение общественной и эстетической мысли эпохи в целом, в результате которого в советскую литературу и литературную жизнь пришел не только Брюсов, но и другие крупнейшие представители символистского направления.

При всей сложности и противоречивости своего творческого пути, Брюсов — художник необычайно цельный и последовательный. О воздвигнутом им поэтическом «здании» можно было бы сказать его собственными словами:

Каждый камень, взвешен и размерен,
Ложился в свой черед по замыслу творца.
И линий общий строй был строг и верен,
И каждый малый свод продуман до конца.

Его поэтические сборники строятся как единые по замыслу и архитектуре книги, его циклы, мотивы, идейно-образные концепции отличаются редкостной устойчивостью. А это требует от литературоведения подхода к творческому наследию Брюсова как к целостной художественной системе, обладающей определенными внутренними закономерностями. Подобный «системный» подход впервые был осуществлен в двух книгах Д. Максимова («Поэзия Валерия Брюсова», Л. 1940; «Брюсов. Поэзия и позиция», Л. 1969), лучшем из всего, что написано о

Брюсове, начиная с дореволюционного времени и кончая сегодняшним днем. хстя библиография «брюсоведения» уже весьма обширна.

Вместе с тем брюсовское «здание» выглядит в книгах Д. Максимова более зыбким у «основания» и незавершенным в верхних своих этажах, чем это представляется на самом деле. Вряд ли, например, можно согласиться с трактовкой послеоктябрьского творчества Брюсова, опирающейся на то соображение, что «достойный его художественный уровень» в послеоктябрьских книгах поэтом уже сплошь и рядом не достигается.

Пять поэтических сборников и множество не опубликованных при жизни поэта стихов, созданных Брюсовым за семь послеоктябрьских лет параллельно, хочется даже произнести — вопреки, наперекор огромному размаху его культурно-организационной деятельности (в качестве заведующего Московской Книжной палатой, библиотечным фондом, а затем литературным отделом Наркомпроса, редактора Госиздата, редактора одного из первых советских журналов — «Художественное слово», профессора Московского университета, ректора Высшего литературно-художественного института и т. д.), не просто некое «количественное» свидетельство невероятной интенсивности его творческого труда. Это одновременно и интереснейшее продолжение художественных исканий, новое звено в развитии эстетической системы, которое должно занять полноправное место в осмыслении всей «цепи» творчества.

Следует к тому же принять во внимание два существенных обстоятельства. Во-первых, послеоктябрьский период был периодом наибольшей эстетической ломки и перестройки, обусловленной вхождением Брюсова в советскую поэзию. И, во-вторых, подобно предшествующим творческим этапам (от «Юношеского» к «Это — я», от «Третьей стражи» ко «Всемирным напевам» и т. д.), он имел «волнообразный» характер и — вполне привычно для Брюсова — заканчивался кризисом, который нес в себе эстетические предпосылки нового творческого подъема.

Если подходить к художественному развитию Брюсова именно как к развитию, то есть рассматривать его творчество не только в поэтически воплощенном, но и поэтически искомом, в тенденциях и потенциалах, слова о «старющем и утомленном», словно бы уже из-

жившем себя поэте едва ли покажутся нам убедительными. Как раз в эстетической неисчерпанности, постоянной возможности обновления и кроется прежде всего объяснение творческих контактов Брюсова с советской поэзией в целом.

Внутреннее единство, продуманная целостность художественной системы вовсе не превращали творческий путь Брюсова в одно непрерывное восхождение, праздничный список побед. Поэзия Брюсова — поэзия противоречий, столкновения разнонаправленных тенденций, напряженных поисков, в которых приобретения давались нелегко и нередко требовали преодоления самого себя. Сложность и многомотивность художественных исканий Брюсова определила и сложность отношения читателей к его творчеству. Совершенно прав Д. Максимов, когда пишет: «Образ его поэзии не вполне сложился в нашем сознании, мерцает и колеблется. Вокруг его имени еще продолжается борьба разноречивых и часто основательных в своей противоположности мнений». Достаточно широко распространено, в частности, поверхностное, на мой взгляд, представление о врожденном «рационализме», «холодности» поэтического дарования Брюсова, представление, в котором специфичность его поэзии, переплавившей мысль в страсть и страсть в мысль, принимается за некую неполноценность, и г. д. и т. п. Рассеять разного рода предубеждения, связанные с особым обликом брюсовской поэзии, не впадая в «юбилейные», сглаживающие интонации, — одна из серьезных задач, стоящих перед ее современными исследователями.

Творческая продуктивность Брюсова, широта его художественных интересов для XX века уникальны: десятки поэтических книг и сотни несобранных стихотворений, огромные глыбы исторической прозы, драмы, рассказы, критика, историко-литературные исследования, переводы, обширная переписка, целые залежи похороненных в архиве набросков, замыслов, неопубликованных произведений...

При жизни поэт был лишен счастья увидеть полное собрание своих сочинений и тем самым — как бы возможности подвести итоги: «Сирий» из обещанных двадцати пяти томов успел издать восемь; расчеты на

издательства Гржебина и «Парус» не оправдались. Не состоялось десяти томное гослитовское издание, задуманное в 1937 году. Не полным является и семитомное собрание сочинений, к выпуску которого издательство «Художественная литература» приступило в 1973 году, хотя поэзию Брюсова здесь можно уже считать в основном представленной.

Вместе с «Брюсовскими чтениями», проводящимися в Ереване с 1962 года (сейчас подготовлен уже пятый их том) и свидетельствующими о неиссякающей благодарности армянского народа Брюсову как переводчику и историку армянской культуры издающееся собрание сочинений вводит в «брюсоведение» огромное количество новых материалов, стимулирует рост интереса к этому замечательному русскому поэту, которого многие годы не столько читали, сколько почитали...

Энциклопедичность и универсальность творческих устремлений Брюсова, степень включенности поэта в литературный процесс были таковы, что число проблем, намечаемых формулой «Брюсов и...», практически возрастает до бесконечности. Непрерывная разработка новых тем делает «брюсоведение» все более интенсивным в частных деталях и все более экстенсивным в общих очертаниях. А это, в свою очередь, опять делает необходимыми какие-то, условно говоря, остановки, итоговые «паузы», относительное, то есть соответствующее сегодняшнему уровню историко-литературных представлений возвращение к целостному взгляду на творчество Брюсова.

На излете времени, к которому относятся стихи, опубликованные «Новым миром», Брюсов писал:

О, если б был, кто книгу дум моих
Прочел, постиг и весь проникся ею...

Первый номер «Нового мира» обратил внимание на первые страницы этой «Книги». Потом были перелистаны другие. И хотя впереди еще много непрочитанного, коллективные успехи советского литературоведения в области изучения русской литературы в целом (назовем хотя бы трехтомный труд «История русской литературы конца XIX — начала XX в.») и творчества Брюсова в частности делают мечту поэта не столь уж неосуществимой...

Т. МОТЫЛЕВА

★

АНАТОЛЬ ФРАНС — КЛАССИК XX ВЕКА

Анатолю Франсу скончался 12 октября 1924 года — через полгода после того, как литературная Франция торжественно отметила восьмидесятилетие со дня его рождения. В последние годы жизни Франс был окружен необычайным почетом: в нем видели гордость и славу национальной культуры, о его давних связях с социалистическим движением и симпатиях к Советскому Союзу предпочитали не вспоминать. А после того, как он умер, суждения о нем резко разделились.

Буржуазная печать прославляла Франса прежде всего как аристократа духа и рафинированного мастера стиля. Зато группа сорреалистов обнародовала памфлет под названием «Труп»: только что умерший писатель подвергался там грубым поношениям. Вслед затем публицисты ультралевого толка, редакторы журнала «Кларте», выпустили специальный номер «Кларте» против Анатоля Франса. Впрочем, эти лица, сумевшие незадолго до того вытеснить Барбюса из основанного им журнала, начали травлю Анатоля Франса еще при его жизни: Франс (как и Ромен Роллан) третировался ими как писатель контрреволюционный и вовсе ненужный пролетариату.

Любопытное дело. Позиции хвалителей Франса из консервативной среды и его хулителей из среды литературных «леваков» совпали в существенном пункте. И те и другие причисляли автора «Острова пингвинов» к буржуазной элите и вовсе игнорировали его заслуги перед трудящимся человечеством. И лишь одна газета «Юманите» воздала почет умершему, выдвигая на первый план именно эти его заслуги.

В этих условиях выступления А. Луначарского об Анатоле Франсе — и некролог в «Правде» от 14 октября 1924 года, и статья в «Новом мире», и сюита предисловий

к томам собрания сочинений французского писателя — были актом борьбы за Франса, за справедливое истолкование его наследия.

«Мы не забудем Анатоля Франса!» — писал Луначарский в «Правде». «Если он бессмертен своими прекрасными произведениями, одним из украшений французской литературы, перевод которых украсил собою литературу всех языков, то он еще более бессмертен постольку, поскольку он, отряхнув от себя прах умирающего буржуазного мира, омыл свои творческие руки и свое мыслящее чело в родниках новой, коммунистической культуры».

Подтекст полемики с литературными сектантами и упрощенцами чувствуется во всем цикле работ Луначарского о Франсе. Речь тут идет не об одном лишь большом французском художнике, а вообще об отношении советской общественности к современным мастерам культуры. Луначарский был твердо убежден, что социалистическое государство и рабочий класс всего мира должны привлекать этих мастеров культуры, а не отталкивать их.

В своих оценках крупных иностранных писателей Луначарский как политический деятель и как литературный критик был в высокой степени принципиален. Он не замалчивал разногласий с этими писателями — в разное время и по разным поводам он спорил с Ролланом, Барбюсом, Уэллсом, Шоу. Но спорил с целью убедить, а не заклеивать, не отбросить назад в стан противников. Понятно, как возмутили Луначарского левацкие нападки на Анатоля Франса. И в статьях о Франсе он не раз переходит от конкретного анализа к общим вопросам. Он напоминает, что на Западе «буржуазия в колоссальной степени развратила писательскую братию... Но нельзя

сказать, чтобы весь художественный мир был охвачен на Западе такого рода подкупам. Существует немало писателей, которые энергично протестуют против всего этого развала. Может быть, они и не находят прямого пути к коммунизму...». Таких писателей, говорит Луначарский, можно и должно критиковать за половинчатость. Но необходимо знать их, изучать их, работать с ними, ценить то полезное, что ими сделано. «Отсюда наше отношение к Анатолю Франсу».

Концепция творчества Франса в работах Луначарского примечательна тем, что французский писатель со всем, что было в нем сильного и слабого, рассматривается как единство — сложное, но по-своему органическое. Скептик, презирающий обывательскую толпу, и социалистический оратор, призывающий народ идти «к лучшим временам», — одно и то же лицо. Именно глубочайшая привязанность писателя к ценностям культуры порожидала, усиливала в нем чувство оппозиции к обществу, где культура опошлена. В сближении Франса с Жоресом, а затем два десятилетия спустя с коммунистами была своя закономерность. «Анатоль Франс, даже до того, как он познакомился несколько с марксизмом, уже был чрезвычайно к нему близок благодаря разведывающей проницательности своего художественного взгляда».

Для Луначарского Анатолий Франс был современником. Для нас он сегодня классик мировой литературы. Он и при жизни был популярен в нашей стране — за истекшие полвека эта популярность неизмеримо возросла. О нем написано немало серьезных работ (тут необходимо отметить заслуги профессора В. А. Дынный как исследователя, комментатора, переводчика Франса). Его книги разошлись в миллионах экземпляров, широко вошли в читательский и учебный обиход.

У нас есть теперь возможность взглянуть на Анатоля Франса с дистанции времени — и увидеть его в сопоставлении с другими прогрессивными художниками нашего столетия, которые одновременно с Франсом или позже, чем он, прошли аналогичный путь.

1

Начало движения Франса к передовым идеям времени чаще всего относят к рубежу XIX и XX столетий. Вспоминают — с

полным основанием — о стремительном взлете его благородной общественной активности в дни дрейфусиады. Однако живой, сочувственный интерес Франса — и не только одного его — к идеям социализма можно датировать и раньше.

Последнее десятилетие минувшего века ознаменовалось ростом рабочего движения в странах Запада. Пролетариат то и дело напоминал о себе — забастовками, демонстрациями, активностью рабочей печати. «Ткачи» Гауптмана начали в 1892 году триумфальное шествие по театрам Европы. Мыслью о социализме, беспокойной и обнадеживающей, одушевлены последние романы Золя, на которыми он работал в 90-е годы. Герберт Уэллс ощутил себя «домарксовским социалистом» еще до того, как выпустил в 1895 году свой первый роман «Машина времени», а Бернард Шоу еще в 80-е годы проштудировал «Капитал». Молодой Ромен Роллан в 1892 году в личном письме впервые высказал мысль, которая не раз повторяется в последующие годы в его дневниках и письмах: «Я охотно верю в торжество социализма; оно мне даже кажется почти неизбежным». На другом конце Европы немолодой уже Ян Неруда писал в статье «Май 1890 года»: «И вдруг, точно чудом, ты понял нынешний «Первый май», вдруг ты видишь, что вся существовавшая до тех пор общественно-политическая ситуация изменилась сегодня от одного толчка, и изменилась не только на сегодня»¹.

А Анатолий Франс? В 1892 году появилась его статья «Социалистическая литература», начинавшаяся словами: «Социализм не новость... О нем говорят, о нем пишут; им занято все наше общество». Франс цитировал «огненные строфы» Луизы Мишель, отмечал «мрачный и резкий стиль» поэзии Ж.-Б. Клемана, разбирал роман редактора «Ревю социалист» Жоржа Ренара. В ту пору Франс никак не мог предположить, что тринадцать лет спустя, в 1905 году, он вступит в Социалистическую партию Франции; в статье его чувствуется легкий оттенок высокомерия и тем не менее преобладает интонация обостренного интереса. Первые шаги литературы, открыто связанной с пролетариатом, напоминали о растущей силе пролетариата.

Мы не всегда достаточно отчетливо представляем себе меру влияния идей социализма на западных писателей, вступавших в

¹ Ян Неруда. Избранное. М. 1950, стр. 480.

литературную жизнь на исходе прошлого столетия. Эти идеи чаще всего доходили — и до Уэллса, и до Шоу, и до Джека Лондона, и до Верхарна, и до Роллана, и до Франса — не в марксистски чистом виде, а с посторонними примесями, осложнялись в их сознании реформистскими или анархическими иллюзиями. Но при всем том крупнейшие художники слова еще за полтора-два десятилетия до первой мировой войны приходили к выводу, что строй, основанный на частной собственности и угнетении человека человеком, отжил свое время и обречен на уничтожение. Этот вывод далеко не всегда воплощался в образах, но именно он определял остроту социального критicismа.

Диалогия о Жероме Куаньяре, над которой Франс работал в начале 90-х годов, стала для него произведением переломным. Рамки сюжета, затейливо стилизованного под XVIII век, во второй части распадаются, чтобы дать простор вольной стихии размышлений. Речи аббата-скептика становятся все более дерзкими, добродушная ирония сменяется острым сарказмом, направленным против всех авторитетов и институтов не столько феодального, сколько современного буржуазного мира.

Сегодняшний день с его тревогами и социальными схватками прочно вошел в сознание Франса-художника. В четырехтомном цикле «Современная история» ярко сказалось его новаторство. Романное время здесь совпадает с временем историческим — читатели отдельных глав, появившихся на газетных страницах, видели в нем живую летопись тех самых недель и месяцев, когда эти главы готовились к печати. Мотивы частной жизни, традиционные для романа XIX века, здесь не исчезают вовсе, но вливаются в непринужденно-широкое повествование, предмет которого — общество в целом, Франция в целом. Текущая политическая борьба направляет поступки и судьбы людей, становится двигателем сложного и вместе с тем свободно построенного сюжета. И политические или философские диалоги не отягощают, а обогащают действие, движут его вперед.

В «Современной истории» романист как бы разнимает на части механизм буржуазно-демократического государства с его коррупцией и запутанной игрой группировок, предоставляющей богатые возможности реакционным интриганам. Прозорливость Франса как обличителя Третьей рес-

публики и шире — буржуазного политического мира множество раз отмечалась марксистской публицистикой («Он сумел разглядеть, кому именно в нашей «демократической» стране принадлежит подлинная власть»², — писал Морис Торез). В наши дни эта прозорливость тем более очевидна. В одной из глав «Современной истории» (не вошедшей в основной текст, но печатавшейся в газете) описано собрание воинствующих реакционеров. Оратор говорит: «Объявим себя социалистами, чтобы народ вам верил, и встанем на защиту капитала от его врагов». За два с лишним десятилетия до того, как возникло и вошло в политический обиход слово «фашизм», Франс сумел предвидеть фашистские методы обмана.

Интеллигент-гуманист Бержере в «Современной истории» — тоже персонаж в некотором смысле новаторский. Он и герой повествования, овеянный мягкой иронией, и комментатор событий, близкий сердцу и мысли автора. Вместе с Бержере повествование в последних частях выходит из кабинета ученого на улицы и площади: жизнь бурлит и движется и эта динамика политической действительности на рубеже веков преобразует почтенного филолога, побуждает его ввязаться в борьбу с клерикальной и военной реакцией. Бержере читает вслух своим друзьям статью в защиту полковника Пикара (разоблачившего шпиона Эстергази и заключенного в тюрьму за разглашение военной тайны). «Не стану называть автора», — говорит он. Но мы знаем, что и сам Анатолий Франс выступил в печати в защиту Пикара! Автор и герой здесь сливаются воедино.

Узловой момент истории Бержере — его беседа со столяром Рупаром. Этот эпизод занимает не более трех страниц, но он принципиально важен. Рупар для Франса — Рабочий с большой буквы, человек с ярко выраженной нравственной характеристикой. Он одобряет действия мятежного профессора, который «откололся от своей братии». Рупар твердо знает: «...бороться с несправедливостью — значит работать на нас, пролетариев, на которых вся несправедливость валится».

Социалистическое кредо Бержере окрашено многими иллюзиями, он слишком склонен верить во всемогущество слова и «царственной мысли». Но он убежден в конечном торжестве республики трудящихся, где

² Морис Торез. Сын народа. М. 1950, стр. 60.

«все будет принадлежать всем»), и его готовность противостоять мракобесам благородна и непреклонна. Столь же непреклонной была она и у Франса и в дни острой политической борьбы во Франции на пороге нового века, и в дни, когда он возглавил движение французской передовой общественности в поддержку русской революции 1905 года.

Настроения скепсиса, усилившиеся у Франса после поражения первой русской революции, по-разному отозвались и в горьком финале сатирического романа «Остров пингинов», и в трактовке Французской революции в романе «Боги жаждут», и в парадоксальной философской фантастике «Восстания ангелов». Но критика буржуазного мира становится в этих романах все более беспощадной, бьющей под самый корень, и проблема коренного социального преобразования встает в них резко и неотвратно. Это для Франса главная проблема жизни, главная тема литературы.

Любой читатель произведений Франса знает, с какой настойчивой беспощадностью обличал он войну, милитаризм. Достаточно вспомнить знаменитый эпизод из «Острова пингинов», где парламент Новой Атлантиды, состоящий из промышленников и торговцев, принимает решение о начале военных действий: убытки заранее подсчитаны, человеческие жертвы включены в цифру убытков.

Но в момент, когда началась первая мировая война, прославленный писатель в силу жестокого парадокса истории не устоял против официальной военной пропаганды, как не устояли многие другие видные деятели культуры обеих воюющих сторон. Универсальный скепсис Франса обернулся легковерием: разделив заблуждения французского реформистского социализма, он принял за чистую монету софизмы, оправдывавшие «последнюю из войн». Статья и обращения Франса, написанные в таком именно духе, — общим числом тринадцать — вышли в 1915 году брошюрой большого формата под названием «На славном пути». Эти писания на время восстановили против Франса передовую интеллигенцию, и он сам вспоминал о них потом с чувством огорчения и стыда.

Ромен Роллан в своем «Дневнике военных лет» с глубокой горечью следил за колебаниями старшего коллеги (талант которого он, конечно, уважал). В июне 1919 года Роллан записал в дневнике, что Анатолий

Франс, по слухам, резко полевел, стал «большевиком до мозга костей»³, но не высказывает своих взглядов публично.

Однако Роллан был не прав в своем старелом недоверии к Франсу. Барбюс, который после войны сразу установил с Франсом дружеский контакт, привлек его к деятельности группы «Кларте», оказался более дальновиден.

На недавнем коллоквиуме памяти Барбюса в Париже шла речь и об Анатоле Франсе, который в последние годы жизни возобновил свою деятельность революционно-публициста, борца против империалистической войны. Президент Института имени Тореза Жорж Коньо напомнил о том, что Анатолий Франс «8 августа 1919 года в своей знаменитой речи на съезде профсоюза работников просвещения в Туре призвал учителей бороться против войны, изгнать дух войны из преподавания, завязывать и развивать международные контакты по примеру рабочего класса»⁴.

Еще раньше, осенью 1918 года, Франс писал издательшу Леопольду Кану: «У меня есть кое-какие сведения о русской революции. В России установлен новый строй, прочный и долговечный... Карл Маркс предсказал в 1871 году все, что сейчас происходит. Это был человек поистине гениальный».

Несколько раз Анатолий Франс в воззваниях и интервью решительно высказывался в поддержку Страны Советов. 26 октября 1919 года в «Юманите» появилось коллективное заявление французских деятелей культуры против блокады Советской России, под ним стояла 71 подпись. Анатолий Франс подписался первым. Владимир Ильич Ленин 5 декабря 1919 года вышел на трибуну VII Всероссийского съезда Советов, держа в руках этот номер «Юманите», и отметил в своем докладе выступление французской интеллигенции как факт знаменательный⁵.

В январе 1921 года «Юманите» сообщила, что Анатолий Франс примкнул к только что основанной Французской коммунистической партии. А в декабре того же года она познакомила своих читателей с текстом речи, произнесенной Анатолем Франсом в Сток-

³ Romain Rolland. Journal des années de guerre. Paris. 1952, p. 1825.

⁴ «Europe». Numéro spécial Henri Barbusse, Septembre, 1974, p. 201.

⁵ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 398—400.

гольме по поводу вручения ему Нобелевской премии.

Обращаясь к членам Шведской академии, Франс напомнил о своих собратях по перу, награжденных той же премией. «Когда вы запрашивали меня как члена Французской академии относительно кандидатур, предназначенных вами для выбора, я заранее присоединился к награждению Метерлинка, у которого богатство стиля сочетается с независимостью мысли; а также Ромена Роллана, в котором вы признали друга справедливости и мира и который пошел наперекор общественному мнению ради того, чтобы стать поборником добра».

Морис Метерлинка был награжден Нобелевской премией еще до войны, в 1911 году, а Ромен Роллан — в самый разгар войны, в ноябре 1916 года. Анатолий Франс поддержал награждение Роллана (о чем Роллан, разумеется, не знал) всего лишь через год после того, как выпустил свою брошюру «На славном пути!» Это показывает, насколько быстро и радикально он отрешился от своих милитаристских заблуждений. А то, что он упомянул Ромена Роллана в своей речи в Стокгольме, было актом немалого гражданского мужества: официальная Франция к тому времени далеко еще не простила Роллану его антивоенной деятельности...

В заключение своей речи Франс сказал: «За самой страшной из войн последовал договор, который стал не договором мира, а продолжением войны. Он будет гибелен для Европы, если она наконец не последует доводам разума»⁶.

Корреспондент газеты «Политикен» спросил в Стокгольме у Франса, как он относится к Советской России. И писатель ответил: «Преклоняюсь перед Лениным (j'adore Lénine). Он работает ради прогресса человечества»⁷.

Революционны по духу и другие выступления Франса в последние годы его жизни, известные советскому читателю, — статья «Пятая годовщина русской революции», «Письмо к Марселю Кашену». И эти и другие интервью и статьи Франса начала 20-х годов образуют его подлинное идейное завещание.

...Через двадцать с лишним лет после смерти Франса Теодор Драйзер в письме, в котором он просил принять его в ряды Коммунистической партии, заявил, что «логика его жизни» привела его именно к такому

решению. Томас Манн в последние годы жизни не раз говорил, что не представляет себе будущего «без коммунистических черт». Тут стоит вспомнить и «Прощание с прошлым» Романа Роллана, и те размышления о Советском Союзе, о его исторической роли, какие содержатся в последней книге Генриха Манна «Обзор века», и то, как Бернард Шоу праздновал свое семидесятипятое в Москве...

Анатолий Франс был старшим по возрасту среди крупных западных писателей, переживших первую мировую войну и послевоенный революционный подъем, вызванный социалистическим переворотом в России. И он раньше и более безоговорочно, чем другие писатели того же поколения, солидаризовался с делом Октября. К такому идейному итогу его привел весь опыт его долгой жизни.

2

За много лет до того, как Анатолий Франс стал другом русской революции, он уже был другом русской литературы.

В середине 80-х годов прошлого века в литературной жизни Франции, а затем и в других странах Запада произошло событие, которое критики иной раз называли «русским вторжением»: русская литература за короткий срок приобрела неожиданно широкую популярность. Это был своего рода взрыв: книги Толстого и Достоевского выходили одна за другой в переводах на иностранные языки, вызывая оживленные толки и споры в печати; Тургенева, отчасти Гоголя на Западе знали и раньше, но читатели и критики впервые стали задумываться над своеобразием русской литературы, взятой в целом. В 1886 году во Франции вышла (и сразу получила широкую известность) книга Э. М. де Вогюэ «Русский роман», первый большой обобщающий труд иностранного автора о мастерах русской прозы.

Анатолий Франс был лично знаком с Вогюэ и, конечно, читал его книгу. Но он на десять лет опередил Вогюэ в высокой оценке русской литературы.

Письма Тургенева к Анатолию Франсу, найденные и опубликованные не так давно И. С. Зильберштейном, свидетельствуют, что уже в 1876 году прославленный русский романист и молодой французский писатель поддерживали личный контакт. Статья Анатолия Франса о Тургеневе, появившаяся в газете «Le Temps» двумя подвалами, 16 и 17 января 1877 года, содержала не только ха-

⁶ «L'Humanité», 13. XII. 1921.

⁷ Там же.

рактеристику «Записок охотника», романов «Рудин» и «Дворянское гнездо» — тут были и обобщающие суждения о литературной России, и фактические сведения, совершенно новые в ту пору для французских читателей. Анатоль Франс рассказывал о тяжелых условиях, в которых приходилось жить и работать писателям под гнетом царского самодержавия. Он упоминал о трагической гибели Пушкина, Грибоедова, Лермонтова.

О литературном поколении, к которому принадлежал Тургенев, Франс говорил: «Это поколение было достаточно мудро, чтобы все мерить на человеческий рост. Они ничего не выдумывали вне жизни. Воображение их зиждилось на действительности: от этого оно приобретало большую силу и не теряло в изяществе. Это стало реалистической школой. И Тургенев проявил в ней самые пленительные и редкостные качества». Разбирая «Записки охотника», Франс тоже отмечал тесную связь искусства русского писателя с действительностью. «Нет дела столь великого, как прекрасная книга... Он <Тургенев> в «Записках охотника» заставил заговорить целый мир, дал ему голос, формы, сущность... В этом и заключается искусство: показать человеку различные формы человеческой жизни и тем самым заставить его прожить тысячу жизней в тысяче разных мест за небольшой промежуток времени»⁸.

В то время, когда Франс писал эти строки, он уже был известен как поэт и критик, но его талант прозаика только еще начал развиваться («Преступление Сильвестра Боннара», первая вещь Франса в прозе, отчетливо отмеченная гуманистической мыслью, вышла в 1881 году). С русской литературой Франс стал знакомиться, когда сам находился в стадии интенсивных творческих поисков — направление его собственной деятельности романиста только еще намечалось. Именно поэтому был для него так важен опыт русской «реалистической» школы, которая сложилась в противостоянии царскому гнету и «заставила заговорить целый мир». Этот опыт открылся Франсу еще в 70-е годы благодаря книгам Тургенева, возможно, и благодаря личному общению с ним.

Позднее, в XX веке, на Западе не было (да и до сих пор нет) ни одного серьезного писателя, который не заинтересовался бы русской литературой. Младшие литературные собратья Франса во Франции и других стра-

нах — Ромен Роллан, Роже Мартен дю Гар, братья Манны, Джон Голсуорси, Бернард Шоу — с увлечением читали Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова, Горького, размышляли и спорили об их произведениях, писали о них критические этюды. Они называли русскую классическую литературу «чуждом духовной культуры» (Т. Манн), отмечали присущую ей «непримиримую правду» (Г. Манн), «страсть к правде» (Р. Роллан). В их суждениях о русской литературе часто выдвигался на первый план реализм русских писателей, связанный с высоким пониманием долга художника перед людьми. Та суммарная характеристика русской литературы, которая была дана Франсом в его ранней статье, в какой-то мере предвосхищала то, что было впоследствии высказано в более развернутой, более конкретной форме другими прогрессивными писателями Запада десятилетия спустя.

В январе 1880 года Тургенев прислал Франсу «Войну и мир» в только что вышедшем французском переводе княгини И. И. Паскевич. Перевод этот, как очевидно для нас теперь, был очень несовершенен — были в нем и ошибки и произвольные купюры. И все же Анатоль Франс, как и Флобер, Золя, Мопассан, молодой Роллан, сумел почувствовать величие толстовской эпопеи и в этом неуклюжем переводе. Франс стал горячим почитателем Толстого и остался им до конца своих дней.

Имя Толстого встает в разных произведениях Франса, возникает по разным поводам. В его статье о Верлене цитируется повесть «Альберт»; о великом русском писателе, графе, который «принял обличье мужика», говорят и спорят персонажи рассказа «Лесли Вуд». В 1901 году, протестуя против расправы царского правительства над революционными студентами, Франс ссылался на слова «кроткого и негибаемого Толстого» из его воззвания «Царю и его помощникам».

По мере того как укреплялись в мировоззрении Франса демократические, социалистические начала, все выше вырастал в его глазах авторитет Толстого не только как гениального художника, но и как борца против социальной несправедливости. Именно в этом духе говорил Франс о Толстом в краткой статье, опубликованной впервые в 1908 году: «Создатель эпических полотен Толстой — наш общий учитель... Толстой служит нам также неподражаемым примером нравственного благородства, мужества и великодушия. С героическим спокойствием и грозной добротой он разоблачил все пре-

⁸ И. Зильберштейн. Разыскания о Тургеневе. М. 1970, стр. 40—41.

существования общества, которое требует от законов лишь одного — закрепить присущую ему несправедливость и насилие».

Анатоль Франс отмечает в этой статье, что гений Толстого проявился в произведениях, созданных в разные периоды творчества. Однако у Франса были свои причины особенно высоко ставить роман-эпопею о победе русского народа над Наполеоном. Самого Франса всю жизнь занимала наполеоновская тема, у него был даже замысел написать роман о Наполеоне, оставшийся неосуществленным. Образ молодого Бонапарта, беззащитного честолюбца, трезво и иронично обрисован в рассказах Франса «Мюирон» и «Бонапарт в Сан-Миньято». Позднее, в «Острове пингвинов», появилась гротескно-зловещая фигура полководца Тринко, который покорила полмира, а потом потерял все завоеванное, оставив свою Пингвинию разоренной и опустошенной. Глава «Тринко» завершается на резко саркастической ноте: пингвины, тяжко пострадавшие от авантюры полководца, продолжают преклоняться перед его памятью — ведь он принес им славу! Обличительный гнев Франса тут явно направлен против современной ему реакционной военщины, против буржуазных идеологов, поддерживавших культ Наполеона в националистических целях.

Понятно, что сатирические приемы Франса отличаются от толстовских, они ближе к искусству Свифта или Щедрина (недаром «Остров пингвинов» сравнивают с «Историей одного города»). Однако автор «Войны и мира» был первым, кто снял с Наполеона ореол идеализации. В XX веке, в условиях угрозы империалистических войн, передовые писатели все глубже чувствовали, какой серьезный обобщающий смысл заключен в толстовском образе Наполеона. Анатоль Франс в «Острове пингвинов» (как, на другой лад, и Бернард Шоу в пьесе «Избранник судьбы») творчески продолжил толстовскую беспощадную критику императора-агрессора.

Л. Н. Толстой, со своей стороны, живо интересовался творчеством Франса, не раз в доброжелательном тоне отзывался о нем, беседуя с французскими посетителями Ясной Поляны. В произведениях Франса Толстого привлекало в первую очередь то, что было близко направлению его собственной мысли. В 1904 году, работая над большой антивоенной статьей «Одумайтесь!», Толстой поставил эпитафией к одной из глав этой статьи цитату из романа Анатоля Франса «Под городскими вязами» — слова профессора Бер-

жере, осуждающего «безумие современных войн». Толстому пришлось по душе рассказ Франса «Кренкбиль», проникнутый симпатией к угнетенному труженику и осуждающий бездушие, лицемерие буржуазного судебного аппарата: русский перевод этого рассказа, сделанный В. Величкиной (под названием «Уличный торговец»), отредактированный и несколько сокращенный самим Толстым, был включен им в сборник «Круг чтения»⁹.

Кончина Толстого взволновала Франса. Стоит привести несколько строк из интервью, которое он дал корреспонденту «Русского слова»:

«Ваша утрата — утрата для всего человечества. Я глубоко потрясен смертью Л. Н. Толстого. Мы, писатели нынешней эпохи, можем быть сравнены с ним, как микроскоп с телескопом. Л. Н. Толстой видел своими духовными глазами невидимые еще нам горизонты. Я могу сравнить Толстого с Гомером. Его будут изучать через тысячелетия. Его якобы утопии уже частью находят себе подтверждение. Старый мир трещит, устои его колеблются. Толстой — пророк нового человечества»¹⁰.

Художественные произведения Толстого — а еще более того общественная, публицистическая деятельность Толстого как протестанта и обличителя — укрепляли в сознании Франса убеждение, что «старый мир трещит». В речи памяти Толстого, которую Франс произнес в Сорбонне 12 марта 1911 года, он высказал свое преклонение прежде всего перед гениальным художником, мастером правды в искусстве. Ни в коей мере не разделяя толстовской доктрины непротивления, Франс сумел с большим тактом выразить уверенность, что наиболее глубокое, прочное влияние на современников окажет не столько эта доктрина, сколько идущий ей наперекор мятежный толстовский дух:

«Толстой—это великий урок. Своим творчеством он учит нас, что красота возникает живою и совершенною из правды, подобно Афродите, выходящей из глубин морских. Своей жизнью он провозглашает искренность, прямоту, целеустремленность, твердость, спокойный и постоянный героизм, он учит, что надо быть правдивым и надо быть сильным.

...И этот властитель сердец, призывающий

⁹ Подробно об этом см.: Э. Е. Зайденшнур. Лев Толстой и Анатоль Франс (Творческие связи). Яснополянский сборник. Тула. 1972.

¹⁰ «Литературное наследство», т. 75, кн. 2, стр. 386.

к смирению, покорности, отречению, вдохновляет также самые гордые стремления, самые высокие взлеты духа. Когда он убеждает нас верить, страдать, терпеть, его героическое самоотречение принимает форму такой пылкой борьбы, принимает такой решительный характер, что он заставляет нас мыслить, сомневаться — и силы наши возрастают»¹¹.

Еще за несколько лет до кончины Толстого Франс установил заочный контакт с другим великим русским писателем — А. М. Горьким. Советским читателям известно «Письмо к Горькому», опубликованное в собрании сочинений А. Франса. Оно проникнуто глубочайшим уважением не только к Горькому — художнику и борцу, но и к героическому русскому народу, к силам русской революции. «Приветствую и чту Вас как поэта и человека действия, имевшего счастье пострадать за дело, которому служит Ваш гений. Дело это восторженствует — воля и любовь создают жизнь... В качестве председателя Общества друзей русского народа я шлю вам пожелания успеха в освободительной революции...»

Мы видим, что русская литература на протяжении долгих десятилетий занимала важное место в умственной жизни Анатоля Франса. Она содействовала его творческому становлению как писателя-реалиста и давала ему духовную опору в общественной борьбе.

3

Статья Горького «Об Анатоле Франсе» впервые появилась на французском языке в журнале «Ревю эропеенн» всего лишь через шесть недель после кончины Франса, 1 декабря 1924 года. Она была написана единым порывом, с волнением, со страстью. Горький прославлял не только умершего старшего собрата, чье творчество ему было необычайно дорого, но и шире того — французский национальный гений, жизнерадостный, свободный от всякого догматизма. Ромен Роллан в дружеском письме тут же возразил Горькому: не надо представлять себе «дух Франции» как нечто лучезарное и лишнее противоречий — французская история насыщена острой борьбой, в ходе которой не раз поднимались самые темные страсти. «Чтобы правильно понять Монтеня и Анатоля Франса, никогда не следует забывать той атмосферы религиозной ненависти (Мон-

тедь) и ненависти социальной (Франс), против которой они восставали»¹².

В аргументации Роллана были свои основания. Продолжая его мысль, можно сказать, что национальное своеобразие Франса как писателя французского проявлялось не только и не столько в его изяществе стиля и мудрой иронии, сколько в том боевом духе, с каким этот наследник Вольтера атаковал бастионы реакции.

Но оставим в стороне спор Горького и Роллана о Франсе и национальном гении его страны, спор настолько содержательный, что французский ученый Жан Перюс посвятил ему специальный исследовательский этюд¹³.

Гораздо важнее, что Горький в этой статье высказал верные и важные мысли, которые и сейчас помогают нам яснее увидеть вклад Франса в мировую литературу. Наперекор тем буржуазным толкователям, которые восхваляли (или поносили) Франса как художника элитарного, высокомерно возвышающегося над массой, Горький утверждал, что «безразличное отношение к людям и миру было совершенно чуждо скептицизму Анатоля Франса». Наперекор ходячим на Западе суждениям об Анатоле Франсе как холодном рационалисте Горький напоминал, что ему была присуща необычайная трезвость и гибкость ума — именно поэтому удавалось ему наносить сильные удары «по толстой и грубой коже «ходячих истин». Позже, в статье 1929 года «Молодая литература и ее задачи», Горький уточнил: «Анатоль Франс не оставил ни одной из основных идей буржуазного государства, не показав, как противоречив, лицемерен и бесчеловечен их смысл»¹⁴.

О разящей силе сарказма и иронии Франса говорили не раз его младшие современники, мастера культуры XX века. Генрих Манн, близкий Франсу и по мировоззрению и по сатирическому складу таланта, сказал о нем ясно и веско: «Успех и мировая слава Франса коренятся в его борьбе против зла и лжи». Однако нам трудно согласиться с Генрихом Манном, когда он пишет, что Франс впитал в себя гений умирающего мира, что он был художником заката: «Анатоль Франс имел больше оснований, чем другие, ожидать, что скоро наступит

¹² Переписка Горького с зарубежными литераторами. М. 1960, стр. 344.

¹³ См. Ж. Перюс. М. Горький и Р. Роллан об Анатоле Франсе. «Русская литература», 1958, № 3.

¹⁴ М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 24, стр. 252—253; т. 25, стр. 94.

¹¹ «Литературное наследство», т. 75, кн. 1, стр. 126.

конец того мира, в котором он живет. Он осмыслял этот мир как один из последних его художников, он как бы говорил о нем заключительное слово»¹⁵. Это в лучшем случае половина истины. Франс был очень чуток к новому. И его творчество знаменовало не только конец одной литературной эпохи, но и начало другой. Он был у себя в стране последним великим писателем XIX века и первым великим писателем века XX, века небывалых исторических перемен.

Мы имеем право сказать, что Анатолий Франс как художник и общественный деятель стоит у истоков антимилитаристской и антифашистской литературы XX века. По самой сути своего творчества этот тонкий эрудит, вобравший в себя интеллектуальную и художественную культуру многих веков, был прямым предшественником того движения в защиту культуры от современных мракобесов, которое развернулось в Европе через десять лет после его смерти.

Франс, как мы помним, медленно шел к творческой зрелости: он вполне сложился как художник на рубеже столетий — в те самые годы, когда Францию лихорадило и когда он сам впервые окунулся в гущу политических схваток. Автор «Современной истории» научился мыслить глобально: его беспокоили не только судьбы личности в современном обществе и даже не только судьбы нации, но и судьбы человечества в целом. Он и раньше привык в своих романах и рассказах свободно путешествовать во времени, обращаться к античности, средневековью, ренессансу. Но в творчестве Франса XX века возникла новая временная категория — будущее. Его страстно занимало это будущее — к нему обращена повесть-утопия «На белом камне». И примечательно, что Франс уже в глубокой старости горячо рекомендовал французским читателям революционный роман-утопию Джека Лондона «Железная пята».

Анатолий Франс, еще в сравнительно молодые годы задумавшийся над принципами русской «реалистической школы», был убежден, что действительность — основа искусства. Но он широко пользовался вымыслом самым неожиданным, самым смелым — именно для того, чтобы лучше понять действительность и сегодняшнюю и завтрашнюю. Обращение к фантастике (подчас в дерзком сочетании с жизнеподобием), к аллегории, гротеску, пародии, стилиза-

ции — все это было для него не способом бегства от реальной жизни, а способом выразить свое отношение к ней.

Эти свойства Анатолия Франса не всегда оказывались понятны даже наиболее талантливым из его литературных собратьев. Джон Голсуорси очень любил книги Франса и включил его характеристику в свое эссе «Силуэты шести писателей» — Франс входит туда в один ряд с Диккенсом, Тургеневым, Мопассаном, Толстым, Джозефом Конрадом; по мнению автора, он «самый убежденный и воинствующий гуманист» из всех шести. Голсуорси восхищается тем, с каким поразительным изяществом умел Франс «изрешетить свою мишень — предрассудки и идолопоклонство». Однако автор «Саги о Форсайтах» ставит под сомнение искусство Франса как романиста. По его мысли, Франс разве только в «Преступлении Сильвестра Боннара» или в «Красной лилии» выступает романистом в чистом виде, то есть «исследователем человеческих характеров и рассказчиком»: в других книгах он прежде всего философ и сатирик. «Даже такое замечательное произведение искусства, как «Тайс», при всей своей увлекательности, по существу, критично и выковано в пламени гневного сердца. Романы о Бержере, хотя и содержат много превосходных портретов, созданы человеком, задавшимся целью громить предрассудки, а не рисовать характеры»¹⁶.

На самом же деле у Франса исследование характеров было неотделимо от философии сатиры, от размышлений и споров на кардинальные темы человеческого бытия. Созданный им — раскрывающийся в различных вариациях, в разных его романах — тип критически мыслящего интеллигента, ученого, книжника не может существовать вне раздумий и дискуссий, именно в стихии ищущей мысли обретает этот тип свою художественную конкретность. Для Франса-романиста духовная история героя, осмысляемая, как правило, в тесной связи с социальной, исторической действительностью, — не менее, а более важная пружина сюжета, чем те или иные события частной жизни персонажей. Такой тип, такой сюжет — все это было необычно и ново. В наше время, когда в историю мировой культуры прочно вошли и «Жан-Кристоф», и «Доктор Фаустус», и «Семья Тибо», и «Жизнь Клима Самгина», когда вторжение публицистики и эс-

¹⁵ Генрих Манн. Сочинения. М. 1958, т. 8, стр. 186, 190.

¹⁶ Джон Голсуорси. Собрание сочинений в шестнадцати томах. М. 1962, т. 16, стр. 406—407.

се в роман давно уже перестало быть неожиданностью и стало привычным, мы тем более можем оценить продуктивность, жизнеспособность художественных открытий Франса.

Не менее жизнеспособной оказалась и франсовская философская фантастика, ведущая свою родословную от Вольтера, но несущая неизгладимый отпечаток проблем и тревог XX столетия. Она нашла продолжение не только на почве Франции (скажем, в книгах Веркора и Робера Мерля), но и на совсем иной национальной основе — в творчестве одного из замечательных художников нашего столетия, Карела Чапека. Его «Война с саламандрами», вошедшая в классику антифашистского романа, вряд ли была бы возможна без «Острова пингвинов».

Карел Чапек был родствен Франсу не только в своем стремлении выразить коренные проблемы времени через смело задуманные аллегории, но и в своей тонкой художественной культуре, изящной ироничности стиля. И он сумел в краткой статье о Франсе, написанной полвека назад, высказать о нем много существенного. Он показал многоликость французского писателя и как важный аспект этой многоликости — органически присущий ему демократизм. Обращение Чапека к Франсу написано в оригинальной поэтической манере, и из него стоит привести несколько строк:

«Олимпийская птица, крылатый дух, к какому отряду и роду причислить тебя? Ты не из рода Зевсова орла, ты не любишь бурь и варварской силы молний. Ты — мудрая горлица богини красоты; платоник, вскормленный нежными перстами великого Эроса. Или ты ученая сова Афины: благоуханными ночами сидел ты на всех книгах, созданных людским безумием, и нет ничего неведомого тебе, о дух александрийский! И при всем том в тебе жив парижский воробьишка с набережной Малакэ, пернатый насмешник, товарищ нищих Кренкбилей, завсегдагай чердачных каморок, непоседливый и развязный философ с родной кровли»¹⁷.

Мудрец, ученый, мастер умной иронии, хранитель и защитник вековых культурных сокровищ, но вместе с тем и «товарищ нищих Кренкбилей», друг трудящихся и поборник дела социализма — таким остался Анатоль Франс в памяти своих советских читателей, таким знают и любят его передовые французы.

Дружеский диалог столяра Рупара и профессора Бержере — художественное предвосхищение того союза рабочего класса с работниками умственного труда, которого добиваются сегодня французские коммунисты.

¹⁷ Карел Чапек. Об искусстве Л. 1969, стр. 213.

И. КОХНО,

кандидат филологических наук

ОБРАЩЕНО К СОВРЕМЕННОСТИ

А. В. Луначарский заслуженно стоит в одном ряду с мастерами русской литературной критики и эстетики. Однако в отличие от своих великих предшественников он получил широчайшие возможности для пропаганды и претворения в жизнь своих эстетических принципов. Белинский с горечью восклицал, что он, рожденный в мире бойцом, должен заниматься одним искусством, да и то не выходя из «определенных рам». Цензурные «рамы» постоянно сжимали Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина. Герцен и Плеханов, правда, разорвали их и обрели творческую свободу, но какой ценой! Дорогой ценой эмиграции, которая ограничила для них общение с широкими слоями русского общества.

После Октябрьской революции впервые в истории России вопросами литературы и искусства, просвещения и культуры ведал не исполнительный чиновник, а художник, человек выдающихся государственных способностей и организаторского таланта, коммунист, прошедший ленинскую школу революционного подполья, политической эмиграции, испытавший царскую тюрьму и ссылку. И вполне закономерен растущий интерес к жизни, творческой деятельности, личности Луначарского как в нашей стране, так и за рубежом.

Изучение литературного наследия Луначарского пошло двумя путями. Во-первых, появляются статьи по отдельным проблемам эстетики Луначарского, об отношении его к различным писателям России и Запада, о различных фактах его участия в литературной жизни страны и т. п. Эти работы, зачастую весьма ценные новизной материала, интересными наблюдениями, все же

не дают полного представления об облике Луначарского, о размахе и многообразии его деятельности. Во-вторых, делаются попытки показать фигуру Луначарского целиком, осмыслить и понять его эстетику. Однако даже лучшим из работ этого типа, на мой взгляд, недостает прочной опоры на широкий круг фактов литературы и искусства. В первом случае мы видели отдельные детали, фрагменты портрета, во втором — портрет несколько расплывался, утрачивая четкость. Отсюда острая необходимость появления таких работ о Луначарском, в которых многогранность конкретно-исторического исследования была бы органично совмещена с освещением эстетики Луначарского. Попыткой такого рода представляется мне недавно вышедшая в свет книга Н. А. Трифонова «А. В. Луначарский и советская литература».

Книга Н. А. Трифонова — итог многолетней работы автора как исследователя литературно-критических выступлений Луначарского, публикатора его малоизвестных или неизвестных произведений, составителя и редактора 82 тома «Литературного наследия», посвященного Луначарскому. Н. А. Трифонов поставил своей задачей максимально полно использовать наследие Луначарского, разумеется, в пределах, обозначенных названием книги: от известных статей и речей Луначарского до архивных документов, от официальных бумаг, вышедших из канцелярии наркома просвещения, до пометок на страницах книг, прочитанных Луначарским, от мемуарных свидетельств современников до исследований последних лет. Содержание книги оказалось шире названия, ибо примерно четвертая часть ее (вся первая глава «Накануне») посвящена дореволюционному Луначарскому.

И в дальнейшем, когда того требует логика исследования, автор обращается еще и к театру, который всегда был страстью Луначарского, к западной литературе и русской классике, к вопросам философии.

Такое расширение обосновано: без дореволюционных исканий Луначарского будут малопонятны его работы советских лет; советскую литературу он понимал и рассматривал в связях, притяжениях и отталкиваниях с европейской, а литературно-критическая деятельность Луначарского опиралась на солидный фундамент философии и эстетики. Но понятно, что в центре внимания Н. А. Трифонова — отношение Луначарского к советской литературе, его участие в самом литературном процессе. Все это составляет содержание трех глав: «В бурях и грозах революции», «На путях мирного строительства», «В обстановке великой битвы за социализм», которые соответственно охватывают период гражданской войны, середину 20-х годов и последние годы жизни Анатолия Васильевича.

Такое построение книги позволяет автору наглядно показать динамику творческого пути Луначарского, развитие его взглядов, последовательность и масштабы его влияния на отдельных писателей и литературу в целом. Однако в такой структуре работы есть и определенные минусы. Если рассматривать литературно-критическую деятельность Луначарского исключительно в хронологическом порядке, то почти неизбежны повторения, главное времянами может заслоняться второстепенным. Ведь в развивающейся эстетике Луначарского особо важны такие постоянные темы, как тема партийности, формирования пролетарской литературы, методология литературной критики и т. д. И среди героев литературно-критических статей Луначарского были «сквозные», прошедшие через всю его жизнь, например Горький, о котором он писал с 1902 года, со времен вологодской ссылки, вплоть до 1932 года. Правильно ли дробить на части этот материал? И как сосредоточить его, чтобы хронология не противоречила проблематике, а проблематика отчетливо рисовала линию духовного роста критика, чтобы читатели ясно видели плоды многообразной деятельности А. В. Луначарского? Я задаю эти вопросы, чтобы на примере книги Н. А. Трифонова напомнить о проблеме композиции литературоведческих работ, остающейся пока недостаточно изученной...

Как известно, понимание пролетарской культуры А. В. Луначарским противостояло богдановскому, а позднее рапповскому нигилизму, узким схемам «организационной науки». Революционер-ленинец, он боролся за приобщение духовно ограбленных эксплуататорским строем трудящихся масс России к сокровищам мирового искусства, за творческое и самостоятельное осмысление этих богатств, за создание таких условий, которые бы способствовали появлению и развитию новой, социалистической культуры. Н. А. Трифонов показывает, что сложившаяся в основных чертах еще до революционной программы Луначарского была и широкой и достаточно четкой, вполне отвечающей политике партии на «третьем фронте».

Время вносило во взгляды Луначарского существенные коррективы, он рос вместе со страной и культурой народа, но основные принципы Луначарского оставались неизменными, и жизнь подтвердила их, ибо эта программа была подлинно партийная. Убежденный сторонник реалистического искусства, он умел ценить в произведении романтическую приподнятость и сам как драматург не чуждался романтического пафоса, создавая, например, образы Оливера Кромвеля и Фомы Кампанеллы. Защитник и пропагандист классического наследия, в особенности революционно-демократического, он приветствовал творческий поиск Маяковского, Тихонова, Пастернака, театральный эксперимент Мейерхольда, но при этом неизменно предостерегал их от формализма. Считая модернизм признаком упадка, разложения искусства, он не ограничивался констатацией этого факта, всегда дифференцированно подходил к творчеству «левых» писателей и стремился прийти на помощь художнику, вызволить его из тенет буржуазного мировоззрения. Луначарскому претила поэтизация божественного образа жизни, всякого рода «романтического разгильдяйства» (отсюда резкие слова по адресу имажинистов, чьи сочинения — «злостное надругательство над собственным дарованием»). Он стоял за дисциплинированность, организованность, сознательность, деловитость, но отнюдь не переходящие в делачество, практицизм, преклонение перед машиной (отсюда спор с А. Гастевым и конструктивистами за Есенина, который «хотел жить, как настоящий человек, или не жить вовсе», но против «есенинщины»). Ему импонировали бодрость, «извест-

ная бравада и мажор» у комсомольских поэтов, но он же с осуждением отмечал у них черты «оптимизма несколько телячьего характера».

Такая неоднозначность оценок Луначарского часто ставила в тупик тех, кто порой находил противоречия там, где их не было, или же не замечал противоречивости самих явлений. А ведь Луначарский так горячо верил в творческую силу, энергию таланта, способного преодолевать собственные противоречия!

Читатель книги Н. А. Трифонова получает наглядное представление о том, какую серьезную работу проделал Луначарский по сплочению писательских сил, каким близким другом, внимательным помощником он был для писателей, сколь многим обязана ему советская литература. Чуткость, сердечное внимание к литературе и ее творцам были принципом его поведения.

В отличие от Плеханова, который старался «не плакать, не смеяться, а понимать», Луначарский считал, что критик-марксист может и должен быть не только ученым-ботаником, но и заботливым садовником. Ныне, особенно в свете последних партийных постановлений о литературно-художественной критике, такая позиция кажется само собою разумеющейся. Однако в 20-е годы Луначарскому приходилось отстаивать ее в борьбе со всевозможными вульгаризаторами, которые либо отказывали пролетарскому государству в праве на вмешательство в литературные дела, либо понимали это вмешательство весьма прямолинейно, грубо.

В книге Н. А. Трифонова показано участие Луначарского в разработке известной резолюции 1925 года «О политике партии в области художественной литературы». Луначарский верно оценил значение ленинских идей о партийности литературы. Развивая их, он указывал, что партийность — не только и даже не столько умение художественно оформлять лозунги партии. Прimitивно-иллюстративному пониманию партийности он противопоставляет умение писателя «суммировать деятельность и опыт пролетариата и оплодотворять этим партийные лозунги».

Таковыми художниками-разведчиками были для Луначарского Горький и Маяковский. Исследователь показывает, что отношения Луначарского и Горького отличались достаточной сложностью и в ряде существенных оттенков переменчивостью. Здесь была

и глубокая взаимная симпатия, доходящая чуть ли не до восторженности, и сдержанная официальность, и деловое сотрудничество, и взаимовлияние. В целом Луначарский, несмотря на отдельные ошибки, смог верно и объективно оценить творчество Горького и его роль в русской и мировой литературе.

В движении и постоянном развитии рассматривал Луначарский и Маяковского. Нарком просвещения оказывал поэту постоянную поддержку, защищал от злобных нападок, обвинений в «непонятности», и он же критиковал поэта, стремясь вывести его из сферы влияния футуризма и левовства.

В рецензируемой книге приведены и обстоятельно проанализированы высказывания Луначарского о Короленко, Серафимовиче, Блоке, Брюсове, Есенине, Леонове, Пильняке, Панферове, Фадееве, Федине, Шолохове... Мы видим, как Луначарский решал проблемы партийности, классического наследия, традиций и новаторства, содержания и формы, методологии литературной критики и творческого метода советской литературы, то есть все те проблемы, которые были предметом ожесточенных критических баталий тех времен и в которых он отстаивал наиболее перспективную линию развития советского искусства. Материалы убеждают нас в превосходстве позиции Луначарского в сопоставлении ее со взглядами А. К. Воронского, В. М. Фриче, В. Ф. Переверзева, руководителей Пролеткульта, представителей формального метода, критиков левовской ориентации и рапповцев. А. В. Луначарский стоял у истоков теории социалистического реализма, и его мысли по этому вопросу наряду с высказываниями Горького явились исходными для дальнейших разработок теории.

Совместный путь с Лениным, под его руководством, весь опыт социалистического строительства, напряженная работа по оценке и переоценке мирового художественного творчества, мировой общественной мысли (в том числе и своего собственного литературного наследия) сделали Луначарского советских лет видной фигурой нашей литературно-теоретической мысли. И к какой бы стороне деятельности Луначарского ни обращался исследователь, везде он находит нечто принципиально важное для сегодняшних споров и размышлений. Но при этом он чужд тенденции захваливания Луначарского, искусственно-го преувеличения его заслуг. Так, автор

отмечает непоследовательность Луначарского в отношении к Пролеткульту (главным образом в тактике, а не в принципах), некоторую односторонность в характеристиках Блока и Есенина, слишком суровую оценку «Дней Турбиных».

В работе говорится (хотя, на мой взгляд, недостаточно полно) и о философской эволюции Луначарского. Характеризуя «богостроительские» и «впередовские» заблуждения Луначарского, Н. А. Трифонов показывает, что эти «промахи незрелой мысли» вступали в противоречие с методологией его критических статей, со всей, по словам Ленина, «богато одаренной натурой» критика, которому было тесно в лабиринте авенариусовско-богдановской схоластики. Автор пишет, что уже ко времени Октябрьской революции под влиянием ленинской критики и в результате воздействия самой исторической действительности основные заблуждения Луначарским были преодолены. Этот взгляд представляется более верным, чем точка зрения других исследователей (например, М. А. Лифшица), которые полагают, что полное «выздоровление» Луначарского от всех идеалистических болезней наступило лишь «на грани» 30-х годов, что «лишь в последний период жизни Луначарский вполне находит себя». Разумеется, и после Октября мы найдем у Луначарского и устаревшие формулировки, и неверные оценки, но, во-первых, не следует эти ошибки преувеличивать и, во-вторых, не нужно выводить их из «богостроительского» корня,

подрубленного ленинской критикой и революцией. Гораздо вернее, как это и делает наш автор, связывать их со сложной обстановкой в стране, с идеологической борьбой, в которой Луначарский был и арбитром и непосредственным участником, с необычностью самого дела строительства социалистической культуры.

Книга Н. А. Трифонова подкупает вниманием к фактам литературной жизни, стремлением быть предельно точным. Автору книги мы обязаны очень многими уточнениями в датировке отдельных событий биографии Луначарского, в текстах его статей и речей. Кстати, вопросы текстологии произведений Луначарского достаточно сложны и не решены до сего дня. Poleмика, которую Н. А. Трифонов ведет с другими исследователями и текстологами, убедительна и сильна своей конкретностью.

Итак, перед нами исследование, которое обращено к интереснейшей странице в истории советской литературы и шире — всей нашей культуры. И хотя в нем рассказано о событиях почти полувековой давности, оно обращено к современности, как обращен к ней и сам герой, чьи дела и труды не теряют со временем своей актуальности. В ряду других изданий, приуроченных к столетию со дня рождения А. В. Луначарского, которое будет отмечаться в ноябре этого года, книга Н. А. Трифонова будет замечена читателем.

Минск.

ОСИП РЕЗНИК

ОСНОВАТЕЛЬ ЖАНРА

Несколько страниц о Сергее Басове-Верхоянцева

В день юбилея вспомнить не только великих, но и «малых» их соратников и сподвижников — в этом есть свой важный поучительный смысл, это наше хозяйское обращение с годами накопленным богатством, стремление, чтобы и сегодня живое наследие служило коммунистическому воспитанию юных поколений...

А проще сказать — это наш человеческий долг перед теми, кто не дошагал до сегодняшних дней.

Среди полузабытых, стершихся в памяти имен писателей, которые тем не менее неизменно встречаешь на страницах старых журналов и сборников, в книжных летописях, — имя поэта Сергея Басова-Верхоянцева. В первом номере «Нового мира» за 1925 год он опубликовал отрывок из своей сказовой поэмы «Калинов-Город».

Полузабытый... Даже в «Истории русской советской литературы» в разделе, где идет разговор о «Новом мире» и упоминаются печатавшиеся там авторы старшего и более молодого поколения советских писателей, имя Басова-Верхоянцева вообще пропущено. А по другим справочным изданиям — и Литературной энциклопедии (первого издания), и нынешней Краткой литературной энциклопедии, где писателю посвящены свои заметки, — получается, что за последние десятилетия произведения поэта вроде бы и вовсе не издавались. Полузабытый... Между тем Сергей Александрович Басов-Верхоянцев, почти ровесник М. Горького (лишь на год его моложе), — человек с яркой революционной биографией, самобытным поэтическим даром и необыкновенной, завидной литературной судьбой.

Родился он в Тульской губернии в семье местного помещика, образование получил в Высшей школе общественных наук в Пари-

же. Еще в юности загорелся народолюбческими идеями — началась его активная революционная деятельность, литературное служение ей. Он руководит стачкой на одном из тульских заводов. Потом годы преследований и репрессий. Его много раз сажают в тюрьму за политическую деятельность, на долгие годы мужественный революционер попадает в далекое изгнание — целых восемь лет, до 1904 года, ссылка в Верхоянск! (Отсюда и его псевдоним, позднее присоединенный к фамилии.)

Первые стихи Басова-Верхоянцева появились в журнале «Русское богатство» в 1896 году. После революции 1905 года начался самый кипучий и плодотворный период творческой деятельности поэта. Басов-Верхоянцев создает один за другим остросатирические памфлеты, поэмы и сказки, обращенные к народу, выражающие революционный протест, призыв к борьбе с самодержавием, с властью капиталистов и помещиков. Наиболее широкую известность приобрела сказочная сатирическая поэма «Конек-Скакунок». История ее заслуживает особого внимания.

После революции 1905 года, особенно по мере ожесточения реакции, для таких, как Басов-Верхоянцев, литературная деятельность стала главной формой яростно-наступательного участия в революционной борьбе. Стремясь быть наиболее доходчивым для народных масс, поэт выбирает формы фольклорно-сказовые, старается вложить в свои поэмы, сказки, памфлеты как можно больший сатирический запал. «Что делал король французский со своим народом и что народ сделал с ним» — одна из притч, где «король французский» несет все черты последнего Романова. Естественно, что в те времена подобный памфлет мог расчитыв-

вать только на подпольное издание. Так оно и было. Да почти и все остальные сатирические творения поэта издавались подпольно — и «Конек-Скакунок», и «Дедушка Тарас», и «Черная сотня», и «Сказ — отколь люшлы цари у нас», и сборник сказок «Венок». По мере обнаружения царские власти каждую его книжку подвергали конфискации и уничтожению. Приходилось прибегать к различным хитростям и уловкам, чтобы продолжать печатать и распространять стихи. И в таких-то условиях поэма «Конек-Скакунок» в короткие сроки выдержала по тем временам астрономический тираж — около полумиллиона экземпляров! Можно себе представить, чем была эта книжка для народных масс, жаждавших услышать правдивое и хлесткое, сатирически насыщенное слово...

Оттакаясь от знаменитой сказки Ершова, избрав тот же песенно-сказовый лад народного лубка, Басов-Верхоянцев с большой поэтической выразительностью сумел передать и кондовые устои деревенской жизни, и очищающую грозу первой русской революции, нарисовать отвратительную фигуру царя Берендея, в котором нельзя было не узнать черт Николая II; тут и картины Кровавого воскресенья, уничтожившего последние капли веры темных крестьян в царя, который потопил мирное шествие народа в крови. Горечью, болью, гневом напоена каждая строка, живописующая жестокую расправу с народом, требующим землю и свободу:

Бабы, девки, берегись!
Беги к проруби, топись!..

А потом сожгли строенья.
Лишь остался от селенья
Придорожный старый крест.

..... * * * * *
Вот вам царский манифест!

С не меньшей силой просветленного чувства написаны строфы, рисующие народную победу, передачу власти и всех богатств в руки тружеников. Можно поражаться той пронизательности, с какой еще только в предчувствии Октября рисовал поэт реальное осуществление народной мечты: «Собирался тут народ да на общий Вольный Сход. Посудили, порядили, перво-наперво решили, чтоб не быть у них царям, — ни царям, ни их псарям».

В заключительных строках лубка — целая программа социального равенства в ее конкретных приметах: именья — сельским

труженикам, фабрики — всему народу, женщинам — равноправие.

История злоключений сказки «Конек-Скакунок» являет собой самой жизнью сотканный захватывающий приключенческий сюжет. И до наших дней она привлекает внимание исследователей. Лично мне кое-какие детали и подробности на этот счет довелось спустя много лет после создания сатирической сказки услышать из уст самого Басова-Верхоянцева.

«Конек-Скакунок» был написан в 1906 году, а в 1907-м уже конфискован. И тут же снова издан! Много раз под новыми названиями, прибегая к разнообразным конспиративным приемам, «Конька» издавали и в России и за границей. Когда издательство Распопова легально выпустило сказку как она есть, без всяких купюр, все увидели, какая это была дерзкая затея, целиком рассчитанная на тупость полиции. И действительно, довольно долго, путая сатиру Басова-Верхоянцева со сказкой Ершова «Конек-горбунок», полицейские власти не мешали ее распространению. Книжка полюбилась трудовому люду, с симпатией была встречена прогрессивно настроенной интеллигенцией, студентами и либеральной профессурой.

В конце концов полиция спохватилась, но все равно крамольная сатира продолжала выходить под новыми названиями, все шире и стремительнее распространяясь по России. Одному из либеральных профессоров пришла даже мысль представить «Конька-Скакунка» в Академию наук на соискание Пушкинской премии. Затее эта вызвала новый взрыв жандармского негодования. Книжка была не только конфискована, но и назначена крупная денежная награда за раскрытие ее «происхождения». Стараясь нейтрализовать влияние злонамеренной сказки, черносотенцы в противовес Басову-Верхоянцеву выпустили свою книжку — «Новый Конек-Скакунок». Но пошло это только на пользу «Коньку» Басова-Верхоянцева, совсем запутав полицейских чинов, где какой «Конек». Вынесено было решение предавать суду за чтение сказки вслух. На одном из процессов прокурор потребовал для обвиняемых чтецов-солдат ссылки на каторгу...

Художественная выразительность и богатство народной речи, открытая тенденциозность идейных устремлений автора — все это предопределило большое агитационно-политическое значение сатирического лубка

«Конек-Скакунок», прочно закрепило имя Басова-Верхоянца в славной плеяде стихотворцев-сатириков первой русской революции, среди которых имена Горького, Луначарского, Чуковского, Скитальца, Саши Черного...

В. Д. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях приводит отзыв В. И. Ленина о «Коньке-Скакунке»: «Из более современных нам писателей Владимир Ильич весьма одобрительно относился к Басову-Верхоянцеву, автору книжки «Конек-Скакунок»... Владимир Ильич считал, что книга Басова-Верхоянца весьма полезна для крестьян, так как в легкой, занимательной форме она дает первое представление о современном политическом устройстве и очень зло высмеивает царский дом, самодержавное правительство, чиновничество и весь бюрократический строй царской России»¹.

Член Коммунистической партии с 1919 года, Басов-Верхоянцев в первые годы советской власти развивает поистине бурную общественно-творческую деятельность. Он создает ряд значительных лирико-драматических и сатирических произведений в стихах — поэмы «Расея», «Калинов-Город», «Жадный мужик (Про скупого Прова)», «Сказка о золотой рыбке» и другие. При всем том, что, скажем, в поэме «Расея» широчайший эпопейный замысел — показать историю от прихода варягов до Великого Октября — во многом оказался нереализованным из-за наивного исторического схематизма, поэма тем не менее весьма примечательна и серьезной попыткой автора выйти за границы устоявшейся манеры письма, и использованием многообразных ритмов, красок и интонаций, свойственных природе фольклорно-народного лада, — сказочного, былинного, песенного, частушечного. Все это раздвинуло горизонты поэтических устремлений автора, как нам представляется, именно работа над этой поэмой побудила его позже, в 30-е годы, испробовать свои силы в столь не легком деле, как перевод «Слова о полку Игореве» (перевод был встречен со вниманием, одобрен критикой).

В пореволюционном творчестве поэт обращается к самым острым темам современности — пишет о борьбе с самодовольным буржуазным мещанством, с кулачеством, поднявшим голову в годы нэпа. В поэме «Калинов-Город» главенствует тема единства тружеников разных национальностей,

раскрывается их гуманизм, их братское содружество в борьбе с угнетателями в годы острых стычек гражданской войны. Поэма была опубликована отдельным изданием в 1925 году, а в 1929-м вошла в третий том собрания сочинений С. Басова-Верхоянца, осуществленного издательством «Молодая гвардия».

Собрание сочинений... Звучит гордо. Но вот передо мною на столе лежит третий том с заглавием поэмы «Калинов-Город» — он в мягкой обложке с рисунком художника Шегалы, содержит всего лишь 86 страниц. Такие были собрания сочинений.

...Начало 30-х, писательское собрание в Доме Герцена — на Тверском бульваре, 25, где помещались тогда многие литературные организации (а нынче находится Литературный институт имени А. М. Горького). В комнату крепким шагом бывалого воина входит Басов-Верхоянцев — среднего роста, плотно сбитый человек, седовласый, со светлыми глазами и скульптурно высеченными чертами лица, очень похож на знакомый портрет Тургенева. Только вот одежда по тому времени — валенки, серый пиджак, под которым бумазейная косоворотка. Неторопливо опустился на стул, положил на колени свои натруженные, широкие, видимо еще крепкие, рабочие руки. И как-то строго оглядел комнату, присутствующих. Сергей Александрович показался мне весьма почтенным и очень старым. Быть может, из-за сходства с Тургеневым, а может, оттого, что держался он нелюдимо и хмуро. Скорей же всего по той простой причине, что ему тогда минуло уже шестьдесят и нас с ним по возрасту разделяла четверть века...

...Конец войны, середина 40-х. Басов-Верхоянцев однажды позвонил мне и вслед за звонком зашел в партийное бюро Союза писателей. Как-то естественно, невзначай завязался долгий разговор — о литературе, о его творческих планах, о надеждах, самоощущении. Старый писатель интересовался многим, слушал напряженно и внимательно. Ему мешала тяжелая одышка — часто умолкал, отдыхая, дышал глубоко и жадно. И тем не менее как он оживился, вспоминая давно пережитое, годы подпольной борьбы, буйный лет «Конька-Скакунка», с какой веселой гордостью рассказывал о том, как удавалось «охмурить» полицию и шпионов с помощью верных товарищей-подпольщиков. Его поредевшие волосы седым венчиком образовывали некий нимб над головой, и все же сходство с Тургеневым оста-

¹ В. Бонч-Бруевич. Воспоминания. М. 1968, стр. 25.

валось. В этот раз Басов-Верхоянец принес с собою и показал мне последнее (при его жизни) издание «Конька-Скакунка», осуществленное в 1935 году «Советским писателем». Издание было в красочном переплете, с цветными рисунками в манере палешан, кажется, кем-то из них и оформленное. Автор с нежностью перелистывал страницы, показывая мне рисунки...

В 1949 году «Литературная газета» отметила восьмидесятилетие поэта. Заметка Льва Никулина вазывалась «Ветеран революционной поэзии». Автор писал о том, что «С. А. Басов-Верхоянец своей глубокой преданностью народу и партии Ленина заслужил любовь и уважение товарищей по перу».

1 сентября 1952 года поэт скончался. «Литературная газета» напечатала некролог, где говорилось, что «Сергея Александровича по праву можно считать одним из основателей особого литературного жанра — революционно-художественного лубка». Еще в некрологе сказано, что «все его творчество было органически связано с жизнью трудового народа. Все знавшие Сергея

Александровича — борца, революционера, прошедшего суровую школу жизни, сохраняют о нем добрую память как о писателе, человеке большой души и большого личного обаяния». Под этими словами признательности подписались А. Фадеев, Н. Тихонов, К. Симонов, А. Твардовский, А. Сурков, М. Исаковский, В. Казин и другие.

В год столетия со дня рождения поэта ожил его знаменитый сатирический лубкопозма «Конек-Скакунок», появившись в «Библиотеке поэта. Большой серии», в сборнике «Стихотворная сатира первой русской революции (1905—1907)». В связи со столетием вновь возник интерес к разысканиям, связанным с рождением этой поэмы, о чем можно судить по газетным публикациям в «Вечерней Москве», в газете «Труд», в ленинградской газете «Смена». Большое внимание к новым поискам, связанным с историей и судьбой «Конька-Скакунка», проявили за последние годы ленинградские литературоведы...

Думая обо всем этом, лишний раз убеждаешься: добрый след, оставленный в литературе поэтом, не сотрется.

ИЗ ЛЕТОПИСИ ПОЛУВЕКА

1925

- В. И. Ленин. О диктатуре пролетариата (Неопубликованная рукопись).
В. И. Ленин. Тезисы ответа германским «независимым» на предложение переговоров (Неопубликованная рукопись).
А. Барбюс. Современная французская литература. Статья. Перевод с французского.
В. Брюсов. Юношеские стихотворения.
А. Грин. Золотая цепь. Роман.
С. Есенин. Стихи.
Вс. Иванов. Каменные калачи. Рассказ.
Вл. Лидин. Рыбаки. Повесть.
В. Луговской. Стихотворения.
А. Луначарский. К 200-летию Всесоюзной Академии наук. Анатолий Франс. Танеев и Скрябин. Статьи.
В. Маяковский. Бой. Из поэмы «Летающий пролетарий».
Н. Некрасов. Автобиография.
Ю. Стеклов. Российские царисты и германские империалисты (Из истории германской интервенции).
Л. Толстой. Два начала неоконченного романа из эпохи Петра I. Варианты текстов романа «Война и мир».
Н. Чернышевский. Неизданные рассказы.

1926

- А. Безыменский. Рабочий поселок. Из поэмы «Гута».
В. Брюсов. Стихи. Из архива.
В. Вересаев. Три. Из отроческих воспоминаний.
М. Голодный. Стихи.
С. Есенин. Стихи.
Вс. Иванов. Яички притчи. Рассказ.
В. Инбер. Стихи.
В. Казин. «Вывески». Отрывок из поэмы.
М. И. Калинин. Что делает советская власть для осуществления демократии.
А. Караваева. Двор. Повесть.
С. Кирсанов. Стихи.
А. Луначарский. «Игра любви и смерти» (Новая пьеса Романа Роллана).
В. Маяковский. 100% и др. стихи.
Б. Пастернак. Лейтенант Шмидт. Поэма.
М. Светлов. Стихотворение.
Л. Сейфуллина. Каин-кабак. Повесть.
С. Сергеев-Ценский. Море (Из романа «Преображение».)
И. Соколов-Микитов. Туман. В снегах. Мертвая зыбь. Чарш. Рассказы.
Н. Тихонов. Стихи.
А. Толстой. Московские ночи. Рассказ.
И. Уткин. Гитара. Стихотворение.
Конст. Федин. Пастух. Повесть.
Д. Фурманов. Лбищенская драма. Очерк.
В. Шишков. Комар. Бакланов. Рассказы.

1927

- В. Антонов-Овсеенко. В 1917 году. Из воспоминаний.
 Н. Асеев. Стихи.
 Э. Багрицкий. Стихи.
 В. Вересаев. Заметки о Пушкине. Из детских лет. Воспоминания.
 Ф. Гладков. Старая секретная. Пьяное солнце. Повести.
 В.с. Иванов. Листья. Рассказ.
 М. И. Калинин. Десять лет СССР.
 В. Катаев. Гора. Рассказ.
 А. Луначарский. «Ревизор» Гоголя — Мейерхольда. Статья.
 А. Новиков-Прибой. Ухабы. Повесть.
 М. Пришвин. Любовь. Зеленая дверь. Романы. Нерль. Рассказ.
 И. Сельвинский. «Улялаевщина». Отрывок из поэмы.
 А. Серафимович. Дора. Отрывок из романа «Борьба».
 С. Сергеев-Ценский. Живая вода. Рассказ. В грозу. Повесть.
 И. Соколов-Микитов. Танакино счастье. Глушаки. Матросы. Рассказы.
 Н. Тихонов. Рассказ с примечанием. Из «Туркестанских стихов».
 А. Толстой. Хождение по мукам. Роман.
 И. Уткин. Милое детство. Глава из поэмы.
 М. Шагнин. Вахо. Рассказ.
 В. Шишков. Пурга. Повесть.

1928

- Э. Багрицкий. Веселые нищие. Поэма.
 Артем Веселый. Россия, кровью умытая (Отрывки из романа).
 В. Вересаев. Заметки о Пушкине. Исанка. Рассказ.
 М. Голодный. Стихи.
 М. Горький. Жизнь Клина Самгина. Роман (2-я часть трилогии «Сорок лет».)
 В. Гусев. Стихотворение.
 В. Инбер. Место под солнцем. Лирическая хроника.
 А. Караева. Дымная межа. Рассказ.
 Л. Леонов. Провинциальная история. Белая новь. Повести. Унтиловск. Пьеса.
 В.л. Лидин. Обычай ветра. Младость. Ледники. Рассказы.
 В. Луговской. Стихи.
 Н. Некрасов. Потанин. Неопубликованная повесть (с предисловием К. Чуковского).
 П. Павленко. Два короля. Азия Анатолийская (Письмо из Турции).
 А. Платонов. Приключение. Рассказ.
 В. Саянов. Стихи.
 М. Светлов. Хлеб. Поэма.
 С. Сергеев-Ценский. Поэт и чернь. Повесть.
 Г. Серебрякова. Женщины эпохи революции.
 И. Соколов-Микитов. Сын. Рассказ.
 Н. Тихонов. Река и шляпа. Рассказ. Стихи.
 А. Толстой. Хождение по мукам. Роман. Подкидные дураки. Рассказ.
 Н. Ушаков. Стихи.

1929

- Н. Асеев. Стихи.
 Э. Багрицкий. Стихи о себе.
 В. Бонч-Бруевич. Из воспоминаний о В. И. Ленине (Женевский период).
 М. Голодный. Стихи.
 В. Гусев. Стихи.
 М. Исаковский. Стихотворение.

- М. И. Калинин. К V съезду Советов СССР.
 Б. Лавренев. Белая гибель. Повесть.
 Вл. Лидин. Искатели. Роман.
 В. Луговской. Стихотворения.
 А. Малышкин. Севастополь. Повесть.
 П. Павленко. Всеобщий классик. Рассказ.
 Б. Пастернак. Из «Баллады». Из неоконченной поэмы.
 М. Пришвин. Гибель биолога Давыдова и народного учителя Автономова 5 сентября 1929 г. на реке Сулоти. Рассказ.
 Журавлиная родина. Повесть.
 Л. Сейфуллина. Выхваль. Рассказы.
 И. Соколов-Микитов. Тайфун. Дни. Дороги. Рассказы.
 Елень. Повесть.
 А. Толстой. Петр Первый. Повесть.
 О. Форш. Последняя Роза. Рассказ.

1930

- Н. Асеев. Санаторий. Повесть. Стихи.
 В. Бонч-Бруевич. Первое покушение на В. И. Ленина 1 января 1918 г.
 В. Брюсов. Неизданное стихотворение «Памяти Ленина».
 В. Иванов. Б. М. Маников и работник его Гриша. Повесть.
 М. Исаковский. Политпросвет. Стихотворение.
 М. И. Калинин. XVI съезд партии.
 Л. Леонов. Соть. Роман.
 Л. Никулин. Окружной маневр. Очерк.
 А. Новиков-Прибой. Гибель «Ослаби». Отрывок из книги «Цусима».
 Л. Сейфуллина. Письма к родине.
 С. Сергеев-Ценский. Как прячутся от времени. Рассказ.
 И. Соколов-Микитов. Заморские рассказы.
 А. Толстой. Петр Первый. Повесть.
 К. Чуковский. Судьба Николая Успенского.
 М. Шагинян. Гидроцентральный. Роман.
 В. Шишков. Бродячий цирк. Повесть.

1931

- Адалис. Записки о казахских колхозах. Очерк.
 П. Антокольский. Армия в пути. Отрывки из поэмы.
 И. Бабель. Гапа Гужева. В подвале. Рассказы.
 Э. Багрицкий. Стихотворение.
 А. Р. Вильямс. Из наблюдений иностранца (Американские сенаторы в колхозах). Очерк. Перевод с английского.
 И. Катаев. Тихий омут. Очерк.
 Б. Корнилов. Стихотворение.
 Вл. Лидин. Могила неизвестного солдата. Зимний ветер. Дождь переходит в ливень. Повести.
 Г. Ломов. О генплане электрификации. Очерк.
 А. Новиков-Прибой. Бегство. Роман.
 Б. Пастернак. Новые стихи.
 М. Пришвин. Зооферма. Очерк.
 А. Прокофьев. Стихотворения.
 И. Сельвинский. Баллада о барабанщике.
 И. Соколов-Микитов. Рассказы о походе «Седова».
 А. Толстой. Черное золото. Роман.
 К. Чуковский. Бобровка на Саре. Очерк.

1932

- Д. Бедный. Как четырнадцатая дивизия в рай шла Пьеса.
 А. Безыменский. Поэма о любви.
 П. Васильев. Рассказ о деде. Стихотворения.
 Ф. Гладков. Энергия. Роман.

- Л. Леонов. Скутаревский. Роман.
 О. Мандельштам. Стихотворения.
 А. Новиков-Прибой. Мадагаскар. Эскадра идет дальше Повесть.
 П. Павленко. Баррикады. Повесть.
 М. Пришвин. Новая Даурия. Путешествие.
 М. Шолохов. Поднятая целина. Роман.
 И. Эренбург. Хлеб наш насущный. Хроника наших дней.
 Б. Ясенский. Человек меняет кожу. Роман.

1933

- Андрей Белый. Из книги «Начало века».
 П. Васильев. Соляной бунт. Поэма.
 В. Вишневский. Оптимистическая трагедия. Пьеса.
 А. Жаров. Два стихотворения.
 Б. Иллеш. Тисса горит. Роман. Книга третья. Перевод с венгерского.
 Я. Купала. Над рекой Орессой. Поэма. Перевод с белорусского.
 А. Новиков-Прибой. «Орел» в бою. Из второй книги «Цусима». На курсе норд-ост 23°.
 Г. Серебрякова. Юность Маркса.
 А. Сурков. Стихотворение.
 Н. Рыленков. Стихотворение.
 А. Толстой. Петр Первый. Книга 2-я.
 К. Тренев. Опыт. Пьеса.

1934

- Н. Асеев. Стихи.
 Э. Багрицкий. Трактир. Поэма.
 П. Васильев. Стихи.
 А. Жаров. Два паспорта. Поэма.
 В. Иванов. Похождения факира. Роман.
 М. И. Калинин. Памяти С. М. Кирова.
 Лахути. Труд рапортует. Стихотворение. Перевод с фарси.
 А. Новиков-Прибой. Последние главы. 2-я книга «Цусимы».
 Ю. Олеша. Строгий юноша. Пьеса для кинематографа.
 А. Прокофьев. Два стихотворения.
 Л. Сейфуллина. Таня. Молодость. Рассказы.
 С. Скиталец. Дом Черновых. Главы из романа.

1935

- Ф. Гладков. Трагедия Любаши. Повесть.
 В. Вишневский. Трагедия крестьянина. Пьеса.
 В. Канторович. Чародинская дорога. Очерк.
 В. Корнилов. Моя Африка. Поэма.
 Л. Леонов. Дорога на Океан. Роман.
 Р. Самойлович. В борьбе за Арктику. Очерк.
 И. Трайнин. Пути испанской революции. Очерк.
 К. Тренев. Здесь жил Антон Чехов. Рассказ.
 К. Чичинадзе. Апология Рюна. Поэма. Перевод с грузинского.
 К. Чуковский. Илья Репин. Воспоминания.

1936

- И. Бехер. Сонеты. Перевод с немецкого.
 П. Васильев. Из «Патриотической поэмы». Принц Фома. Кулаки. Поэмы.
 Ф. Гладков. Из дневника писателя. Рассказ.
 М. Залка. Песня о солдатском отпуске. Рассказ.
 В. Иванов. Двенадцать молодцов из табакерки. Пьеса.

- Б. Корнилов. Начало земли. Изгнание. Самсон. Поэмы.
Лахути. Два ордена. Поэма. Перевод с фарси.
В. Лидин. Рубикон. Март. Рассказы.
С. Муканов. Москва моя. Из поэмы «Белый медведь».
Перевод с казахского.
П. Нилин. Человек идет в гору. Роман.
А. Прокофьев. Краевая лирика.
П. Тычина. Стихи. Перевод с украинского.

1937

- Р. Альберти. Стихотворения. Перевод с испанского.
Н. Вавилов, академик. Мое путешествие в Испанию.
М. Водопьянов, Герой Советского Союза. Мечта. Пьеса.
Ф. Гладков. Энергия. Часть третья. Роман.
М. Горький. Как поймали Семагу. Рассказ.
М. Залка. Добердо. Роман.
Н. Зубов, профессор. Большевики—завоеватели Северного полюса. Очерк.
Вс. Иванов. М. Горький в Италии. Голуби видят уходящие крейсера. Пьеса. Друзья. Рассказ.
В. Канторович. Рассказы проводника Карацупы.
В. Киришон. Большой день. Пьеса.
В. Луговской. Стихотворение.
А. Малышкин. Люди из захолустья. Роман.
А. Малышко. Стихотворение. Перевод с украинского.
П. Нилин. Золотые руки. Матвей Кузьмич. Профессор Бурденко. Рассказы.
Э. Потье. Стихотворения. Перевод с французского.
А. Пушкин. Неизданные тексты стихотворений.
Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Перевод с грузинского.
Л. Сейфуллина. Наташа. Пьеса.
И. Сельвинский. Челюскиниана. Эпопея.
А. Софронов. Казачьи песни.
С. Стальский. Дагестанские рубайи. Перевод с дагестанского.
А. Сурков. Баллада о каптенармусе. Стихи.
М. Шолохов. Тихий Дон. Роман.
Конст. Федин. Я был актером. Повесть.

1938

- М. Алигер. Победители. Стихотворение.
М. Бажан. Стихи. Перевод с украинского.
В. Билль-Белоцерковский. Дикий рейс. Рассказ.
М. Водопьянов, Герой Советского Союза. Как сбылась мечта. Очерк.
С. Дзержинская. Памяти Феликса Дзержинского. Очерк.
С. Диковский. Конец «Саго-Мару». Егор Цыганков и др. рассказы.
М. Зенкевич. Валерий Чкалов. Стихотворение.
М. Исаковский. Девушка. Песня. Стихотворения.
М. Кольцов. Испанский дневник.
О. Котовская. Воспоминания о Котовском. Очерк.
Б. Лавренев. Выстрел с Невы. Рассказ.
Л. Леонов. Половчанские сады. Пьеса.
В. Лидин. Ваня. Апрель. Рассказы.
Л. Мартынов. Стихотворения.
М. Матусовский. Стихи.
А. Недогонов. Каска. Стихотворение.
К. Паустовский. Маршал Блюхер. Очерк.
А. Первенцев. Иван Кочубей. Очерк.
Л. Первомайский. Стихотворение памяти Матэ Залка.
Перевод с украинского.
А. Платонов. Ольга. Рассказ.
В. Рождественский. Стихотворение.
М. Рыльский. Стихотворение. Перевод с украинского.

К. Симонов. Стихотворение.
 А. Толстой. Хлеб. Повесть.
 Леся Украинка. Стихи. Перевод с украинского.
 М. Шолохов. Тихий Дон. Роман. Продолжение.
 И. Эренбург. Янек. Ветер ночью. Рассказы.

1939

В. Бредель. Комиссар Рейнской армии. Перевод с немецкого.
 В. Визе. Последний путь Г. Я. Седова (Из дневников участников экспедиции).
 М. Горький. Праздник шиитов. Очерк.
 С. Диковский. Бери-Бери. Комендант Птичьего острова и др. рассказы.
 Е. Долматовский. Стихи.
 А. Исаакян. Мгер из Сасуна. Перевод с армянского.
 А. Каплер, Т. Златогорова. Ленин. Киносценарий.
 В. Коккинаки. Курс на Восток. Очерк.
 А. Корнейчук. Богдан Хмельницкий. Пьеса. Перевод с украинского.
 Л. Леонов. Волк (Бегство Сандукова). Пьеса.
 В. Молоков, Герой Советского Союза. Через всю Арктику. Очерк.
 М. Пришвин. Лисичкин хлеб. Книга рассказов.
 К. Симонов. Дорожные стихи.
 В. Ставский. Рассказы о героях.
 А. Толстой. Путь к победе. Пьеса.
 Г. Фиш. Вредная черепашка и теленомус. Очерк.
 Коста Хетагуров. Завещание. Песня бедняка. Горе. Тревога. Мать сирот. Стихи. Перевод с осетинского.
 Т. Шевченко. Сон. Поэма. Перевод с украинского.

1940

А. Антоновская. Великий Моурави. Роман.
 В. Василевская. Грохот шагов. Рассказ. Перевод с польского.
 В. Вересаев. Невыдуманные рассказы о прошлом.
 Людас Гира. Братьям латышам. Перевод с литовского.
 М. Голодный. Стихотворения.
 А. Горький. Пропагандист. Пьеса. Из архива А. М. Горького.
 Жангар. Калмыцкий народный эпос. Перевод с калмыцкого.
 Н. Зубов, профессор. Дрейф ледокола «Георгий Седов» и Северный морской путь. Очерк.
 Д. Ибаррури. И они не покорились. Предисловие к очерку «Памяти погибших писателей».
 М. Исаковский. Стихи.
 М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании (Доклад на собрании партийного актива гор. Москвы 2 октября 1940 года).
 Вл. Лидин. Дорога на Запад. Рассказы.
 П. Нилин. О любви. Повесть.
 А. Новиков-Прибой. Броненосец «Ушаков».
 М. Пришвин. Фиделия. Поэма. Лесная капля.
 А. Сурков. Стихи.
 М. Танк. Стихотворения. Перевод с белорусского.
 А. Твардовский. Стихотворения.
 А. Толстой. Хмурое утро. Третья часть романа «Хожение по мукам».
 Конст. Федин. Санаторий Арктур. Роман.
 М. Шолохов. Тихий Дон. Роман. Окончание.

1941

В. Брехт. В третьей империи. Очерк. Перевод с немецкого.
 Ф. Гладков. Березовая роща. Повесть.

- М. Горький. Горемыка Павел. Повесть. Рассказы.
 Ю. Жуков. Партизаны. Очерк.
 Б. Изаков. Европа под бомбами. Очерк.
 М. Исаковский. Стихи.
 В. Каверин. Сила сильных.
 В. Казин. Лирические стихи.
 М. И. Калинин. Отечественная война советского народа против немецких захватчиков.
 А. Караваева. На горе Маковце. Историческая повесть.
 В. Лацис. Рассказы. Перевод с латышского.
 Л. Леонов. Путевые заметки.
 А. Мицкевич. Стихотворения. Перевод с польского.
 А. Недогонов. Фронтные стихи.
 Ф. Панферов. Своими глазами. Повесть.
 С. Сергеев-Ценский. Матрос Чистозвонов. Новелла. Народ-герой. Очерк.
 К. Симонов. С тобой и без тебя (Лирический дневник).
 Л. Соболев. Ночь летнего солнцестояния. Топовый узел. Рассказы.
 В. Ставский. Война. Пьеса. Все для Родины. Очерк.
 А. Сурков. Стихи.
 Н. Тихонов. Стихотворение.
 А. Толстой. Хмурое утро. Роман.
 Конст. Федин. Двадцатые годы (Из книги «Горький среди нас»).
 И. Франко. Стихи. Перевод с украинского.
 А. Хамадан. Люди Западного фронта. Очерк.
 С. Щипачев. Стихи.

1942

- С. Алымов. Стихи.
 Д. Бедный. Стихи.
 Е. Варга. Что такое фашистский «новый порядок» в Европе. Очерк.
 Ф. Гладков. Мать. Повесть.
 Н. Замошкин. Родина — большое слово. Очерк.
 В. Инбер. Женщине Ленинграда. Стихи.
 С. Кирсанов. Поэма фронта.
 В. Кирпотин. Сердце русского. Очерк.
 В. Кожевников. Март-апрель. Рассказ.
 А. Корнейчук. Партизаны в степях Украины. Пьеса. Перевод с украинского.
 В. Лебедев-Кумач. Стихи.
 Л. Леонов. Нашествие. Пьеса.
 Ф. Панферов. Рука отяжелела. Повесть.
 А. Первенцев. Испытание. Роман.
 С. Сергеев-Ценский. Брусиловский прорыв. Исторический роман.
 К. Симонов. Единственный сын. Рассказ.
 Л. Славин. Мои земляки. Повесть.
 Л. Соболев. Морская душа и др. рассказы.
 А. Софронов. Шкатулка. Рассказ.
 А. Сурков. Стихи о дружбе.
 П. Тычина. Стихотворение. Перевод с украинского.
 А. Упит. Сала, масла, яиц! Повесть. Перевод с латышского.
 А. Ферсман, академик. Война и стратегическое сырье. Очерк.
 И. Эренбург. Зрелость. Очерк.
 А. Яшин. Стихотворение.

1943

- П. Бажов. Иванко Крылатко и др. сказы.
 Ф. Гладков. Об А. С. Серафимовиче. Очерк.
 В. Инбер. Пулковский меридиан. Поэма.
 А. Караваева. Огни. Роман.
 А. Крон. Глубокая разведка. Пьеса.

- А. Кулешов. Баллада о четырех заложниках. Перевод с белорусского.
 Б. Лавренев. Чайная роза. Рассказ.
 В. Лебедев-Кумач. Стихи.
 Л. Леонов. Ленушка. Народная трагедия.
 И. Майский. Перед бурей. Отрывки из воспоминаний.
 С. Михалков. Стихотворения.
 Ф. Панферов. Люди Урала. Очерк.
 Д. Б. Пристли. Затемнение в Грэтли. Повесть. Перевод с английского.
 Н. Рыленков. Отец. Стихи.
 Л. Соловьев. Иван Никулин — русский матрос. Повесть.
 А. Твардовский. Бойцу Западного фронта. Стихи.
 А. Толстой. Нечистая сила. Комедия. Мой путь. Очерк.
 С. Эйзенштейн. Иван Грозный. Киносценарий.

1944

- П. Бажов. Новые сказы.
 А. Бек. У взорванных печей. Очерк.
 П. Бровка. Беларусь. Поэма. Перевод с белорусского.
 С. Васильев. На Урале. Поэма.
 Ю. Герман. Студеное море. Повесть.
 С. Гудзенко. Стихи.
 П. Игнатов. Записки партизана.
 В. Катаев. Отчий дом. Пьеса.
 Лахути. Сказание о Мардистане. Поэма. Перевод с фарси.
 Л. Леонов. Взятие Великошумска. Повесть.
 С. Маршак. Двенадцать месяцев. Драматическая сказка.
 А. Новиков-Прибой. Капитан 1-го ранга. Роман.
 Л. Ошанин. Мой друг Борис. Роман в стихах.
 Н. Рыленков. Новая весна. Поэма.¹
 С. Сергеев-Ценский. Пушки выдвигают. Исторический роман.
 Л. Соловьев. Севастопольский камень. Рассказ.
 Н. Тихонов. Отечественная война и советская литература. Очерк.
 А. Толстой. Петр I. Книга третья.
 В. Тушнова. Стихотворения.
 Конст. Федин. Свидание с Ленинградом. Записки 1944 года.
 И. Эренбург. Конец гетто и др. рассказы. Слово — оружие. Очерк.

1945

- Обращение И. В. Сталина к народу.
 М. Алигер. Сказка о правде. Пьеса.
 Л. Арагон. Стихи. Перевод с французского.
 В. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин и Библиотека Академии наук. Очерк.
 И. Ефремов. Алмазная труба и др. рассказы.
 Вс. Иванов. Под Берлином, у Галльских ворот. Рассказ.
 С. Кирсанов. 9 мая 1945 года. Стихотворение.
 Л. Леонов. Победа!
 С. Маршак. Из Вильяма Шекспира. Сонеты.
 Б. Мейлах. Ленин в «Толстовские дни» 1910 г. Очерк.
 К. Паустовский. Далекое годы. Повесть о детстве.
 А. Платонов. Никита. Рассказ.
 Д. Б. Пристли. Трое в новых костюмах. Повесть. Перевод с английского.
 Ю. Тувим. Стихи. Перевод с польского.
 Конст. Федин. Первые радости. Роман.
 М. Шагинян. Письма из Закавказья. Челябинские колхозы. Очерк.

1946

- Л. Арагон. Падение и величие французов. Рассказ. Перевод с французского.
 Н. Асеев. Переводы из Адама Мицкевича.

- В. Василевская. Барвинок. Рассказ. Перевод с польского.
- С. Васильев. Сибирская зима. Стихи.
- Е. Воробьев. Однополчане. Рассказ.
- Б. Галин. В Донбассе. Очерк.
- А. Караваева. Люди и встречи. Весенний шум. Роман.
- В.с. Иванов. При взятии Берлина. Роман.
- В.л. Лидин. Рассказы.
- М. Луконин. Пришедшим с войны. Стихотворение.
- С. Маршак. Переводы из Роберта Бернса.
- А. Межиров. Стихи.
- Ю. Нагибин. Трудная дорога. Рассказ.
- С. Наровчатов. Костер. Стихотворение.
- К. Паустовский. Воронежское лето. Из дневника.
- А. Саксе. Порка. Рассказ. Перевод с латышского.
- Л. Сейфуллина. На своей земле. Повесть. Человек (К 10-летию со дня смерти А. М. Горького). Очерк.
- А. Твардовский. Я убит подо Ржевом. Стихи.
- А. Ферсман, академик. Жизнь камня. Очерк.
- Ю. Фучик. Репортаж с петлей на шее. Перевод с чешского.
- С. Юткевич. Встречи во Франции. Из дневника кинорежиссера.

1947

- В. Василевская. Встреча. Рассказ. Перевод с польского.
- Б. Галин. В одном населенном пункте (Рассказ пропагандиста).
- О. Гончар. Знаменосцы. Роман. Перевод с украинского.
- С. Гудзенко. Баллады.
- Н. Заболоцкий. Творцы дорог. Поэма.
- М. Зощенко. Никогда не забудем. Рассказы.
- Е. Кригер. Столица мира (К 800-летию Москвы). Очерк.
- А. Недогонов. Флаг над сельсоветом. Поэма.
- Е. Петров. Остров мира. Пьеса.
- А. Родимцев, дважды Герой Советского Союза. Воспоминания капитана республиканской армии.
- И. Сельвинский. За что я родину люблю. Стихотворение.
- К. Симонов. Дым отечества. Повесть.
- Конст. Федин. Необыкновенное лето. Роман.
- А. Федоров, дважды Герой Советского Союза. Подпольный обком действует.
- Ч. Чаплин. Комедия убийств. Киносценарий. Перевод с английского.
- И. Эренбург. Буря. Роман.

1948

- В. Андреев. Народная война (Из дневника брянского партизана).
- В. Инбер. Путь воды. Поэма.
- А. Кулешов. Новое русло. Поэма. Перевод с белорусского.
- С. Наровчатов. Стихи.
- С. Нерис. Стихи. Перевод с литовского.
- Ш. Петефи. Стихотворение. Перевод с венгерского.
- Е. Руднева, Герой Советского Союза. Из дневника комсомолки.
- А. Саксе. В гору. Роман. Перевод с латышского.
- К. Симонов. Из стихов о Японии.
- А. Сурков. Зоя и др. стихи.
- Ю. Фучик. Рассказ полковника Бобунова о затмении луны. Перевод с чешского.

1949

- П. Бровка. Стихи. Перевод с белорусского.
- Е. Буков. Моя республика. Поэма. Перевод с молдавского.

- Р. Гамзатов. Стихотворения. Перевод с аварского.
 Ф. Гладков. Повесть о детстве.
 О. Гончар. Злата Прага. Роман. Перевод с украинского.
 Г. Гулиа. Добрый город. Повесть.
 А. Жаров. Гибель Пушкина. Стихотворение.
 В. Каверин. Открытая книга. Роман.
 В. Катаев. За власть Советов. Роман.
 В. Кожевников. Огненная река. Пьеса.
 А. Кулешов. Простые люди. Поэма. Перевод с белорусского.
 П. Неруда. Из книги «Всеобщая песнь». Стихи. Перевод с испанского.
 К. Паустовский. Наш современник (Пушкин). Пьеса.
 А. Софронов. Карьера Бекетова. Пьеса.
 А. Твардовский. Памяти Ленина. Стихотворение.
 Н. Тихонов. Ночь в Смольном. Стихотворение.
 А. Яшин. Алена Фомина. Повесть в стихах.

1950

- А. Винтер, академик. Во имя коммунизма. Очерк.
 Самед Вургун. Мугань. Из поэмы. Перевод с азербайджанского.
 Ф. Гладков. Вольница. Повесть.
 О. Гончар. Жаворонок и др. рассказы. Перевод с украинского.
 С. Гудзенко. Поэма о пехотинце.
 Г. Гулиа. Черные гости. Историческая повесть.
 М. Исаковский. Стихи.
 Ю. Капусто. Хлеборобы. Очерк.
 А. Корнейчук. Калиновая роща. Пьеса. Перевод с украинского.
 М. Луконин. Ленин. Стихотворение. Дорога к миру. Поэма.
 С. Маршак. Из Роберта Бернса.
 Ю. Нагибин. Покупка коня. Рассказ.
 С. Наровчатов. Стихотворение.
 П. Неруда. Наш долг (Речь, произнесенная на заседании американского континентального конгресса борьбы за мир в сентябре 1949 года).
 А. Сурков. Стихи.
 А. Твардовский. 22 июня 1941 года. Стихи. На хуторе в Тюре-фиорде. Очерк.
 Ю. Трифонов. Студенты. Повесть.
 Г. Фиш. Лес в степи. Очерк.
 Н. Хикмет. Стихи. Перевод с турецкого.
 Г. Эмин. Стихи. Перевод с армянского.

1951

- М. Алигер. Красивая Мэча. Поэма.
 С. Антонов. Дожди. Рассказ.
 А. Бек. Новый профиль. Повесть.
 К. Ваншенкин. Стихи.
 В. Василевская. Реки горят. Роман. Перевод с польского.
 Е. Воробьев. Высота. Роман.
 П. Воронько. Стихи. Перевод с украинского.
 В. Горбатов. Донбасс. Роман.
 В. Инбер. Новые стихи.
 Эм. Казакевич. Старые знакомые. Очерк.
 М. Матусовский. Стихи.
 Н. Носов. Витя Малеев в школе и дома. Повесть.
 П. Павленко. Неопубликованный рассказ.
 Л. Первомайский. Современные баллады. Перевод с украинского.
 М. Пришвин. Заполярный мед. Очерк.
 Я. Смеляков. Стихи о дружбе.
 А. Стилль. «Сена» выходит в море. Рассказ. Перевод с французского.

- А. Твардовский. Из лирики.
 В. Федоров. Кузнечные сталевары. Очерк.
 А. Яшин. Стихи.

1952

- С. Антонов. Первая должность. Рассказ.
 К. Ваншенкин. Стихи.
 В. Василевская. В Вене. Очерк. Перевод с польского.
 Н. Гильен. Стихи. Перевод с испанского.
 Н. Грибачев. Стихи.
 В. Гроссман. За правое дело. Роман.
 С. Залыгин. Второе действие. Рассказ.
 Ю. Нагибин. Трубка. Быль.
 В. Овечкин. Районные будни. В одном колхозе. Очерки.
 Ю. Рытхэу. Рассказы.
 К. Симонов. Товарищи по оружию. Роман.
 А. Силь. Первый удар. Роман. Перевод с французского.
 Н. Хикмет. Легенда о любви. Драматическая поэма. Перевод с турецкого.

1953

- И. Вехер. Стихи. Перевод с немецкого.
 Е. Винокуров. Стихотворения.
 Ф. Гладков. О культуре речи. Очерк.
 С. Залыгин. Ответ. Рассказ.
 М. Исаковский. В тихом поле, в спелом жите. Стихотворение.
 Э.м. Казакевич. Сердце друга. Повесть.
 В. Панова. Времена года. Роман.
 Д. Родари. Стихи. Перевод с итальянского.
 А. Твардовский. За далью — даль. Поэма.
 В. Тендряков. Падение Ивана Чупрова. Очерк.
 Г. Троепольский. Из записок агронома.

1954

- П. Антокольский. В переулке за Арбатом. Поэма.
 С. Антонов. Новый сотрудник. Рассказ.
 О. Верггольц. Поездка прошлого года. Очерк.
 К. Ваншенкин. Сердце матери. Поэма.
 Я. Галан. О чем нельзя забыть. Очерк. Перевод с украинского.
 Ф. Гладков. Лихая година. Повесть.
 О. Гончар. Пусть горит огонек. Повесть. Перевод с украинского.
 В. Горбатов. Прощание. Из второй книги романа «Донбасс».
 С. Залыгин. Весной нынешнего года. Очерк.
 Из китайской классической поэзии.
 А. Корнейчук. Крылья. Пьеса. Перевод с украинского.
 А. Малышко. Из «Книги братьев». Перевод с украинского.
 С. Михалков. Дядя Степа милиционер. Поэма.
 В. Овечкин. В том же районе. Очерк.
 Л. Первомайский. На крутых берегах. Поэма. Перевод с украинского.
 М. Пришвин. Корабельная чаща. Повесть-сказка. Завлекающий рассказ.
 С. С. Смирнов. Сталинград на Днепре. Очерк.
 В. Тендряков. Не ко двору. Повесть. Ненастье. Очерк.
 Ю. Тувим. Из цикла стихов «Цветы Польши». Перевод с польского.
 В. Щербина. В. И. Ленин и проблемы народности литературы. Статья.

1955

- Х. К. Андерсен. «Болотные огни в городе!» Сказка. Перевод с датского.
 М. Важан. Из цикла «Мицкевич в Одессе». Стихи.

- И. Бунин. Рассказы и очерки.
 Е. Винокуров. Стихи.
 Б. Горбатов. Алексей Гайдаш. Повесть.
 Д. Гранин. Беспокойные люди. Очерк.
 Н. Грибачев. У наших знакомых. Поэма.
 Н. Дубов. Сирота. Повесть.
 Е. Евтушенко. Из новой книги. Стихи.
 А. Исаакян. Стихи. Перевод с армянского.
 П. Лепешинский. Встречи с Владимиром Ильичем.
 Очерк.
 М. Луконин. Его любовь (Из поэмы).
 А. Мицкевич. Баллада и стихотворения. Перевод с польского.
 С. Муканов. На целине. Очерк.
 Ю. Нагибин. Новый председатель. Очерк.
 П. Нилин. Жучка. Рассказ.
 В. Панова. Сережа. Повесть.
 К. Паустовский. Беспокойная юность. Повесть.
 Н. Погодин. Мы втроем поехали на целину. Героическая комедия.
 К. С. Причард. Рождественские деревья. Рассказ. Перевод с английского.
 А. Прокофьев. Юность. Поэма.
 А. Рыбаков. Екатерина Воронина. Роман.
 К. Симонов. Бессмертный гарнизон. Киносценарий.
 У. Уитмен. Из «Листьев травы». Стихи. Перевод с английского.
 Г. Фиш. Мечта и подвиг. Очерк.

1956

- К. Алабян. Архитектура и жизнь. Очерк.
 И. Андроников. Тагильская находка. Из писем Карамзиных.
 А. Бек. Жизнь Бережкова. Роман.
 Б. Брехт. Господин Пунтила и его слуга Матти. Народная комедия. Перевод с немецкого.
 А. Р. Вильямс. Встречи с Лениным. Очерк. Перевод с английского.
 Д. Гулиа. Ленин с нами. Стихи. Перевод с абхазского.
 С. Капутикян. Стихи. Перевод с армянского.
 В. Овечкин. Трудная весна. Об инициативе и талантах. Очерки.
 Ф. Панферов. Недавнее прошлое. Повесть.
 Б. Пастернак. Из лирики.
 Переписка А. М. Горького с М. Е. Кольцовым. Публикация Архива А. М. Горького.
 Д. Рид. Десять дней, которые потрясли мир (Фрагменты из книги). Перевод с английского.
 Н. Рыленков. Стихи.
 П. Севак. Стихи. Перевод с армянского.
 Т. Табидзе. Стихи. Перевод с грузинского.
 Н. Хикмет. Лирика. Перевод с турецкого.
 С. Чекмарев. Из трех тетрадей.
 С. Щипачев. Березовый сок. Повесть.

1957

- И. Абашидзе. Стихи. Перевод с грузинского.
 М. Ауэзов. Так рождался «Туркестан». Очерк. Перевод с казахского.
 Э. Багрицкий. Освобождение. Стихи.
 Д. Д. Бернал, профессор. Пробуждение мира. Очерк. Перевод с английского.
 П. Вершигора. Эстафета поколений. Очерк.
 М. Залка. Новогоднее слово. Челюскинская эпопея как литературная тема. Очерки.
 С. Залыгин. Высокая цель. Очерк.

- Л. Иванов. Сибирские встречи. Из записок журналиста.
 А. Караваева. Что питает таланты. Очерк.
 Г. Кржижановский, Герой Социалистического Труда, академик. Мечты и борьба. Очерк.
 Б. Лавренев. Моему юному другу... Очерк.
 С. Маршак. Из Роберта Браунинга. Перевод с английского.
 В. Незвал. Эдисон. Из поэмы. Перевод с чешского.
 П. Павленко. Кавказская повесть.
 Б. Полевой. О самом заветном. Очерк.
 Н. Семенов, академик, лауреат Нобелевской премии. Дерзание в творчестве. Очерк.
 В. Солоухин. Владимирские проселки.
 Н. Тихонов. Рассказы о Бетале Калмыкове.

1958

- Ч. Айтматов. Джамля. Повесть. Перевод с киргизского.
 А. Вознесенский. Стихи.
 Я. Гашек. Рассказы. Перевод с чешского.
 С. Голубов. Птицы летят из гнезд. Роман.
 М. Горький. С Всероссийской выставки. Публикация.
 Е. Дорош. Два дня в Райгороде. Из деревенского дневника.
 С. Залыгин. Без перемен. Рассказ.
 Р. Казакова. Стихи.
 Г. Марягин. Большая руда. Очерк.
 В. Овечкин. Навстречу ветру. Сцены из деревенской жизни.
 И. Осипов. У нефтяников Татарии. Очерк.
 В. Панов. Лес в степи Казахстана. Очерк.
 В. Панова. Сентиментальный роман.
 Рудаки. Стихи. Перевод с таджикского.
 Л. Славин. По ту сторону холма. Повесть.
 А. Твардовский. Из лирики разных лет (1936—1958).
 А. Фадеев. Лётный день. Очерк.

1959

- А. Анфиногенов. На двух полюсах. Очерк.
 Г. Бакланов. Пядь земли. Повесть.
 А. Бек. Марш семилетки. Очерк.
 О. Берггольц. Поход за Невскую заставу.
 П. Вершигора. Рейд на Сан и Вислу. Очерк.
 Е. Воробьев. Взгляд в будущее. Очерк.
 Е. Драбкина. Черные сухари.
 Зульфийа. Стихи. Перевод с узбекского.
 Л. Иванов. Когда сеять? Очерк.
 Эм. Казакевич. В столице Черной Металлургии. Очерк.
 Б. Кербабаев. Стихи. Перевод с туркменского.
 Б. Лавренев. В канун праздника. Глава из романа.
 В. Липатов. Капитан «Смелого». Повесть.
 А. Марьямов. Идем на Восток. Очерк.
 Л. Первомайский. Рассказы. Перевод с украинского.
 К. С. Причард. Иоримба. Рассказ. Перевод с английского.
 М. Танк. Стихи. Перевод с белорусского.
 А. Твардовский. Заметки с Ангары. Очерк.

1960

- С. Антонов. Аленка. Повесть.
 М. Ауэзов. Серый Лютый. Рассказ. Перевод с казахского.
 А. Ахматова. Новые стихи.
 С. Бирюзов. Маршал Советского Союза. Летопись мужества и героизма. Очерк.
 М. Галлай. Через невидимые барьеры. Из записок летчика-испытателя.

- Н. Гильен. Ленин. Стихотворение. Перевод с испанского.
 М. Горький. О единице. Очерк.
 Н. Дубов. Жесткая проба. Повесть.
 Е. Зозуля. Рассказы о Ленине.
 В. Каверин. Кусок стекла. Рассказы из книги «Неизвестный друг».
 С. Капутикян. Раздумья на полпути. Поэма. Перевод с армянского.
 Д. Максимович. Стихи разных лет. Перевод с сербско-хорватского.
 С. Маршак. В начале жизни. Страницы воспоминаний.
 Н. Мельников. День на далекой стройке. Очерк.
 В. Овечкин. Время пожинать плоды... Пьеса.
 К. Свердлова (Новгородцева). Яков Михайлович Свердлов.
 Н. Семашко. Многогранность и целеустремленность Ильича.
 А. Твардовский. За далью — даль. Заключительные главы.
 В. Тендряков. Тройка, семерка, туз. Повесть.
 М. Фофанова. Как рождался декрет о земле. Очерк.
 И. Эренбург. Люди, годы, жизнь.

1961

- М. Алигер. Из лирики.
 Ч. Айтматов. Верблюжий глаз. Рассказ. Перевод с киргизского.
 О. Берггольц. Возвращение. Из писем с дороги. Стихи.
 Н. Верховский. На новых землях. Вторая целина. Очерк.
 Г. Владимов. Большая руда. Повесть.
 Е. Дорош. Сухое лето. 1960.
 С. Залыгин. Писатель и Сибирь. Очерк.
 Эм. Казакевич. При свете дня. Рассказ.
 А. Кешоков. Стихи. Перевод с кабардинского
 К. Кулиев. Глаза матерей. Стихи. Перевод с балкарского.
 В. Липатов. Стрежень. Повесть.
 В. Панова. Проводы белых ночей. Пьеса.
 А. Прокофьев. Стихи.
 М. Танк. Из книги «Мой хлеб насущный». Стихи. Перевод с белорусского.
 А. Твардовский. На подвиг века. Стихи.
 В. Тендряков. Суд. Повесть.
 Конст. Федин. Костер. Роман.
 Э. Хемингуэй. Банальная история. Могила матери. Ранние рассказы. Перевод с английского.

1962

- Ч. Айтматов. Первый учитель. Повесть. Перевод с киргизского.
 В. Аксенов. На полпути к луне. «Папа, сложи!». Рассказы.
 Ю. Бондарев. Тишина. Роман.
 И. Грекова. За проходной. Рассказ.
 С. Залыгин. Тропы Алтая. Роман.
 А. Зегерс. Свет на виселице. Карибская история из времен французской революции. Перевод с немецкого.
 В.с. Иванов. Хмель, или Навстречу осенним птицам.
 И. Майский, академик. Первые шаги посла.
 С. Маршак. Из Вильяма Блейка. Стихи.
 Н. Матвеева. Из лирики.
 Э. Межелайтис. Стихи. Перевод с литовского.
 И. Осипов. Разведчики сибирской нефти. Очерк.
 К. Паустовский. Дорожные записи.
 Р. Пересветов. Одна из шести. Из истории ленинских рукописей. Очерк.
 Е. Тарле. Бородино. Очерк.

- Э. Хемингуэй. Мотылек и Танк. Рассказ. Перевод с английского.
 Антуан де Сент-Экзюпери. Письмо заложнику. Перевод с французского.
 А. Яшин. Вологодская свадьба. Рассказ.

1963

- Начало пути. Автобиографические высказывания В. И. Ленина (1886—1893). В канун рождения партии. Автобиографические высказывания В. И. Ленина (1893—1900). От Февраля к Октябрю. Автобиографические высказывания В. И. Ленина (Март—Октябрь 1917 года). Годы «Искры». Автобиографические высказывания В. И. Ленина (1900—1903). Обзоры составлены Б. Яковлевым.
 Ч. Айтматов. Материнское поле. Повесть. Перевод с киргизского.
 А. Ахматова. Из новых стихов.
 М. Галлай. Испытано в небе. Записки летчика-испытателя. Вторая книга.
 Р. Гамзатов. Стихи. Перевод с аварского.
 В. Гроссман. Несколько печальных дней. Рассказ.
 Л. Гурунц. Карабах, край родной. Очерк.
 Л. Иванов. В родных местах. Очерк.
 В. Кин. Лилль. Из неоконченного романа о первой мировой войне.
 Д. Кугультинов. Стихи. Перевод с калмыцкого.
 К. Кулиев. Стихи. Перевод с балкарского.
 В. Липатов. Черный Яр. Повесть.
 М. Луконин. Стихи.
 В. Сергеев. Снова на Чукотке. Очерк.
 Д. Стейнбек. Рассказы. Перевод с английского.
 А. Твардовский. Теркин на том свете. Поэма.
 В. Тендряков. Рассказы радиста.
 Г. Троепольский. В камышах. Из тетрадей охотника.
 В. Шукшин. Они с Катуня. Рассказы.
 М. Щеглов. Студенческие тетради.
 С. Щипачев. Стихи.

1964

- А. Ахматова. Из трагедии «Пролог, или Сон во сне».
 Ю. Бондарев. Двое. Вторая книга романа «Тишина».
 А. Горбатов, генерал армии. Годы и войны (Страницы воспоминаний).
 Д. Кугультинов. Из цикла «Жизнь и размышления». Стихи. Перевод с калмыцкого.
 В. Липатов. Чужой. Повесть.
 С. Маршак. Лирические эпиграммы. Стихи.
 Э. Межелайтис. Из новой книги. Стихи. Перевод с литовского.
 В. Панова. Из американских встреч. Рабочий поселок. Киносценарий.
 П. Панченко. Стихотворение. Перевод с белорусского.
 В. Розов. В день свадьбы. Драма.
 А. Рыбаков. Лето в Сосняках. Роман.
 М. Рыльский. Стихи. Перевод с украинского.
 М. Светлов. Стихотворения.
 Л. Славин. Неудобная жертва. Рассказ.
 А. Сурков. Великий kobзaрь Украины. Стихи.
 Т. Шевченко. Заповіт. Завещание. Перевод с украинского.
 В. Шукшин. Рассказы.

1965

- М. Алигер. Чилийское лето. Очерк.
 В. Бережков. На рубеже мира и войны. С дипломатической миссией в Берлине (1940—1941).

- М. Булгаков. Театральный роман.
 Е. Дорош. Поездка в Любогостицы (Из дневника).
 Е. Евтушенко. Баллада о браконьерстве.
 М. Карим. Из лирики. Перевод с башкирского.
 И. Конев, Маршал Советского Союза. Сорок пятый год. Страницы воспоминаний.
 И. Майский, академик. Борьба за второй фронт. Из записок посла.
 Б. Пастернак. Памяти Марины Цветаевой (Отрывок). Стихи. Освобожденный город. Поездка в армию. Очерки.
 И. Соколов-Микитов. Страничка прошлого.
 Дж. Д. Сэлинджер. Выше стропила, плотники! Повесть. Хорошо ловится рыбка-бананка. Рассказ. Перевод с английского.
 В. Тендряков. Подёнка — век короткий. Повесть.
 Конст. Федин. Костер. Роман. Книга вторая.
 М. Цветаева. Стихи.

1966

- Ч. Айтматов. Прощай, Гульсары! Повесть.
 И. Исаков. Из давних былей.
 Ф. Искандер. Созвездие Козлотура. Повесть.
 Т. Капоте. Лесная арфа. Повесть. Перевод с английского.
 В. Катаев. Святой колодец.
 В. Панова. Сколько лет, сколько зим! Пьеса.
 Р. Рза. Стихи. Перевод с азербайджанского.
 Л. Славин. Предвестие истины. Рассказ.
 Ю. Трифонов. Вера и Зойка. Был летний полдень. Рассказы.
 Ю. Тынянов. Из записных книжек.
 А. Федоров, полковник запаса. Защищая Москву... Очерк.

1967

- М. Алигер. Стихи.
 В. Арманд. Живая нить (Из воспоминаний и переписки с Н. К. Крупской).
 В. Астафьев. Ясным ли днем. Рассказ.
 Р. Гамзатов. Мой Дагестан. Перевод с аварского.
 П. Я. Гуров, В. Н. Шульгин. Всесоюзный староста. Воспоминания о М. И. Калинин.
 И. Дажина. «В водовороте новой России». Письма А. М. Коллонтай В. И. Ленину и Н. К. Крупской в Швейцарию.
 В. Емельянов, Герой Социалистического Труда, член-корреспондент Академии наук СССР. О времени, о товарищах, о себе. Записки инженера.
 А. Ерикеев. Стихотворение. Перевод с татарского.
 С. Залыгин. Соленая Падь. Роман.
 А. Зегерс. Тот самый голубой цвет. Рассказ. Перевод с немецкого.
 Л. Иванов. Новые времена — новые заботы. Очерк.
 Ф. Искандер. Колчерукий. Рассказ.
 М. Карим. Стихи. Перевод с башкирского.
 В. Катаев. Трава забвенья.
 Д. Кедрин. Стихи.
 Д. Кугультинов. Из новых стихов. Перевод с калмыцкого.
 К. Кулиев. Из книги «Кизилловый отсвет». Стихи. Кузнец. Глава из поэмы. Перевод с балкарского.
 В. Лихоносов. Родные. Рассказ.
 Ю. Марцинкявичюс. Стена. Поэма города. Перевод с литовского.
 С. Наровчатов. Из новых стихов.
 И. Соколов-Микитов. Из записной книжки.
 А. Сурков. Стихотворение.
 М. Танк. Листки календаря. Очерк. Перевод с белорусского.
 Конст. Федин. Костер. Роман. Книга вторая.

1968

- И. Абашидзе. Новые стихи. Перевод с грузинского.
 Ф. Абрамов. Две зимы и три лета. Роман.
 Б. Ахмадулина. Стихи.
 В. Быков. Атака с ходу. Повесть. Перевод с белорусского.
 Д. Вааранди. Стихи. Перевод с эстонского.
 Д. Драгунский, дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант танковых войск. В конце войны. Очерк.
 Ю. Друнина. Стихи.
 М. Исаковский. Стихотворения.
 М. Квливидзе. Стихи. Перевод с грузинского.
 М. Кемпе. Стихотворение. Перевод с латышского.
 Н. Крылов, дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза. В боях за Одессу. Очерк.
 В. Лихоносов. На улице Широкой. Повесть.
 А. Марьямов. Североморцы. Очерк.
 С. Нерис. Стихи разных лет (1926—1943). Перевод с литовского.
 В. Овечкин. Невыдуманные очерки.
 Письма трудящихся В. И. Ленину (1917—1919). Публикация И. Браинина.
 Р. Рза. Стихотворение. Перевод с азербайджанского.
 В. Семин. В сорок втором. Из воспоминаний.
 И. Соколов-Микитов. Звуки земли.
 Ю. Трифонов. Самый маленький город. Голубиная гibelь. Рассказы.
 Р. П. Уоррен. Вся королевская рать. Роман. Перевод с английского.
 В. Шукшин. Из детства Ивана Попова. Рассказы.

1969

- И. Абашидзе. Стихи. Перевод с грузинского.
 Ф. Абрамов. Пелагея. Повесть.
 Айбек. Из лирики. Перевод с узбекского.
 П. Антокольский. Стихи.
 А. Бек. Такова должность. Очерк.
 П. Виноградская. Сердце, отданное народу. К столетию со дня рождения Н. К. Крупской. Очерк.
 М. Гефтер. Из истории ленинской мысли.
 Из писем В. И. Ленину (1920—1921). Публикация И. Браинина.
 Е. Дорош. Иван Федосеевич уходит на пенсию. Деревенский дневник. 1961.
 Л. Иванов. Мартовские всходы. Очерк.
 М. Исаковский. На Ельнинской земле. Автобиографические страницы.
 Н. Каменева. Товарищ главковерх. Из воспоминаний о Сергее Сергеевиче Каменеве. Очерк.
 А. Побожий. Сквозь северную глушь. Очерк.
 И. Соколов-Микитов. У синего моря. Из записок старого охотника.
 А. Твардовский. С Карельского перешейка. Записи 1939—1940 гг.
 Ю. Трифонов. Обмен. Повесть.
 А. Цейтлин, профессор. Ленин и большевистские публицисты.
 В. Шукшин. В селе Чебровка. Рассказы.
 Лао Шэ. Записки о Кошачьем городе. Повесть. Перевод с китайского.
 А. Яшин. Сладкий остров. Рассказ.

1970

- Ф. Абрамов. Деревянные кони. Рассказ. Из рассказов Олены Даниловны.
 Ч. Айтматов. Белый парохол (После сказки).
 В. Быков. Сотников. Повесть. Перевод с белорусского.

- М. Вацн. Из последней книги. Стихи. Перевод с венгерского.
- Н. Верховский. В лесном Заволжье. Очерк.
- Д. Драгунский, генерал-лейтенант танковых войск, дважды Герой Советского Союза. Незабываемый, победный. Очерк.
- Е. Евтушенко. Казанский университет. Поэма.
- Из писем В. И. Ленину (1922—1923). Публикация, предисловие И. Брайнина.
- И. Исаков. Каспий, 1920 год. Из дневника командира «Деятельного».
- М. Исаковский. Стихи.
- Ф. Искандер. Рассказы.
- И. Кон, доктор философских наук. Диалектика развития наций. Ленинская теория наций и современный капитализм.
- Э. Кольман. Вспоминаю Ленина. Очерк.
- Э. Кренкель. Мои позывные — РАЕМ.
- А. Кулешов. Далеко до океана. Поэма. Перевод с белорусского.
- И. Минц, академик. Беседы с А. М. Горьким. Очерк.
- Ф. Морьяк. Подросток былых времен. Роман. Перевод с французского.
- А. Новиков, Главный маршал авиации, дважды Герой Советского Союза. В небе Ленинграда. Очерк.
- К. Паустовский. На воде. Лейтенант Шмидт и др. рассказы.
- Б. Полевой. В тяжелую зиму (Из записок военного корреспондента).
- Р. Рождественский. Стихи.
- А. Румянцев, академик. В. И. Ленин — ученый, революционер и государственный деятель.
- В. Семиин. На реке. Рассказ.
- Б. Слуцкий. Стихи.
- Г. Софронов, генерал-лейтенант. Незабываемые дни.
- Ю. Трифонов. Предварительные итоги. Повесть.
- В. Фоменко. Память земли. Роман. Книга вторая.
- Н. Хикмет. Из цикла «Письма из тюрьмы». Стихи. Перевод с турецкого.
- Э. Штриттматтер. Рассказы. Перевод с немецкого.
- В. Шукшин. Сватовство и др. рассказы.

1971

- А. Ананьев. Версты любви. Роман.
- Ю. Антропов. Живые корни. Повесть.
- А. Арбузов. Выбор. Пьеса.
- Б. Брехт. Стихи разных лет. Перевод с немецкого.
- М. Валеев. Стройка на Каме. (Набережные Челны)
- Я. Голованов. Королев. Хроника.
- Д. Драгунский, генерал-полковник танковых войск, дважды Герой Советского Союза. Осенью сорок первого. Страницы из военного блокнота.
- Н. Заболоцкий. Стихи и переводы.
- В. Казин. Стихи.
- Ж. Л. Кюртис. Молодожены. Роман. Перевод с французского.
- Е. Лопатина. Иван Шпайричук, председатель. Очерк.
- В. Луговской. Фрагмент из неопубликованной поэмы «Шаги народной гвардии».
- Д. Максимович. Стихи. Перевод с сербскохорватского.
- С. Михалков. Праздник Непослушания. Повесть-сказка для детей и родителей.
- Б. Пастернак. Стихи и переводы.
- Л. Первомайский. Стихи. Перевод с украинского.
- Б. Попов. Глазами инженера. Очерк.
- А. Приставкин. День с Алексеем Болдыревым. (Набережные Челны)
- М. Рощин. Почти дневник. Очерк.
- А. Сахнин. С чего это началось... Очерк.
- Л. Славин. Роман с башней. Рассказ.

- М. Слуцки с. Чужие страсти. Роман. Перевод с литовского.
 О. Смирнов. Эшелон. Роман.
 В. Сухаревич. О духовном и телесном. Очерк.
 Ю. Трифонов. Долгое прощание. Повесть.
 Т. Уайлдер. Мост короля Людовика Святого. Повесть. Перевод с английского.
 М. Цветаева. Егорушка. Фрагменты из поэмы.
 М. Шагинян. Человек и время. Воспоминания.
 И. Эренбург. Стихотворения. Из литературного наследия.
 Е. Яковлев. Директор, с которым я бы хотел работать. (Набережные Челны)

1972

- М. Ауэзов. Лихая година. Повесть о бунте смиренного рода албан. Перевод с казахского.
 П. Боцу. Из поэмы «Дом на Буджаке». Перевод с молдавского.
 И. Бодюл, первый секретарь ЦК КП Молдавии. Чувство семьи единой.
 П. Бровка. Стихи. Перевод с белорусского.
 В. Бубнис. Жажущая земля. Роман. Перевод с литовского.
 В. Быков. Обелиск. Повесть. Перевод с белорусского.
 Г. Вайс. Утром, после войны... Очерк.
 Е. Винокуров. Стихи.
 М. Ганина. Дожливой осенью... (Набережные Челны)
 А. Гульченко. Край у Тихого... Очерк.
 В. Емельянов, Герой Социалистического Труда, член-корреспондент Академии наук СССР. Путь в студенчество. Очерк.
 Н. Заболоцкий. Стихи. Из литературного наследия.
 Из Т. Аргези. Стихи. Перевод с румынского.
 К. Каладзе. Из поэмы «Думы». Перевод с грузинского.
 Г. Каландаров, А. Покровский. С Памира далеко видно. Очерк.
 С. Капутикян. Стихи. Перевод с армянского.
 В. Катаев. Разбитая жизнь или Волшебный рог Оберона.
 В. Кетлинская. Вечер. Окна. Люди.
 Ю. Крелин. От мира сего. Повесть.
 Н. Крылов, дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза. Огненный бастион. Очерк.
 Д. Кугультинов. Бунт разума. Поэма. Перевод с калмыцкого.
 Я. Купала. Стихотворения. Перевод с белорусского.
 А. Микоян. Торжество ленинской национальной политики (К 50-летию образования СССР). В Нижнем Новгороде. Очерк.
 Е. Мухина. Восемь сантиметров. Воспоминания.
 В. Росляков. Первая встреча. (Набережные Челны)
 В. Семин. Строится жизнь. (Набережные Челны)
 А. Софронов. Ураган. Драма.
 Н. Ушаков. Стихи.
 Г. Филяшина. Моя бригада. (Набережные Челны)
 С. Щипачев. Трудная отрада.

1973

- Н. Абдуллин, бригадир комплексной бригады управления «Металлургстрой». Товарищи. (Набережные Челны)
 Ф. Абрамов. Пути-перепутья. Роман.
 Н. Атаров. Дальняя дорога. Воспоминания.
 М. Ауэзов. Моя Индия. Перевод с казахского.
 Г. Березко. Дом учителя. Роман.
 А. Василевский, дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза. Дело всей жизни. Очерк.
 Ф. Видрашку. Вахта. (Набережные Челны)
 М. Ибрагимбеков. И не было лучше брата. Повесть.
 В. Ильин. Целый век. Повесть.

- Ф. Искандер. Сандро из Чегема. Роман.
 В. Катаев. Фиалка. Рассказ.
 А. Каштанов. Заводской район. Повесть.
 В. Ключев, первый секретарь Ивановского обкома КПСС.
 Наследники красных ткачей.
 Д. Кугультинов. Явление слова. Поэма. Перевод с калмыцкого.
 Е. Лопатина. Не на пустом месте. (Набережные Челны)
 Д. Максимович. Стихи. Перевод с сербскохорватского.
 Н. Матвеева. Шпалы. Маленькая поэма.
 Э. Межелайтис. Моя Москва. Стихотворение. Перевод с литовского.
 А. Микоян. На Северном Кавказе.
 С. Наровчатов. Василий Буслаев. Поэма.
 В. Некрасов. Америка в дни визита. Заметки специального корреспондента.
 П. Нилин. Дурь. Рассказы.
 М. Р. Параскивеску. Ленин. Стихотворение. Перевод с румынского.
 Б. Пастернак. Переводы из Юлиуша Словацкого.
 С. Пенчева. Стихи. Перевод с болгарского.
 Л. Почивалов. В океане. Очерк.
 А. Приставкин. От Братска до Усть-Илима. Очерк.
 Р. Рождественский. Стихи.
 А. Сахнин. 250.000.000.
 В. Саюшев, первый заместитель председателя Государственного Комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию. Путь в рабочий класс (Заметки о воспитании молодого рабочего).
 Я. Смеляков. Стихи разных лет.
 Ф. Табеев, первый секретарь Татарского обкома КПСС.
 Всенародная стройка (Набережные Челны).
 В. Тендряков. Весенние перевертыши. Повесть.
 Т. Толстая-Сухотина. Вблизи отца. Из дневника.
 Ю. Трифонов. Нетерпение. Роман.
 В. Цыбин. Стихи.
 Е. Шевелева. Стенограмма партийного съезда. Стихотворение.
 И. Эренбург. Летопись мужества. Очерк.
 А. Яшин. Границы души. Вязы и др. стихи.

1974

- Б. Ахмадулина. Стихи.
 В. Бардин. Обыкновенная Антарктика. Очерк.
 Раис Белаяев. КамАЗ в биографии молодых. (Набережные Челны)
 В. Богомолов. В августе сорок четвертого... Роман.
 И. Бодюль, первый секретарь ЦК КП Молдавии. Новый этап в жизни села. Очерк.
 Г. Боровик. Куба в дни визита. Заметки специального корреспондента.
 П. Бровка. Стихи. Перевод с белорусского.
 В. Бубнис. Три дня в августе. Роман. Перевод с литовского.
 В. Быков. Волчья стая. Повесть. Перевод с белорусского.
 Р. Валеев. Должно же быть в жизни что-то такое... (Набережные Челны)
 К. Ваншенкин. Восемь стихотворений.
 К. Галчинский. Стихи. Перевод с польского.
 А. Георгиев, первый секретарь Алтайского крайкома КПСС, Герой Социалистического Труда. Двадцатый хлеб Алтая. Очерк.
 В. Дорошенко, помощник бурового мастера. Самотлор. Очерк.
 И. Дуэль. Рыбацкая удача. Очерк.
 Я. Ивашкевич. Стихи. Перевод с польского.
 Из болгарской поэзии.
 Голоса братских республик: из киргизской поэзии, из молдавской поэзии, из таджикской поэзии, из туркменской поэзии, из узбекской поэзии.

- Р. Казакова. Стихи.
А. Караваева. Время больших начинаний. Очерк.
М. Карим. Стихи. Перевод с башкирского.
В. Кожушков, бригадир отделки стана «1220» Челябинского ордена Ленина трубопрокатного завода. Мы—лица заинтересованные. Очерк.
Ф. О'Коннор. Рассказы. Перевод с английского.
Ю. Крелин. Хирург. Повесть.
А. Кулешов. Стихи. Перевод с белорусского.
Л. Мартынов. Стихи.
У. Г. Наурбиев, бригадир бригады коммунистического труда автоскреперистов. Красная наша земля. (Набережные Челны)
В. Некрасов. Индия в дни визита. Заметки специального корреспондента.
Г. Немченко. Считанные дни. Роман.
П. Неруда. Стихи разных лет. Перевод с испанского.
М. Прилежаева. Вашим, товарищ, сердцем и именем. Очерк.
И. Снегова. Стихи.
А. Сурков. Живые традиции. Очерк.
В. Тендряков. Ночь после выпуска. Повесть.
В. Успенский. Порт в бухте Врангеля. Очерк.
У. Фолкнер. Свет в августе. Роман. Перевод с английского.
В. В. Щербинский, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины. В едином, могучем строю.
Г. Эмин. Стихи. Перевод с армянского.

КОРОТКО О КНИГАХ

СТАНИСЛАВ СЛАВИЧ. Крымские повести. Киев. «Радяньский письменник». 1974. 328 стр.

Перевернув последнюю страницу «Крымских повестей», испытываешь странное ощущение — кажется, что помнишь не их содержание, а всего лишь случайные подробности: как цветет по обочинам степных дорог колючий дрок и пахнет рыбой у берегов Казантипа, как сквозь черепок амфоры на заброшенном городище пробивается к солнцу тоненькая былинка и гулко звенят на рассвете под ногами каменные плиты тротуаров Массандры. И не сразу осознаешь, как важна автору мысль — пусть не впервые открытая, но остро им пережитая, — что, не научившись видеть мир в его подробностях, изменчивых и бесконечных, не может, очевидно, человек до конца понять и себя самого. Может быть, поэтому один из героев Славича сквозь все испытания войны нес в себе «трепетную память» о том, как шелестели однажды на заре вербы и подергивалась рябью вода в лимане, — тогда-то он «не понял даже, а ощутил всем телом, что, куда бы ни занесла его судьба, он непременно вернется сюда, в этот отчий край, где похоронены предки, где стояли курени низовых казаков, где он сам сделал первые шаги по земле».

Люди познают себя по-разному, но как откровение приходит к человеку в такие минуты прекрасное и тревожное чувство своей незримой, но прочной связи со всем, что было и что будет. «Я был на городище совершенно один... — вспоминает писатель о таком пережитом им самим мгновении. — Оно, казалось мне, забыто и заброшено всеми. Горько и светло делается, когда чувствуешь себя одинокой маленькой планетой или, скорее, просто пулей, которой кто-то выстрелил в пространство... Маленькая планета, орбита которой никем не рассчитана... — вот кто ты такой. Разве не смешно, что ты пытаешься осмыслить весь огромный мир? И, однако, этого не отнять у тебя...» Последнее особенно важно писателю: если не отнять у человека извечного стремления «осмыслить весь огромный мир», значит, не отнять и потребность в правде собственной жизни. Командир крохотного партизанского отряда, который должен «любой ценой» остановить врага («...мы говорим «любой», мы говорим «ценой» и отлично понимаем, что речь идет только об одном — и ему цены

нет — о человеческой жизни)... Моряки, которые в сорок первом хоронили в Севастополевотарища, а над головами, строча из пулемета, кружился «хейнкель», но «не было силы, которая заставила бы их уйти», и ползла мимо развалин «посеченная осколками и пулями полуторка с гробом», а маленький оркестрик двигался следом... Захмелевший дядька, рассказавший на автобусной остановке случайному встречному о своей беде... Жизнь этих людей содержит в себе такую негромкую, непоказную, несуетную верность правде — писатель называет ее человеческой надежностью, — и, размышляя о ее сущности, сам стремится к такой же внутренней правдивости написанного. Вот почему ему важно рассказать все как оно было, ничего не опуская; и как шел в тот день, когда отряд начал свой переход через йилу, снег, «невесомый и лишкый, как пух», как звучала по радиции в тревожной тишине музыка — словно из «другого мира», как плакал голодный ребенок, появившийся недавно на свет.

Последняя вещь в книге Славича — его очерки о странствиях по дорогам Крыма. Заметки насыщены множеством подробностей пейзажа, быта этой древней земли, где «перед тобой встает чуть ли не сама вечность», все они не просто увидены и зафиксированы памятью, но мыслью, чувством объединены в одно неразрывное целое — образ сурового и прекрасного края.

«Совсем не обязательно приходиться... в роли первооткрывателя — открываем-то мы не только для людей, но и для себя», — объясняет Славич смысл своей писательской позиции, в высоком нравственном потенциале которой трудно усомниться: все увидеть и «ничего не забыть». И когда писатель умеет не только видеть, но и выйти за пределы эмпирии увиденного — за чертами и приметами жизни разглядеть ее лицо, — тогда мир, открываемый «для себя», всегда становится новой ступенью познания, незаменимой частью общих размышлений о путях и судьбах.

И. Евгеньева.

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ. Избранные стихи. М. «Советский писатель». 1974. 176 стр.

Время движется рычками, а они памятью на «приснопамятной волне» — и Межиров, автор этой метафоры, который пишет, ка-

жется, кровью сердца, надорванного под Колпином, лихорадящего после Синявинских болот; и Слуцкий с его откровенными и страшноватыми строфами о пляжах сорок шестого года; и Самойлов — умудренный, ироничный муж, вззирающий со стороны на себя отрока, стоящего в полном обмундировании у раздвижных дверей теплушки... Луконин, Сергей Орлов, Друнина...

В их строю и поэт Владимир Лифшиц. Мы чаще говорим о его творчестве для детей, о пародиях, а вот книга «Избранные стихи» лишний раз напомнила о самобытном лирическом даровании Лифшица, о его военной музе. Композиция сборника примечательна: «Перед войной», «Война», «После войны»... Единый мотив с первой страницы до последней. Любой поступок, образ рассматривается и самим поэтом и нами, читателями, с высокой гражданской и нравственной точки — с победной вершины Великой Отечественной. Любой штрих мирного времени отражает трагическое и священное. Даже если это касается простой алюминиевой кружки:

Все в ней — старой — побывало,
Все лилось, друзья, сюда —
И анисовая водка
И болотная вода!

Молоко, что покупали
Мы с комроты пополам,
Дикий мед, когда бродили
Мы у немцев по тылам...

Он исключительно важен, этот сквозной, проникающий мотив. «Избранные стихи» благодаря цельности мировосприятия и стиля можно считать за повесть. В ней есть и сюжет — возмужание, взросление человека, и главный герой — защитник родины.

С героем своим стихотворец встречается в далеком детстве, сразу после революции:

Высокий студент к нам зашел попрощаться,
Был шумен и ласков. И пел. Но слегка
Дрожала растерянная рука.

А в шесть или, может быть, в четверть
шестого
Он где-нибудь трупом лежал под Ростовом.

В «сороковых, роковых» (строка Самойлова взята эпиграфом к одному из особо ярких стихотворений сборника, «Той ночью») они лягут рядом в ледяной траншее под Ленинградом. Пуля сделает свой страшный выбор, и поэт снова и снова почувствует за собою внезапно возросший свой горький долг:

Прости меня за то, что я живу.
Я тоже мог остаться в этом рву...

Как и многим людям его поколения, поэту горечи этой привелось вкусить сполна. Начиная с ноября сорок первого, когда не вернулся вместе с подводной лодкой, воспитанной им, Алексей Лебедев... «Ужасное время!» — восклицает в сочинении десятиклассница, тоже большая любительница стихов. Но и прекрасное, героическое время, скажу я. Никогда и ничего дороже, ближе сердцу не будет у тех, кто знал великое фронтовое братство. Потому и на шестом десятке поэт скажет:

Дайте вновь оказаться
В сорок первом году —
Я с фашистами драться
В ополченье пойду.

Мне там больше не выжить, —
Не та полоса.
Мне бы только услышать
Друзей голоса.

У поэта неотступное стремление — как можно полнее оплатить горький долг перед погибшими. Потому читаешь стихи Владимира Лифшица, с опереживая за мужественной сдержанностью формы, простотой и неброскостью стиля видишь и философию и большое человеколюбие. В воздухе, в лесу, в вещи, но прежде всего в нас самих продолжает свое существование друг:

Мы помним, как он пьет, смеется, ест,
Как вместе с нами к морю тянет лодку,
Мы помним интонацию и жест
И лишь ему присущую походку.

Но вот уже ни голоса, ни глаз
Нет в памяти об этом человеке,
И друг вторично покидает нас,
Но и теперь уходит не навеки.

Вы правду звали правдой, ложью — ложь,
И честь его — в твоей отныне чести.
Он будет жить, куда ты живешь,
И в третий раз уйдет с тобою вместе...

Поэт с большой сердечностью выполняет свой гла в ны и жизненный долг.

Михаил Поздняев.

Ст. Подали, Амурского района,
Хабаровского края.

И. С. НЕМИЛОВА. Загадки старых картин. М. «Изобразительное искусство». 1974. 352 стр.

Специальность автора этой книги И. С. Немиловой — атрибуция картин французских художников XVIII века. Ее работа похожа одновременно на работу врача и криминалиста. Методами Шерлока Холмса она ставит картине диагноз:

групповой портрет французских актеров. Никакого отношения к «итальянским актерам» (раньше картина называлась именно так) люди, изображенные на холсте Ватто, не имеют.

Иди:

Пленительная девочка в шляпе на картине Жана Вуаля — Екатерина Александровна Строганова-Нарышкина, и атрибуция этого портрета в английском каталоге 1968 года неправильная.

Иди:

такие разные по своим сюжетам картины Г. Робера, как «Бегство» и «Разорители гнезд», совершенно закономерно связывались в старых каталогах, так как обе они относятся к поэме Вергилия «Буколики».

За каждым таким лаконичным выводом в книге И. Немиловой стоит целая история, увлекательная, как детектив, и насыщенная интереснейшими сведениями и фактами, как историческое исследование.

Я не знаю, ставила ли перед собой И. Немилова какие-либо иные цели, двигали или нет ее пером какие-либо стимулы, кроме бесхитростного желания рассказать о великой множественности методов атрибуции старых картин. Так или иначе, но этих «иных» целей книга И. Немиловой достигает. Книга учит смотреть живопись.

Одна из новелл книги называется «Затруднительное предложение» Антуана Ватто и что в нем скрыто от глаз зрителя».

«Сюжет» профессионального исследования, изложенный здесь, настолько интересен, что даже зритель, мало знакомый с работами Ватто и вообще не привыкший подолгу задерживаться перед картиной, начнет чуть внимательнее, чем обычно, всматриваться в холст.

Человек не всегда способен увидеть богатство и красоту мира, по самому своему существу условного, заключенного в плоское пространство холста. Да еще эта исходная постоянная условность усложняется разными, все время меняющимися условностями данного века, данной моды, данной страны, данного художественного направления.

Проникновение в этот мир, созданный художником, во что бы то ни стало требует неторопливого разглядывания, долгого общения зрителя с холстом. В конце концов, не так уж важно, с чего начнется

это общение. Важно, чтобы оно продолжалось.

Обилием самых разнообразных и неожиданных сведений книга И. Немиловой помогает нам увидеть мир, запечатленный художником...

Любой хороший портрет — это одновременно автопортрет художника. Любая хорошая книга, помимо тех сведений, которые она в себе несет, — это еще и «автопортрет» человека, написавшего эту книгу.

Живой голос автора звучит не только в таких мимолетных признаниях И. Немиловой: «Должна сказать, что с того момента, когда я, еще студенткой, впервые увидела эту картину, у меня всегда была твердая уверенность, что она принадлежит кисти Ватто». Не только в строчках, но и между строк, не только в словах, но и за словами явственно ощущаешь присутствие автора, человека, для которого живопись — смысл жизни.

За книгой И. Немиловой — долгая, ежедневная, очень интересная, но требующая времени, упорства, знаний, интуиции, усидчивости, хорошего глаза, вдохновения, умения доводить начатое до конца работа. Работа, в который раз подтверждающая старую истину: «Понимание — отблеск творения».

Б. Сарнов.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ПОЛИТИЗДАТ

В. И. Ленин. Социалистическое Отечество в опасности! — Тяжелый, но необходимый урок. — На деловую почву. — Серьезный урок и серьезная ответственность. 16 стр. Цена 3 к.

И. Бодюл. Социально-экономические отношения в деревне на стадии развитого социализма. 384 стр. Цена 1 р. 67 к.

В. Ильин. Сделано в СССР. Документальный рассказ о советском экспорте. («Страницы истории Советской Родины») 128 стр. Цена 21 к.

А. Клибанов. Из мира религиозного сектантства. Встречи. Беседы. Наблюдения. 255 стр. Цена 53 к.

Люди легенд. Очерки о партизанах и подпольщиках — Героях Советского Союза. Вып. 5. 511 стр. Цена 1 р. 18 к.

Ш. Рашидов. Идеологическая работа — мощный фактор борьбы за коммунизм. 80 стр. Цена 13 к.

Страны мира. Краткий политико-экономический справочник. 392 стр. Цена 1 р. 4 к.

«СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

И. Анисимов. Живая жизнь классики. Очерки и портреты. 519 стр. Цена 1 р. 38 к.

Я. Гримайло. Очарованный восходом. Роман. Перевод с украинского М. Горбачева. 319 стр. Цена 64 к.

День поэзии. 1974. Москва. 272 стр. Цена 2 р. 14 к.

День поэзии. 1974. Ленинградское отделение. 408 стр. Цена 1 р. 58 к.

А. Кочетков. Николай Коперник. Драматическая поэма. Редакция и предисловие Л. Озерова. 207 стр. Цена 61 к.

М. Максимов. Поздняя весна. Лирика. 143 стр. Цена 54 к.

Е. Осетров. Муза в березовом перелеске. Стихи и дни Н. Рыленкова. 264 стр. Цена 70 к.

К. Симонов. Сегодня и давно. Статьи. Воспоминания. Литературные заметки. О собственной работе. 375 стр. Цена 1 р. 17 к.

Н. Тряпкин. Жива. Стихи. 142 стр. Цена 36 к.

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

К. Гордиенко. Чужую ниву жала. Роман. Перевод с украинского П. Слетова. 351 стр. Цена 82 к.

Данте Алигьери. Божественная комедия. Перевод с итальянского М. Лозинского. Вступительная статья К. Державина. 325 стр. Цена 3 р. 95 к.

А. П. Керн. Воспоминания. Дневники. Переписка. Вступительная статья А. Гордина. 367 стр. Цена 86 к.

П. Неруда. О поэзии и о жизни. Избранная проза. Переводы с испанского. Составление и предисловие Л. Осповата. 317 стр. Цена 1 р. 7 к.

Отчий дом. Стихи узбекских поэтов. Переводы с узбекского. Вступительная статья К. Яшена. 342 стр. Цена 1 р. 96 к.

С. Поделнов. Тревожная страда. Стихотворения и поэмы. 383 стр. Цена 1 р. 82 к.

Средневековый роман и повесть. Переводы. Вступительная статья А. Д. Михайлова. («Библиотека всемирной литературы») 639 стр. Цена 2 р. 1 к.

З. Станку. Повести. Переводы с румынского. Вступительная статья К. Ковальджи. 255 стр. Цена 90 к.

А. Чивилихин. Стихотворения. Предисловие В. Шефнера. 190 стр. Цена 28 к.

И. Ямпольский. Середина века. Очерки о русской поэзии. 1840—1870 гг. 350 стр. Цена 1 р. 7 к.

«СОВРЕМЕННОК»

М. Булавин. На оскорбленной земле. Повесть. 254 стр. Цена 50 к.

С. Дангулов. Учитель словесности. Повести и рассказы. 351 стр. Цена 82 к.

Н. Доможанов. В далеком аале. Роман. Перевод с хакасского Г. Сысолятина. 287 стр. Цена 78 к.

Л. Мартынов. Воздушные фрегаты. Новеллы. 327 стр. Цена 77 к.

И. Торопов. Ну, залетные... Рассказы и повести. Переводы с коми С. Панкратова. 303 стр. Цена 78 к.

В. Углов. Сердце хирурга. Записки. 580 стр. Цена 1 р. 13 к.

В. Федоров. Книга любви и веры. Стихи и поэмы. 431 стр. Цена 1 р. 85 к.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

В. Алексеев. Открытый урок. Повести. 203 стр. Цена 31 к.

Великое утро Фотиса Загориса. Рассказы европейских писателей. Переводы. Предисловие Д. Холендро. 415 стр. Цена 1 р. 38 к.

Воспоминания о Николае Островском. Составители И. Кирушкин и Р. Островская. 447 стр. Цена 90 к.

И. Друцэ. Возвращение на круги своя. Повести. 339 стр. Цена 78 к.

М. Исаковский. Избранное. Стихи. Составитель А. И. Исаковская. 192 стр. Цена 80 к.

Н. Кальма. Большими шагами. Повесть. 207 стр. Цена 58 к.

Г. Кант. Выходные данные. Роман. Перевод с немецкого И. Каринцевой. 413 стр. Цена 1 р. 41 к.

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

У. Армстронг. Саундер ждет хозяина. Повесть. Перевод с английского В. Новикова. 64 стр. Цена 16 к.

Е. Баратынский. Стихотворения и поэмы. Предисловие К. Пигарева. 128 стр. Цена 28 к.

С. Баруздин. Рави, Шаши, Снежок и другие. Рассказы о животных. Предисловие А. Алексина. 158 стр. Цена 68 к.

Л. Воронкова. Солнечный денек. Повести. 175 стр. Цена 1 р. 62 к.

А. Гайдар. Мои товарищи. Рассказы и повести. Предисловие В. Смирновой. 288 стр. Цена 93 к.

Ф. Достоевский. Повести и рассказы. Послесловие С. Белова. 128 стр. Цена 61 к.

М. Исаковский. Лирика. Послесловие А. Абрамова. 190 стр. Цена 40 к.

Ю. Коринец. Песня Гизи. Маленькая повесть. 111 стр. Цена 80 к.

Б. Никольский. Полоса препятствий. Рассказы о солдатах. 95 стр. Цена 28 к.

Е. Сапарина. Когда звери говорили... Лесные сказки. 144 стр. Цена 77 к.

Н. Томан. Воскрешение из мертвых. Приключенческие повести. 432 стр. Цена 94 к.

ВОЕНИЗДАТ

КПСС — организатор защиты социалистического Отечества. Коллектив авторов. 502 стр. Цена 1 р. 4 к.

В. Морозов. Исторический подвиг Сталинграда. («Города-герои») 162 стр. Цена 55 к.

Нгуен Чунг Тхань. На земле Куанг. Роман. Перевод с вьетнамского Е. Глазунова. 141 стр. Цена 43 к.

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

А. Глебов. Горячее солнце. Повесть и рассказы. 224 стр. Цена 38 к.

А. Коган, Павел Шубин. («Писатели Советской России») 124 стр. Цена 16 к.

С. Михалков. Моя профессия. Предисловие И. Мотышова. («Писатели о творчестве») 254 стр. Цена 38 к.

Г. Рамазанов. Полвека. Стихи и поэма. Перевод с башкирского. 191 стр. Цена 50 к.

Г. Тунай. Избранное. Перевод с татарского. Предисловие С. Хакима. 302 стр. Цена 43 к.

«ПРОГРЕСС»

Другая молодежь Америки. Они вырастают в бедности. Перевод с английского В. Мачаваррани и Н. Паисова. 309 стр. Цена 61 к.

Из современной румынской поэзии. Сборник. Переводы с румынского. Предисловие К. Ковальджи. 294 стр. Цена 88 к.

Г. Фучинова. Воспоминания о Фучике. Сохращенный перевод с чешского. 618 стр. Цена 2 р. 23 к.

«ИСКУССТВО»

Московский театр сатиры. 1924—1974. Книга-альбом. Редактор-составитель М. Липецкая. 132 стр. Цена 2 р. 31 к.

Фридрих Эрмлер. Документы, статьи, воспоминания. Общая редакция и вступительная статья И. Сэлман. 342 стр. Цена 1 р. 74 к.

Характер в кино. Вопросы кинодраматургии. Сборник статей. Выпуск 6. Составитель и редактор И. Вейсфельд. 255 стр. Цена 1 р. 47 к.

Н. Чернышевский. Избранные эстетические произведения. Составитель А. Ушаков. Автор вступительной статьи У. Гуральник. 550 стр. Цена 2 р. 51 к.

«НАУКА»

Вопросы истории русской средневековой литературы. Сборник статей. Ответственный редактор Д. С. Лихачев. 384 стр. Цена 2 р. 50 к.

В творческой лаборатории Чехова. Сборник статей. 367 стр. Цена 1 р. 45 к.

Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сборник 2. Редактор-составитель О. Подобедова. 343 стр. Цена 2 р. 96 к.

Истребитель колючек. Сказки, легенды и притчи современных ассирийцев. Составление, перевод и вступительная статья К. Матвеева. 381 стр. Цена 1 р. 39 к.

Русское искусство первой четверти XVIII века. Материалы и исследования. 234 стр. Цена 2 р. 82 к.

«МЫСЛЬ»

Н. Кирсанов. По зову Родины. Добровольческие формирования Красной Армии в период Великой Отечественной войны. 277 стр. Цена 1 р. 10 к.

В. Мавродин. Под знаменем Крестьянской войны. 151 стр. Цена 24 к.

К. Норинский. Под надзором полиции. Воспоминания. 151 стр. Цена 26 к.

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»

В. Александров и Б. Пядышев. Диалог Москва — Вашингтон и Европа. («СССР — США: перспективы сотрудничества») 126 стр. Цена 18 к.

Ф. Бурлацкий и А. Галкин. Социология. Политика. Международные отношения. 326 стр. Цена 1 р. 29 к.

Е. Дмитриев и В. Ладейкин. Путь к миру на Ближнем Востоке. 247 стр. Цена 96 к.

В. Рыкин. ГДР — надежный фактор мира и социализма в Европе. («Библиотечка международногоника») 56 стр. Цена 7 к.

МЕСТНЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА

А. Алматинская. Гнет. Роман. Кн. 2. Дыхание бури. Ташкент. Издательство художественной литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 353 стр. Цена 78 к.

М. Колесников. Опора для радуги. Романы. «Московский рабочий». 352 стр. Цена 85 к.

А. Коптяева. На Урале-реке. Роман. Свердловск. Средне-Уральское книжное издательство. 512 стр. Цена 1 р. 4 к.

Л. Правдин. Бухта Анфиса. Роман. Пермь. Книжное издательство. 395 стр. Цена 86 к.

В. Шутов. Смерти смотрели в лицо. Книга о донецком подполье. Донецк. «Донбасс», 439 стр. Цена 91 к.

Главный редактор **С. С. Наровчатов**

Редакционная коллегия:

Ч. Айтматов, Ф. К. Видрашку (ответственный секретарь), **Е. М. Винокуров, Р. Г. Гамзатов, В. А. Косолапов, А. А. Кулешов, В. М. Литвинов, А. И. Овчаренко, А. Е. Рекемчук, А. Я. Сахния, О. П. Смирнов** (зам. главного редактора), **Ф. Н. Таурин, К. А. Федин**

Редакция: Малый Путинковский пер., д 1/2. Тел. 299-81-77
Издательство «Известия Советов депутатов трудящихся СССР»
Почтовый адрес: 103006. Москва, К-6, Пушкинская пл., д. 5.

Сдано в набор 22/XI 1974 г. Объем 18 п. л. Подписано к печати 25/XII 1974 г.
Формат бумаги 70×108/16. 28,7 уч.-изд. л., 9 бум. л. (25,2 усл. печ. л.)
А 02915. Тираж 175.000 экз. Зак. 3978.

Отпечатано с матриц типографии издательства «Известия Советов депутатов трудящихся СССР» имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская пл., 5, в комбинате печати издательства «Радянська Україна». Киев-47, Брест-Литовский проспект, 94. Зак. 874.

Цена 70 коп.

70636